

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ВОДНЫХ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СО РАН
АЛТАЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

МИР НАУКИ, КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАНИЯ

№4(11)

Октябрь-декабрь 2008

ISSN 1991-5497

Научный журнал
Издается с января 2006 года
Выходит один раз в три месяца

Индекс в каталогах
Роспечати 31043

Главный редактор А.В. Петров —
доктор педагогических наук, профес-
сор, член международного союза
журналистов (г. Горно-Алтайск)

Зам. главного редактора А.И. Гурьев —
доктор педагогических наук, профес-
сор, член международного союза
журналистов (г. Горно-Алтайск)

УЧРЕДИТЕЛИ ЖУРНАЛА

Редакция журнала
Горно-Алтайский государственный
университет, г. Горно-Алтайск
Институт водных и экологических
проблем СО РАН, г. Барнаул
Алтайская государственная
Академия культуры и искусства,
г. Барнаул

АДРЕС РЕДАКЦИИ

649000, г. Горно-Алтайск,
ул. Ленкина, 1.
Университет, редколлегия
журнала «Мир науки, культуры,
образования».
Тел.: 8 (388-22) 2-30-76.
Факс: 8 (388-22) 2-67-35.
E-mail: psa@gasu.ru
<http://iwer.asu.ru>
Индекс научного цитирования:
<http://elibrary.ru>

Журнал зарегистрирован
в Министерстве РФ по делам
печати и телерадиокоммуникаций.
Свидетельство о регистрации
№ПИ 77-14649.
Centre International de l'ISSN 20 rue
Bachaumont 75002 Paris France

Подписано в печать 30.10.2008
Формат 60x84/8. Усл.печ.л. 15,25
Тираж 500 экз. Зак. №174
Отпечатано в типографии Горно-Алтайс-
кого государственного университета.
649000, Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1

- © Горно-Алтайский государственный университет, 2006
- © Институт водных и экологических проблем СО РАН, 2006
- © Алтайская государственная академия культуры и искусства, 2006

НАУЧНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю.В. Табакаев (*председатель совета*) — доктор философских наук, профессор, ректор ГАГУ (г. Горно-Алтайск)
В.Г. Бабин (зам. председателя совета) — кандидат исторических наук, проректор ГАГУ по научной работе (г. Горно-Алтайск)
Ю.И. Винокуров — доктор географических наук, профессор, директор института водных и экологических проблем СО РАН (г. Барнаул)
А.С. Кондыков — кандидат философских наук, профессор, ректор АлтГАКИ (г. Барнаул)
Ш.А. Амонашвили — доктор психологических наук, профессор, академик РАО (г. Москва)
А.В. Усова — доктор педагогических наук, профессор, академик РАО (г. Челябинск)
В.И. Загвязинский — доктор педагогических наук, профессор, академик РАО (г. Тюмень)
Д. Майкельсон — доктор филологических наук, профессор (США)
Ионеску Сербан — доктор психологии, доктор медицины, профессор университета Париж 8 (Франция)
Б.В. Новилов — доктор философских наук, профессор (г. Киев, Украина)
Р.Т. Раевский — доктор педагогических наук, профессор, академик Международной академии человека в аэрокосмических системах (г. Одесса, Украина)
М.С. Панин — доктор биологических наук, профессор (Казахстан)

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е.В. Лукашевич (*ответственный редактор*) — доктор филологических наук, профессор (г. Барнаул)
М.И. Яськов — доктор сельскохозяйственных наук, профессор (г. Горно-Алтайск)
А.В. Пузанов — доктор биологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе института водных и экологических проблем СО РАН (г. Барнаул)
Г.В. Оленина — кандидат педагогических наук доцент (г. Барнаул)
М.Г. Сухова — кандидат географических наук, доцент (г. Горно-Алтайск)
В.Ф. Хохолов — член Союза композиторов Республики Алтай, заслуженный работник культуры России (г. Горно-Алтайск)
Н.С. Гребенникова — кандидат филологических наук, профессор кафедры литературы Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)
П.В. Алексеев — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)

На обложке: *Чепиков. Ночная явь. Тушь, перо. 2001.*

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

ЭКОЛОГИЯ

<i>Ю.И. Винокуров, А.С. Сейтказиев, Э.Б. Мадалиева</i> МЕТОДЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОДНОГО И СОЛЕВОГО РЕЖИМА НА ЗАСОЛЕННЫХ ПОЧВАХ	4
<i>И.Э. Махмудов</i> ЧИСЛЕННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ДИНАМИКИ ИЗМЕНЕНИЯ КОНЦЕНТРАЦИИ БАКТЕРИЙ В СИСТЕМЕ ПИТЬЕВОГО ВОДОСНАБЖЕНИЯ	5
<i>И.Э. Махмудов</i> ДИФФУЗИОННОЕ ПЕРЕМЕШИВАНИЕ ВОДЫ В СИСТЕМЕ ПИТЬЕВОГО ВОДОСНАБЖЕНИЯ	7
<i>И.В. Андреева, Д.В. Золотов, И.Н. Ротанова</i> РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ТЕРРИТОРИЙ НЕКОТОРЫХ КОМПЛЕКСНЫХ ПРИРОДНЫХ ЗАКАЗНИКОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ	9
<i>Ю.М. Цимбалей</i> ЛАНДШАФТНО-БАССЕЙНОВЫЙ ПОДХОД ПРИ ОЦЕНКЕ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ	13
<i>С.Н. Балыкин, Д.В. Черных</i> РАДИОНУКЛИДЫ В ПОЧВАХ ГЕОХИМИЧЕСКИХ ЛАНДШАФТОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО АЛТАЯ	16
<i>Л.В. Яныгина, Е.Н. Крылова</i> ЗООБЕНТОС ВЫСОКОГОРНЫХ ВОДОЕМОВ БАССЕЙНА ТЕЛЕЦКОГО ОЗЕРА	18
<i>И.Н. Ротанова,</i> ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ КАРТОГРАФИРОВАНИЕ: СОВРЕМЕННОЕ КАРТОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ	20
<i>Б.А. Красноярова, С.П. Суразакова</i> ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ОБРАЗ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ: РЕСУРСЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ	24
ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	
<i>А.П. Сковородников, Г.А. Колпина,</i> О ФОРМИРОВАНИИ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТА ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ (В АСПЕКТЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА)	30
<i>А.В. Себелева</i> ТВОРЧЕСТВО И.А. САЛОВА И ТРАДИЦИИ НАРОДНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	34
<i>Н.Ю. Воробьева</i> РОМАН-ЦИКЛ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ЖАНР ЛИТЕРАТУРЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ А. МАРИЕНГОФА «ЦИНИКИ» И Г. БРОХА «НЕВИНОВНЫЕ»).	37
<i>Е.В. Самохина</i> ЧАСТОТНОСТЬ И МНОГОЗНАЧНОСТЬ ПРОИЗВОДЯЩЕГО СЛОВА КАК ФАКТОРЫ ПОЯВЛЕНИЯ ЛЕКСИКО- ДЕРИВАЦИОННЫХ ЛАКУН	39
<i>А.В. Третьяков</i> РАССКАЗ Е.И. ЗАМЯТИНА «ДЪЯЧОК» (1915): диалог с жанром библейского видения	43
<i>Н.В. Александрович</i> ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ЗНАЧИМЫЕ КОНЦЕПТЫ LIFE/ЖИЗНЬ И DEATH/СМЕРТЬ В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	45
<i>О.Г. Лещинская</i> СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В ЯЗЫКЕ ГОРОДА	50
<i>М.П. Двойнишникова</i> МИФ И КАРНАВАЛ В ПОЭТИКЕ АБСУРДА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИРИЧЕСКОЙ КНИГИ «МОСКОВСКИЕ МИФЫ» Г. САПГИРА)	52
<i>Е.А. Меркотун</i> «ТУДА И ОБРАТНО»: О ПОЭТИКЕ И СЕМАНТИКЕ ОБРАЗА ВРЕМЕНИ В ОДНОАКТНОЙ ДРАМАТУРГИИ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ	54
<i>С.М. Будкеев</i> ОРГАННОЕ МУЗИЦИРОВАНИЕ В РОССИИ XIX СТОЛЕТИЯ И ЕГО АНАЛИЗ В КРИТИКЕ СОВРЕМЕННИКОВ	58
<i>В.В. Тарасенко</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОВ «ЖИЗНЬ» И «СМЕРТЬ» В СИСТЕМЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И ИХ ВОСПРИЯТИЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫМИ НОСИТЕЛЯМИ	62

<i>М.С. Ковалевская</i> ЖАНР ЛИТЕРАТУРНОГО ПОРТРЕТА В ТВОРЧЕСТВЕ В.Г. КОРОЛЕНКО В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	65
<i>Е.В. Беликова</i> ИМИДЖ ЖИТЕЛЕЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ	67
<i>С.А. Алексанова</i> ПРЕДПОЖНО-ПАДЕЖНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ В СТРУКТУРЕ ОСЛОЖНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ	70
<i>Е.А. Лаврентьева</i> АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ОСНОВА КОММУНИКАТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО НАУЧНОГО ТЕКСТА	73
<i>Р.С-И. Семькина</i> МЕТАФИЗИКА ДЕТСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ Ю.В. МАМЛЕЕВА	76

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>М.В. Егоровкин</i> НАРАТИВНЫЕ ИЗОТОПИИ ГЕРОИЧЕСКОЙ ЭПИКИ ТЮРКОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ	78
<i>Д.Г. Емченко</i> МАРГИНАЛЬНЫЙ ТИП ЛИЧНОСТИ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ ТРАНСГРАНИЧНОГО РЕГИОНА	82
<i>Т.Ф. Кряклина, А.П. Детков</i> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ФОРМИ- РОВАНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА	84

ПЕДАГОГИКА. ПСИХОЛОГИЯ

<i>В.И. Земцова, И.А. Ткачева</i> ТЕХНОЛОГИЯ РЕШЕНИЯ УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЗАДАЧ СО СТУДЕНТАМИ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ	88
<i>И.М. Баитанар</i> КОМПОНЕНТНЫЙ СОСТАВ ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ-ДОКУМЕНТОВЕДОВ	90
<i>Р.В. Огарин</i> ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ АНТРОПОЭКОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	93
<i>Т.А. Толмачева</i> МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ИНОЯЗЫЧНОГО РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ	95
<i>Л.В. Панова</i> К ВОПРОСУ О СПЕЦИАЛЬНЫХ УМЕНИЯХ ВИДЕОАУДИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ ТЕЛЕНОВОСТЕЙ	98
<i>Л.А. Колмогорова</i> ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ УЧЕНИЯ И АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ С РАЗЛИЧНЫМИ ТИПА- МИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ	100
<i>С.А. Владимирцева</i> ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ФОР- МИРОВАНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ В ШКОЛЕ ..	103
<i>О.И. Статирова</i> УПРАВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ САМООБРАЗОВА- НИЕМ ПЕДАГОГОВ В СИСТЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ	108
<i>Г.Н. Кудрук</i> МЕСТО И РОЛЬ КОМПОНЕНТА «ОБРАЗОВАНИЕ» КАК ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ В СОДЕРЖАНИИ ОБРАЗА ЗАПАДНОГО И ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРОФЕССИОНАЛА	112
<i>И.В. Степанова</i> РЕТРОСПЕКТИВНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ РЕЖИССЕРОВ	115
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	118
АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	119

Contents

ECOLOGY

- Yu.I. Vinokurov, A.S. Seytkaziev, E.B. Madaliev*
METHODS OF THE REGULATION WATER AND SALINE MODE
ON ZASOLENNYH GROUND 4
- I.E. Makhmudov*
NUMERICAL EXPERIMENTS ON DYNAMICS ASCERTAINMENT
OF BACTERIUM CONCENTRATION IN THE WATER SUPPLY
SYSTEM 5
- I.E. Makhmudov*
DIFFUSION WATER INTERFUSION IN WATER SUPPLY
SYSTEM 7
- I.V. Andreeva, D.V. Zolotov, I.N. Rotanova*
RESULTS OF THE ECOLOGICAL INVESTIGATION OF
COMPLEX NATURAL RESERVES IN ALTAI KRAI 9
- Yu.M. Tsimbalei*
LANDSCAPE-BASIN APPROACH FOR WATER
RESOURCES ASSESSMENT 13
- S.N. Balykin, D.V. Chernykh*
RADIOACTIVE NUCLIDES IN SOILS OF GEOCHEMICAL
LANDSCAPES OF NOUTH-EAST ALTAI 16
- L.V. Yanygina, E.N. Krylova*
ZOOBENTHOS OF HIGHMOUNTAIN LAKES OF
TELETSKOYE LAKE BASIN 18
- I.N. Rotanova*
ECOLOGICAL MAPPING: MODERN CARTOGRAPHIC
KNOWLEDGE OF REALITY 20
- B.A. Krasnoyarova, S.P. Surazakova*
SPATIAL IMAGE OF REPUBLIC OF ALTAI: RESOURCES AND
LINES OF DEVELOPMENT 24

FILOLOGY. ARTS STADIES

- A.P. Skovorodnikov, G.A. Kopnina*
ON THE FORMATION OF SPEECH CULTURE OF
A STUDENT OF HIGHER INSTITUTION (IN THE ASPECT
OF COMPETENCE APPROACH) 30
- A.V. Sebeleva*
SALOV'S ART AND FOLK LITERATURE TRADITIONS 34
- E.V. Samochina*
FREQUENCY AND MEANINGNESS OF DERIVATING
WORD AS FACTORS OF LEXICO-DERIVATIVE
LACUNES ARISING (ORIGING) (ON THE MATERIAL
OF THE RUSSIAN LANGUAGE) 37
- N.Y. Vorobeova*
NOVEL - CYCLE AS A SPECIFIC GENRE OF THE
LITERATURE OF THE FIRST HALF XX CENTURY
(ON THE MATERIAL OF NOVELS A. MARIENGOFA
«CYNICS» AND G.BROHA «INNOCENT») 39
- A.V. Tretiyakov*
THE NOVEL OF E.I. ZAMYATIN «DJACHOK» (1915):
DIALOGUE WITH GENRE OF THE BIBLICAL VISION 43
- N.V. Aleksandrovich*
THE EXISTENTIAL CONCEPTS LIFE/ЖИЗНЬ AND
DEATH/СМЕРТЬ IN THE ORIGINAL AND TRANSLATED
LITERARY TEXT 45
- O.G. Lechinskaya*
SEMANTIC DERIVATION OF THE VISUAL PERCEPTION
WORD'S MEANINGS IN THE URBAN LANGUAGE 50
- M.P. Dvoynishnikova*
THE MYTH AND THE CARNIVAL IN THE POETICS OF
ABSURDITY (ON THE MATERIAL OF THE LYRICAL BOOK
«THE MOSCOW MYTHS» BY H. SAPGIR) 52
- E.A. Merkotun*
«THERE AND BACK»: ABOUT POETICS AND SEMANTICS
OF THE TIME'S IMAGE IN L.PETRUSHEVSKAYA'S
ONE-ACT PLAYS 54
- S.M. Budkeev*
ORGAN MUSIC-MAKING IN THE XIX CENTURY
IN RUSSIA AND ITS ANALYSIS IN THE
CONTEMPORARIES' CRITICISM 58
- V.V. Tarasenko*
THE PHRASEOLOGICAL REPRESENTATIONS OF THE
CONCEPTS «LIFE» AND «DEATH» IN THE ENGLISH
LANGUAGE SYSTEM AND THEIR PERCEPTION BY
ENGLISH SPEAKING PEOPLE 62

- M.S. Kovalevskaya*
THE GENRE OF LITERARY PORTRAIT IN
V.G. KOROLENKO'S WORKS IN THE CONTEXT
OF CROSS-CULTURAL DIALOG 65
- E.W. Belikova*
IMAGE OF CITIZENS OF ALTAY REGION IN LANGUAGE
CONSCIOUSNESS OF STUDENTS 67
- S.A. Alexanova*
PREPOSITIONAL-CASE ADVERBIAL DETERMINANTS IN
STRUCTURE OF THE COMPLICATED OFFER 70
- E.A. Lavrentjeva*
ANTROPOCENTRIC BASIS OF COMMUNICATIVE PARADIGMA
OF A MODERN ENGLISH SCIENTIFIC TEXT 73
- R.S.-I. Semykina*
METAPHYSICS OF CHILDHOOD IN
Y.V. MAMLEEV'S WORKS 76

CULTUROLOGY

- M.V. Egorochkin*
NARRATIVE ISOTOPES OF HEROIC OF SOUTH
SIBERIAN TURKS 78
- D.G. Jemchenko*
MARGINAL PERSONAL AS TRANS-BORDER REGION
CULTURE PHENOMENON 82
- T.F. Krjaklina, A.P. Djetkov*
MODERN PROBLEMS OF RESEARCH AND FORMING
OF ALL-RUSSIAN NATIONALISM 84

PEDAGOGICS. PSYCHOLOGY

- V.I. Zemcowa, I.A. Tkacheva*
TECHNOLOGY OF THE DECISION EDUCATIONAL-
PROFESSIONAL EXPLORATORY PROBLEMS WITH
STUDENT OF THE TECHNICAL PROFESSIONS 88
- I.M. Bashtanar*
COMPONENT COMPOSITION OF INFORMATION AND
COMMUNICATION COMPETENCE FOR DOCUMENT
SPECIALIST DEVELOPMENT 90
- R.V. Oparin*
THE FUNDAMENTAL BASIS OF ANTROPOECOLOGICAL
MODEL OF ENVIRONMENTAL EDUCATION 93
- T.A. Tolmacheva*
METHODOLOGICAL POTENTIAL FOR USING
COMMUNICATIVE STRATEGIES OF FOREIGN VERBAL
BEHAVIOUR IN THE PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE
TEACHING IN THE LINGUISTIC INSTITUTE OF HIGHER
EDUCATION 95
- L.V. Panova*
ABOUT THE SPECIAL SKILLS OF LISTENING AND
VIEWING OF FOREIGN LANGUAGE TEXTS OF TV-NEWS .. 98
- L.A. Kolmogorova*
PECULIARITIES OF MOTIVATION OF LEARNING AND
ADAPTATION OF FIRST YEAR STUDENTS HAVING
DIFFERENT TYPES OF THE PROFESSIONAL SELF-
DETERMINATION 100
- S.A. Vladimirtseva*
THE MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF
MATHEMATICAL CONCEPT FORMATION THEORY IN
EDUCATION 103
- O.I. Statirova*
MANAGEMENT OF PROFESSIONAL SELF-EDUCATION OF
TEACHERS IN SYSTEM OF IMPROVEMENT OF
PROFESSIONAL SKILL 108
- G.N. Kudruk*
PLACE AND ROLE OF THE COMPONENT "EDUCATION"
AS A PROCESS OF PROFESSIONAL QUALITIES
FORMATION IN THE CONTENT OF THE AMERICAN
AND RUSSIAN PROFESSIONAL CONCEPT 112
- I.V. Stepanova*
RETROSPECTIVE-PEDAGOGICAL ANALYSIS OF PROBLEM
FOR PROFESSIONAL STAGE-DIRECTOR TRAINING 115

- ALPHABETICAL INDEX 118
- SUMMARIES OF THE ARTICLES IN THE ENGLISH 119

Раздел 1

ЭКОЛОГИЯ

Ведущие эксперты раздела:

ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ БЕЗМАТЕРНЫХ — кандидат биологических наук, доцент, ученый секретарь Учреждения Российской академии наук Института водных и экологических проблем Сибирского отделения РАН, ответственный за электронную версию журнала и работу с Российским индексом научного цитирования — <http://elibrary.ru/> (г. Барнаул)
АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ ШИТОВ — кандидат геолого-минералогических наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)

УДК 631.95:631,4

Ю.И. Винокуров, проф., д-р геогр. наук, директор Института водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул (Россия)

А.С. Сейткажиев, проф., д-р техн. наук, Таразский государственный университет им. М.Х. Дулати, г. Тараз (Казахстан)

Э.Б. Мадалиева, ст. преп., Таразский государственный университет им. М.Х. Дулати, г. Тараз (Казахстан)

МЕТОДЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОДНОГО И СОЛЕВОГО РЕЖИМА НА ЗАСОЛЕННЫХ ПОЧВАХ

В данной работе предлагается метод расчета скорости и степени опреснения почв на основе анализа движения частиц соли. Данный метод позволяет обосновать и определить технологию тактовых промывок засоленных почв.

Ключевые слова: засоленные земли, технология промывок, мелиоративные мероприятия.

При орошении земель в аридной зоне одним из обязательных элементов поддержания водно-солевого баланса является промывка почвы. В настоящее время для различных типов почв рассчитаны и рекомендованы промывные нормы [1-3]. Однако эти расчеты базируются главным образом на экспериментальных данных. Для повышения эффективности промывки, а также экономии поливной воды необходимо исследовать механизм рассоления почвы при их промывании. В данной работе рассматривается одна из интерпретаций этого процесса.

Если рассматривать отдельную частицу, то можно предположить, что она, отделившись от почвенного агрегата, проходит промываемый слой почвы не целиком, а отдельными отрезками. При переходе от одного отрезка пути к другому частица на определенное время сорбируется почвой, перемещается к активным центрам, из которых вновь отделяется в почвенный раствор. Таким образом, каждая частица, проходя промываемый слой почвы, подвергается многократному чередованию актов сорбции и десорбции. Количественной характеристикой этого процесса служат число актов сорбции на единицу длины промываемого слоя почвы и распределение времени нахождения частицы в сорбированном состоянии. И тот, и другой показатель зависят от результата воздействия физических, химических и геометрических факторов.

Рассмотренные закономерности опреснения почвы во времени можно записать в следующей форме:

$$\frac{dC}{Cdt} = \frac{d(\ln C)}{dt} = \text{const}, \quad (1)$$

где

C — концентрация солей в почве.

Интегрирование (1) при условиях $t = 0, C = C_0$

(C_0 — начальная концентрация солей) приводит к такому решению:

$$C = C_0 \cdot e^{-\rho t} \quad (2),$$

где

ρ — коэффициент скорости опреснения.

Одним из показателей интенсивности опреснения почвы можно выбрать длину свободного пробега частицы. В каждый момент времени при диффузии солей в перемещении участвуют N частиц, т.е. совершается N свободных пробегов. Тогда учитывая (2) для частиц с равной длиной пробега $x(S_x)$, можно записать:

$$S_x = N \cdot e^{-\theta x} \quad (3).$$

Выясним физический смысл постоянной величины θ . Зависимость (3) позволяет определить долю молекул, имеющих свободный пробег от x до $x + dx$:

$$S_x - S_{x+dx} = N e^{-\theta x} (1 - e^{-\theta dx}) = N \theta e^{-\theta x} dx \quad (4).$$

Из последнего выражения можно вычислить среднюю длину свободного пробега:

$$x_{cp} = \frac{1}{N} \int_0^{\infty} N \theta x e^{-\theta x} dx = \theta \int_0^{\infty} x e^{-\theta x} dx = \frac{1}{\theta} \quad (5).$$

Следовательно, постоянная θ есть обратная величина средней длины свободного пробега молекул. Поэтому приведены уравнения можно записать, соответственно, и в такой форме:

$$p(x) = e^{-x/\theta} \\ x = 2,3x_{cp} \lg \frac{n}{s_x} \quad (6).$$

Описанный механизм опреснения почвы при промывке предопределяет и метод изучения явления. Неупорядоченность величин свободных пробегов и неравномерность во времени актов сорбции-десорбции обосновывает целесообразность применения статистического анализа. Именно таким путем были получены основные закономерности опреснения почвы (2-3). Сравнение статистических и феноменологических закономерностей позволяет выявить молекулярно-кинетический смысл констант, входящих в экспериментальные уравнения.

Основной задачей промывки засоленных почв является рассоление корнеобитаемого слоя минимальным количеством воды. При превышении промывной нормы может снизиться их плодородие и ухудшиться мелиоративно-экологическое состояние массива орошения, а недостаточная промывная норма воды в состоянии удалить избыток солей из расчетных слоев почвы, что может привести к снижению урожая.

Библиографический список

1. Волобуев, В.Р. Расчет промывки засоленных почв / В.Р. Волобуев. — М., 1975. — 70 с.
2. Сейтказиев, А.С. Регулирование солевого режима орошаемых земель / А.С. Сейтказиев. — Алматы, 1999. — 140 с.
3. Сейтказиев, А.С. Механизм опреснения почвы / А.С. Сейтказиев // Межвузовский сборник научных трудов. — М., 2002. — С. 68-72.

Статья поступила в редакцию 25.01.08.

УДК 628.218

И.Э. Махмудов, канд. техн. наук, руководитель проекта Азиатского Банка развития по водоснабжению, г. Карши, Республика Узбекистан

ЧИСЛЕННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ДИНАМИКИ ИЗМЕНЕНИЯ КОНЦЕНТРАЦИИ БАКТЕРИЙ В СИСТЕМЕ ПИТЬЕВОГО ВОДОСНАБЖЕНИЯ

Представлены результаты численного эксперимента по изменению концентрации бактерий в воде в случае изменения режима работы системы питьевого водоснабжения.

Ключевые слова: питьевое водоснабжение, качество воды, численные эксперименты

В системе питьевого водоснабжения большинства населенных пунктов Узбекистана часто отсутствуют отдельные элементы водоподготовки, например, сооружения для перехвата песков или других продуктов сработки скважин в случае использования месторождений подземных вод. Вместе с этим из-за износа основного оборудования систем водоподдачи и возрастающего дефицита питьевой воды часто происходит сбой непрерывности движения водного потока в напорных водоводах. Нарушение гидравлического режима в системах питьевого водоснабжения, как уже было доказано натурными экспериментами, приводит к накоп-

Многолетними опытами установлены оптимальные приемы подготовки почвы к проведению промывных поливов. Как правило, перед промывкой почва должна быть глубоко вспахана и рыхлена. В таких случаях промывка засоленных земель дает наибольший эффект. Лучший срок для проведения промывки — осень, когда грунтовые воды залегают глубоко, что обеспечивает лучшую растворимость солей, а испарение почвенной влаги понижено.

При изучении механизма переноса солей основное внимание уделяется следующим параметрам: растворимость солей, выщелачивание пород, испарение воды из почвенного профиля и грунтовых вод, конвективная диффузия, перенос солей с фильтрационным потоком, ионно-солевые равновесия в системе раствор — твердая фаза, вытеснение поровых растворов.

При промывках и промывном режиме орошения в условиях вытеснения свободного солевого раствора в сквозных порах почвогрунта происходит передвижение солей в результате фильтрационного переноса, а также растворение солей твердой фазы и диффузия солевого раствора в тупиковых порах. Следовательно, от характеристики строения порового пространства почвогрунта и скорости фильтрации будет зависеть преобладание того или иного процесса переноса солей.

Таким образом, вычисленные расчеты очень полезны при подаче воды на промывку. Например, при слабодопроницаемости почвы (0,1 м/час) вода в зависимости от величины разовых промывных норм впитывается от 1 до 10 часов, а при общих промывных нормах — от 15 до 83 суток. Это означает, что заранее можно определить, сколько объем воды нужно будет для подачи в данную продолжительность времени.

лению во внутренней части напорных труб отложений различного происхождения. Эти отложения обуславливают коррозию и последующее разрушение труб, что в свою очередь является причиной попадания в систему питьевого водоснабжения различных микроорганизмов.

Микробиологический анализ воды системы питьевого водоснабжения г. Карши (Узбекистан) с привлечением специалистов санитарно-эпидемиологической службы показал, что в момент остановки подачи воды общее количество бактерий в системе возрастает, а с момента возобновления подачи из-за

перемешивания со свежей водой число бактерий резко снижается [2]. Несмотря на то, что принимаются различные меры, в частности ремонт и замена изношенных участков труб, решить проблему надежности и безопасности водоснабжения в целом пока не удастся по причине большой сложности и разветвленности сети городской системы питьевого водоснабжения. Для принятия более эффективных мер необходимо решить вопрос моделирования изменений качественных параметров питьевой воды в системе водоснабжения. Это стало возможным благодаря использованию известных методов гидравлики.

Получены математические модели для случая, когда происходит перемешивание воды, имеющей разные концентрации бактерий [3]. Свежая вода с концентрацией бактерий c_{np} транспортируется по трубе с радиусом R_{np} и поступает в цилиндрическую трубу с радиусом R_0 , с объемом воды w_0 , где из-за остановки движения воды увеличивается концентрация бактерий c_0 . Вследствие перемешивания свежей воды с водой, имеющей повышенную концентрацию бактерий, происходит изменение бактериальных показателей в водоводе $c(t)$. В момент $t = t_1$ $c_0 > c(t)$ концентрация бактерий достигает величины c^* (безопасное состояние воды для здоровья потребителя). Ранее данная задача решена в общей постановке без выяснения механизма перемешивания входящего потока с водой, находящейся в водоводе.

В результате натурных экспериментов на системе питьевого водоснабжения г. Карши установлено, что при производительности насосной станции третьего подъема, равной $Q_{np}(t) = 0,385 \text{ м}^3/\text{с}$, в составе воды на выходе из насосной станции имеются различные бактерии, но их число соответствует стандартам для питьевой воды ($c_{\text{min}} = 8 \cdot 10^7 \text{ ед./м}^3$), принятыми в Республике Узбекистан [1]. Объемная концентрация бактерий в подаваемой воде равна $Q_{np}(t) c = 0,385 \text{ м}^3/\text{с} \times 8 \cdot 10^7$. Подача питьевой воды осуществляется в водовод цилиндрической формы с конечным объемом и имеет радиус $R=0,4 \text{ м}$ и длину $L=300 \text{ м}$. В момент остановки насосной станции t_0 , ($t=t_0$) на рассматриваемом участке водовода в воде с объемом $W_0(t_0) = \pi R^2 L$ концентрация бактерий достигает $c_0 = 10 \cdot 10^8 \text{ ед./м}^3$. В этих условиях отсутствует приток воды, т.е. $Q_{np}(t \leq t_0) = 0$ (также при $t=t_0$, $Q_{np}(t_0) = 0$ и давлении в трубопроводе P_0). С началом работы насосной станции или при $t=t_0$ в водовод начинает поступать вода питьевого качества с расходом $Q_{np}(t) = 0,385 \text{ м}^3/\text{с}$ и с концентрацией бактерий $c_{np} = 8 \cdot 10^7 \text{ ед./м}^3$.

Тогда изменение концентрации бактерий в составе питьевой воды $c(t)$ и давление в трубопроводе описываются уравнениями $P(t)$ [2-3]:

$$c(t) = \frac{W_0 c_0 + \int_{t_0}^t Q_{np}(t) c_{np} dt}{W_0 + \int_{t_0}^t Q_{np} dt}; \quad (1)$$

$$P(t) = P_0 + \frac{E_0}{c_{sp}} \cdot \frac{\int_{t_0}^t Q_{np}(t) dt}{W_0 + \int_{t_0}^t Q_{np}(t) dt}, \quad (2)$$

при выполнении условий:

$$Q_{np}(t) = Q_{np}^0 \exp(-\lambda t), c = \text{const}. \quad (3)$$

Для решений уравнений (1-2) при выполнении условий (3) была создана компьютерная программа. С использованием гидравлических и бактериологических параметров воды системы питьевого водоснабжения г. Карши проведены численные эксперименты для решения уравнений (1) и (2). Полученные результаты оформлены в виде графиков (рис. 1-2).

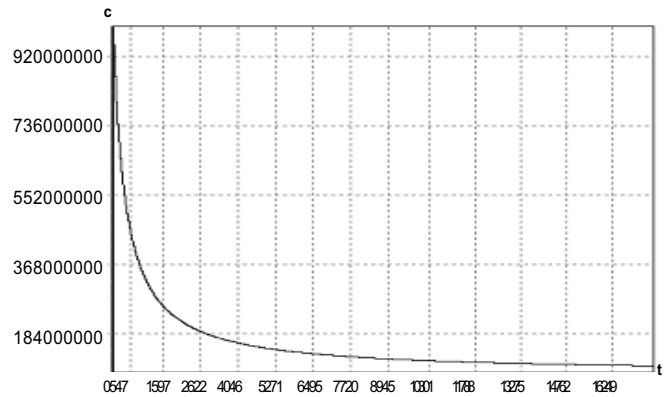

Рис. 1. Изменение концентрации бактерий в составе питьевой воды $c(t)$ в зависимости от времени подачи свежей воды в систему водоснабжения

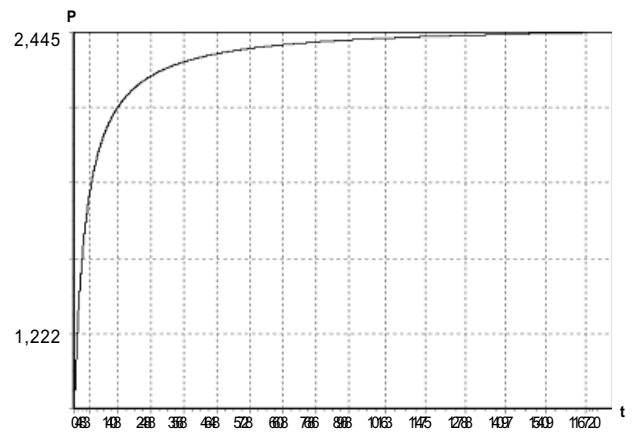

Рис. 2. Изменение давления в водоводе при возобновлении подачи свежей воды в систему водоснабжения

Выводы

Проведенные численные эксперименты показали, что концентрация бактерий в напорном водоводе находится в зависимости от изменения параметров подаваемой воды. Если подача осуществляется по экспоненте, то давление воды в напорном водоводе и концентрация бактерий меняются также. Расчеты показывают, что допустимая норма $c^* = 8 \cdot 10^7 \text{ ед./м}^3$ достигается через два часа после возобновления поступления свежей воды в водоводе (при расходе $Q_{np}(t) = 0,385 \text{ м}^3/\text{с}$ свежей воды с концентрацией $c_{np} = 8 \cdot 10^7 \text{ ед./м}^3$ в водоводе цилиндрической формы с радиусом трубы $R = 0,4 \text{ м}$, длиной $L = 300 \text{ м}$ и концентрацией бактерии $c_0 = 10 \cdot 10^8 \text{ ед./м}^3$). После этого можно осуществлять подачу воды потребителям. С увеличением расхода притекающей свежей воды время начала подачи воды потребителям уменьшается.

Библиографический список

1. Вода питьевая: Гигиенические требования и контроль качества — РСТ 950:2000, Государственный стандарт Узбекистана // Ташкент, 2000. Drinking water. The hygienic requirements and the quality surveillance, Uz DSt (Uzbek State Standard), 950:2000.
2. Махмудов, И.Э. Оперативное регулирование изменения концентрации бактерий в водоводах системы питьевого водоснабжения / И.Э. Махмудов // Проблемы механики. — 2008. — №1. — С. 21-23.
3. Махмудов, И.Э. Динамика изменения концентрации бактерий в водоводах при организации подачи постоянного расхода в постоянном по времени притоке воды / И.Э. Махмудов // Проблемы механики. — 2008. — №1. — С. 47-50.

Статья поступила в редакцию 14.03.08.

УДК 628.218

И.Э. Махмудов, канд. техн. наук, руководитель проекта Азиатского Банка развития по водоснабжению, г. Карши, Республика Узбекистан

ДИФФУЗИОННОЕ ПЕРЕМЕШИВАНИЕ ВОДЫ В СИСТЕМЕ ПИТЬЕВОГО ВОДОСНАБЖЕНИЯ

В системах питьевого водоснабжения из-за частого перебора работы в напорных водоводах создаются условия увеличения концентрации бактерий в воде. При возобновлении подачи воды концентрация бактерий в воде уменьшается. В статье рассмотрена задача о диффузионном перемешивании воды с различными концентрациями бактерий в напорных водоводах системы питьевого водоснабжения. Получены аналитические выражения для установления величины концентрации бактерий.

Ключевые слова: питьевое водоснабжение, качество воды, численное моделирование

Исследованиями [2] установлено, что на надежность и безопасность питьевого водоснабжения сильное влияние оказывает старение подземных трубопроводных коммуникаций различного назначения и частые нарушения режима водоподдачи потребителям. Снижение надежности и безопасности обусловлены потерями напора и уменьшением пропускной способности из-за накопления отложений в трубах, а также ухудшением физико-химических показателей транспортируемой питьевой воды. Отложения в трубах, способствуя внутренней коррозии, препятствуют поддержанию качества воды на уровне соответствующих нормативов, что создает угрозу здоровья населения. Так называемое вторичное ухудшение качества воды в системах ее подачи и распределения является главным риском безопасности системы питьевого водоснабжения населения. Для прогноза состояния надежности и безопасности систем водоснабжения населения необходимо моделирование изменения концентрации бактерий в водопроводной воде.

Ниже рассмотрим задачу о диффузионном перемешивании воды с различными концентрациями бактерий в напорном водоводе. Свежая вода с концентрацией бактерией c_{np} транспортируется по трубе с радиусом R_{np} и поступает в водовод цилиндрической формы с радиусом R_0 , с объемом воды w_0 , где из-за остановки движения воды концентрация бактерий увеличивается c_0 . Вследствие перемешивания нового объема воды с уже имеющимся происходит изменение концентрации бактерий в водоводе $c(t)$. В момент $t=t_1$ $c_0 > c(t)$ концентрация бактерий достигает величины c^* (безопасная концентрация для потребителя). Поскольку перемешивание идет в цилиндрических трубах с радиусами R_0 и R_{np} (R_0 — радиус подводящей трубы, R_{np} — радиус цилиндрической транспортирующей трубы), предположим, что выравнивание концентрации будет происходить путем молекулярного переноса веществ в области водовода. Тогда происходит диффузионный процесс перемешивания, и уравнение диффузии имеет вид [1]:

$$\frac{\partial c}{\partial t} + \text{div} \vec{j} = \text{div} \vec{i}, \quad (1)$$

где $\vec{j} = cV_r \vec{e}_r + cV_0 \vec{e}_0 - (cV_z + \varepsilon_s \frac{\partial c}{\partial z}) \vec{e}_z$; $\vec{i} = cV_{sp} \vec{e}_z$; D —

коэффициент диффузионного переноса; V_0 — скорость притока свежей воды.

Используя (1), на основе диффузионного перемешивания получаем:

$$\frac{\partial c}{\partial t} + \text{div} \left(-cV_0 - \varepsilon_s \frac{\partial c}{\partial z} \right) + \sigma c = f(t) \quad (2)$$

При отсутствии притока свежей воды $f(t)$ уравнение (2) примет вид:

$$\frac{\partial c}{\partial t} + \text{div} \left(-cV_0 - \varepsilon_s \frac{\partial c}{\partial z} \right) + \sigma c = 0 \quad (3)$$

Учитывая операцию дивергенцию (3), перепишем в виде:

$$\frac{\partial c}{\partial t} = -V_0 \frac{\partial c}{\partial z} + w_0 \frac{\partial c}{\partial r} + \varepsilon_s \frac{\partial^2 c}{\partial z^2} \quad (4)$$

Учитывая малое изменение концентрации бактерий в радиальном направлении и осесимметричность рассматриваемого явления, уравнение (4) можно представить в виде:

$$\frac{\partial c}{\partial t} + V_0 \frac{\partial c}{\partial z} = \varepsilon_s \frac{\partial^2 c}{\partial z^2} \quad (5)$$

Введем безразмерные параметры $z = R_0 \hat{z}$, $t = \sqrt{\frac{R_0}{g}} \tau$, тогда уравнение (5) примет вид:

$$\sqrt{\frac{g}{R_0}} \frac{\partial c}{\partial \tau} - \frac{V_0}{R_0} \frac{\partial c}{\partial \hat{z}} + \sigma c = \frac{\varepsilon_s}{R_0^2} \frac{\partial^2 c}{\partial \hat{z}^2} \quad (6)$$

Теперь представим уравнение диффузионного перемешивания в интегральной форме:

$$\frac{d}{dt} \int_{(w)} c_n d\tau = \int_{(w)} q_n d\tau \quad (7)$$

Данное уравнение позволяет получить закономерность сохранения массы бактерий.

Если концентрации постоянны во всем объеме, то концентрация будет только функцией времени $c_n(t)$:

$$\frac{d}{dt} (c_n W) = q_n W = Q_n^* \quad (8)$$

Откуда следует:

$$\frac{dc_n}{dt} W + c_n \frac{dW}{dt} = Q_n^* \quad (9)$$

где $(Q_n^*)_n = (Q_{sp})_n + (Q_{\text{отн}})_n$

Преобразуя (9), имеем: $\frac{dc_n}{dt} + \frac{c_n}{W} \frac{dW}{dt} = \frac{Q_n^*}{W}$, (10)

где $W(t) = W_0 + \int_{t_0}^t (Q_{np})_n dt$; $Q_{np} = \sum_{n=1}^k (Q_n)_n$.

Для решения уравнения (10) принимаем, что приток свежей воды $\frac{dW}{dt} = Q_{np}$, тогда:

$$\frac{1}{W} \frac{dW}{dt} = \frac{Q_{np}}{W_0 + \int_{t_0}^t (Q_{np})_n dt}. \quad (11)$$

С учетом постоянства коэффициента диффузии и плотности бактерий во всей области дисперсной системы справедливо равенство:

$$\frac{dc_n}{dt} + c_n \frac{1}{W} \frac{dW}{dt} = \frac{Q_{np}}{W}. \quad (12)$$

Принимая условие $\frac{Q_{np}}{W_0} \ll 0$ (W_0 — объем воды на рассматриваемом участке водовода), а также $\frac{dW}{dt} \ll W$ (W — объем притока за время t), получим:

$$\frac{dc_n}{dt} = \frac{Q_{np}}{W}. \quad (13)$$

Слагаемую уравнения (13) определим как:

$$dW = Q dt. \quad (14)$$

Таким образом, уравнения диффузии (10) при $c_n = \text{const}$ и переменном объеме $W(t)$ примет вид:

$$\frac{dc_n}{dt} = \frac{\int_{t_0}^t Q_{np} c_{np} dt - \int_{t_0}^t Q_{out} c_{out} dt}{W_0 (1 + \frac{1}{W_0} \int_{t_0}^t Q_{np} dt)}. \quad (15)$$

Рассмотрим задачу о диффузионном переносе в случае, когда концентрация бактерий постоянно меняется вследствие нового притока воды, тогда уравнение (6) можно записать:

$$\left[\frac{g}{R_0} \frac{\partial c}{\partial t} + \frac{V_0}{R_0} \frac{\partial c}{\partial z} + \sigma c = \frac{\varepsilon_s}{R_0^2} \frac{\partial^2 c}{\partial z^2} \right]. \quad (16)$$

При переходе в безразмерный вид, делением уравнения (16) на величину $\frac{g}{R_0}$ получим:

$$\frac{\partial c}{\partial \tau} + \sqrt{F_r} \frac{\partial c}{\partial z} + \sigma_1 c = \frac{\varepsilon_s V_0}{R_0 V_0 \sqrt{g R_0}} \frac{\partial^2 c}{\partial z^2}, \quad (17)$$

где $\sigma_1 = \sqrt{\frac{R_0}{g}} \sigma$.

Здесь F_r — число Фруда ($F_r = \frac{V_0^2}{g R_0}$), ε_s — коэффициент, характеризующий диффузионный перенос с учетом гидравлического сопротивления на трение.

Тогда уравнение (17) с учетом наличия притока и оттока воды из трубы, запишем в виде:

$$\frac{\partial c}{\partial \tau} + \sqrt{F_r} \frac{\partial c}{\partial z} + \sigma_1 c = -\hat{\varepsilon}_s \frac{\partial^2 c}{\partial z^2} - f(\tau), \quad (18)$$

где $\hat{\varepsilon}_s = \frac{\varepsilon_s}{R_0 V_0}$; $F_r = \frac{V_0^2}{g R_0}$;

$$f(\tau) = \frac{\int_{t_0}^{\tau} Q_{np} c_{np} d\tau - \int_{t_0}^{\tau} Q_{out} c_{out} d\tau}{W_0 + \sqrt{\frac{R_0}{g}} \left(\int_{t_0}^{\tau} Q_{np} d\tau - \int_{t_0}^{\tau} Q_{out} d\tau \right)} \sqrt{\frac{R_0}{g}}. \quad (19)$$

Изменение концентрации за счет нового притока воды будет иметь вид:

$$\frac{\partial c}{\partial \tau} + \sqrt{F_r} \frac{\partial c}{\partial z} = \hat{\varepsilon}_s \sqrt{F_r} \frac{\partial^2 c}{\partial z^2} + \frac{\int_{t_0}^{\tau} Q_{np} c_{np} d\tau - \int_{t_0}^{\tau} Q_{out} c_{out} d\tau}{W_0 + \int_{t_0}^{\tau} Q_{np} d\tau - \int_{t_0}^{\tau} Q_{out} d\tau}, \quad (20)$$

где

$$f(\tau) = \frac{\int_{t_0}^{\tau} \hat{Q}_{np}^0 c_{np} d\tau}{W_0 + \hat{Q}_{np}^0 \int_{t_0}^{\tau} \hat{Q}(\tau) d\tau} = \frac{\hat{Q}_{np}^0 \int_{t_0}^{\tau} \hat{Q}_{np}(\tau) c_{np} d\tau - \hat{Q}_{out}^0 \int_{t_0}^{\tau} \hat{Q}_{out}(\tau) c_{out} d\tau}{1 + \hat{Q}_{np}^0 \int_{t_0}^{\tau} \hat{Q}(\tau) d\tau}.$$

Здесь $\hat{Q}^* = \int_{t_0}^{\tau} Q(\tau) d\tau$. Так что уравнение (20) с учетом нового притока воды будет иметь вид:

$$\frac{\partial c}{\partial \tau} + \sqrt{F_r} \frac{\partial c}{\partial z} = \hat{\varepsilon}_s \sqrt{F_r} \frac{\partial^2 c}{\partial z^2} + f(\tau). \quad (21)$$

Для решения уравнения (21) введем функцию $F(z)$:

$$c(\hat{z}, \tau) = e^{-\lambda \tau} F(\hat{z}). \quad (22)$$

Учитывая равенство (22), уравнение (21) приводится к виду:

$$-\lambda e^{-\lambda \tau} F(\hat{z}) + \sqrt{F_r} \frac{dF}{dz} e^{-\lambda \tau} + \sigma_1 F = \hat{\varepsilon}_s \sqrt{F_r} e^{-\lambda \tau} \frac{d^2 F}{dz^2} + f(\tau)$$

или

$$-\lambda F(\hat{z}) + \sqrt{F_r} \frac{dF}{dz} = \hat{\varepsilon}_s \sqrt{F_r} \frac{d^2 F}{dz^2} + c_{np} m_0, \quad (23)$$

где $m_0 = f(\tau) e^{\lambda \tau}$.

В дальнейшем рассмотрим лишь отсутствие оттока воды $Q_{out}(t)=0$.

$$\hat{Q}_{np} = \frac{Q_{np}}{W_0} \left| \frac{R_0}{g} = \frac{c_{np} m_0 \lambda e^{\lambda \tau}}{(c_n e^{\lambda \tau} - m_0)^2} \right.$$

m_0 будет постоянной.

Для упрощения уравнения (23) введем новую функцию:

$$F(\hat{z}) = \Phi(\hat{z}) - \frac{m_0}{\lambda} c_{np}, \quad (24)$$

тогда получим:

$$\hat{\varepsilon}_s \sqrt{F_r} \frac{d^2 \Phi}{dz^2} - \sqrt{F_r} \frac{d\Phi}{dz} + \lambda \Phi = 0. \quad (25)$$

Для определения функции Φ используем следующие граничные условия:

$$\Phi(0) = c_0 + c_{np}; \quad \Phi(L) = c^* + c_{np}.$$

Решения уравнения будем искать в виде:

$$\Phi(z) = e^{\gamma z}.$$

Характеристическое уравнение для λ :

$$\hat{\varepsilon}_s \sqrt{F_r} \gamma^2 = \sqrt{F_r} \gamma + \lambda = 0. \quad (26)$$

Решая квадратное уравнение (26) имеем:

$$\gamma = \frac{1 \pm \sqrt{D}}{2\hat{\varepsilon}_s}, \quad (27)$$

где $D > 0$ т.к. $D = 1 - 4\lambda \frac{\hat{\varepsilon}_s}{\sqrt{F_r}} > 0$.

Фундаментальным решение дифференциального уравнения (25) с учетом равенства (27) будет:

$$\Phi(\hat{z}) = C_1 e^{\frac{1+\sqrt{D}}{2\hat{\varepsilon}_s} \hat{z}} + C_2 e^{\frac{1-\sqrt{D}}{2\hat{\varepsilon}_s} \hat{z}}. \quad (28)$$

Коэффициенты выражения (28) определяется как:

$$C_1 + C_2 = c_0 + c_{np};$$

$$C_1 \exp\left(\frac{1 + \sqrt{D}}{2\hat{\epsilon}_s} L\right) + C_2 \exp\left(\frac{1 - \sqrt{D}}{2\hat{\epsilon}_s} L\right) = c^* + c_{np}. \quad (29)$$

Решая линейную систему алгебраических уравнений (22), получим значения для коэффициентов выражения (29):

$$C_1 = c^* + c_{np} - C_2;$$

$$C_2 = \frac{c^* - c_0 + c_{np} \left[1 - \exp\left(\frac{1 + \sqrt{D}}{2\hat{\epsilon}_s} L\right) \right]}{\exp\left(\frac{1 - \sqrt{D}}{2\hat{\epsilon}_s} L\right) - \exp\left(\frac{1 + \sqrt{D}}{2\hat{\epsilon}_s} L\right)}. \quad (30)$$

Таким образом, получено распределение концентрации бактерий в водоводе при наличии нового притока воды:

$$c(\hat{z}, \tau) = \frac{(c_0 + c_{np})}{2sh \sqrt{D\hat{L}}} \left[\exp\left(\frac{1 + \sqrt{D}}{2\hat{\epsilon}_s} \hat{z}\right) \left[\exp\left(-\frac{\sqrt{D}\hat{L}}{2\hat{\epsilon}_s}\right) - \exp\left(-\frac{\hat{L}}{2\hat{\epsilon}_s}\right) \right] + \exp\left(\frac{1 - \sqrt{D}}{2\hat{\epsilon}_s} \hat{z}\right) \left[\exp\left(\frac{\sqrt{D}\hat{L}}{2\hat{\epsilon}_s}\right) - \exp\left(-\frac{\hat{L}}{2\hat{\epsilon}_s}\right) \right] \right]; \quad (31)$$

$$c(\hat{z}, \tau) = \frac{(c_0 + c_{np})}{2sh \sqrt{D\hat{L}}} \left[\exp\left(\frac{\hat{z} + \sqrt{D}(\hat{z} - \sqrt{D}\hat{L})}{2\hat{\epsilon}_s}\right) - \exp\left(\frac{\hat{z} - \sqrt{D}(\hat{z} + \sqrt{D}\hat{L})}{2\hat{\epsilon}_s}\right) \right] e^{-\lambda\tau} \quad (32)$$

$$- \exp\left(\frac{\hat{z} + \sqrt{D}\hat{z} - \hat{L}}{2\hat{\epsilon}_s}\right) + \exp\left(\frac{\hat{z} - \sqrt{D}\hat{z} + \sqrt{D}\hat{L}}{2\hat{\epsilon}_s}\right) - \exp\left(\frac{\hat{z} - \sqrt{D}\hat{z} - \hat{L}}{2\hat{\epsilon}_s}\right) \right] e^{-\lambda\tau}$$

$$c(\hat{z}, \tau) = \frac{(c_0 + c_{np})}{2sh \sqrt{D\hat{L}}} \left[\exp\left(\frac{\hat{z} - \sqrt{D}(\hat{L} - \hat{z})}{2\hat{\epsilon}_s}\right) - \exp\left(\frac{\hat{z} - (\hat{L} - \sqrt{D}\hat{z})}{2\hat{\epsilon}_s}\right) + \exp\left(\frac{\hat{z} + (\hat{L} - \hat{z})\sqrt{D}}{2\hat{\epsilon}_s}\right) - \left[- \exp\left(\frac{\hat{z} - (\hat{L} + \sqrt{D}\hat{z})}{2\hat{\epsilon}_s}\right) \right] e^{-\lambda\tau} \right]. \quad (33)$$

Библиографический список

1. Марчук, Г.И. Математическое моделирование в проблеме окружающей среды / Г.И. Марчук. — М.: Наука, 1982. — 320 с.
2. Махмудов, И.Э. Динамика изменения концентрации бактерий в водоводах при организации подачи постоянного расхода в постоянном по времени притоке воды / И.Э. Махмудов // Проблемы механики. — 2008. — №1. — С. 47-50.

Статья поступила в редакцию 20.03.08.

УДК 502.4; 502.7

И.В. Андреева, канд. геогр. наук, н.с. Института водных и экологических проблем, Барнаул
Д.В. Золотов, канд. биол. наук, н.с., Института водных и экологических проблем, Барнаул
И.Н. Ротанова, канд. геогр. наук, доц., зам. директора по научной работе Института водных и экологических проблем, Барнаул

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ТЕРРИТОРИЙ НЕКОТОРЫХ КОМПЛЕКСНЫХ ПРИРОДНЫХ ЗАКАЗНИКОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

В статье анализируется современное экологическое и социально-экономическое состояние территорий ряда заказников Алтайского края. Впервые для региона рассчитаны реальные размеры стоимости ресурсов особо охраняемых природных территорий. Полученные результаты легли в основу оптимизации режимов использования и охраны территорий обследованных заказников.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории, природные заказники, экосистемы, природные ресурсы, альтернативная стоимость.

Необходимость обновления документальной базы и поиска путей оптимизации деятельности особо охра-

Принимая $\hat{z} = \hat{L}$, получим распределение концентрации у выхода из водовода:

$$c(\hat{L}, \tau) = \frac{(c_0 + c_{np})}{2sh \frac{\sqrt{D}\hat{L}}{2\hat{\epsilon}_s}} \left[\exp\left(\frac{\hat{z}}{2\hat{\epsilon}_s}\right) - \exp\left(\frac{\sqrt{D}\hat{z}}{2\hat{\epsilon}_s}\right) - \exp\left(-\frac{\sqrt{D}\hat{L}}{2\hat{\epsilon}_s}\right) \right] e^{-\lambda\tau}. \quad (34)$$

Откуда определим время достижения концентрации $z = \tau^*$, когда бактерии в водоводе возрастает до допустимой нормы:

$$\tau = \frac{1}{\lambda} \ln \left[\frac{c_0 + c_{np}}{c^*} \left[\exp\left(\frac{\hat{z}}{2\hat{\epsilon}_s}\right) - \exp\left(\frac{\sqrt{D}\hat{z}}{2\hat{\epsilon}_s}\right) - \exp\left(-\frac{\sqrt{D}\hat{L}}{2\hat{\epsilon}_s}\right) \right] \right] \quad (35)$$

или

$$t = \sqrt{\frac{V_0 W_0 + W_{np}}{g W_{np}}} \ln \left[\frac{c_0 + c_{np}}{c^*} \left[\exp\left(\frac{\hat{z}}{2\hat{\epsilon}_s}\right) - \exp\left(\frac{\sqrt{D}\hat{z}}{2\hat{\epsilon}_s}\right) - \exp\left(-\frac{\sqrt{D}\hat{L}}{2\hat{\epsilon}_s}\right) \right] \right].$$

Таким образом, получено распределение концентрации бактерий в водотоке до подачи воды населению. При условии одновременной работы секций притока и оттока:

$$m_0 = \frac{e^{-\lambda\tau} c_{np} \hat{Q}^* \int_0^{\hat{L}} \hat{Q}_{np}(\tau) d\tau - c^* \hat{Q}^* \int_0^{\hat{L}} \hat{Q}_{от}(\tau) d\tau}{1 + \hat{Q}^* \int_0^{\hat{L}} \hat{Q}_{np}(\tau) d\tau - \int_0^{\hat{L}} \hat{Q}_{от}(\tau) d\tau}. \quad (36)$$

Выводы

Уравнение (34) позволяет определить концентрацию бактерий в конечном участке рассматриваемого отсека водовода. С помощью зависимости (35) можно прогнозировать время, за которое в системе водоснабжения вода приобретает безопасное состояние. Зависимость (36) позволяет учитывать изменения гидравлического сопротивления при решении задач по установлению концентрации бактерий в составе питьевой воды.

няемых природных территорий (ООПТ) регионального уровня послужило основанием для проведения эколо-

гического обследования территорий заказников Алтайского края. Проводимые работы были инициированы Департаментом по охране окружающей природной среды Администрации Алтайского края и Государственным природным заповедником «Тигирекский». Методической основой послужила Инструкция «Требования к составу материалов комплексного экологического обследования участков территории, представляемых на государственную экологическую экспертизу, для придания им правового статуса особо охраняемых природных территорий субъекта Российской Федерации», утвержденная Приказом Главного управления природных ресурсов и охраны окружающей среды МПР России по Алтайскому краю (ГУПР по Алтайскому краю) №155 от 30.12.2003 г.

В настоящее время в крае официально существуют 34 государственных природных заказника общей площадью 766 тыс. га или 4,6% площади края, располагающихся преимущественно в ложбинах древнего стока, пойме р. Обь, горных сооружениях Алтая и Салаира. Нами рассмотрены некоторые из них в части разделов 4 «Социально-экономическая характеристика района размещения ООПТ» и 5 «Эколого-социальное обоснование организации ООПТ» Инструкции (табл. 1).

Раздел «Социально-экономическая характеристика района размещения ООПТ» предусматривает наличие сведений о населении и расселении, хозяйственном использовании территории. Данные о хозяйстве и населении получены в органах местного самоуправления административных районов, имеющих в своих границах природные заказники. Численность постоянного населения на ООПТ существенно разнится (табл. 2).

В настоящее время численность населения населенных пунктов заказников и территорий, прилегающих к ним, находится в относительно стабильном состоянии. Перспективы развития населенных пунктов связаны с повышением уровня их социального и инженерного обустройства. Закон Алтайского края от 10 марта 2004 г. № 5-ЗС «Об утверждении краевой целевой программы «Социальное развитие села до 2010 года» предполагает повышение уровня и качества электрогазоснабжения сельских поселений; обеспечение их телефонной и телекоммуникационной связью; расширение и усовершенствование дорожной сети; развитие современного жилищного строительства и социального обустройства села. В части заказников перспективным видится развитие сети рекреационных объектов, ориентированных на пляжный (Лебединый), детский отдых (Гилевский, Лебединый) и

промысловый туризм (Тогульский). Это в свою очередь позволит улучшить социально-экономическую ситуацию заказников за счет создания новых рабочих мест с большой вариативностью специализаций, увеличения объемов налоговых поступлений в бюджеты районов.

Население, проживающее в заказниках — сельское, что определяет своеобразие потребления природных ресурсов. Основным видом ресурсов являются земельные, обеспечивающие животноводство пастбищными и кормовыми угодьями, растениеводство — пахотными площадями. Большинство пригодных для пашни земель освоены в конце XIX-середине XX века. Пастьба скота ведется на неудобьях и сопочных массивах, в окрестностях населенных пунктов, на приречных территориях.

Лесные ресурсы разнятся по заказникам. Значительны они в Бобровском, Кислухинском и Тогульском, весьма скудны — в Лебедином, Гилевском и Уржумском. Эксплуатация лесов на особо охраняемых природных территориях запрещена за исключением санитарных рубок. Потребность жителей в деловой древесине и дровах удовлетворяются за счет ввоза. Практически во всех заказниках в нарушение установленных норм население осуществляет заготовку дров в прирусловых, балочных лесах, защитных лесополосах.

Таблица 1

Общие сведения об объектах исследования

Заказник	Местоположение	Площадь, га	Год создания	Цель организации
Бобровский	III-IV надпойменные террасы р. Обь	26 000	1972	Сохранение экосистем Верхней Оби, местообитаний животных и растений лесного и водно-болотного комплексов
Кислухинский	Правобережная пойма, I-IV надпойменные террасы р. Обь	39 000	1976	Сохранение природных комплексов правобережья Оби, мест естественного обитания животных сосновых лесов
Лебединый	Левобережная пойма, I-II террасы Нижней Катунь	38 200	1973	Сохранение природных комплексов Нижней Катунь, мест естественной зимовки лебедей
Гилевский (Лифляндский)	Правобережье верхнего течения р. Алей	11 552	1970	Сохранение степных сопочных массивов, мест перелетно-предлетных скоплений водоплавающих и околоводных птиц
Тогульский	Салаирский край	65 000	1975	Сохранение природных комплексов, животных и растений черневой тайги
Уржумский	Приобское плато	21 000	1976	Сохранение степных природных комплексов и их обитателей

Таблица 2

Численность населения на территории заказников

Заказник	Численность постоянного населения, чел.	Плотность населения на территории заказника, чел/км ²	Плотность населения на территории, сопредельной с заказником, чел/км ²
Бобровский	654	0,4	13
Кислухинский	Нет	0	70,8
Лебединый	4245	9,8	12,1
Гилевский	13	0,2	58,3
Тогульский	Нет	0	5,2
Уржумский	821	10,1	6,0

Водные ресурсы заказников включают постоянные и временные водотоки, естественные и искусственные водоемы, подземные воды и источники. Во всех водоемах осуществляется лов рыбы, а в лесных массивах — сбор растительного сырья местным населением для личного потребления. В ряде случаев имеет место браконьерская добыча объектов животного мира. Имеющиеся в заказниках рекреационные ресурсы, как правило, приуроченные к акваториям, используются преимущественно местными жителями и жителями сопредельных территорий. Ограничения на хозяйственное использование территорий водоохранных зон и прибрежных защитных полос водоемов в границах заказников нередко нарушаются. Однако в связи с низкой численностью населения, ущерб, наносимый природным комплексам и их компонентам, можно считать незначительным.

Основное направление хозяйственной деятельности населения — сельскохозяйственное производство (земледельческо-животноводческое) и переработка сельскохозяйственного сырья. Это определяет характер и источники загрязнения окружающей среды. Так, наиболее частыми агентами загрязнений являются ядохимикаты и минеральные удобрения, вносимые на пахотные угодья, отходы сельхозпредприятий, выхлопы автотранспорта и горюче-смазочные материалы. Наиболее экологически опасными объектами являются коллекторные насосные станции, отстойники, поля фильтрации, свалки бытовых отходов, скотомогильники и склады ядохимикатов и др. Загрязнению подвергаются либо могут быть подвержены все природные среды, что не исключает возможность негативного влияния на биоразнообразие и качество окружающей человека среды.

Раздел 5 «Эколого-социальное обоснование организации ООПТ и экономическая эффективность» включает: сведения об экологической значимости природных комплексов и объектов на обследованных участках; характеристики эколого-познавательных и рекреационных возможностей, историко-культурной и природно-лечебной ценности территории; сведения об антропогенной нарушенности территории, а так же расчеты стоимости природных ресурсов заказников.

На территориях заказников встречаются редкие и нуждающиеся в охране растительные сообщества, внесенные в «Зеленую книгу Сибири», обитают животные и растения, включенные в Красную книгу Алтайского края [1, 2] (табл. 3).

Не вызывает сомнения важность заказников для сохранения уникальных экосистем региона и, прежде всего, степных предгорий Алтая. Поэтому их значение нельзя переоценить, тем более, что сохранение биоты возможно не только на ненарушенных землях, но и на сельскохозяйственных при ведении адаптивного сельского хозяйства. Следует отметить, что сегодня без сохранения эталонных участков крупных ландшафтных подразделений невозможно сохранение среды обитания человека как таковой.

Одной из задач, поставленных при создании заказников, явилась необходимость экологического воспитания и просвещения населения. В этом направлении общеобразовательные учреждения Алтайского края в целом и на рассматриваемых территориях, в частности, осуществляют преподавание дисциплин по охране окружающей среды и рациональному природопользованию, в том числе в рамках регионального компонента государственного образовательного стандарта. Ведется целенаправленная работа по формированию экологического мировоззрения школьников, как во время учебных занятий, так и во внеурочной работе по предметам. Внедряются районные программы экологического воспитания.

Все перечисленные заказники обладают набором ценных природных характеристик, способствующих

организации и развитию тех или иных форм отдыха и рекреации (табл. 4).

Как правило, на территориях заказников в настоящее время нет участков, специально выделенных для допустимых форм отдыха. Исключение составляет Кислухинский заказник, в границах которого находится санаторий «Обские плесы». Обычно население для рекреационных целей используют побережья водных объектов, где располагаются стихийные пляжи и площадки для пикникового отдыха. Такие пространства «отдыха» представляют собой совокупность стоянок (площадок), объединенных в полицентрические сети: цепь стоянок вдоль побережья, соединенных одной проселочной дорогой, реке — тропой. Рекреационное воздействие оказывается не только на основные стояночные площадки, но и на соединяющие их тропинки, а так же на внестояночные транзитные пространства. Часто участки захламливаются бытовым мусором, растительный покров на них деградирован или сведен, почва вытоптана до минеральной основы (чаще в местах спуска к воде).

Наименьшая интенсивность рекреационного воздействия характерна для труднопроходимых участков, используемых для рыбацких стоянок. Это, как правило, болотистые места, заросли кустарников, участки с крутыми берегами и т.д., удаленные от мест массового посещения. Стоянки здесь изолированные и имеют небольшие размеры.

Таким образом, обладая значительными рекреационными ресурсами и возможностями, территории заказников используются неорганизованно и ненормировано, что ведет к неизбежным значительным рекреационным нагрузкам. Организация экологического туризма в заказниках позволит регулировать нагрузки путем создания благоустроенных мест отдыха, а так же распределять потоки отдыхающих на сопредельные территории, снижая тем самым нагрузку на побережья водоемов.

В рамках исследований проведена оценка альтернативной стоимости природных ресурсов заказников. Под альтернативным использованием территории заказника подразумевается гипотетическая продажа земель с последующим коммерческим использованием (рубка, массовый охотничий промысел, застройка, рекреация и т.д.). Оценка проводилась по двум видам ресурсов: земельным и биологическим (лесным и животного мира).

Оценка стоимости земель приведена в соответствии с Постановлениями администрации Алтайского края, утверждающими результаты государственной кадастровой оценки земель в Алтайском крае. Стоимость представителей животного мира рассчитывалась на основании Кодексов Российской Федерации (налогового и об административных правонарушениях), Федерального закона №82-ФЗ от 19.07.2000 г. «О минимальном размере оплаты труда», Постановления администрации Алтайского края №570 от 01.11.2002 г. «Об утверждении правил охоты на территории Алтайского края». Данные об экспликации земель численности основных видов животных заказников предоставлены Департаментом по охране окружающей среды администрации Алтайского края и уточнялись в районных администрациях.

Оценка альтернативной стоимости ресурсов растительного мира составлена на основании данных Атласа Алтайского края (1978) о плотности запасов спелой и перестойной древесины, а так же прайс-листов лесоторговых организаций Алтайского края и г. Барнаула. В отсутствии запасов деловой древесины оценивались запасы дровяной древесины на основании Постановления Правительства РФ от 19.02.2001 г. №127 «О минимальных ставках платы за древесину, отпускаемую на корню». Структура альтернативной стоимости ресурсов заказников представлена в таблице 5.

Охраняемые сообщества и биологические виды в заказниках

Заказник	Растительные сообщества, внесенные в «Зеленую книгу Сибири»	Число видов растений, внесенных в Красную книгу Алтайского края	Число видов животных, внесенных в Красную книгу Алтайского края
Бобровский	Сосновый орляково-снытьевно-осочковый лес (<i>Pinus sylvestris</i> – <i>Pteridium aquilinum</i> + <i>Aegopodium podagraria</i> + <i>Carex macroura</i>)	11	24
Кислухинский	Сосновый орляково-снытьевно-осочковый лес (<i>Pinus sylvestris</i> – <i>Pteridium aquilinum</i> + <i>Aegopodium podagraria</i> + <i>Carex macroura</i>); Лужницево-красовласковые (<i>Callitriche verna</i> + <i>Limosella aquatica</i>) эфемеровые луга; Пойменный ветловый (<i>Salix alba</i>) и белотопольевые (<i>Populus alba</i>) лес; Осокорники (<i>Populus nigra</i>) лесостепные с третичными реликтами в составе	17	38
Лебединый	Перистоковыльные (<i>Stipa pennata</i>) луговые степи; Злаково-разнотравные (<i>Heteroherbae</i> + <i>Calamagrostis epigeios</i>) ксерофильные остепненные луга; Пойменные ветловые (<i>Salix alba</i>) леса; Осокорники (<i>Populus nigra</i>) лесостепные	8	39
Гилевский (Лифляндский)	Перистоковыльные (<i>Stipa pennata</i>) луговые степи; Залесскоковыльные (<i>Stipa zalesskii</i> + <i>Helictotrichon desertorum</i>) богаторазнотравно-дерновиннозлаковые степи; Мелкотравно-типчачковые (<i>Festuca valesiaca</i> + <i>Orostachys spinosa</i> + <i>Potentilla acaulis</i>) петрофитные степи; Вейниково-горичниковые (<i>Peucedanum morisonii</i> + <i>Calamagrostis epigeios</i>) остепненные луга; Послеселесные остепненные злаково-разнотравные (<i>Heteroherbae</i> + <i>Helictotrichon pubescens</i> + <i>Phleum phleoides</i>) луга предгорных районов; Пойменные ветловые (<i>Salix alba</i>) леса; Осокорники (<i>Populus nigra</i>) предгорностепные	17	44
Тогульский	Осиновый крупнотравно-коротконожковый (<i>Populus tremula</i> – <i>Brachypodium sylvaticum</i> + <i>Aconitum septentrionale</i> + <i>Anthriscus sylvestris</i>) лес; Злаково-разнотравные (<i>Heteroherbae</i> + <i>Dactylis glomerata</i> + <i>Helictotrichon pubescens</i>) мезофильные остепненные луга; Экстразональные таежные высокотравные (<i>Calamagrostis purpurea</i> + <i>Heracleum sibiricum</i> + <i>Pleurospermum uralense</i> + <i>Thalictrum flavum</i>) луга	8	25
Уржумский	Залесскоковыльные (<i>Stipa zalesskii</i> + <i>Helictotrichon desertorum</i>) богаторазнотравно-дерновиннозлаковые степи; Перистоковыльные (<i>Stipa pennata</i>) луговые степи; Вейниково-горичниковые (<i>Peucedanum morisonii</i> + <i>Calamagrostis epigeios</i>) остепненные луга; Березовый коротконожковый (<i>Betula pendula</i> – <i>Brachypodium pinnatum</i> + <i>Rubus saxatilis</i>) лес; Разнотравно-злаковые (<i>Hordeum brevisubulatum</i> + <i>Alopecurus arundinaceus</i> + <i>Cenolophium fischeri</i>) засоленные пойменные луга	7	16

Таблица 4

Виды туризма, перспективные на территориях заказников

Заказник	Возможные виды рекреации
Бобровский Кислухинский	Промысловый туризм Кратковременный палаточный и пикниковый отдых Отдых выходного дня Корпоративный активный отдых
Лебединый	Промысловый туризм Кратковременный палаточный и пикниковый отдых Отдых выходного дня Познавательный туризм
Гилевский (Лифляндский)	Промысловый туризм Кратковременный пикниковый отдых Отдых выходного дня Семейный сельский отдых («зеленый туризм») Познавательный туризм Детский оздоровительный бальнеологический отдых Пляжный отдых
Тогульский	Промысловый туризм
Уржумский	Промысловый туризм Пикниковый отдых

Таблица 5

Альтернативная стоимость природных ресурсов заказников, млн. руб.

Заказник	Стоимость земельных ресурсов	Стоимость ресурсов животного мира	Стоимость лесных ресурсов	Совокупная стоимость ресурсов ООПТ
Бобровский	54,8	5,3	21043,8	21103,9
Кислухинский	199,7	4,1	24139,5	24333,3
Лебединый	396,4	2,5	880,7	1279,6
Гилевский (Лифляндский)	162,7	1,7	0,1	164,5
Тогульский	199,7	4,1	32549,9	32753,7
Уржумский	281,3	1,0	300,0	582,0
Итого	1294,6	18,7	78914,0	80217,0

Несмотря на некоторые недостатки исходной информации, проведенная оценка позволяет составить представление об экономической значимости территорий заказников. Так, по данным администрации Алтайского края собственные доходы бюджета края в 2007 г. составят 15,955 млрд. руб. Таким образом, приблизительная совокупная стоимость земельных и биологических ресурсов рассматриваемых заказников по самым скромным оценкам составляет 80,2 млрд. руб., что соответствует доходам региона за 5 лет. Стоит отметить, что размер альтернативной стоимости весьма приближен. Реальные цифры могут быть увеличены на порядки при условии учета запасов рудного сырья и прочих полезных ископаемых, месторождения которых располагаются на территориях заказников, ресурсов пищевых и лекарственных растений, ягод, грибов и другого растительного сырья. В настоящей работе не учтены и возможные доходы от продаж квот на выбросы углекислого газа в атмосферу в рамках Киотского Протокола, вступающего в силу в 2008 году, а также дохо-

ды от внешних инвестиций на охрану дикой природы и сохранение биоразнообразия, экологического туризма, имеющего перспективы развития на территориях заказников и т.д.

По результатам проведенной работы еще раз подтверждена весьма значительная роль заказников края как ядер биологического и ландшафтного разнообразия, как на территории Алтайского края, так и на юге Западной Сибири. Впервые показаны реальные размеры стоимости ресурсов особо охраняемых природных территорий, что в условиях мнимого отсутствия «цены» на многие природные блага, а следовательно, усиливающейся их доступности и уязвимости, создает возможность для трансформации несколько формально существующих («виртуальных») ООПТ в реальные объекты экономики, планирование деятельности и развития которых следует выстраивать с учетом природоохранной значимости территории и экономической ценности располагающихся на ней ресурсов.

Библиографический список

1. Зеленая книга Сибири: Редкие и нуждающиеся в охране растительные сообщества. — Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1996. — 396 с.
2. Красная книга Алтайского края. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды растений. — Барнаул: ОАО «ИПП «Алтай», 2006. — 262 с.

Статья поступила в редакцию 05.09.08.

УДК 911.2 + 551.4

Ю.М. Цимбалей, канд. геогр. наук, в.н.с. Института водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул

ЛАНДШАФТНО-БАСЕЙНОВЫЙ ПОДХОД ПРИ ОЦЕНКЕ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ

В статье рассматриваются вопросы структуризации водных ресурсов для целей их оценки при разработке систем регионального природопользования. Анализируются взаимоотношения в системе бассейн — ландшафт. Показана целесообразность рассмотрения водных ресурсов на бассейновом, ландшафтном и административном уровнях.

Ключевые слова: водные ресурсы, региональные ландшафты, бассейны поверхностных и подземных вод.

С развитием производства существенно возрастает потребность в водных ресурсах, без участия которых не обходится практически ни один вид хозяйственной деятельности. Исключительность их положения усилена и той ролью, которую вода играет в процессах метаболизма и всей жизнедеятельности биоты.

Ресурсы пресных вод распределены весьма неравномерно. Растущее водопотребление, не всегда соответствующее обоснованным количественным ограничениям, ведет к истощению запасов, а также ухудшению качества вод как из-за превышения экологически допустимых лимитов отбора, так и антропогенного загрязнения. К тому же и сами ограничения иногда трансформируются в угоду потребностям и могут выйти на уровень, не вполне корректный по отношению к естественным возможностям водного объекта.

В связи с изложенным в ряде регионов, даже таких, казалось бы в избытке обеспеченных водными ресурсами, как Западная Сибирь, складываются неблагоприятные водно-экологические условия, определяемые дефицитом чистой воды и опасной для жизнедеятельности санитарно-эпидемиологической обстановкой. Особенно это касается поверхностных вод, имеющих важное значение в водообеспечении населения, промышленности, сельского хозяйства, выполнении функций приема сточных вод, разбавления и естественного обеззараживания поллютантов, поступающих с неочищенными или недостаточно очищенными сточными водами. Заметим, что последние категории сто-

ков уже в настоящее время являются анахронизмом и должны уйти в прошлое, т.к. ресурсы самоочищения не бесконечны.

Таким образом, потребность в разработке научно обоснованного подхода к оценке водных ресурсов, планированию хозяйственного водооборота, обоснованию использования, восполнения и охраны вод является весьма актуальной.

Оценка водных ресурсов в глобальном масштабе имеет основополагающее, фундаментальное значение для общего понимания большого круговорота воды в природе. Однако в практическом отношении не менее важно знание их структуры, как территориальной (пространственное распределение, объемы и качество ресурсов, условия и параметры трансграничных обменов), так и динамической, подразумевающей временную внутригодовую и многолетнюю изменчивость. Именно структура водных ресурсов лимитирует разработку систем регионального природопользования и в совокупности с последними позволяет определять стратегию их рационального использования, перераспределения и охраны.

Территориальную структуризацию водных ресурсов целесообразно рассматривать на трех уровнях: бассейновом, ландшафтном и административном. Каждый из них отличается территориальным охватом, совокупностью возможностей и решаемых вопросов, соотношением с потребностями общества, обеспеченностью исходными данными.

Бассейновый уровень имеет наибольшую природную обусловленность, поскольку бассейны рек однозначно разграничены объективными водоразделами, полностью, с учетом бассейнов замкнутого стока, покрывают сушу, в пределах бассейнов замыкаются круговороты воды различного порядка (в соответствии с порядком рек), подпадающие балансовым расчетам [1]. По бассейнам или их крупным частям в конечном итоге концентрируются региональные отчетные данные по характеру и интенсивности водопользования (водопотребления и водоотведения), качественным характеристикам водных ресурсов.

В общем круговороте воды на земном шаре, наряду с поверхностными, участвуют и подземные воды, хотя процессы водооборота, особенно в глубинных зонах замедленного водообмена, идут преимущественно в масштабе геологического времени. Структура их представлена артезианскими бассейнами различного порядка и связана с геолого-геоморфологическим строением территории, т.е. с той же основой, на которой базируется региональная ландшафтная структура. Эта общность позволяет использовать последнюю в индикационных целях для прогнозной оценки водно-ресурсного потенциала региональных природных комплексов различного уровня, что попытаемся показать на примере некоторых схем гидрогеологического районирования Западной Сибири, которые представляются нам наиболее интересными.

Региональный уровень ландшафтной дифференциации представлен рядом основных физико-географических подразделений — страной, зональными областями, провинциями и районами. Шкала гидрогеологического районирования, характеризующего структуру подземных вод, гораздо менее подробна и включает, по данным [2] применительно к территории Западной Сибири, одноименный мегабассейн подземных вод, систему макрозон (территория равнин юго-востока Западной Сибири, например, приурочена к семиаридной макроне) и провинций (та же территория лежит в пределах двух провинций — умеренно пресных и пресных зон выщелачивания в лесостепной части и пестрых по минерализации — от пресных до рассолов — подземных вод континентального засоления и выщелачивания — в степной).

В другой, более ранней, схеме [3] выделяются гидрогеологические районы 1-го, 2-го и 3-го порядков. К району 1-го порядка относится, по терминологии авторов, Западно-Сибирская платформенная область, образующая соответствующий по рангу артезианский бассейн. Артезианские бассейны 2-го порядка приурочены к крупным геологическим структурам платформенного чехла (например, Кулундинской впадине соответствует Кулундинско-Барнаульский артезианский бассейн). Районы 3-го порядка соответствуют основным орографическим элементам и не образуют самостоятельные артезианские бассейны. К ним отнесены Приобское плато, Кулундинская аллювиальная равнина, Обь-Чумышская возвышенность. В рассматриваемой схеме заложены принципы генетического единства отдельных выделов, что представляется более обоснованным и логично увязывается с подходом к анализу азональных факторов региональной ландшафтной дифференциации [4].

В упомянутых выше работах [2, 3] подчеркивается влияние ландшафтно-климатических условий на формирование ресурсов и качественного состава не только грунтовых, но и напорных вод кайнозойских отложений, а в прибортовой части платформы — и подземных вод мезозоя в зонах свободного и даже затрудненного водообмена, однако рассмотренные схемы гидрогеологического районирования эти моменты практически не

учитывают. В результате сопоставления схем просматриваются довольно убедительные соотношения между крайними единицами районирования — странами и районами. Так, Западно-Сибирской равниной физико-географической стране соответствует гидрогеологический мегабассейн подземных вод или район (бассейн) 1-го порядка, т.е. во всех схемах имеется полное территориальное совпадение. Физико-географический район наиболее близок по содержанию гидрогеологическому району 3-го порядка, однако есть существенные различия. Гидрогеологический район не учитывает подзональных особенностей географической оболочки, а в другой из приведенных схем на соответствующем этапе выделены гидролого-климатические зоны по степени атмосферного увлажнения, т.е. использован дифференцирующий фактор иного содержания.

Физико-географическим зональным областям не находится соответствующих гидрогеологических аналогов. В одной из схем семиаридная макроне включает степную и лесостепную зональные области, в другой — зональный фактор вообще не рассматривается.

На провинциальном уровне картина аналогична, и при выделении гидрогеологических провинций используются различные критерии, такие как химический состав подземных (а, отчасти, и поверхностных) вод или его генетические особенности.

В целом рассмотренные схемы гидрогеологического районирования не учитывают всех особенностей географической обстановки, влияющих на состав и свойства гидросферы и участвующих в ее дифференциации, и требуют дальнейшего уточнения, однако наличие, особенно в схеме 1972 года, адекватный с физико-географическим районированием подход к учету геолого-геоморфологической основы, что позволяет использовать индикационные возможности региональных ландшафтов при оценке гидрогеологических условий территории.

Так, с точки зрения ресурсов подземных вод более перспективны физико-географические провинции, связанные с современными отрицательными макроморфоструктурами, имеющими унаследованное развитие, т.е. приуроченные к синеклизам (например, Кулундинская провинция). Они отличаются повышенной мощностью рыхлых отложений — коллекторов, а также, как правило, более высокими напорами артезианских вод, что вполне физически объяснимо. Близки им и провинции, приуроченные к современным инверсионным приподнятым плато (Верхнеобская провинция), но ожидаемые напоры менее значительны, что также соотносится с их внутренним строением.

Противоположная ситуация в физико-географических провинциях, соответствующих отрицательным макроморфоструктурам инверсионного типа и, особенно, положительным унаследованным макроморфоструктурам. В тех и других мощность осадков может быть менее значительна, если на кайнозойском этапе развития не произошло их заметного накопления. При подробном анализе выявляются и другие закономерности.

Если бассейны подземных вод строго локализируются в пределах геоморфологических структур, то поверхностные водосборные бассейны имеют существенное отличие. Границы водосборов проходят по водоразделам внутри геоморфологических и, соответственно, физико-географических выделов, и чем выше порядок водотока (по нисходящей порядковой классификации), тем сложнее его структура на региональном ландшафтном уровне. Так, например, Обь-Иртышский бассейн почти полностью охватывает территорию Западно-Сибирской физико-географической страны за исключением ее крайней восточной части, дренируемой Енисеем, и выходит далеко за ее пределы: истоки Оби,

Иртыша и их притоков располагаются в пределах соседних физико-географических стран — Уральской, Центральноказахстанской, Алтае-Саянской. Это обстоятельство заставляло при использовании бассейнового принципа районирования относить к Сибири части территории Урала, Казахстана, Китая, а применительно к сибирскому макробассейну — дополнительно и Дальнего Востока, и Монголии [5].

Между тем, рассматриваемый крупный речной бассейн объединяет территории с различной орографией (низменности, плато и возвышенности, горные системы) и широким биоклиматическим диапазоном — от тундры до полупустыни. Такая сложность строения водосборной поверхности требует дифференцированного подхода к изучению и оценке условий формирования стока и учету всех особенностей региональной ландшафтной структуры территории.

Внутри страны водосборный бассейн разделяется на региональные физико-географические выделы ранга провинций, в которых проявляются как зональные особенности геосферы, так и другие ее свойства, в т.ч. условия рельефа, энергия которого обуславливает глубину и, отчасти, густоту речной сети, скорость освобождения территории провинции от выпавших атмосферных осадков и т.д., т.е. вычленение части водосборного бассейна в рамках провинции имеет определенный физический смысл. Кроме того, разрабатываемая в ИВЭП СО РАН концепция региональных систем устойчивого развития применительно к физико-географическим провинциям требует оценки водных ресурсов на этом уровне.

Ландшафтная и бассейновая структуры тесно связаны между собой, однако соотношения бассейнов и ландшафтов регионального и топологического уровней имеют существенные различия.

При обсуждаемой спорности вопроса о ведущей роли азональных или зональных факторов ландшафтной дифференциации, следует все-таки признать, что материальную основу или ядро региональных ландшафтов составляют геолого-геоморфологические тела, созданные эндогенными процессами и различающиеся энергией рельефа в зависимости от их гипсометрического уровня.

Поверхностный сток — продукт климата, энергетически обусловлен силой тяжести и в конечном итоге находится в прямой зависимости от энергии рельефа. Иными словами, атмосферная влага, выпадающая на сушу, лежащую гипсометрически выше уровня мирового океана, неизбежно возвращается к исходной, более устойчивой, энергетической позиции, израсходовав приобретенный при атмосферном переносе запас энергии на эрозионную деятельность. В процессе этого стока за счет регрессивной эрозии и возникает саморазвивающаяся бассейновая система, играющая роль структурного организатора стока и выводящая из территориальных комплексов привнесенную через атмосферу влагу. Это позволяет считать речной бассейн функциональной системой, задействованной на определенном этапе большого круговорота воды в природе. По своей сути — это некая подсистема, выделенная из общегеографической системы по выполняемой природной функции и объе-

диненная направленными вещественно-энергетическим и информационным потоками.

Общая структура речной сети в бассейнах полностью соответствует гипсометрическому положению региональных ландшафтов (сток с поднятий, транзит по равнинам), а текстура определяется пликвативной и дизъюнктивной тектоникой (освоение зон разломов и выраженных на поверхности складчатых структур) и литологическим составом горных пород (опережающее разрушение и размыв неустойчивых пород).

Развитие бассейна поверхностного стока ведет к расчленению рельефа и образованию совокупности морфоскульптурных форм, производящих внутрибассейновое перераспределение тепла и влаги и служащих основой ландшафтных комплексов топологического уровня, т.е. формирующих морфологическую структуру региональных ландшафтов. Это мезо-, микро- и более мелкие формы рельефа экзогенного происхождения, которым соответствуют местности, урочища, фашии. Эти же элементы рельефа (в совокупности с гранулометрическим составом горных пород, определяющим коллекторные или водоупорные свойства) контролируют размещение, формы поверхностных водных объектов, направленность био-, гидрохимических и других процессов, формирующих качественный состав как поверхностных, так и подземных вод.

В целом, нам представляется, что:

- ландшафтная и бассейновая структуры находятся в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности и развиваются одновременно и взаимозависимо (синхронно);
- первичной основой является региональная ландшафтная структура эндогенного генезиса;
- бассейновая структура развивается на фоне региональных ландшафтов и контролируется геолого-геоморфологической структурой, осваивая, в первую очередь, ослабленные зоны тектонических нарушений и наиболее податливые эрозии геологические образования;
- бассейновая структура саморазвивается за счет процессов регрессивной (пятащейся) эрозии и формирует ландшафтную структуру топологического уровня (формы мезо- и микро-рельефа — основа топологических природно-территориальных комплексов);
- в пределах водосборных бассейнов создается своеобразная ландшафтная структура, состоящая из двух блоков: первичного, связанного, условно, с дофлювиальной стадией развития региональных ландшафтов, и собственно флювиального как продукта саморазвития бассейновой системы и приводящего к топологической ландшафтной дифференциации.

Наконец, административное деление территории. При почти полном отсутствии физико-географической подоплеку административных границ все планирование и первичная отчетность имеют административную структуру, так что ресурсное обеспечение управляющих решений на административном уровне, конечно в увязке с провинциальным и, особенно, бассейновым, диктуется жизнью.

Библиографический список

1. Корытный, Л.М. Бассейновая концепция в природопользовании / Л.М. Корытный. — Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2001. — 163 с.
2. Ресурсы пресных и маломинерализованных подземных вод южной части Западно-Сибирского артезианского бассейна / Сост.: И.М. Земскова, Ю.К. Смоленцев, М.П. Полканов и др. — М.: Недра, 1991. — 262 с.
3. Гидрогеология СССР. Том XVII. Кемеровская область и Алтайский край. — М.: Недра, 1972. — 399 с.
4. Винокуров, Ю.И. Региональная ландшафтная структура Сибири: монография / Ю.И. Винокуров, Ю.М. Цимбалей. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. — 96 с.
5. Корытный, Л.М. Проблемное водно-ресурсное районирование Сибири / Л.М. Корытный // География и природные ресурсы. — 1994. — № 1. — С. 5-15.

Статья поступила в редакцию 05.09.08.

УДК 631.41

С.Н. Балыкин, канд. биол. наук, н.с. ИВЭП СО РАН, г. Барнаул
Д.В. Черных, канд. геогр. наук, доц., с.н.с. ИВЭП СО РАН, г. Барнаул

РАДИОНУКЛИДЫ В ПОЧВАХ ГЕОХИМИЧЕСКИХ ЛАНДШАФТОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО АЛТАЯ

Изучены закономерности внутрипрофильного и пространственного распределения естественных радионуклидов и Cs-137 в почвах геохимических ландшафтов верхней части бассейна реки Правый Самыш.

Ключевые слова: радионуклиды, почвы, геохимические ландшафты

Таблица 1

Радионуклиды в почвах катены №1

Горизонт, глубина (см)	U-238	Th-232	K-40	Cs-137	Бк/кг
1. Останцовая вершина. Горно-лесная оторфованная маломощная почва на элювии кристаллических сланцев.					
A ₀	0-1	95,2	2,6	8,8	38,0
A ₀	1-4	84,4	н.о.	н.о.	131,0
A	4-14	22,3	9,4	42,8	84,0
г/порода	14,7	8,1	66,6	н.о	
2. Верхняя часть склона (∠35°). Горно-лесная бурая типичная почва на щебнисто-суглинистом элювио-делювии кристаллических сланцев.					
A ₀	0-0,5	25,9	1,2	18,0	21,0
A	0,5-6	19,6	9,4	95,8	88,0
AB	6-20	40,1	14,6	162,9	8,0
B	20-43	21,8	16,4	183,3	н.о
BC	43-70	40,9	15,0	188,1	н.о
г/порода	39,4	8,1	50,4	н.о	
3. Верхняя часть склона (∠18°). Горно-лесная бурая типичная почва на щебнисто-суглинистом элювио-делювии известковистых сланцев.					
A ₀	0-2	148,1	13,8	н.о	72,0
A	2-5	16,2	11,8	222,2	106,0
AB	5-10	31,7	17,8	260,8	52,0
AB	10-15	43,3	15,7	256,9	9,0
B ₁	15-20	17,8	19,1	257,6	н.о
B ₁	20-25	22,1	22,0	308,3	н.о
B ₁	25-30	16,5	21,1	303,0	н.о
B ₂	45-55	26,6	11,4	199,0	н.о
B ₃	60-70	26,3	14,6	175,6	н.о
BD	80-90	47,7	20,6	348,8	н.о
г/порода	15,7	6,9	58,6	н.о	
4. Средняя часть склона (∠20°). Горно-лесная бурая типичная почва на щебнисто-суглинистом элювио-делювии известковистых сланцев.					
A ₀	0-2	105,2	8,4	н.о	38,0
A	2-5	40,8	10,5	328,0	232,0
AB	5-10	29,6	17,8	281,4	33,0
AB	10-15	44,4	20,4	309,6	н.о
B ₁	15-20	34,6	19,4	278,1	н.о
B ₁	20-25	69,8	22,1	332,8	н.о
B ₁	25-30	45,1	20,4	344,0	н.о
B ₂	40-50	25,5	24,4	333,1	н.о
B ₃	65-75	44,0	23,5	282,5	н.о
BD	95-105	38,9	28,3	342,5	н.о
г/порода	18,4	1,5	н.о	н.о	
5. Нижняя часть склона (∠10°). Светло-серая лесная почва на щебнисто-суглинистом делювии известковистых сланцев.					
A ₁	0-4	88,1	20,8	339,9	104,0
A ₁ A ₂	4-20	77,3	23,7	358,6	н.о
A ₂ B	25-35	19,8	15,6	179,0	н.о
B ₁	40-50	33,1	39,4	491,9	н.о
B ₂	65-75	40,5	41,7	525,2	н.о
B ₃	85-95	82,8	46,3	406,7	н.о
BD	125-135	58,2	34,4	390,9	н.о

Примечание: н.о — ниже пределов обнаружения

Исследования проведены в верхней части бассейна реки Правый Самыш. Заложены три катены имеющие различия в экспозиционном и структурном отношении. В первом случае катена северо-западной экспозиции открывается в водосборную воронку, во втором — катена западной экспозиции открывается в дренированную долину реки, в третьем — катена восточной экспозиции открывается в заболоченную седловину.

Вследствие значительной крутизны склонов почвенный покров первой катены представлен маломощными почвами с обилием включений обломков горных пород. Почвообразование, в основном, происходит по буроземному типу. На вершине катены распространены органо-генные (с различной степенью разложения) почвы. Смена типа почвообразования происходит и в основной катены. Здесь мы наблюдаем уменьшение угла наклона поверхности, что приводит к усилению радиальной миграции веществ в профиле. При этом происходит более выраженная элювиально-иллювиальная дифференциация почвенной толщи по гранулометрическому составу. Периодическое переувлажнение верхней части профиля в данной точке обуславливает разрушение минералов. Реакция почвенного раствора во всех случаях кислая — слабокислая, даже не смотря на то, что в точках 3-5 почвы формируются на карбонатных породах. Связано это, вероятно, с активным выщелачиванием оснований за пределы почвенного профиля в условиях промывного типа водного режима и хорошей дренируемости почвенной толщи. Наблюдается постепенное смещение pH почвенного раствора в нейтральную сторону от вершины катены к ее основанию и в профиле почв от гумусовых горизонтов к подстилкающим или почвообразующим породам. Все исследуемые почвы относятся к многогумусным.

Удельная активность радионуклидов в почвах катены варьирует в широких пределах (табл. 1).

В пространственном распределении естественных радионуклидов проявляется следующая закономерность: концентрации их от вершины катены к основанию возрастают, особенно это относится к торью и калию. Внутрипрофильное распределение U-238 носит, в большинстве случаев, аккумулятивный или аккумулятивно-иллювиальный характер. При этом максимальными значениями его удельной активности отличаются подстилки (точки 1,3,4), гумусовые (точка 5) и иллювиальные горизонты (точки 4,5). Распределение тория и калия в профиле почв первой катены, практически во всех случаях, элювиально-иллювиальное.

Содержание искусственного радионуклида Cs-137 варьирует от 8,0 до 232,0 Бк/кг. Увеличения его концентрации в аккумулятивном ландшафте не обнаружено. Проникновение цезия в нижние горизонты почв незначительное. Глубже 10-20 см удельная активность его ниже пределов обнаружения.

Вторая катена имеет ступенчатую структуру и состоит из двух частей (точки 6-9 и 9-14, табл. 2). В почвах катены № 2 процесс оподзоливания так же выражен только в относительно стабильных условиях слабонаклонных поверхностей (3-15°). Причем, в точ-

ках 10 и 11 степень развития процесса позволяет выделить переходные горизонты гумусово-элювиальный и элювиально-иллювиальный, тогда как в разрезах 9 и 12 оподзоливание проявляется только в виде кремнеземистой присыпки в гумусовых горизонтах. В основании катены в нижних горизонтах горно-лесной бурой почвы обнаружены следы оглеения.

Радионуклиды в почвах катены №2

Горизонт, глубина (см)	U -238	Th-232	K-40	Cs-137	Бк/кг
6. Останцовая вершина. Примитивная почва на элювии кристаллических сланцев.					
г/ порода	55,8	16,2	351,9	н.о	
7. Верхняя часть склона ($\angle 25^\circ$). Горно-лесная бурая типичная почва на суглинисто-глибовом элювио-делювии кристаллических сланцев.					
A	0,5-8	33,8	19,0	275,6	121
AB	10-20	26,9	21,2	314,1	н.о
B ₁	30-40	22,1	23,0	315,4	н.о
B ₂	50-60	33,1	25,3	359,1	н.о
BD	75-85	20,6	17,2	334,3	н.о
8. Нижняя часть склона ($\angle 8-10^\circ$). Горно-лесная бурая типичная почва на глыбово-щебнисто-суглинистом элювио-делювии кристаллических сланцев.					
A ₀	0-2	35,9	н.о	101,7	23
A	2-6	25,1	14,9	242,4	145
AB	6-20	20,6	19,8	324,7	20
B ₁	40-50	22,5	25,3	346,0	н.о
B ₂	65-80	29,7	26,0	362,7	н.о
BD	85-95	29,7	28,0	363,3	н.о
9. Слабовыпуклая поверхность ($\angle 3-5^\circ$). Горно-лесная бурая слабооподзоленной почве на щебнисто-суглинистом элювии кристаллических сланцев.					
A ₀	0-4	23,0	3,5	39,1	73
A	4-10	24,7	12,9	259,9	179
AB	10-15	40,7	19,6	285,2	27
B	15-23	20,2	20,2	305,1	3
B ₁	30-40	30,7	23,7	331,0	н.о
B ₂	60-70	37,1	36,6	435,4	н.о
BD	80-90	20,5	24,3	658,3	н.о
D	120-130	22,1	15,4	478,2	н.о
10. Верхняя часть склона ($\angle 7-8^\circ$). Горно-лесная бурая оподзоленная почва на щебнисто-суглинистом элювио-делювии кристаллических сланцев.					
A ₀	0-3	27,6	1,8	107,4	88
A ₁	3-6	21,9	11,5	342,1	167
A ₁ A ₂	6-10	51,1	17,6	345,9	23
A ₂ B	10-15	28,3	20,6	426,2	н.о
B ₁	20-30	38,8	23,4	426,2	н.о
B ₂	40-55	114,5	26,6	426,0	н.о
BC	60-70	27,6	23,0	425,5	н.о
C	90-100	29,6	13,3	356,9	н.о
C	125-135	54,6	11,7	365,8	н.о
11. Средняя часть склона ($\angle 10-15^\circ$). Горно-лесная бурая оподзоленная почва на глыбово-суглинистом элювио-делювии кристаллических сланцев.					
A ₀	0-4	61,3	0,2	10,9	20
A ₁ A ₂	4-10	11,3	9,2	273,2	87
A ₂ B	10-40	23,1	24,1	503,9	н.о
B	40-80	25,0	25,9	507,4	н.о
BC	80-85	25,4	25,4	549,9	н.о
12. Средняя часть склона ($\angle 18-20^\circ$). Горно-лесная бурая слабооподзоленная почва на щебнисто-суглинистом элювио-делювии кристаллических сланцев.					
A ₀	0-4	20,9	0,9	45,6	75
A	4-10	12,0	10,9	281,1	142
AB	10-17	23,8	16,5	319,5	5
B ₁	17-25	30,6	20,9	388,0	н.о
B ₁	25-30	22,3	25,7	442,8	н.о
B ₂	37-64	32,6	26,8	570,5	н.о
BC	64-90	43,7	28,7	510,3	н.о
13. Крутая нижняя часть склона ($\angle 45^\circ$). Горно-лесная бурая типичная почва на щебнисто-суглинистом элювио-делювии кристаллических сланцев.					
A ₀	0-2	14,6	9,5	29,2	68
A	2-6	58,8	13,6	429,8	248
AB	6-11	26,5	17,0	416,9	н.о
B	11-40	21,9	20,9	520,8	н.о
B ₁	40-75	38,8	20,0	518,1	н.о
BC	75-90	24,1	23,9	550,7	н.о
14. Нижняя часть склона — шлейф ($\angle 7^\circ$). Горно-лесная бурая оглеенная почва на щебнисто-суглинистом делювии кристаллических сланцев.					
A ₀	0-5	95,4	12,1	49,6	8
A	5-11	15,6	13,2	306,1	69
AB	11-20	34,9	21,8	443,9	21
B	20-35	25,0	25,3	456,4	н.о
B ₁	35-58	33,1	37,2	509,3	н.о
B ₂	58-67	33,6	36,3	546,0	н.о
BC	67-84	36,5	33,1	505,7	н.о
C _г	84-110	60,7	36,5	501,3	н.о

Радионуклиды в почвах катены №3

Горизонт, глубина (см)	U -238	Th-232	K-40	Cs-137	Бк/кг
15. Останцовая вершина. Горно-лесная перегнойная почва на элювии кристаллических сланцев.					
A ₀	0-2	74,9	2,8	30,7	163
A ₁	2-8	23,3	3,3	60,2	115
A ₁ B	8-15(30)	10,7	7,3	76,6	21
г/порода	40,5	2,6	41,7	н.о	
16. Верхняя часть склона ($\angle 15^\circ$). Горно-лесная бурая типичная почва на щебнисто-суглинистом элювио-делювии кристаллических сланцев.					
A ₀	0-1	126,7	4,6	6,3	43
A	1-5	32,1	7,0	215,6	153
AB	5-10	24,2	14,4	297,2	17
AB	10-17	22,8	17,6	342,4	2
B	17-20	27,0	16,2	337,9	н.о
B ₁	20-25	26,4	21,4	375,1	н.о
B ₁	25-30	32,8	17,2	325,1	н.о
B ₂	50-60	26,8	18,3	355,6	н.о
B ₃	80-90	26,5	17,1	297,1	н.о
BC	105-115	29,4	12,9	345,2	н.о
17. Средняя часть склона ($\angle 12^\circ$). Горно-лесная бурая типичная почва на щебнисто-суглинистом элювио-делювии кристаллических сланцев.					
A	1-4	35,7	13,1	309,2	205
AB	4-11	40,0	11,8	329,9	99
B ₁	11-15	52,1	20,8	429,1	н.о
B ₁	15-20	31,6	17,4	403,1	н.о
B ₁	20-25	28,5	20,2	406,7	н.о
B ₁	25-30	26,7	18,9	385,6	н.о
B ₂	40-50	33,2	10,9	498,4	5
B ₃	65-75	40,0	26,9	524,8	н.о
BC	90-100	25,5	21,8	385,9	н.о
C	120-130	40,1	21,0	383,6	н.о
18. Средняя часть склона ($\angle 12^\circ$). Светло-серая лесная оглеенная почва на щебнисто-суглинистом элювио-делювии кристаллических сланцев.					
A ₀	0,5-5	35,7	13,7	280,9	79
A ₁	5-10	36,1	16,4	330,6	53
A ₁ A ₂	10-15	31,2	22,7	399,8	19
A ₁ A ₂	15-20	31,8	19,8	366,9	н.о
A ₂ B	20-25	27,5	18,2	348,1	н.о
A ₂ B	25-30	22,1	16,4	329,4	н.о
B ₁	40-50	28,2	19,5	379,1	н.о
B ₂	60-70	25,5	19,9	322,6	н.о
BC	75-85	23,9	23,1	297,5	н.о
BC	90-95	22,9	23,5	297,3	н.о
19. Нижняя часть склона ($\angle 5-7^\circ$). Лугово-болотная глеевая почва на щебнисто-суглинистом делювии кристаллических сланцев (H=1290 м).					
A	0,5-5	22,8	18,9	251,6	84
AB	5-13	33,9	28,8	374,6	30
B	13-20	25,6	19,3	275,0	н.о
B _{1г}	20-25	25,4	17,9	275,4	н.о
B _{1г}	25-30	20,8	20,3	308,8	н.о
B _{2г}	30-40	29,4	20,1	278,9	н.о
B _{3г}	45-55	33,1	16,5	236,6	н.о
BC _г	64-70	38,1	29,6	383,4	н.о

В среднем, содержание Th-232 и K-40 в почвах второй катены несколько выше, а урана — ниже. В пространственном отношении, распределение естественных радионуклидов не отличается от распределения в первой катене. Здесь так же происходит повышение удельной активности урана, тория и калия в почвах, развивающихся в основании катены (табл. 2).

Во всех представленных разрезах внутрипрофильное распределение тория и калия происходит по элювиально-иллювиальному типу. Распределение урана не так однозначно. В профиле почв 7, 8, 11, 13, 14 мы наблюдаем аккумулятивно-иллювиальное его распределение, а в точках 9 и 10 — элювиально-иллювиальное.

Как и в первой катене цезий сосредоточен в гумусовых горизонтах почв, не глубже 20 см.

Катена № 3 отличается разнообразием представленных здесь типов почв. На вершине развиваются перегнойные маломощные почвы, в верхней и средней части склона — горно-лесные бурые. В средней части

склона ближе, к основанию, формируются горно-лесные светло-серые почвы, в гидроморфных условиях заболоченной седловины — лугово-болотные почвы.

Заметного увеличения концентраций естественных радионуклидов в аккумулятивных ландшафтах третьей катены не обнаружено (табл. 3). Органогенные горизонты перегнойных почв характеризуются низким содержанием тория и калия. Такой четкой элювиально-иллювиальной дифференциации почвенного профиля по содержанию этих элементов, как в первых двух катенах, в почвах третьей катены мы не наблюдаем. А в лугово-болотной почве заметна некоторая аккумуляция тория и калия в гумусовых горизонтах.

Распределение урана в профиле представленных почв более или менее равномерное. Резко высоким содержанием U-238 характеризуются подстилки в точках 15 и 16. Возможно, это связано с преобладанием в составе подстилок мхов, способных накапливать уран до значительных концентраций [1, 2]. Внутрипрофильное распределение цезия аккумулятивное.

Выводы:

1. В гумидных условиях Северо-Восточного Алтая за счет латерального стока происходит увеличение концентраций естественных радионуклидов

Библиографический список

1. Поведение тяжелых естественных радионуклидов в техногенных ландшафтах южной Якутии / Л.Н. Михайловская, И.В. Молчанова [и др.] // Экология. — 1996. — №3. — С. 203-205.
2. Радиоактивное загрязнение полуострова Ямал и оценка радиационной опасности для населения / Н.М. Любашевский, В.И. Стариченко [и др.] // Экология. — 1993. — №4. — С. 39-45.

Статья поступила в редакцию 06.08.08.

УДК 574.587

Л.В. Яныгина, канд. биол. наук, доц., с.н.с. Института водных экологических проблем СО РАН, г. Барнаул

Е.Н. Крылова, м.н.с. Института водных экологических проблем СО РАН, г. Барнаул

ЗООБЕНТОС ВЫСОКОГОРНЫХ ВОДОЕМОВ БАСЕЙНА ТЕЛЕЦКОГО ОЗЕРА

Проанализированы состав, структура и пространственное распределение донных беспозвоночных в водоемах бассейна Телецкого озера. Отмечено низкое таксономическое разнообразие донных зооценозов исследованных водоемов. Приводится сравнительный анализ некоторых методов биоиндикации и рекомендовано использование индекса Вудивисса для оценки экологического состояния высокогорных водоемов.

Ключевые слова: зообентос, высокогорные озера, качество воды.

Введение

Разработка научных основ оценки экологического состояния водных объектов и нормирования антропогенных нагрузок на их экосистемы предполагает учет типа антропогенного воздействия и особенностей природных условий в различных природно-климатических зонах [10]. В этой связи особое значение приобретает изучение водоемов, находящихся на особо охраняемых природных территориях и не имеющих антропогенной нагрузки. Исследование особенностей распределения и динамики количественных показателей биоценозов таких фоновых водоемов дает ценный сравнительный материал для оценки характера и уровня изменений биоценозов водоемов со схожими природными условиями, но расположенных вне охраняемых территорий и подверженных антропогенному прессу. Исследованные водоемы бассейна Телецкого озера находятся на территории Алтайского государственного заповедника, эти водоемы труднодоступны и не имеют вблизи поселений.

Цель работы — изучение состава, структуры и пространственного распределения донных беспозвоночных животных высокогорных водоемов и разработка рекомендаций по оценке экологического состояния этих водоемов.

дов от элювиальных ландшафтов к аккумулятивным. При этом, значительную роль играет крутизна склона: чем больше угол наклона поверхности, тем интенсивнее вынос элементов. Данная закономерность не проявляется в отношении искусственного радионуклида Cs-137.

2. На относительно пологих элементах рельефа в почвенном покрове усиливается радиальная миграция веществ, о чем свидетельствует более выраженная элювиально-иллювиальная дифференциация профиля почв по гранулометрическому составу и содержанию естественных радионуклидов, особенно тория и калия.
3. Внутрипрофильное распределение урана имеет, в большинстве случаев, аккумулятивный или аккумулятивно-иллювиальный характер. Значительными концентрациями отличаются органогенные горизонты исследуемых почв.
4. Несмотря на промывной тип водного режима, кислую реакцию почвенных растворов, основное количество Cs-137 поступившего на поверхность почв аккумулируется в верхних горизонтах. Глубже 20 см удельная активность его ниже пределов обнаружения.

Материал и методы

Зообентос 18 водоемов бассейна Телецкого озера был обследован 7-17 августа 2007 г. Исследованные водоемы находятся на высоте 1500-1700 м над у. м. и относятся к бассейну р. Чульча (правый приток р. Чулышман). Водоемы небольшие по площади (0,1-1,7 км²), мелководны (средняя глубина 3,8 м), слабоминерализованы, хорошо прогреваются летом (до 20 °С), имеют слабоокисляемые насыщенные кислородом воды [3, 5]. В прибрежной части озер преобладают каменисто-галечниковые грунты, песчано-илистые участки незначительны. Пробы зообентоса с мягких грунтов отбирали трубкой (с площадью захвата 0,006 м²), с каменистых — гидробиологическим сачком (с последующим определением площади камней по их проекциям на плоскость). Затем пробы промывали через капровый газ с размером ячеек 350x350 мкм, выбирали животных и фиксировали их 70% этиловым спиртом. После установления постоянного веса животных разбирали по систематическим группам, считали и взвешивали на торсионных весах ВТ-500.

Для оценки экологического состояния были рассчитаны следующие индексы: олигохетный индекс Гуд-

найта [11]; индекс видового разнообразия [9], биотический индекс р. Трент [2].

Результаты

В бентосе р. Чульча отмечено 65 видов беспозвоночных животных, большинство из которых составили насекомые (42 вида, из них отр. Plecoptera, отр. Hemiptera, отр. Neuroptera по 1 виду; отр. Coleoptera 3 вида; отр. Trichoptera, отр. Ephemeroptera по 6 видов; отр. Diptera 24 вида). Среди других групп беспозвоночных были обнаружены представители кл. Oligochaeta (7 видов), кл. Hirudinea (4 вида), кл. Crustacea (4 вида), кл. Bivalvia (2 вида), кл. Gastropoda (2 вида), кл. Nematoda (2 вида), кл. Acari (2 вида). Наиболее часто встречались *Cricotopus* sp. (32% проб), *Gammarus* c.f. *barnaulensis* (26% проб) и *Gammarus* sp. (26% проб); большинство видов (62%) отмечено только в одной пробе и являются редкими для исследованного бассейна.

Большинство отмеченных видов беспозвоночных имеют палеарктическое или голарктическое распространение и встречаются как в других высокогорных водоемах бассейна, так и в Телецком озере. Среди гомотопных беспозвоночных особого внимания заслуживает распределение гаммарид (кл. Crustacea, сем. Gammaridae): *Gammarus* c.f. *barnaulensis* встречается преимущественно в небольших озерах высокогорной части бассейна; *Gammarus* sp. отмечен только в более крупном оз. Итыкуль; *Gammarus korbuensis*, реофильный вид, встречающийся также в притоках Телецкого озера, отмечен в среднем течении р. Чульча.

Бентосное сообщество исследованных водных объектов небогато в таксономическом отношении (в среднем $6,4 \pm 0,9$ видов в пробе); максимальное число видов (15) отмечено в р. Итыкульбажи. Индекс видового разнообразия Шеннона изменялся от 0,4 до 2,8 (в среднем $1,7 \pm 0,2$ бит/экз.), максимальные значения индекса отмечены в среднем течении рек и на заросших участках озер (табл.).

Средние численность и биомасса зообентоса каменистых и песчано-илистых грунтов исследованных водоемов бассейна р. Чульчи составили $1,5 \pm 0,3$ тыс. экз./м² и $3,7 \pm 0,9$ г/м², соответственно. Значительно выше ($7,2$ тыс. экз./м² и $51,7$ г/м², соответственно) эти показатели на сплаvine в зарослях макрофитов оз. Кубышка, что обусловлено развитием фитофильных беспозвоночных отр. Coleoptera и отр. Diptera. В остальных водоемах по численности доминировали преимущественно хирономиды, по биомассе — гаммариды.

Обсуждение

Бентосные сообщества высокогорных озер бассейна Телецкого озера небогаты в таксономическом отношении, однако весьма стабильны во временном аспекте. Сравнение полученных нами данных с результатами исследований 1946 г. [6] показало, что видовое богатство, таксономический состав и структура бентосного населения за 61 год существенно не изменились. При схожем объеме материала (18-20 водных объектов) в 1946 г. было обнаружено 69 видов, в 2007 г. — 65; 68% видов в 1946 г. и 62% — в 2007 г. были отмечены только в одной пробе, при этом коэффициент сходства Жаккара для двух таксономических списков членистоногих составил 24%. К наиболее часто встречаемым группам в обоих случаях отнесены гаммариды. Среди других особенностей таксономического состава донных сообществ можно отметить полное отсутствие брюхоногих моллюсков р. Лупнаеа и невысокое разнообразие других видов моллюсков, что объединяет эти озера с другими озерами окрестностей Телецкого озера и связано с неблагоприятным слабокислотным режимом этих водоемов [4].

Таблица
Численность, биомасса и биотические индексы бентосных сообществ водоемов бассейна р. Чульча

№	Название водного объекта	Координаты	N	B	S	H	W	Ко
1	р. Итыкультынбажи	N51°23'11" E88°48'20"	2,4	4,1	15	2,8	7	9
2	оз. В. Итыкуль	N51°22'53" E88°48'18"	0,8	2,5	14	2,4	8	14
3	оз. Н. Итыкуль	N51°20'13" E88°45'17"	0,9	1,9	7	2,1	7	0
4	исток р. Чульчи	N51°19'58" E88°45'7"	0,1	0,2	2	0,8	5	0
5	р. Чульча, среднее течение	N51°13'14" E88°37'11"	2,8	9,7	9	2,0	6	0
6	оз. Сайгоныш	N51°13'37" E88°27'39"	0,7	1,2	4	0,4	6	7
7	оз. Малый Сайгоныш	N51°13'34" E88°27'17"	0,6	4,7	5	1,7	5	0
8	оз. Кубышка	N51°13'42" E88°25'47"	7,2	51,7	9	2,6	7	0
9	оз. Арсоёк	N51°12'32" E88°22'2"	1,2	3,8	8	1,9	6	13
10	оз. Эльденгем	N51°15'50" E88°22'3"	1,8	12,3	4	1,9	5	0
11	оз. Тугунрлуачек-кель	N51°17'22" E88°17'11"	4,5	1,3	6	1,4	6	1
12	оз. Малду	N51°16'33" E88°10'45"	1,3	5,7	5	1,3	5	0
13	оз. Ташту	N51°16'36" E88°7'47"	2,7	0,6	6	1,7	6	0
14	оз. в бассейне р. Кайры	N51° 16'5" E88°2'48"	1,5	5,0	5	2,2	3	17
15	оз. Сундрук	N51°12'49" E88°6'37"	1,0	3,9	5	1,6	5	8
16	оз. Аюколь	N51°16'60" E87°57'40"	0,9	0,1	4	1,6	4	0

Примечание: N — численность, тыс. экз./м², B — биомасса, г/м², S — число видов, H — индекс Шеннона, W — индекс Вудивисса, Ко — индекс Гуднайта.

Широкий ареал распространения большинства отмеченных видов возможно связан с преобладанием в таксономической структуре зообентоса гетеротопных животных, имеющих более широкие возможности для расселения в наземно-воздушной стадии развития. Так в оз. Байкал среди гетеротопных насекомых только 43% эндемиков, среди гомотопных свободноживущих членистоногих (ракообразных) — 71% [8]. Большинство отмеченных в Телецком озере гаммарид также эндемично, имеет узкий ареал распространения и приурочено к определенным биотопам. Из обнаруженных в водных объектах бассейна р. Чульча гаммарид только *Gammarus lacustris* имеет широкое палеарктическое распространение; обитание *Gammarus korbuensis* приурочено к рекам и каменистой прибойной литорали озер района Телецкого озера; остальные виды встречаются только в высокогорных водоемах бассейна.

Особенностью донных зооценозов бассейна р. Чульча является доминирование гаммарид в бентосном сообществе, что характерно для горных и высокогорных озер Алтае-Саянской горной страны и отличает их от других горных систем [7, 1]. Средняя биомасса зообентоса водоемов бассейна р. Чульча соответствует значениям, полученным для озер Чибитской системы озер ($4,1$ г/м²) и незначительно ниже — Кара-Кудюрской ($5,8$ г/м²) [1].

Оценка экологического состояния высокогорных водоемов стандартными методами биоиндикации часто приводит к занижению качества воды и отражает неблагоприятные природные условия обитания гидробионтов. Так, по индексу видового разнообразия большинство исследованных водоемов следует отнести к 3-4 классу качества вод (умереннозагрязненные — загряз-

ненные). Связано это прежде всего с естественно низким биоразнообразием истоков рек и находящихся на водоразделе мелких озер. Каменистая литораль озер, обуславливающая низкую частоту встречаемости и невысокую численность олигохет, делает невозможным использование одного из самых распространенных метода биоиндикации — индекса Гуднайта. Адекватную оценку экологического состояния высокогорных озер могут дать только методы, основанные на встречаемости чувствительных к загрязнению групп гидробионтов: веснянок, поденок и ручейников. Применение одного из таких методов — индекса Вудивисса — позволило отне-

сти большинство исследованных водных объектов к 4-5 классу качества вод (умереннозагрязненные-чистые).

Таким образом, бентосные сообщества высокогорных озер бассейна Телецкого озера небогаты в таксономическом отношении, однако весьма стабильны во временном аспекте. Своеобразие фауны составляют гомотопные виды сем. Gammaridae. Численность, биомасса и структура бентосного сообщества водоемов бассейна р. Чульча соответствует аналогичным показателям других высокогорных озер Алтае-Саянской горной страны. Для оценки экологического состояния высокогорных водоемов рекомендуется использовать индекс Вудивисса.

Библиографический список

1. Вершинин, В.К. Зообентос некоторых водоемов Горного Алтая и его роль в питании интродуцированной пеляди / В.К. Вершинин, О.С. Коновалова, Л.А. Фоменко // Биологические ресурсы Алтайского края и пути их рационального использования. Тез. докл. конф. — Барнаул, 1979. — С. 123-124.
2. Вудивисс, Ф.С. Биотический индекс р. Трент. Макробеспозвоночные и биологическое обследование / Ф.С. Вудивисс // Научные основы контроля качества поверхностных вод по гидробиологическим показателям. Л.: Гидрометеиздат, 1977. — С. 132-161.
3. Гундризер, А.Н. К морфометрии озер бассейна реки Чульчи / А.Н. Гундризер // Исследования водоемов Сибири. Тр. Томского гос. ун-та. — Томск, 1950. — Т. 111. — С. 51-58.
4. Иоганзен, Б.Г. Пресноводные моллюски бассейна реки Чульчи / Б.Г. Иоганзен // Исследования водоемов Сибири. Тр. Томского гос. ун-та. — Томск, 1950. — Т. 111. — С. 137-142.
5. Иоганзен, Б.Г. К типологии водоемов бассейна реки Чульчи и некоторые соображения о возможностях рыбозаведения в них / Б.Г. Иоганзен // Исследования водоемов Сибири. Тр. Томского гос. ун-та. — Томск, 1950. — Т. 111. — С. 143-150.
6. Круглова, В.М. К биологии водоемов бассейна р. Чульчи / В.М. Круглова // Исследования водоемов Сибири. Тр. Томского гос. ун-та. — Томск, 1950. — Т. 111. — С. 67-86.
7. Лепнева, С.Г. Донная фауна горных озер района Телецкого озера / С.Г. Лепнева // Исследования озер СССР. — Л.: изд-во ГПИ, 1933. — Вып. 3. — С. 135-168.
8. Тимошкин, О.А. Озеро Байкал: разнообразие фауны, проблемы ее несмешиваемости и происхождения, экология и «экзотические сообщества» / О.А. Тимошкин // Аннотированный список фауны озера Байкал и его водосборного бассейна. — Новосибирск: Наука, 2001. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 16-74.
9. Шеннон, К. Математическая теория связи / К. Шеннон // Работы по теории информации и кибернетике. — М.: Ин. литер., 1963. — С. 243-332.
10. Яковлев, В.А. Проблемы и методы гидробиологического анализа качества поверхностных вод в условиях различных видов антропогенного воздействия / В.А. Яковлев // Биоиндикация в мониторинге пресноводных экосистем. Сб. материалов междунар. конф. — СПб.: ЛЕМА, 2007. — С. 28-32.
11. Goodnight, C.J. Oligochaetes as indicator of pollution / C.J. Goodnight, L.S. Whitley // Proc. 15th Annual Ind. Waste Conf. — Pardue, 1961. — P. 139-142.

Статья поступила в редакцию 06.08.08.

УДК 528.94

*И.Н. Ротанова, канд. географ. наук, доц., заместитель директора по научной работе
Института водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул*

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ КАРТОГРАФИРОВАНИЕ: СОВРЕМЕННОЕ КАРТОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Для получения представления о роли экологических карт в эколого-географических исследованиях было изучено и проанализировано около 2000 российских литературных и картографических источников 1990-2007 гг., посвященных научным основам, направлениям, методикам, сюжетам экологического картографирования. Показано, что эколого-географическое картографирование в системе картографического анализа сформировалось как метод исследований экологического состояния территориальных систем.

Ключевые слова: географическое тематическое картографирование, экологическое картографирование, картографический метод исследований.

Постановка проблемы. Эколого-географическое картографирование как сформировавшееся целостное направление в тематическом картографировании динамично и многосторонне развивается в мировом сообществе и в России на базе современных научных концепций в природопользовании; теоретико-методических положений экологических исследований; оценки, анализа изменений и охраны окружающей среды в результате хозяйственной деятельности человека, применяя математические методы и геоинформационные технологии.

Эколого-географическое картографирование в России является одним из основных средств познания действительности, моделирования состояния окружающей среды, а также элементом оценки проблемных ситуаций при анализе техногенного воздействия и решении вопросов природопользования.

Выделяют две стороны картографирования: содержательную, основывающуюся на изучении законов природы и функционирования общественных систем для разработки принципов и методов создания карт на основе достижений наук, и техническую, разрабатываю-

щую методы объективной и точной фиксации исследуемых объектов и явлений, их изображения, графической, а теперь и логико-моделирующей, переработки, интерпретации и синтеза информации. Содержательная и техническая стороны составляют единый процесс картографирования, являющийся одним из основных методов изучения природы - картографическим методом познания действительности.

Было изучено и проанализировано около 2000 российских литературных и картографических источников, представляющих собой журнальные публикации (20 научных журналов центральных издательств), статьи в сборниках научных трудов, материалы научно-практических конференций, книжные монографические и учебные издания, а также атласы и другие картографические произведения, вышедшие с 1990 по 2007 год, дающие представление о научных основах, ведущих направлениях, методиках, сюжетах экологического картографирования.

Анализ научных основ и общих теоретических положений эколого-географического картографирования. В рассматриваемый период последнего десятилетия XX века — первых семи лет XXI века картографические произведения экологического содержания заняли уверенное положение в исследованиях состояния окружающей среды.

Необходимость теснейшего взаимодействия и взаимопроникновения всех географических наук и географической картографии обсуждалась в трудах многих отечественных и зарубежных ученых в области естественных наук, среди которых К. Тролль, Н.Н. Баранский, В.Б. Сочава, П. Хагет, Я.Г. Машбиц, К.А. Салищев, В.С. Преображенский, И.П. Герасимов, А.Г. Исаченко, А.Ф. Асланикашвили, В.М. Котляков, А.А. Лютый, Б.И. Кочуров, А.М. Берлянт, Л.Г. Руденко и др. Это положение подтверждается и развивается в современный период. При постоянном увеличении информации экологической направленности, значительном усложнении проблем, возникающих при воздействии человека на природное окружение, расширении территорий с неблагоприятной обстановкой, с одной стороны, и высокой информационной емкостью, наглядностью и доступностью для восприятия, возрастающими технологическими возможностями анализа и обобщения, с другой стороны, картографический метод является незаменимым в научных и прикладных исследованиях, а также при принятии управленческих решений, направленных на улучшение среды жизнедеятельности человека.

Основные теоретические положения и методические установки экологического картографирования были определены ведущими учеными в области наук о Земле и жизни, а также ведущими картографами в 80-90-х годах XX века [1-10]. В обобщенном виде — эколого-географическое картографирование базируется на теоретических основах комплексного картографирования сложно организованных объектов. Его главное средство — моделирование ситуаций, возникающих при воздействии общества на природу и определяющих состояние окружающей человека среды на конкретной территории. Исходной базой экологического картографирования являются теоретические, методические и практические разработки таких направлений научных исследований, как природоохранное, ландшафтно-экологическое, медико-географическое и медико-экологическое, водно-экологическое, эколого-рекреационное, проблем природопользования и другие, которые активно развиваются в современной географической картографии.

Можно выделить несколько основных концептуальных направлений (групп концепций) экологического картографирования, таких как биоцентрическое, антропо-

и демоцентрическое, геосистемное, синтетическое [11-15]. Основные концепции экологического картографирования, несмотря на различия в исходных положениях, акцентах и категориях, имеют много общего. Это, прежде всего, анализ и отображение связей, отношений, взаимодействий в системах общество—природа, а также принятие положения о том, что разноплановость и разнородность информации, сложность и многообразие экологических проблем и ситуаций, делают необходимым создание для каждого региона серии экологических карт констатирующего, оценочного и комплексного (синтетического) содержания.

В настоящее время преобладают экологические карты, содержащие качественную или полуколичественную информацию (на основе балльных оценок, коэффициентов, индексов суммирования и т.п.). Это связано, в первую очередь, с разноплановостью используемых показателей и практической невозможностью отображения всех используемых при построении карт данных в абсолютном их выражении, а, во вторую, — с тенденцией комплексирования информации, пространственного анализа территории с использованием интегральных, оценочных показателей.

Важным для эколого-географического картографирования является определение его места в системе географической картографии и географических исследований в целом. Ряд специалистов-картографов считает, что это направление в тематической картографии связано с эволюцией картографических и географических исследований. Они связывают развитие эколого-географического картографирования с формированием геоинформационного картографирования как нового этапа в познании действительности и считают, что эколого-географическое картографирование в широком смысле характеризует способ и средства отражения закономерностей или особенностей состояния анализируемого географического объекта (явления) в соответствии с уровнем развития технического обеспечения [16-18].

Подходы и методики экологического картографирования. Структура эколого-географического картографирования как научно-прикладного направления, объединяющего географию, биологию, экологию и картографию, а также ряд более узких, специальных дисциплин, связана с современным пониманием экологии как взаимоотношений любого организма (или системы организмов) со средой. Так как экологические карты создаются для отображения, прежде всего, антропогенных воздействий и степени благоприятности территорий для жизни и определенных видов деятельности человека, то для них используются показатели, поддающиеся качественной, полуколичественной или количественной оценке, часто комплексные и в достаточной степени сопоставимые для разных природных условий.

Формирование в тематической картографии экологического направления непосредственно связано с развитием эколого-географических исследований. В связи с тем, что при разработке методических положений эколого-географических исследований применение картографических средств является первостепенным и неотъемлемым условием, отсюда любая разрабатываемая и используемая методика анализа и оценки экологического состояния окружающей среды подразумевает, в первую очередь, картографирование, а это дает право рассматривать карты экологической тематики как визуализированное представление методологии проведения эколого-географического исследования. Актуальность использования и отличительная роль современной картографии в исследовании эколого-географических проблем состоит в том, что она позволяет с помощью карт, построенных на принципах системного пространственно-временного моделирования, исследовать свой-

ства природных комплексов, их изменения во времени, связи и пространственные отношения.

В качестве операционных единиц картографирования — территориальных ячеек организации информации — могут использоваться, как регулярные сетки, так и административно-территориальные образования или природные ареалы, выделенные по различным основаниям (речные бассейны, лесные массивы, промышленные и добывающие регионы). Однако все чаще используется ландшафтная основа, которая наиболее соответствует отражению объективной реальности среды жизнедеятельности человека. Трудности применения ландшафтных единиц связаны с отсутствием детальных ландшафтных карт на ряд экологически проблемных территорий. К проблемам другого рода относится большая зависимость содержания карт от государственной и ведомственной статистической информации, имеющей приуроченность к единицам административно-территориального деления, что приводит к сложности ее интерпретации в природных контурах.

Экологические карты часто создаются как наглядное отображение результатов научных исследований, иллюстративный материал для анализа и обобщений, поэтому характер большинства экологических карт констатирующий.

Комплексные экологические картографические произведения на территории России в целом. Комплексные экологические карты и атласы на территории России обычно создаются большими коллективами авторов с использованием системного подхода. При создании карт опираются на ведущие теоретические концепции и комплексные методические разработки, соответствующие программам карт и атласов. Большая часть созданных карт содержит интегрированные показатели, получаемые при обработке громадного объема разнородной информации экологического характера. Такие карты носят универсальный научно-справочный характер. Они дают целостное представление об экологической ситуации как в целом в стране, так и в ее различных регионах [19-21]. Однако они могут быть посвящены и отображению относительно узкой, специальной экологической тематики (Эколого-геоморфологическая карта, Карта природно-климатических условий жизни населения, Карта экологического и свободного стока основных рек России).

Наиболее общепринятым для картографирования принят подход, сочетающий оценку и отображение двух категорий факторов — природных и техногенных (антропогенных). При этом содержание карт носит многоплановый — двухплановый и, все более часто, трехплановый характер. Первый план составляет характеристика природных условий как экологического фактора, иначе говоря, экологического потенциала природных комплексов. Второй план — антропогенно-техногенная составляющая экологической среды, включающая отображение фоновых нарушений природной среды, связанных с хозяйственным использованием земель, очагов техногенного воздействия на природную среду, границ охраняемых природных территорий. При этом все отображаемые объекты подразделяются по их экологическому состоянию или по экологической напряженности, дифференцируются по уровню загрязнения. Третий план — последствия изменений в окружающей среде для здоровья и условий жизнедеятельности человека.

Региональное эколого-географическое картографирование. Возрастающая практическая значимость эколого-географического картографирования и отсутствие единого комплексного подхода при региональных исследованиях определяют потребность в разработке методов, приемов и подходов картографического анализа экологического состояния для отдельных региональных

структур как природного, так и социального деления. Карты незаменимы при изучении пространственных различий и взаимосвязей, при необходимости выражения результатов исследований с точной территориальной привязкой. Карты сопровождают многие направления экологических исследований и служат рабочим инструментом, а также итоговым документом. Проведенный анализ свидетельствует о том, что из различных форм географической научной отчетности практиками более всего предпочитается карта. Кроме того, в последние годы к экологическим картам большой интерес проявляют не только специалисты, но и общественность. Публикации в научной печати свидетельствуют, что многие тематические карты самого разного содержания приобретают экологический характер при экологическом подходе к предмету отображения.

Проведение экологических исследований в российских регионах сопровождается картами узконаправленной специальной тематики, например, карты источников выброса вредных веществ в атмосферу, карты загрязнения снежного покрова, карты содержания тяжелых металлов в донных отложениях рек и т.п. Практически каждый показатель природно-ресурсного потенциала, антропогенного воздействия на природную среду, современного состояния компонентов окружающей среды, исследуемый в регионах, служит предметом отображения на компонентной или комплексной экологической карте. Некоторые из них имеют вспомогательное значение в качестве рабочих материалов, другие являются итоговым документом или источником информации для дальнейшего анализа. В ходе исследований осуществляется постепенный поэтапный переход от анализа к синтезу, от экологической оценки отдельных компонентов природной среды к экологическому потенциалу ландшафтов, к их состоянию с учетом антропогенных воздействий. Таким образом, в процессе регионального эколого-географического исследования создается комплект карт аналитического и комплексного содержания, а часто и серия экологических карт регионального уровня.

Такой подход и алгоритм создания экологических карт хорошо прослеживаются при анализе научных публикаций, раскрывающих результаты экологических исследований в регионах России [22-30], в том числе в Алтайском крае [31-36]. В процессе анализа журнальных публикаций, материалов конференций и статей в региональных сборниках научных трудов были изучены более 400 приведенных в них картографических произведений (карт и карто-схем), а также методики их создания более чем на 60 регионов России.

Экологические карты регионов России не являются единообразными ни по методикам, ни по тематике и элементам содержания. Их наполнение зависит от назначения, размеров, масштаба исследования и экологического состояния территории. В границах различных территорий России наблюдается разнообразие экологических факторов и обусловленных ими состояний природной среды. В настоящее время можно говорить об отсутствии единства содержания, согласованности, взаимодополняемости и сравнимости, т.е. подлинной системности региональных экологических карт.

Геоинформационное экологическое картографирование. В 90-годы XX века была проделана значительная работа по преобразованию аналоговой информации общегеографических, топографических и тематических карт в цифровой вид. Параллельно разрабатывались и оригинальные компьютерные карты, они создавались в геоинформационных центрах, а также соответствующих профильных организациях и ведомствах. Именно компьютерные тематические карты являются сопровождением многих экологических исследований, программ и проектов.

В последнее десятилетие (1997-2007 гг.) прогрессирующе быстро создаются геоинформационные системы (ГИС) экологического содержания, в большинстве своем имеющие практическую ориентацию, содержащие серии взаимосогласованных карт и многоплановые базы данных, позволяющие в оперативном режиме проводить анализ экологической ситуации и способствующие принятию эффективных управляющих решений, в частности, в сфере природопользования. Экологические ГИС разрабатываются как на административно-территориальные единицы (регионы, крупные промышленные центры, административные районы), так и на локальные объекты, часто потенциально относящиеся к объектам экологического неблагополучия (горно-добывающие и нефтегазодобывающие предприятия, бассейны рек и водоемов и т.д.).

Развитые ГИС включают автоматизированные картографические системы, базы картографических данных, аналитико-моделирующие блоки. Основные особенности геоинформационного картографирования — автоматизация, системность, целенаправленность, оперативность и многовариантность. Геоинформационное картографирование — это, прежде всего, системное, серийное создание и использование карт, ориентированное на конкретные задачи управленческого характера. Структура, содержание и сюжеты карт в ГИС многоплановы, подходы к их составлению отражают используемую программную среду, целевую изученность объекта картографирования и технические возможности создателей.

Краткое резюме. Экологические карты имеют большое практическое значение для познания комплекса условий жизнедеятельности человека с целью решения как научных задач, так и задач хозяйственного развития регионов, рационального использования их природных ресурсов, обеспечения мероприятий по их эксплуатации. Значительное ежегодное увеличение научных публикаций, посвященных экологическому картографированию и картам экологического содержания, свидетельствует о том, что роль экологического картографирования в условиях увеличивающихся информационных потоков о состоянии окружающей среды, требующих пространственного отображения, значительно возрастает. Этому способствуют высокая

информационная емкость картографических материалов, наглядность и доступность для непосредственного восприятия, пространственный анализ и обобщение, возможность применения автоматизированных методов синтеза и интерпретации содержания карт в практической деятельности и при принятии управленческих решений.

Новый качественный этап эколого-географического картографирования возможен при опережающем развитии фундаментальных исследований длительных процессов в окружающей среде и развитии соответствующих методик картографирования как одного из методов исследований.

Перспективные направления развития экологического картографирования связаны также с сочетанием наземных исследований и методов обработки дистанционного зондирования, комплексированием и синтезированием информации, с созданием оперативных карт целевого назначения, карт устойчивости среды и моделированием карт-сценариев, разработкой детальных критериев для оценки экологических ситуаций, выработкой единого подхода к классификации экологического неблагополучия с одновременным отражением региональных особенностей и специфики отдельных территорий.

Картографы уделяют достаточное внимание проблемам картографического образа, картографической информации и моделирования. Усложнение функциональных связей в пределах социально-экономических систем и их неразрывная связь с природными системами требует в научных и практических целях большей конкретизации, детализации, уточнения пространственной информации разного рода и одновременно ее научно обоснованного обобщения и анализа. Развитие дистанционных методов наблюдения и контроля, современные технические средства, новые научные парадигмы и концепции мироздания непосредственно связаны с созданием экологических социально-экономических карт, которые получают качественно новое развитие на современном этапе знаний о Земле, окружающей среде и человеке. Повышается роль картографического метода в исследовании социально-экономических территориальных образований, их систем и связей с природными условиями и ресурсами.

Библиографический список

1. Герасимов, И.П. Общенаучные подходы и природная среда / И.П. Герасимов, А.Г. Доскач // Горизонты экологического знания. — М.: Мысль, 1986. — С. 55-56.
2. Жекулин, В.С. Экологическая парадигма в географии и задачи ГО СССР // В.С. Жекулин, С.Б. Лавров, Б.С. Хорев // Изв. Всерос. географ. об-ва. — 1987. — Т. 119. — Вып. 6. — С. 504-511.
3. Исаченко, А.Г. Экологические проблемы и эколого-географическое картографирование / А.Г. Исаченко // Изв. Всерос. географ. об-ва. — 1990. — Т. 122. — Вып. 4. — С. 289-301.
4. Картографические исследования природопользования (теория и практика работ). — Киев: Наукова Думка, 1991. — 212 с.
5. Котляков, В.М. География и экологические проблемы / В.М. Котляков // Изв. АН СССР. Сер. Геогр. — 1987. — № 6. — С. 45-46.
6. Лавров, С.Б. Геоэкология: теория и некоторые вопросы практики / С.Б. Лавров // Изв. Всерос. географ. об-ва. — 1989. — Т. 121. — Вып. 2. — С. 119-126.
7. Преображенский, В.С. Суть и формы проявления геоэкологических представлений в отечественной науке / В.С. Преображенский // Изв. РАН. Сер. Геогр. — 1992. — № 4. — С. 5-11.
8. Преображенский, В.С. Основы ландшафтного анализа / В.С. Преображенский, Т.Д. Александрова, Т.П. Куприянова. — М.: Наука, 1988. — 192 с.
9. Хаггет, П. География: синтез современных знаний / П. Хаггет. — М.: Наука, 1979. — 183 с.
10. Верещака, Т.В. Экологические карты в системе карт оптимизации окружающей среды / Т.В. Верещака // Геодезия и картография. — 1991. — № 1. — С. 15-23.
11. Исаченко, Г.А. Отечественное экологическое картографирование: первые итоги / Г.А. Исаченко // Изв. Всерос. географ. об-ва. — 1992. — Т. 124. — Вып.5. — С. 418-427.
12. Экологическое картографирование в России / Н.Н. Комедчиков, А.А. Лютый [и др.] // Геодезия и картография. — 1993. — № 9. — С. 38-44.
13. Нефедова, Т.Г. Проблемы природопользования: методические подходы к изучению, картографированию, районированию / Т.Г. Нефедова // Изв. АН СССР. Сер. геогр. — 1990. — № 4. — С. 12-18.
14. Пересадько, В.А. Состояние и перспективы эколого-географического картографирования / В.А. Пересадько // Эколого-географическое картографирование и оптимизация природопользования в Сибири. Материалы к IV Региональной конференции по тематической картографии. — Иркутск, 1989. — Вып. 2. — С. 17-19.

15. Питулько, В.М. Содержание и принципы построения геоэкологических карт / В.М. Питулько, В.В. Иванова // Экология: опыт, проблемы, поиск. — Новосибирск: АЕН РСФСР. Секция наук о Земле, 1995. — С. 66-79.
16. Комплексное эколого-географическое картографирование: сущность, принципы и основные проблемы развития / В.В. Воробьев, А.В. Белов, Б.А. Богоявленский, Ю.С. Никульников // Экологическое картографирование и районирование Сибири. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 20-37.
17. Руденко, Л. Г. Становление и развитие эколого-географического картографирования / Л.Г. Руденко, А.И. Бочковская // География и природные ресурсы. — 1992. — № 3. — С. 13-22.
18. Сальников, С.Е. Принципы научно-справочного эколого-географического картографирования (на примере карт оценки состояния природной среды) / С.Е. Сальников // Вестник МГУ. Сер. Географ. — 1993. — № 5. — С. 25-28.
19. Подходы к составлению экологических карт СССР / В.М. Котляков, Б.И. Кочуров, Н.И. Коронкевич [и др.] // Изв. АН СССР. Сер. геогр. — 1990. — № 4. — С. 67-70.
20. Кочуров, Б.И. На пути к созданию экологической карты СССР / Б.И. Кочуров // Природа. — 1989. — № 8. — С. 10-17.
21. Карта риска возникновения чрезвычайных экологических ситуаций на территории России: принципы и методы составления / Б.И. Кочуров, С.Г. Миролюк, А.В. Антипова [и др.] // Изв. Всерос. географ. об-ва. — 1993. — Т.125. — Вып.5. — С. 66-73.
22. Бакланов, П.Я. Использование картографического метода в изучении и прогнозировании территориальной и функциональной структур производства (на примере Амурской области) / П.Я. Бакланов, И.Л. Савельева // География и природные ресурсы. — 1980. — № 3. — С. 105-108.
23. Бухгольц, О.Э. Картографическое обеспечение работ по районной планировке (на примере одной из областей Нечерноземного центра) / О.Э. Бухгольц // География и природные ресурсы. — 1980. — № 4. — С. 80.
24. Экологическая карта Ленинградской области. М-б 1:500000. — Л., 1990.
25. Абалаков, А.Д. Методические приемы природоохранного картографирования районов газопромыслового освоения горно-таежных территорий / А.Д. Абалаков // География и природные ресурсы. — 1998. — № 1. — С. 49-53.
26. Сизов, А.П. Оценка качества городских земель в системе их мониторинга / А.П. Сизов // Известия АН. Серия Географическая. — 2002. — № 4. — С. 74-85.
27. Родзянко, Н.Г. Социально-экологическая комфортность курортных зон г. Сочи. / Н.Г. Родзянко, Ю.Н. Меринов, А.С. Орлинский // География. — М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1993. — С. 73-78.
28. Резникова, А.В. Ресурсная база сельскохозяйственного производства и эколого-хозяйственное состояние агроландшафта Иркутской области / А.В. Резникова, Э.А. Ржепка // География и природные ресурсы. — 1992. — № 4. — С. 128-135.
29. Ратанова, М.П. Оценка экологического состояния г. Жуковского (Московская обл.) / М.П. Ратанова, В.Р. Битюкова // Вестн. МГУ, Сер. 5. Геогр. — 1994. — № 4. — С. 43-50.
30. Попков, В.А. Эколого-географическое районирование Центрального Черноземья / В.А. Попков // География и природные ресурсы. — 2004. — № 1. — С. 81-87.
31. Ротанова, И.Н. Формализация картографической информации для ГИС и гидрологического моделирования: проблемы и подходы / И.Н. Ротанова, С.А. Михайлов, А.А. Шибких // Изв. высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. — 2004. — № 3. — С. 157-163.
32. Булатов, В.И. Ландшафтно-экологический и картографический анализ озерно-бассейновых систем юга Западной Сибири (озера Чаны и Кулундинское) / В.И. Булатов, И.Н. Ротанова, Д.В. Черных // Сибирский экологический журнал, 2005. — № 2. — С. 175-182.
33. Ведухина, В.Г. Картографический анализ водно-экологических проблем Алтайского края в целях оптимизации водопользования и водоохранной деятельности / В.Г. Ведухина, И.Н. Ротанова // Ползуновский вестник. — 2005. — № 4. — С. 107-113.
34. Оценка воздействия на окружающую среду при разработке проекта районной планировки территории оздоровительного и рекреационно-туристского назначения (на примере части Чарышского района Алтайского края) / Ю.И. Винокуров, И.Н. Ротанова, И.В. Андреева [и др.] // Ползуновский вестник. — 2006. — № 4-2. — С. 34-40.
35. Ротанова, И.Н. Геоинформационные технологии в картографировании эколого-экономического состояния территории / И.Н. Ротанова, А.В. Владыкина // Ползуновский вестник. — 2006. — № 4-2. — С. 41-44.
36. Суторихин, И.А. Математико-картографическое обеспечение создания геоинформационно-аналитической системы «Вода и экология Сибири» / И.А. Суторихин, О.В. Ловцкая, И.Н. Ротанова // Вычислительные технологии. — 2007. — Т. 12. — Спецвыпуск 3. — С. 66-72.

Статья поступила в редакцию 06.06.08.

УДК 911.3; 571.2

Б.А. Красноярова, д-р геогр. наук, доц., зав. лаб. регионального природопользования
Института водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул

С.П. Суразакова, канд. геогр. наук, доц., с. н.с., ГАФ Института водных и экологических
проблем СО РАН, г. Горно-Алтайск

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ОБРАЗ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ: РЕСУРСЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

В статье приводятся результаты пространственного анализа муниципальных образований Республики Алтай по природно-климатическим и социально-экономическим условиям развития. Названы наиболее перспективные направления развития для каждого муниципального образования — административного сельского района исходя из его места в пространственно-временной структуре региона и высокого экологического статуса республики в целом и ее территорий — объекта Всемирного природного наследия «Алтай — Золотые Горы».

Ключевые слова: природные условия и ресурсы, социально-экономическое состояние, направления развития.

Характерной особенностью горных регионов, и Республика Алтай (РА) здесь не исключение, является достаточно значительная дифференциация в уровне и темпах социально-экономического развития между районами. Основными причинами внутри региональной дифференциации горных территорий являются

природно-климатические условия, удаленность от центров социально-политической и экономической активности, имеющийся природно-ресурсный и экономический потенциал, степень развитости инфраструктуры (дорожное хозяйство, связь, энергетика и т.д.).

Учитывая сказанное, можно на территории республики выделить 4 группы районов [1].

Районы первой группы — Майминский, Чемальский, Шебалинский — территориально занимают наименьшую площадь, всего 8,7% территории республики, а проживает здесь почти четверть населения региона (24,9%). Плотность населения колеблется от 18,6 в Майминском районе до 4,0 человек в Шебалинском.

Для районов рассматриваемой группы характерна в целом достаточно большая доля трудоспособного населения: от 60,3% в Майминском до 56,7% в Шебалинском. Однако в зафиксированной органами государственной статистики занятости населения в отраслях экономики они при ранжировании занимают далеко не первые места. Одновременно следует отметить, что по уровню официально зарегистрированной безработицы рассматриваемые районы имеют самые низкие показатели. Причина такого несоответствия заключается в том, что государственной статистикой не учитывается самозанятость населения без образования юридического лица, а именно этот вид предпринимательства получил достаточно большое развитие во многих районах РА, в т.ч. в Майминском и Чемальском.

Для первой группы, в которую включаются Майминский, Шебалинский, Чемальский районы, характерны достаточно благоприятные природно-климатические условия. Среднегодовая температура воздуха для этой группы составляет от 3,3⁰С в Чемальском районе до 1,2⁰С в Шебалинском. Горно-степной рельеф плавно переходит от предгорий Майминского района в среднегорье с узкими долинами Чемальского и Шебалинского районов. Теплый сравнительно климат сочетается с достаточно плодородным почвенным покровом, что обуславливает разнообразие видового состава растительного мира, возможность выращивания кроме традиционных кормовых и зерновых культур, такие как кукуруза, подсолнечник, хмель, плодово-ягодные, бахчевые, теплолюбивые овощи, картофель и т. п.

Рассматриваемые районы имеют сравнительно развитую дорожную инфраструктуру, кроме Чемальского района, который находится в стороне от главной дорожной артерии республики — Чуйского тракта, что в определенной степени влияет, при прочих равных условиях, и на его показатели социально-экономического развития: они несколько ниже, чем в двух других районах.

Районы первой группы в сравнении с другими территориями имеют удовлетворительное электроэнергетическое обеспечение. В Чемальском районе функционирует малая Чемальская ГЭС, построенная еще в 1935 г.

Из минерально-природных ресурсов в рассматриваемых районах распространены главным образом нерудные ископаемые: известковые пески, различные виды глины, гранит, мрамор и т. п.

Районы первой группы наиболее близко расположены к столице республики - городу Горно-Алтайску и к ближайшим железнодорожной станции г. Бийск и аэропортам, предполагаемое стратегическое развитие транспортной инфраструктуры Республики существенно усилит конкурентные позиции данных регионов.

Ранжирование районов республики по показателям социально-экономического развития показывает, что по большинству показателей Майминский и Шебалинский районы занимают места от второго до шестого.

Экономика этих районов характеризуется сочетанием разнообразных производств промышленного и сельскохозяйственного направлений, среди которых значи-

тельный удельный вес занимают в сельскохозяйственном производстве — растениеводство, а в промышленном — переработка сельскохозяйственной продукции. Основными видами промышленной продукции являются сыры, масло животное, колбасные изделия, мясные полуфабрикаты и копчености, хлебобулочные и кондитерские изделия, мясные, овощные и фруктово-ягодные консервы, вино-водочные и безалкогольные изделия, мебель и пиломатериалы, строительные нерудные материалы, швейные и трикотажные изделия, лекарственные сборы, фиточаи из местного лекарственно-технического сырья, изделия металлообработки и другие.

В сельском хозяйстве сложился животноводческий тип производства: мясомолочное скотоводство и пантовое оленеводство. Главные отрасли животноводства дополняют тонкорунное овцеводство и пуховое козоводство. Растениеводство имеет обслуживающее значение, более трех четвертей составляют кормовые и зернофуражные культуры.

Близость к конечной станции железной дороги (г. Бийск), аэропортам, более развитая инфраструктура туризма и рекреации, самые благоприятные для РА природно-климатические условия и большая насыщенность памятниками природы и культурно-исторического наследия обуславливают природные и социально-экономические предпосылки интенсивного развития в данной группе районов таких отраслей экономики как туризм и рекреация, а также обеспечивает дополнительный импульс развитию сельского хозяйства пригородного типа, ориентированному на производство и переработку скоропортящейся молочной продукции, овощей и ягод, парного мяса и продукции его переработки.

С экологических позиций Майминский и Чемальский районы являются наиболее нарушенными, как в силу высокой плотности населения, так и хозяйственной освоенности. Причем в последние годы антропогенный пресс значительно усилился, что связано с увеличением рекреационного потока и связанного с ним загрязнения атмосферного воздуха от проходящего автотранспорта.

Шебалинский район можно отнести к экологически благополучным районам, основной пользователь здесь сельское хозяйство, а сокращение поголовья в 90-е годы привело к восстановлению ранее нарушенных пастбищных угодий. Слабым звеном здесь являются территории вокруг населенных пунктов — сел Черга и Шебалино, где содержится значительное поголовье домашнего скота и отмечается пастбищная депрессия присельских территорий.

В Северо-Восточной части республики расположены Чойский и Турочакский районы, отнесенные нами ко **второй группе**. Выделение этих районов в отдельную группу обусловлено не только их географическим положением, но и сходством структуры природно-хозяйственного комплекса.

Они занимают 16,7% территории республики, на которых проживает 23,2 тыс. человек (11,3% всего населения РА). Плотность населения составляет в Чойском районе 2,1 чел., в Турочакском — 1,2 чел. на км². Население в основном русское (от 88,4% в Чойском до 73,8% в Турочакском районах). Второй по численности группой населения являются коренные малочисленные народы: кумандинцы, челканцы, тубалары, которые носят общее название северные алтайцы. Они занимаются преимущественно традиционными формами хозяйства: охотничий промысел, рыболовство, сбор кедровых орехов и других лесных ресурсов.

В районах второй группы довольно высокий удельный вес трудоспособного населения в общей численности по сравнению с районами других групп, а по доле занятых в отраслях экономики Турочакский район занимает четвертое место, тогда как Чойский — девятое. Такое различие в занятости внутри второй группы

объясняется тем, что в Турочакском районе часть населения занята в сферах туризма, торговли и обслуживания, а также лесозаготовке и переработке на условиях частного предпринимательства, тогда как в Чойском районе эти виды деятельности развиты слабо. В результате по обеспеченности собственными доходами в местном бюджете на душу населения Турочакский район занимает третье место среди районов республики, а Чойский — седьмое.

Среднегодовая температура имеет положительное значение, колеблется от $0,3^{\circ}\text{C}$. до $0,7^{\circ}\text{C}$. Годовое количество осадков составляет до 900 мм. Рельеф территории — низко и среднегорный, покрытие преимущественно пихтово-кедровой и лиственным древесной растительностью (березой и осиной). Лесами занято 80% территории Турочакского и около 70% Чойского районов. Почва и растительность представлены в основном горно-лесными дерново-глубокоподзоленными и серыми почвами и таежной растительностью, что делает Северо-Восточную часть Алтая малопригодной для ведения эффективного сельского хозяйства. Если при ранжировании районов республики по производству промышленной продукции на душу населения Турочакский район занимает шестое место, а Чойский — первое, то по количеству сельскохозяйственных угодий — восьмое и девятое, по удельному весу в валовом продукте сельского хозяйства — седьмое и восьмое.

В силу указанных обстоятельств, приоритетной отраслью экономики и занятости населения являются лесная и лесоперерабатывающая промышленность. Еще в восьмидесятые годы на данной территории имелось 5 лесоперерабатывающих предприятий, производящих заготовку и первичную переработку древесины. Однако в 90-е годы отрасль пришла в упадок, и в настоящее время осталось лишь два лесоперерабатывающих предприятия. Заготовкой леса и производством пиломатериалов, столярных изделий, предметов хозяйственного обихода из дерева занимаются также крестьянские хозяйства, малые предприятия и индивидуальные предприниматели, а также лесхозы.

Другая наиболее развитая отрасль экономики в данной группе обусловлена наличием достаточно крупных месторождений коренного и россыпного золота и волластонита. Добычей коренного золота занимаются в Чойском районе, где функционирование рудника «Веселый» является главным источником формирования местного бюджета. На базе этого рудника создается новое предприятие по добыче и переработке волластонита. Россыпное золото добывается в Турочакском районе прииском «Майский» и силами старательских артелей.

Кроме золота и волластонита на территории Турочакского района имеется месторождение высококачественного каменного угля (Пыжинское месторождение), которое пока не разрабатывается, хотя уже есть технико-экономическое обоснование. Разработка месторождения весьма проблематична, так как оно расположено в зоне экологических ограничений, обусловленных близостью Объекта Всемирного природного наследия ЮНЕСКО Телецкое озеро. Кроме того, имеются сомнения в экономической эффективности добычи пыжинского каменного угля.

В Турочакском районе интенсивно развивается инфраструктура туризма и рекреации, однако сдерживающим фактором служит ограниченная доступность, неразвитость сферы обслуживания. Завершение строительства дороги Турочак — Каяшкан — Таштагол расширяет пассажиро- и грузопотоки из Кемеровской области, Хакасии, Тывы не только в Турочакский район, но и в другие районы республики, становится дополнительным стимулом развития ведущих отраслей экономики в рассматриваемой группе, в том числе и туризма.

Перспективы развития экономики районов второй группы связаны в первую очередь с восстановлением на новой технологической и технической основе предприятий лесопромышленного комплекса, переходом на глубокую переработку древесины на основе безотходной технологии. Одним из условий успешного развития лесопромышленного комплекса является строительство лесовозных дорог для освоения новых участков заготовки леса. Нельзя исключать и интенсивное развитие небольших производств, связанных со сбором кедрового ореха, лесных и луговых растений, ягод, папоротника и т.п. с их последующей переработкой до готовой продукции и реализацией конечным потребителям.

Другим перспективным направлением развития районов второй группы является дальнейшее развитие горнодобывающей и горнорудной промышленности, разведанные запасы и прогнозные оценки позволяют это. Однако необходимо для этого использовать современные, прогрессивные технологии, предусматривающие не только наиболее полное изъятие полезного ископаемого (золота, серебра, меди и других), но и щадящее отношение к окружающей среде.

Третьим перспективным направлением является туризм и рекреация, чему способствуют природно-климатические условия и интенсивно развивающаяся инфраструктура. Необходимо отметить, что развитие этой отрасли должно быть контролируемым, так как превышение антропогенной нагрузки может привести к деградации объектов природы. В этом плане особую озабоченность уже сейчас вызывает состояние северо-западной части побережья Телецкого озера, где нарушаются требования Водного кодекса РФ в части создания и соблюдения режима водоохранной зоны.

Следующим перспективным направлением развития экономики районов второй группы следует признать сельскохозяйственное производство, направленное на обеспечение продуктами питания не только собственного населения, но и туристов, и отдыхающих.

Экологические позиции районов данной группы различаются. Если в прошлом веке они определялись проведением сплошных лесосечных работ и молевым сплавом заготовленной древесины, а также нарушением литосферы в результате горнодобывающей деятельности, то в настоящее время в Чойском районе экологические проблемы связаны лишь с освоением минерально-сырьевой базы — рудного золота и волластонита, а в Турочакском — преимущественно с рекреационной деятельностью. Причем и в том, и в другом районе наибольший ущерб нанесен водным ресурсам — отмечается нарушение гидрологического и гидрохимического режима рек, загрязняются берега оз. Телецкое, Бии и ее притоков.

Территория, которую занимают районы *третьей группы* (Усть-Канский, Усть-Коксинский, Онгудайский), составляет 33,3% площади республики, проживает здесь 24,6% всего населения. Плотность населения в данной группе варьирует от 1,4 до 2,6 чел./км². Для третьей группы характерны менее благоприятные природно-климатические условия. Среднегодовая температура колеблется от $-0,5^{\circ}\text{C}$ до $-1,8^{\circ}\text{C}$. Рельеф территории рассматриваемых районов представляет собой среднегорье с переходом на юге в высокогорье с широкими котловинами со степной растительностью (Уймонская, Катандинская, Канская, Абайская, Урскульская).

Растительность территорий третьей группы менее разнообразна по сравнению с первой группой. Здесь главным образом распространена степная растительность в широких долинах; горно-луговая, горно-лесная, горно-тундровая — на остальной территории. Природно-климатические условия обуславливают развитие в этих условиях и земледелия, и скотоводства, хотя и с некоторыми ограничениями.

Усть-Канский и Усть-Коксинский районы расположены в стороне от Чуйского тракта, но связаны с ним дорогой республиканского значения Туекта — Усть-Кан — Усть-Кокса. Кроме того, в настоящее время формируется выход в Восточный Казахстан через строящуюся дорогу Карагай — Лениногорск.

Население в основном сельское. Доля трудоспособного населения в общей численности составляет от 57,7% в Онгудайском до 55,6% в Усть-Канском, что несколько меньше чем в районах первой группы. Ранжирование районов республики по численности населения, занятого в отраслях экономики, показывает достаточно высокий уровень занятости в рассматриваемой группе по сравнению с другими территориями, а по удельному весу официально зарегистрированных безработных занимают предпоследние места кроме Усть-Канского, где это показатель равен 5.

Из минерально-природных ресурсов на территории третьей группы выявлены крупные запасы железной руды, тантало-литиевое месторождение, наличие россыпного золота, нерудные ископаемые для промышленности строительных материалов, однако условий для развития горнорудной и горно-перерабатывающей промышленности в этих районах пока нет вследствие недостаточной обеспеченности электроэнергией и транспортной удаленности от конечных потребителей.

Рассматриваемая группа районов республики характеризуется аграрной направленностью хозяйства. Промышленное производство представлено небольшими предприятиями по переработке молока, мяса, зерна и овощей, древесины. Промышленная продукция представлена достаточно широко по сравнению со второй и четвертой группами районов Республики Алтай, но включает меньший ассортимент по сравнению с первой. Здесь производят швейные изделия, строительные нерудные материалы, пиломатериалы, деловую древесину, хлебобулочные и кондитерские изделия, масло животное, сыры, муку, безалкогольную продукцию, сушеные овощи.

Ведущей отраслью промышленности является пищевая. Предприятия пищевой промышленности имеются во всех районах данной группы, анализ их размещения отражает формирование кластера по производству цельномолочной продукции, масла животного, сыров жирных, муки и сушеных овощей в Усть-Коксинском районе.

Ландшафтной особенностью территории третьей группы является наличие широких долин степного характера, что обуславливает развитие земледелия. Поскольку земледелие ведется в условиях достаточно низких среднегодовых температур, и оно имеет рисковый характер, то для дальнейшего развития растениеводства, повышения его рентабельности необходима селекционная работа по выведению специальных районированных сортов зерновых и кормовых культур, разработка соответствующих технологий выращивания, мелиорация земель и внесение удобрений.

Растениеводство представлено, прежде всего, кормопроизводством — выращиванием пропашных культур, травяных смесей и зерна на фураж (ячмень, овес и т.п.). Только в Уймонской долине выращивается пшеница твердых сортов для производства муки.

Природно-климатические и ландшафтные характеристики районов третьей группы обусловили развитие различных видов животноводства: разведение крупного рогатого скота мясомолочного направления, овцеводства, коневодства и пантового оленеводства. Именно в этих районах производится преобладающая часть пантовой продукции, расположены племенные хозяйства по овцеводству (Онгудайский район), по коневодству (Усть-Канский район), по пантовому оленеводству (Усть-Коксинский район).

Таким образом, сельское хозяйство специализировано на мясо — шерстном овцеводстве, мясомолочном скотоводстве и яководстве, пантовом оленеводстве. Дополнительно распространено, главным образом, в Онгудайском и Усть-Канском районах пуховое козоводство.

Пантовое оленеводство получило в этих районах большое развитие, особенно последние 15-20 лет, когда появилась возможность самостоятельного выхода на внешний рынок. Экспорт консервированных пантов является стабильным направлением во внешнеэкономической деятельности хозяйствующих субъектов Республики Алтай. Основным импортером — Южная Корея. Особенно высокие темпы роста данной отрасли достигли в 90-е годы, что оказало неоднозначное воздействие на экономику и экологию данных районов. В эти годы поголовье маралов практически удвоилось, соответственно возросли и площади маралопарков, и их количество. С одной стороны, наличие в районе стабильно развивающейся высокорентабельной отрасли в сложные 90-е годы способствовало аккумулированию финансовых средств для поддержки других отраслей сельского хозяйства, позволяло решать многие социальные вопросы; с другой стороны, не всегда обоснованный отвод земель под маралопарки, чрезмерная их загруженность (при норме в 4-5 га на одну голову фактическая обеспеченность в настоящее время составляет по 1,5-2 га) приводят к нарушению экологического баланса, к повышенной заболеваемости животных, потере качества продукции.

Несмотря на удаленность от г. Горно-Алтайска и ближайших железнодорожных станций и аэропортов в районах Западного и Восточного Алтая получают развитие такие отрасли экономики как туризм и рекреация. Здесь имеются весьма богатые рекреационные ресурсы. К ним следует отнести прежде всего такие объекты природы, как г. Белуха, Катунский биосферный заповедник, Уймонская, Усть-Канская долины, озера, пещеры, прибрежные зоны рек Катунь, Чарыш, Коксу, Аргут, Урсул и т.п. Кроме того, территории Онгудайского и Усть-Канского районов богаты археологическими памятниками различных эпох. Проблемой развития этих отраслей в настоящее время является создание соответствующей транспортной и придорожной инфраструктуры и связи. Отсутствие гостиниц, кемпингов, турбаз, пунктов питания и обслуживания необходимого уровня комфортности является сдерживающим фактором.

Самая большая по территории и самая малая по численности населения является *четвертая группа*, включающая Улаганский и Кош-Агачский районы. Площадь территории составляет 41% от общей площади республики, а численность населения — всего 13,3%. Плотность населения колеблется от 0,7 чел/км² в Улаганском районе до 0,9 чел/км² в Кош-Агачском. По национальному составу население в этих районах распределяется следующим образом. В Улаганском районе основную часть населения составляют алтайцы-теленгиты — 69,5%, русские — 24,5%, казахи — 3,8%. В Кош-Агачском районе — казахи — 54,1%, алтайцы-теленгиты — 39,7%, русские 4,7%. Таким образом, основное население — алтайцы — теленгиты и казахи. Распределение русского населения по районам внутри четвертой группы обусловлено видом занятости. Алтайцы и казахи заняты главным образом в сельскохозяйственном производстве, основная часть русского населения занята в промышленном секторе Улаганского района и проживает в рабочем поселке Акташ, где находится Акташское горно-металлургическое предприятие по производству металлической ртути. Кроме того, жители Акташа, имеющие опыт горных работ, привлекаются для освоения молибдено-вольфрамового место-

рождения «Калгутинское», находящегося на юго-востоке Кош-Агачского района.

Районы четвертой группы занимают приграничное с Монгольской народной и Китайской народной республиками положение. Из Сибирских регионов непосредственно граничат с республикой Тыва. Это самые отдаленные районы республики; связаны с другими районами республики, сибирскими регионами и с Монголией автодорогой федерального значения - Чуйским трактом. Между собой районы связаны дорогой республиканского значения Акташ — Усть-Улаган — Балыкча. Связь с Тывой осуществляется из Кош-Агачского района неофициальной проселочной дорогой; соглашением о сотрудничестве между Республикой Алтай и Республикой Тыва в перспективе намечено строительство дороги межрегионального значения.

Районы четвертой группы имеют самые неблагоприятные природно-климатические условия. Рельеф территории представлен высокогорными хребтами, среди которых выделяются Южно-Чуйский, Северо-Чуйский, Сайлюгемский; высокогорными долинами рек Чуя, Аргут, Башкаус, Чулышман. Межгорные котловины (Чуйская, Курайская, Сайлюгемская, Сомакхинская) и долины рек Чулышмана и Башкауса имеют важное значение для хозяйственной деятельности населения. Среднегодовая температура на территории рассматриваемой группы колеблется от $-3,7^{\circ}\text{C}$ до $-5,9^{\circ}\text{C}$. За год здесь выпадает осадков всего от 100 до 200 мм.

Высокогорье с холодным и засушливым климатом обуславливает специфический характер растительного мира, а также особенности хозяйственной структуры.

Для экономики данных высокогорных районов характерна аграрная специализация. Промышленность здесь представлена двумя предприятиями горнодобывающей и горнорудной промышленности: Акташское горно-металлургическое предприятие и РЭП (разведочно-эксплуатационное предприятие) «Калгутинское», зарегистрированные в Улаганском районе, а также небольшими предприятиями по заготовке древесины и производству пиломатериалов. Пищевая промышленность практически не развита. Имеет место производство хлебобулочных изделий индивидуальными предпринимателями и небольшой забойный цех в с. Кош-Агач. По производству промышленной продукции на душу населения Улаганский район занимает третье место в республике, а Кош-Агачский — последнее, одиннадцатое.

Сельскохозяйственное производство преимущественно животноводческого мясного направления с преобладанием мелкого рогатого скота (овец и пухлых коз). По количеству овец и коз на душу населения Кош-Агачский район занимает первое место среди районов республики, а Улаганский, соответственно, шестое и третье. По количеству крупного рогатого скота и лошадей на душу населения Кош-Агачский район занимает пятое место, Улаганский — десятое и седьмое. Более высокий уровень развития сельскохозяйственного производства в Кош-Агачском районе обусловлен, при прочих равных условиях, более высокой обеспеченностью сельскохозяйственными угодьями на душу населения. Если в Кош-Агачском районе на душу населения приходится 35 га, то в Улаганском — более чем в три раза меньше — 11,2 га.

Растениеводство на территории четвертой группы развито довольно слабо вследствие суровых природно-климатических условий и представлено выращиванием в основном многолетних трав. Засушливый климат определяет необходимость орошения посевов, однако это может привести к увеличению площади солончаков.

Население в районах четвертой группы в основном сельское, за исключением жителей рабочего поселка Акташ. По доле трудоспособного населения в общей чис-

ленности жителей рассматриваемой группы оба района занимают последние места — десятое и одиннадцатое вследствие самого высокого удельного веса в численности населения лиц моложе трудоспособного возраста (от 35% до 38,3%) и самого низкого — пенсионного возраста (от 9,3% до 8,3%), что является результатом высоких темпов естественного прироста населения (например, в Кош-Агачском районе естественный прирост населения составил в 2006 г. 12,3 человек на 1000 против 2,8 по республике в целом). Следует отметить и положительное сальдо миграции в районах данной группы, что характерно также для Майминского, Чемальского районов и г. Горно-Алтайска. По удельному весу занятого в экономике населения Улаганский район занимает последнее место, Кош-Агачский — восьмое среди районов республики, что также свидетельствует о соответствующем уровне их экономического развития.

Рассматриваемые районы имеют достаточно хорошие перспективы социально-экономического развития, обусловленные наличием на их территории месторождений полезных ископаемых и геополитическим положением. Можно выделить несколько приоритетов в развитии хозяйственного комплекса районов данной группы.

Одним из приоритетов социально-экономического развития является использование геополитического положения Кош-Агачского района как приграничного с Монголией и Китаем. Реконструкция Ташантинского погранично-таможенного пункта пропуска и придание ему статуса международного служит стимулом для интенсификации международной торговли между сибирскими регионами Российской Федерации, МНР и КНР. Вероятность развития внешнеэкономической деятельности достаточно высока, если учесть, что Правительством МНР принято решение о строительстве дороги от приграничного пункта Цаган-Нур через Баян-Ульгийский и Кобдский аймаки до погранично-таможенного пункта на монголо-китайской границе Булган. При этих условиях возможно как транзитное движение товаров в обе стороны, так и организация приграничной торговли в с. Ташанта или в с. Кош-Агач. Основанием для такого предположения служат следующие обстоятельства: во-первых, населенный пункт Кош-Агач исторически возник как центр международной торговли между Россией, Монголией и Китаем; во-вторых, экономическое оживление в последние годы в России стимулировало движение грузопотоков в Монголию и обратно, что в свою очередь оказало положительное влияние на развитие торговли и сферы обслуживания в с. Кош-Агач и других селах, расположенных по Чуйскому тракту. Развитие международной торговли получит дополнительный импульс, если Правительствами Российской Федерации и Китайской народной республики будет принято решение о строительстве газопровода «Алтай» или автодороги Кош-Агач — перевал Канас — г. Алтай, которые свяжут крупные промышленные центры Сибирского округа РФ с Синьцзян-Уйгурским автономным районом КНР [2].

Строительство автодорог, восстановление и реконструкция Кош-Агачского аэропорта создадут условия для активизации в рассматриваемых районах такой отрасли экономики как международный туризм, что в свою очередь будет стимулировать развитие сферы обслуживания. Красивые ландшафты высокогорья, обилие археологических памятников разных эпох и народов высокой степени сохранности, наличие на территории Алтая Объектов Всемирного Природного Наследия, в т.ч. в Кош-Агачском районе — высокогорное плато Укок, в Улаганском — часть Телецкого озера и Алтайского заповедника, уже в настоящее время вызывают интерес, как у отечественных, так и зарубежных туристов. Сдерживающим фактором является практиче-

кая недоступность и полное отсутствие соответствующей инфраструктуры.

Территория районов четвертой группы чрезвычайно богата полезными ископаемыми, поэтому одним из приоритетов могло бы быть развитие горнодобывающей и горнорудной промышленности, создание как российских, так монголо-российских совместных предприятий по добыче и переработке серебра, золота, вольфрама и молибдена, ртути и других полезных ископаемых. Однако при этом следует учитывать хрупкость природной среды высокогорья и возможные экологические последствия горнорудного освоения территории [3].

Развитие промышленного производства, инфраструктуры международной торговли и туризма, в конечном счете, окажут стимулирующее воздействие на сельскохозяйственное производство и отрасли переработки сельскохозяйственного сырья, в частности, на пищевую промышленность, так как при наличии платежеспособного спроса продукция местных товаропроизводителей будет вполне конкурентоспособной.

Единственным городом на территории Республики является Горно-Алтайск, ее административно-культурный и индустриальный центр, в котором находится девять из двадцати крупных и средних предприятий. Расположен почти в центре Евразийского материка, среди северных отрогов хребта Иолго, с высотами до 660 м н.у.м. Находясь на крайнем северо-западе республики, Горно-Алтайск удален от ее юго-восточных границ почти на 500 километров, в 7 км от него проходит автомагистраль М-52 Чуйский тракт.

По численности населения Горно-Алтайск относится к категории малых городов и промышленных центров с плотностью населения более 600 чел./км², по национальному составу — преимущественно русское (82,8%), алтайцы составляют около 15%.

Горно-Алтайск имеет достаточно благоприятные природно-климатические условия. Среднегодовая температура равна 1,7⁰С. Растительность и почвенный покров соответствуют характеристикам первой группы районов. Население активно занимается садоводством и овощеводством.

Доля населения в трудоспособном возрасте в Горно-Алтайске довольно велика — 62,4%. Распределение занятого населения соответствует функциям столичного города: наибольшее количество занято в отраслях социальной сферы — здравоохранение, образование, культура и искусство — 43,0%; в промышленности, транспорте, связи, строительстве, жилищно-коммунальном хозяйстве — 28,4%, в управлении — 13,7%, в финансово-кредитных учреждениях, страховании и пенсионном обеспечении — 3,8%.

Промышленное производство представлено предприятиями легкой и пищевой промышленности, строительной индустрии и полиграфии. Ими производятся швейные изделия, материалы строительные нерудные, стеновые материалы, железобетонные конструкции и детали, полиграфическая продукция, хлебобулочные, кон-

дитерские и макаронные изделия, мясомолочная, ликероводочная и винная продукция, безалкогольные напитки.

Сравнительно развита оптово-розничная торговля и сфера сервиса, естественно, что город занимает первые места по розничному товарообороту и объему платных услуг на душу населения.

Перспективы развития Горно-Алтайска связаны, прежде всего, с совершенствованием структуры промышленного производства, обновлением его технологической и технической базы с целью расширения ассортимента и повышения конкурентоспособности выпускаемой продукции, преимущественно, на региональном рынке. Большие возможности есть по созданию производств по переработке продукции овощеводства и садоводства, развитию фармакологической отрасли.

Другим направлением является развитие рыночной и туристской инфраструктуры — банковской системы, сферы гостиничного бизнеса, рекреации и туризма.

Концентрация населения и производства котловины при низком техническом и технологическом уровне организации жилищно-коммунального хозяйства не могла не сказаться на экологической ситуации в городе. Весьма остро стоит проблемы качества воды и воздушного бассейна города, особенно в зимний период [4]. Газификация коммунального хозяйства Горно-Алтайска, конечно, снизит загрязнение атмосферного воздуха, но полностью проблему не решит, так как, во-первых, не все котельные перейдут на газ, во-вторых, остается частный сектор с печным отоплением и, в-третьих, при переводе котельных на природный газ остаются выбросы в атмосферу оксидов и диоксидов азота, оксида углерода, бенз(а)пирен, а также возможны выбросы метана и этилмеркаптана [5].

Приведенные результаты анализа пространственной дифференциации территорий Республики Алтай позволяют сформулировать следующие выводы:

1. уровень социально-экономического развития изменяется с севера на юг и соответствует общепринятому принципу: более развитый север — менее развитый юг;
2. выделенные группы, имеющие некоторое сходство по природно-климатическим особенностям и условиям хозяйствования, внутри групп имеют существенные различия и по структуре экономики, и по уровню ее развития, и по структуре занятости населения;
3. экономика практически всех районов имеет в основном сырьевой характер со слабым уровнем развития перерабатывающих отраслей;
4. районы каждой группы имеют потенциальные возможности социально-экономического развития на базе имеющегося природно-ресурсного потенциала, но нуждаются в инвестициях извне;
5. экологическое состояние территории Республики в целом соответствует высокому статусу экологического региона, но имеются локальные участки, нуждающиеся в восстановлении и оздоровлении.

Библиографический список

1. Устойчивое развитие Сибирских регионов / Ю.И. Винокуров, Б.А. Красноярова, В.И. Овденко [и др.] — Новосибирск: Наука, 2003. — 240 с.
2. Винокуров, Ю.И. Геополитическое значение и экологические ограничения строительства автомагистрали Кош-Агач — граница КНР / Ю.И. Винокуров, Б.А. Красноярова, Н.А. Сечина // География Азиатской России на рубеже веков: Мат-лы XI научного совещания географов Сибири и Дальнего Востока. — Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2001. — С. 176-178.
3. Кош-Агачский район: вчера, сегодня, завтра / Ю.И. Винокуров, А.Ж. Джаткамбаев, С.П. Суразакова [и др.] — Барнаул, 2003. — 21 с.
4. Доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Республики Алтай в 2002 году». — Горно-Алтайск, 2003. — 192 с.
5. ОНД-86 Методика расчета предельных концентраций в атмосферном воздухе вредных веществ, содержащихся в выбросах предприятий. — Л.: Гидрометеиздат, 1987.

Раздел 3

ФИЛОЛОГИЯ.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Ведущие эксперты раздела:

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА ЛУКАШЕВИЧ — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языка массовых коммуникаций и редактирования Алтайского государственного университета (г. Барнаул)
 ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА ШАСТИНА — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)
 ТАМАРА МИХАЙЛОВНА СТЕПАНСКАЯ — доктор искусствоведения, профессор, Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

УДК 808.5:378

А.П. Сквородников, д-р филол. наук, профессор Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, г. Красноярск
Г.А. Копнина, канд. филол. наук, доцент Сибирского федерального университета, г. Красноярск

О ФОРМИРОВАНИИ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТА ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ (В АСПЕКТЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА)

Статья посвящена обоснованию интегральной модели формирования культурно-речевой компетентности студента высшего учебного заведения на основе систематизации ряда понятий теории культуры речи, лингвопрагматики и риторики с учетом концепции модернизации российского образования.

Ключевые слова: языковая ситуация, речевая культура, компетентность, культурно-речевая компетенция, базовые компетенции, субкомпетенции.

Актуальность создания системы полноценной речевой подготовки студентов вузов — будущих специалистов в разных сферах материального производства, управления, образования и т.д. — мотивируется, как минимум, следующими причинами: сложностью языковой ситуации в современной России применительно к русскому языку как государственному (см., напр., [1, с. 78-88]); осознанием правящей элитой того факта, что русский язык как государственный является важнейшим, по существу — главным, инструментом управления во всех областях государственной и общественной жизни, средством формирования гражданского и национального самосознания, воссоздания и развития культуры, основной скрепой русского и других этносов нашей многонациональной страны; низким уровнем речевой культуры выпускников средних школ, поступающих в вузы.

Концепция модернизации российского образования определяет задачу формирования профессиональной элиты, обладающей качествами коммуникабельности, толерантности, социальной и профессиональной мобильности, конструктивности, ответственности за судьбу страны, духовности и культуры. Причем рекомендуется организовать учебный процесс на основе набора «ключевых компетенций, определяющих современное качество содержания образования» с учетом требований государственных образовательных стандартов [2, с. 254-263]. Ключевые компетенции* носят надпрофессиональный характер и необходимы в любой области деятельности [3, с. 11]. Одной из таких ключевых компетенций является культурно-речевая компетенция развитой языковой личности, понимаемая как совокупность знаний, умений и навыков, соответствующая высшему типу ре-

чевой культуры — так называемому элитарному (полнофункциональному) типу, поскольку «все остальные типы РК (речевых культур — А.С. и Г.К.) в большей или меньшей степени «ущербны» с точки зрения возможностей полноценного и творческого использования языка» [5, с. 414] (см. также: [6, с. 209-214]).

Введение ключевого терминопонятия «культурно-речевая компетенция» в качестве интегрального по отношению к составляющим его основным (базовым) компетенциям устраняет существующее терминологическое противоречие между широким пониманием коммуникативной компетенции и ее узкой трактовкой, при которой она рассматривается наряду с такими компетенциями, как языковая, лингвистическая, культуроведческая [7, с. 49-50; 8, с. 20-37].

При определении содержания интегрального понятия культурно-речевой компетенции, т.е. составляющих это понятие базовых компетенций, должны быть учтены такие фундаментальные речеведческие понятия, как *культура речи, нормы языка и речи, типы речевой культуры, риторический (речевой) идеал, коммуникативные качества хорошей речи, постулаты речевого общения*; причем учтены по принципу взаимной дополнительности. Полагаем, что основой культурно-речевой компетенции должно быть современное определение культуры речи: «Культура речи (культура владения языком) — это такой выбор и такая организация языковых средств, которые с учетом ситуации общения и при соблюдении собственно языковых, коммуникативных и этических норм позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных целей» [9, с. 10] (Ср.: [10, с. 13]). Основные составляющие культуры речи в таком ее понимании

* Необходимо разграничивать *компетенцию* как некий конструкт (модель), обозначающий совокупность знаний, умений и навыков, овладение которыми обеспечивает эффективность деятельности в какой-либо области, и *компетентность* как степень (уровень) владения какой-либо компетенцией [3; с.11; 4;

(культура речи = культура владения языком = культура речевого общения): нормы собственно языковые, нормы коммуникативные и нормы этические — это основа трех **базовых компетенций**: языковой, коммуникативной (коммуникативно-прагматической) и этической в составе культурно-речевой компетенции. В процессе теоретико-дидактической разработки содержания этих базовых компетенций определяются составляющие их **субкомпетенции**, включая обобщенную характеристику их **компонентов** без перечисления конкретизирующих эти компоненты знаний, умений и навыков (ЗУНов).

Центральным и системообразующим понятием **языковой компетенции**, осмысляемым в контексте вышеозначенного понимания культуры речи, является **правильность**, под которой понимается соблюдение норм современного русского литературного языка [11, с. 11]. Владение нормами литературного языка как принятыми в общественно-языковой практике образованных людей правилами произношения, словоупотребления, использования традиционно сложившихся грамматических, стилистических и других языковых средств [12, с. 270] — главная составляющая языковой компетенции, которую можно назвать **ортологической** (от греч. orthos — прямой) **субкомпетенцией**.

Другая составляющая языковой компетенции, тесно связанная с ортологической, — это **субкомпетенция ошибковедческая**, или **эрратологическая** (от лат. error — ошибка), предполагающая умение находить, квалифицировать (определять тип) и оптимальным образом исправлять речевые ошибки. Поскольку речевые ошибки представляют собой разного рода нарушения не только языковых, но и коммуникативных и этических норм, эрратологическая субкомпетенция должна рассматриваться также в качестве составляющей коммуникативной и этической компетенций.

Пилотажное исследование, проведенное нами на пяти факультетах Сибирского федерального университета, позволило выявить некоторые слабые участки языковой компетентности студентов (указываем процент неверно выполненных заданий от общего числа испытуемых): ошибки в склонении сложных имен числительных (73%); невладение фразеологической нормой, которое выражается главным образом в элементарном незнании русской идиоматики (63%); незнание многих средств языковой выразительности, в частности тропов и фигур речи (49%); акцентологические ошибки (37%); ошибки в построении предложений с деепричастным оборотом (31%); ошибки в предложном и беспредложном управлении (24%). В сферу языковой компетенции мы включаем и правила правописания, нарушения которых в письменной речи студентов достаточно частотны (32%).

По мере продвижения исследования, по-видимому, этот список будет дополнен, но уже сейчас на основе опыта проверки сочинений абитуриентов, поступающих в вуз, и работы со студентами можем утверждать, что к «узким» местам языковой компетенции относятся, в частности, такие явления, как: неразличение паронимов; семантически и/или стилистически не мотивированное использование англоязычных заимствований и жаргонизмов; колебания в роде и склонении некоторых разрядов имен существительных; ошибки, связанные с порядком слов и актуальным членением предложения; ошибки в построении предложений с однородными членами и некоторые др.

Что касается правописания, то можно указать, к примеру, на такие орфографические «камни преткновения», как: правописание приставок *пре-* и *при-*; дефисное или слитное написание сложных прилагательных и их отграничение от словосочетаний, состоящих из наречий на *-о (-е)* и прилагательных или причастий (с раздельным написанием); написание сочетаний *не кто*

иной (другой), как и *не что иное (другое)*, как и сочетаний *никто иной (другой)*, *ничто иное (другое)*; правописание *-nn-* и *-n-* в причастиях и отглагольных прилагательных; разграничение союзов *тоже* и *также*, которые пишутся слитно, и сочетаний *то же* (местоимение с частицей) и *так же* (наречие с частицей), которые пишутся раздельно, и некоторые другие правила. Будучи ограниченными объемом статьи, мы не касаемся вопросов пунктуации. Сказанное свидетельствует о том, что **правописная субкомпетенция** как составляющая языковой компетенции должна сохранить свои позиции в полном объеме.

Языковая компетенция не сводима только к ортологической, эрратологической и правописной составляющим. К ней справедливо относят «овладение лексическим богатством языка как условием успешной речевой деятельности» и прежде всего синонимическими средствами языка [8, с. 24]. К языковой компетенции, по-видимому, должно быть отнесено знание стилистически маркированных единиц языка, как находящихся под «юрисдикцией» языковой нормы [10, с. 126], и вообще системы выразительных средств языка в целом. Совокупное знание этих средств и умение ими пользоваться составляют **экспрессиологическую субкомпетенцию**, которая соотносится с такими коммуникативными качествами речи, как **богатство** (разнообразие) и **выразительность**.

Если языковая компетенция в своем содержании достаточно автономна, то коммуникативная и этическая компетенции так тесно связаны между собой, что их обособление до некоторой степени условно, так же, как условно часто бывает разграничение составляющих их коммуникативных и этических норм (см., напр., [13, с. 156]).

Большая часть так называемых постулатов (максим) речевого общения имеет отношение и к **коммуникативной компетенции**, системообразующим принципом которой является понятие **целесообразности**, и к **этической компетенции**, системообразующим принципом которой является понятие **этичности**. Так, например, невыполнение максимы полноты информации, гласящей, что высказывание должно содержать не меньше и не больше информации, чем требуется, одновременно нарушает и принцип целесообразности (поскольку недостаточность или избыточность информации может препятствовать результативности общения), и принцип этичности (поскольку недостаточность или избыточность информации может нанести вред адресату). Несмотря на тесную связь этих компетенций, их выделение и отдельное рассмотрение оправдано не только удобством анализа и изложения, но и — объективно — тем, что целесообразность и этичность являются разными аспектами речи.

В составе **коммуникативной компетенции** выделяем **текстовую** и **речеповеденческую субкомпетенции**, поскольку в понятие речи входит как процесс речевой деятельности, так и ее результат — текст (письменный и устный) [14, с. 415]. Эти субкомпетенции имеют общую основу в виде коммуникативных качеств хорошей речи и универсальных постулатов речевого общения, которые не только дополняют, но и в значительной степени дублируют друг друга, что делает целесообразным их соотнесение. Следует учесть, что и коммуникативные качества речи, и постулаты речевого общения имеют смысловые соответствия в пословицах, поговорках, афоризмах, разного рода частных правилах, рекомендациях, указаниях и т.п., которые могут рассматриваться как прагматические конкретизаторы указанных качеств и постулатов. Так, например, качество **информативности** речи, относящееся к ее содержанию и предполагающее основательное знание предмета речи, а также необходимость новизны, актуальности, полноты факти-

ческого материала, соотносится с постулатом количества, который рекомендует сообщать не больше и не меньше информации, чем требуется для успешности общения. Ср. пословицы: *Говорить, так договаривать; а не договаривать, так и не говорить; Лучше не договаривать, чем переговорить*; афоризмы: *В искусстве речи трудно не много сказать, а мало сказать* (Н. Винкельман); *И в словах своих, и делах избегай всего банального и привычного* (Пифагор); правила и рекомендации: *Если обращенная речь бессодержательна или не вызывает ответной мысли у слушающего, диалог может быть прерван* (А.А. Волков); *Говорите меньше собеседника. Дайте собеседнику поговорить о себе* (И.А. Стернин) и др. Таким образом можно было бы представить и другие качества речи, однако ограничимся только их перечислением и некоторыми комментариями.

Точность речи может быть понятийной и предметной. Если понятийная точность, связанная с правильным пониманием и употреблением слова в соответствии с выражаемым понятием и возможностями лексической сочетаемости [11, с. 128-130], входит в понятие языковой компетенции, то точность предметная, понимаемая как «соответствие содержания речи тому кругу предметов, явлений действительности, которые речью отображаются» [там же], имеет отношение к коммуникативной компетенции и соотносится с постулатом качества, который требует истинности высказывания. Предметная точность речи, как и ее информативность, составляют **фактологический компонент** как текстовой, так и речеповеденческой субкомпетенций.

Логичность речи — коммуникативное качество, предполагающее соблюдение законов формальной логики и правил рациональной аргументации. Требование логичности содержится в постулате релевантности (*Не отклоняйся от темы!*) и частично в постулате манеры (*Говори коротко, ясно и последовательно!*). Понимаемая таким образом логичность есть не что иное, как **логико-аргументативный компонент** текстовой и речеповеденческой субкомпетенций.

Доходчивость речи (ее ясность и доступность) — коммуникативное качество, позволяющее воспринимать речь без затруднений. Это качество соотносится прежде всего с постулатом манеры, рекомендующим говорить ясно, коротко и последовательно, и отчасти с постулатом релевантности, рекомендующим не отклоняться от избранной темы.

Следует отметить, что ясность и доступность речи — относительные понятия. Характер и степень ясности и доступности речи должны соотноситься с характером и потребностями аудитории, с ее интеллектуальным уровнем и уровнем ее коммуникативной компетентности. Причем ясность выступает неким условием достижения доступности речи. Таким образом, доходящая (ясная и доступная) речь составляет **субтилитативный** (от лат. *subtilitas* — ясность) **компонент** всех коммуникативных субкомпетенций.

Уместность речи — коммуникативное качество, понимаемое как соответствие содержания и формы речи авторскому целеполаганию, ситуации (адресату — его социальному положению, уровню образования, профессии, национальным особенностям, психологическому состоянию; каналам передачи и восприятия информации), а также избранному стилю и жанру. Соответственно можно выделить уместность **целевую, ситуативную** (с ее психологической, социально-ролевой и другими составляющими) и **жанрово-стилистическую**, каждая из которых должна рассматриваться в качестве самостоятельного **компонента** всех коммуникативных субкомпетенций.

Качество уместности не находит прямого соответствия с постулатами Г.П. Грайса и Дж. Лича, однако косвенно выводится из максимы манеры в той ее части,

которая требует ясности высказывания, так как последняя в известной степени зависит от адекватного выбора жанра и стиля речи.

Богатство речи как максимально возможное насыщение ее разными, неповторяющимися средствами языка меняет свои параметры в зависимости от того, о каком функциональном стиле и жанре идет речь. Так, например, необходимость в этом коммуникативном качестве и его характеристика будут существенно различны в художественном и деловом стилях.

Коммуникативное качество богатства (разнообразия) речи, а также качество **выразительности** речи, понимаемое как ее экспрессивность (составляющие которой суть эмоциональность, оценочность, образность, интенсивность [15, с. 362-364]), не нашли отражения в максимах Г.П. Грайса, возможно, потому, что эти качества речи не обладают стилиобразующей универсальностью, например, не столь существенны для делового стиля речи. Говоря о богатстве, красоте и выразительности речи, составляющих **эстетический компонент** коммуникативных субкомпетенций, следует принимать во внимание категорию **вкуса** — «систему идейных, психологических, эстетических и иных установок человека или общественной группы в отношении языка и речи на этом языке» [16, с. 21], — связанную с предпочтениями и оценками в пользовании языком, в которых отражается речевой (риторический) идеал [17, с. 414].

Чистота речи связывается обычно с отсутствием в ней внелитературных элементов языка (прежде всего диалектных, просторечных, жаргонных слов и словосочетаний) и элементов языка и оборотов речи, отвергаемых нормами нравственности. Когда в речи без какой-либо прагматической мотивации используются негрубые, невulgарные диалектизмы, жаргонизмы, иноязычные заимствования, профессионализмы, а также так называемые слова-паразиты, это затрудняет общение, но не нарушает норм морали, то есть этической нормы; происходит нарушение коммуникативной нормы, основанной на принципе целесообразности. Норма же этическая нарушается тогда, когда диалектизмы и жаргонизмы вульгарны, а также тогда, когда употребляются obscенизмы, когда говорят или пишут о том, о чем в приличном обществе не принято говорить (особенно публично). Чистота речи соотносится с максимой манеры (в той ее части, которая требует ясности речи) и с максимами этического порядка: максимой такта (*Соблюдай интересы другого!*) *Не нарушай границ его личной сферы!*), максимой великодушия (*Не затрудняй других!*), максимой одобрения (*Не хули других!*). Таким образом, чистота речи связана как с коммуникативной компетенцией, так и с компетенцией этической, составляя их **кандидативный компонент** (от лат. *candidus* — «чистый»).

Не претендуя на исчерпывающий перечень всех компонентов коммуникативных субкомпетенций, отметим еще те, которые очень существенны с точки зрения успешности речевого общения. Таковыми являются: **стратегический компонент** (умение выбирать коммуникативные стратегии и тактики, соответствующие авторскому целеполаганию и характеру прагматической ситуации); **перцептивный компонент** (умение слушать и слышать собеседника при толерантном отношении к нему, не переходящем в беспринципность); **конфликтологический компонент** (знание типичных барьеров общения и конфликтных ситуаций, умение преодолевать коммуникативные барьеры и выходить из конфликтных ситуаций); **эристический компонент** (культура спора во всех его разновидностях); **контр-манипулятивный компонент** (осведомленность в ключевых словах и идеологических контекстах современности, знание приемов речевой манипуляции для обеспечения личной и коллективной информационной безопасности); **лингвокультурологи-**

ческий компонент (знания о взаимодействии языка и культуры, о национальных особенностях общения и их влиянии на межкультурную коммуникацию); **риторический компонент** (знание и практическое владение риторическим каноном).

Предварительные данные упомянутого выше пилотажного исследования свидетельствуют о том, что большинство испытуемых (83,7%) хотя и определяют стиль текста, но не могут охарактеризовать его основные признаки. Плохо обстоит дело с овладением жанровой нормой. Так, например, не справились с заданием, связанным с написанием расписки и заявления, 61,7% студентов, с написанием доверенности — 63,3% (невладение формулярами соответствующих жанров, неправильное расположение реквизитов, внесение в текст документов чуждых официально-деловому стилю элементов). С написанием аннотации не справилось 63,3% студентов (неумение лаконично выразить основное содержание аннотируемого текста). Ни один студент не выполнил полностью правильное задание, связанное с нормами библиографического описания. Эксперимент показал, что 60% испытуемых не могут перечислить основные критерии (коммуникативные качества) хорошей речи. Достаточно трудным оказалось для испытуемых задание на продуцирование связного текста с использованием заданных слов, отражающих ключевые понятия эпохи (с этим заданием не справились 34% испытуемых). Кроме того, испытуемые (31%) не увидели в предложенных текстах стилистических ошибок типа тавтологии, плеоназма, немотивированного употребления жаргонизмов и просторечий и др. Опыт проведения студенческих научных конференций свидетельствует, что многие их участники не умеют адаптировать письменный текст к условиям устного выступления, не владеют средствами удержания внимания аудитории и культурой научной дискуссии.

Этическая компетенция как одна из базовых компетенций предполагает владение этическими нормами, которые представляют собой правила должного поведения (в том числе речевого), основанные на морально-нравственных категориях и постулатах, а также на национально-культурных традициях. Этическая норма на поверхностном уровне (уровне внешнего проявления отношения к адресату) представлена правилами вербального (речевого) и невербального (поведенческого) этикета, реализующими принцип (или коммуникативное качество) **вежливости**, суть которого заключается в том, чтобы не нарушать достоинство партнера (партнеров) по общению. Принцип вежливости, по Дж. Личу, воплощается в шести максимах, которые ориентированы на речевое общение, но могут и должны быть применены и к общению невербальному, поскольку «требования, предъявляемые к хорошей речи <...>, неотделимы от общепринятых поведенческих норм...» [18, с. 103].

Каждая максима, как и любое коммуникативное качество речи, может быть конкретизирована в полонимах, афоризмах и т.д. Покажем это на примере **максимы скромности**, которая советует меньше хвалить себя, критически оценивать себя и не напрашиваться на похвалы и комплименты. Эта максима может быть конкретизирована, с одной стороны, путем соотнесения с такими этическими понятиями, как кротость, незлобливость, терпимость (толерантность), сдержанность, спокойствие и др., характеризующими концепт скромности с позитивных позиций; с другой стороны — путем противопоставления понятиям, выражающим следующие отрицательные качества: гордыня, высокомерие,

заносчивость, самонадеянность, самовосхваление, надменность, бесцеремонность, несдержанность и т.д. (подробнее см.: [19; с. 75-82]). Ср. пословицы: *Красна речь слушаньем, а беседа смиреньем*; *Чьи-то курочки несутся, а наши в крик пошли*; афоризмы: *Скромнен не тот, кто равнодушен к похвалам, а тот, кто внимателен к порицаниям* (Ж. Поль); *Нет такого порока и такой дури, которые нужно было бы так нежно и так умело щадить, как тщеславие* (Дж. Свифт); правила и рекомендации: *Поставьте себя на их (собеседников) место* (Р. Фишер, У. Юри); *Игнорируйте уколы в свой адрес* (И.А. Стернин).

Помимо максимы скромности принцип вежливости осуществляется в **максиме такта**, **максиме великодушия**, **максиме согласия**, **максиме симпатии** (об этих и других максимах речевого общения см.: [20, с. 26-27; 21, с. 49-56]).

Иногда этико-речевая норма отождествляется с правилами речевого этикета (см., напр., [22, с. 14; 23, с. 139-162]). Однако этико-речевая норма — более широкое понятие, чем речевой этикет. Дело в том, что «этические нормы воплощают систему защиты нравственных ценностей в каждой культуре и регулируют формы их проявления в речи» [13, с. 156], ибо в их основание положены такие ценностные категории, как добро, долг, совесть, честность, правдивость, искренность, благожелательность, уважительность к собеседнику, справедливость, ответственность. Это обуславливает необходимость выделения в составе этической компетенции, кроме **этикетной субкомпетенции**, еще и **субкомпетенции нормативно-ценностной**, которая в современной теории культуры речи не получила должной разработки и описания.

Что касается состояния культуры речи студентов в аспекте этической компетенции, то результаты проведенного нами пилотажного исследования свидетельствуют о том, что 62% студентов не владеют достаточным набором этикетных формул (особенно применительно к официальным ситуациям общения); 60% испытуемых не видят в предъявленных текстах нарушений этической нормы в ее нормативно-ценностном аспекте (например, наблюдается неоправданно терпимое отношение к инвективам, ярлыкам, дисфемизмам и т.п.).

Представленная здесь характеристика базовых компетенций будет неполной, если не выделить в составе каждой из них **паралингвистическую субкомпетенцию** — при широком понимании паралингвистики не как только коммуникативно значимых акустических характеристик речи [24, с. 310], но как совокупности невербальных средств (фонационных, кинетических и графических), участвующих в речевой коммуникации [14, с. 367]. Однако задача описания паралингвистической субкомпетенции применительно к выделенным базовым компетенциям в силу ее специфики должна составить предмет отдельной публикации.

Предложенная нами интегративная модель культурно-речевой компетенции как основы формирования речевой культуры студента высшего учебного заведения представляет собой идеальный (в смысле — ориентированный на идеал) конструкт. Однако следует учесть, что применительно к этой модели можно выделить разные уровни ее усвоения с конкретизированными целями, содержанием, конечными результатами и способами их оценки. Это дает возможность каждому высшему учебному заведению, ориентируясь на предложенную модель, вырабатывать собственный вариант ее реализации с учетом условий и специфики своей деятельности.

Библиографический список

1. Сиротинина, О.Б. Два десятилетия «свободы» русской речи и факторы, вызвавшие изменения в русском языке / О.Б. Сиротинина // Язык и культура в России: состояние и эволюционные процессы: материалы Всероссийской научной конференции 24-27

- октября 2007 г., Самара, Россия. — Самара, 2007.
2. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года // Народное образование. — 2004. — №2.
  3. Иванов, Д.А. и др. Компетентностный подход в образовании. Проблемы, понятия, инструментарий: учебно-методическое пособие / Д.А. Иванов, К.Г. Митрофанов, О.В. Соколова. — М., 2003.
  4. Сковородников, А.П. О понятии «коммуникативная компетенция» / А.П. Сковородников // Культура речевого общения в образовательных учреждениях разных уровней: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Под ред. А.П. Сковородникова. — Красноярск, 2003.
  5. Гольдин, В.Е., Сиротина, О.Б. Речевая культура / В.Е. Гольдин, О.Б. Сиротина // Русский язык. Энциклопедия. — М., 1997.
  6. Сковородников, А.П. Об элитарном типе речевой культуры / А.П. Сковородников // Теоретические и прикладные аспекты современной филологии: материалы XIII Всерос. филологических чтений имени проф. Р.Т. Гриб (1928-1995). Вып. 8 / Науч. ред. проф. Б.Я. Шарифуллин; Сибирский федеральный университет. — Красноярск, 2008.
  7. Русская речевая культура: Учебный словарь-справочник. — СПб., 2006.
  8. Обучение русскому языку в школе: учеб. пособие для студентов педагогич. вузов / Е.А. Быстрова, С.И. Львова, В.И. Капинос и др.; Под ред. Е.А. Быстровой. — М., 2004.
  9. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. — М., 2003.
  10. Культура русской речи и эффективность общения. — М., 1996.
  11. Головин, Б.Н. Основы культуры речи: Учеб. для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.» / Б.Н. Головин. — М., 1988.
  12. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1997.
  13. Ипполитова, Н.А. и др. Русский язык и культура речи: Учебник / Н.А. Ипполитова, О.Ю. Князева, М.Р. Саввова; Под ред. Н.А. Ипполитовой. — М., 2004.
  14. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — М., 1990.
  15. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сковородникова. — М., 2005.
  16. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В.Г. Костомаров. — М., 1994.
  17. Матвеева, Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т.В. Матвеева. — М., 2003.
  18. Русский язык и культура речи: учеб. пособие / О.Я. Гойхман, Л.М. Гончарова, О.Н. Лапшина и др. / Под ред. проф. О.Я. Гойхмана. — М., 2002.
  19. Сковородников, А.П. К методологии разработки и представления русского риторического идеала / А.П. Сковородников // Филологические науки. 1999. №5.
  20. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. — М., 1985.
  21. Формановская, Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н.И. Формановская. — М., 2002.
  22. Русский язык и культура речи. Семнадцать практических занятий / Е.В. Ганапольская, Т.Ю. Волошанова и др. — СПб., 2005.
  23. Введенская, Л.А. и др. Русский язык и культура речи: учеб. пособие для вузов / Л.В. Введенская, Л.Г. Павлова, Л.Ю. Кашаева. — Ростов н/Д., 2001.
  24. Гришаева, Л.И. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова. — М., 2006.

Статья поступила в редакцию 25.07.08.

УДК 821.161.1

А.В. Себелева, аспирант ТюмГУ, г. Нижневартовск, Тюменская область

ТВОРЧЕСТВО И.А. Салова и ТРАДИЦИИ НАРОДНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье описывается механизм творческого диалога И.А. Салова и писателей-народников. Рассматривается схожесть тематики и проблематики. Но идейная направленность и специфика изображения героя в произведениях И.А. Салова отлична от народнической. Акцентируя внимание на личности, а не на безликой массе, на чувствах, а не на политических идеях, — он встает в ряд с писателями тургеневской школы. И.А. Салов синтезировал в своем творчестве все достижения XIX века и трансформировал их в собственную манеру письма.

Ключевые слова: народники, народничество, крестьянство, нигилист, русская интеллигенция.

Последняя треть столетия — это своеобразный итог исканий русской литературы XIX века и зарождение тенденций литературного процесса века XX. Значимость литературы этого периода определяется творчеством Достоевского, Толстого, Гаршина, Короленко, Успенского, Чехова.

Отличительной особенностью этого этапа в истории русской литературы является необычайная идейная, нравственно-философская и эстетическая насыщенность, которая во многом становится отражением процессов, происходящих в российском обществе.

Общественная ситуация 70-х годов характеризуется развитием тенденций, наметившихся в 60-е годы. Основным событием этого времени стала отмена крепостного права. В 70-е гг. происходит осмысление первых итогов реформы. И как следствие этого появляется но-

вое общественное движение — народничество, которое оказало огромное влияние на развитие литературы, определив круг тем, проблематику, тип героя на несколько десятилетий вперед. В 70-е годы народничество обрело статус идеологии, т.к. закрепило мысль о личной и деятельной ответственности интеллигенции за все происходящее в обществе. Общественное служение стало восприниматься как личный долг каждого честного человека. Причем это явление, как и большинство процессов, происходящих в культуре XIX века, является развитием тенденций, возникших еще в начале столетия. Однако народническое движение быстро утратило силу. В 80—90-е годы в нем обнаружилось черты духовной «смуты», «бездорожья» и углубилось размежевание различных идейно-художественных воззрений. Наиболее прогрессивные литераторы стремились и в новых,

неблагоприятных условиях продолжать традиции «старого народничества». В своих поисках «новой веры» они опирались на гуманистические достижения реалистической литературы. Но в массе своей литературное народничество переживало упадок, и в творчестве многих писателей, с ним связанных, обнаружилось снижение идейно-художественного уровня реалистического искусства [1].

Признаки кризиса были очевидны не только в произведениях бывшего народника Ю.Н. Говорухи-Отрока и в мещанско-натуралистических тенденциях творчества литераторов «Недели» (Я.В. Абрамов, В.Л. Дедлов и др.). Они наблюдаются и в поздних произведениях П.В. Засодимского, Н.Н. Златовратского, Н.И. Наумова, Ф.Д. Нефедова. Идеалы и тематика большинства их произведений обращены в прошлое. Изображение социальных условий «общинной» жизни крестьян теперь, как правило, уступает место нравственной проблематике (повесть Златовратского «Барская дочь», 1883). Отчетливо проступает религиозно-моралистическая тенденция (роман Засодимского «Грех», 1893); характерна идеализация деревни (рассказы и очерки Наумова и Нефедова 80—90-х гг.).

Народная среда изображается пассивной и разобщенной, самые значительные ее представители неспособны на революционный протест и ненависть к угнетателям, характерные для героев ряда народнических произведений 70-х гг. Народные правдолюбцы рисуются теперь одиночками и гонимыми подвижниками, протест которых окрашен в религиозно-мистические тона (рассказ Наумова «Загора» 1881).

В противоположность писателям-народникам, И.А. Салов не занимается в своих рассказах исключительно крестьянской жизнью. В большинстве случаев, крестьяне в его произведениях стоят даже на заднем плане, составляют только фон, на котором движутся изображаемые им характеры. Он преимущественно описывает деревенскую «аристократию», ту смешанную среду, которая в деревенской жизни составляет как бы переход от крестьянства к городским сословиям. Герои его рассказов — деревенские купцы, землевладельцы, арендаторы, народные учителя, дьячки, священники, доктора и тому подобные лица. Впрочем, не в этом его главное отличие от писателей-народников, в произведениях которых лица деревенской «аристократии», как близко соприкасающиеся с народной средой, тоже фигурируют нередко. Воспитанный на произведениях И.С. Тургенева, он отличается от писателей-народников отсутствием предвзятой идеи, а также большей колоритностью, художественностью рассказа. В то время, когда народническая литература, под влиянием настроения общества, придавала своим произведениям характер преимущественно публицистический, Салов продолжал держаться в творчестве прежних традиций.

«В произведениях писателей-народников, если постараться определить их общие черты, игнорируя исключения, сказывается довольно редкий недостаток беспристрастного изучения личности. Все они, более или менее, забывали, что целое складывается из массы отдельных особей, почему занимались не изучением личности, во всем ее разнообразии, но старались проследить в отдельных особях из народной среды черты, общей целой массе лиц. Стремление это заметно даже у Г.И. Успенского, хотя он — как талант отрицательный и сильный — в большинстве своих произведений выходит из узких рамок школы на широкий простор художественного творчества» [3, с. 1]. У других же писателей-народников лица из народной среды обычно не вырисовываются во всей цельности. Читая произведения этих писателей, замечаешь, что автор интересуется не столько живыми людьми, сколько связанными с ними явлениями. Писатели-народники в своих произведени-

ях удачнее показывали черты массовой психологии, чем личной. Отдельные лица являлись у них лишь для иллюстрации массового настроения, изображенные постольку, поскольку они нужны были для данной задачи. Такой способ изображения нарушает психологическую гармонию характеров, потому что в них выступают ярче черты сословного различия, а оставляется в тени общечеловеческая суть. В произведениях писателей-народников лица нередко сглаживаются и исчезают, а взамен их господствует характеристика того собирательного целого, которое принято называть народом.

И.А. Салов, как это показывают и самые первые, и самые последние его произведения, чужд вышеуказанного публицистического направления в беллетристике. Везде и всегда он выступает единственно как художник, заинтересованный в том, чтобы как можно вернее передать на бумаге встреченный им характер. Рисует ли он в «Забывтой усадьбе» (1849) слугу при крепостном праве, раба душой, у которого только и осталась привязанность к господам, изображает ли в «Грачевском крокодиле» (1879) станового, выколачивающего взятки, — видишь, что прежде всего, его занимают данные люди, верное воспроизведение их облика. Благодаря этому, он, хотя и уступает некоторым из писателей — народников яркостью таланта, нередко превосходит их жизненностью изображения, большей цельностью рисуемых характеров. «Странно и сравнивать его, по силе таланта, по глубине содержания и по широкой постановке творчества, с таким крупным дарованием, как Г.И. Успенский. Разница, несомненно, значительная, и эта разница ничуть не в пользу произведений г. Салова. А между тем, если взять самый метод изображения, или, вернее, отношение автора к объекту описания, то нельзя не признать, что творчество г. Салова — на первый взгляд, по крайней мере — больше отвечает правильно понимаемым задачам художественного творчества» [3, с. 2]. В его произведениях спускаешься не от общей идеи к людям, иллюстрирующим идею, но от людей подымаешься к общей идее, к заключению о целом.

«Для ознакомления с деревенским бытом г. Салов положительно сделал не меньше, чем так называемые народники, которые во все стороны поворачивали мужика и анализировали не только его ревизскую душу, но даже лапти и пестреяные порты. У г. Салова нет предвзятости, с которой народники приступают к изображению деревенской жизни, а поэтому нет и скачков, которые наблюдаются у всех народников, и особенно у таких, как, например, покойный Каронин (Петропавловский). Начнут такие народники изображать мужика в идеальном виде, а потом, в силу особых соображений, вдруг переменить фронт и начнут представлять уже окончательно бессмысленной скотиной. Не много вынесешь из такого описания народной жизни, — описания явно тенденциозного, согласованного с предвзятой идеей. Очевидно, и здесь, то есть, в компании народников, г. Салов будет не на месте: он принадлежит целиком Тургеневской художественной школе, и в этом его величайшее достоинство» [4, с. 173].

Проблему взаимоотношения крестьян с властью, доводящей их до полуживотного, скотского состояния, с огромной художественной силой раскрыл в повести «Подлиповцы» Ф.М. Решетников. Героями своих произведений писатель сделал не просто отдельных крестьян, а социальные типы и через них всю народную среду. Конечно, И.А. Салов не смог достигнуть хлесткой обличительности «Подлиповцев», но все же его герои: Чесалкины, Глотовы, Лопашовы, Брюхановы, Обертышевы — стали типами русской действительности 60—80-х годов XIX века.

Призыв к изучению «целой крестьянской среды» и ее типов исходил, в первую очередь, из демократичес-

ких журналов той эпохи. В частности, «Отечественные записки», в которых сотрудничал И.А. Салов, во главе с М.Е. Салтыковым-Щедриным призывали не идеализировать мужиков, но и не видеть в них тупую, бестолковую массу [5].

Взгляд на крестьянскую общину как единственное средство «возрождения» народа был свойственен писателям-народникам в 70-е годы. В частности Н.Н. Златовратский считал, что общинный уклад может предотвратить новые экономические отношения, остановить зарождение капитализма. Его роман «Устой» проникнут именно таким убеждением [6].

В отличие от Н. Златовратского проблема общины у И.А. Салова решается соответственно духу времени в реалистическом плане. Златовратский считает основной чертой крестьянской общины дух коллективизма. Личная судьба и судьба деревенского «мира» должны быть взаимосвязаны и взаимозависимы. Но Салов показывает совершенно иную ситуацию. Писатель раскрывает истинную суть этого внешнего единства, разрушенного в своей основе новыми экономическими отношениями. Судьба личности может определяться влиянием «общественного сознания», но трудно, даже невозможно, по мнению И.А. Салова, навязать общине индивидуальную психологию. Общественное сознание, по наблюдению писателя, представляет собой не единое целое, а совокупность разнонаправленных, часто враждебных, индивидуальных стремлений. Об этом рассказы Салова «Николай Суетной» (1881), «Иван Огородников» (1885).

В творчестве И.А. Салова нашла отражение еще одна немаловажная проблема, волнующая литературу 60-80-х годов. Речь идет об исканиях русской интеллигенции, о поиске точек соприкосновения — отчуждения ее с народной средой. Свое отношение к данному вопросу выражал В.А. Слепцов в повести «Трудное время», Н.Г. Помяловский в диалогии «Молотов», «Мещанское счастье». И.А. Салов отозвался на эту тему рассказами «Мелкие сошки» (1883), «Тернистый путь», повестью «Грачевский крокодил» (1879, 1884). Все эти произведения выражают одну основную мысль писателя — интеллигенция или ненастоящая, не живущая высокими идеалами свободы, духовной и нравственной чистоты, или все ее порывы к лучшему будущему в корне убиваются произволом и властью «денежных мешков». О крушении нравственного начала в русском народе, происходящем из-за напора «новых хозяев жизни», о попытках отыскать остатки внутренней силы и выстоять против засилья денег рассказывает нам И.А. Салов своими художественными произведениями. В отличие от многих демократически настроенных писателей 70-х годов, с их пристрастием к резкому, несколько прямолинейному разграничению темных и светлых сторон жизни, вызывавшему порой примитивное композиционное построение романа или повести, Салов стремился создать широкое полотно со многими сюжетными ответвлениями. Большой мастер диалога, писатель владел ярким, образным языком, насыщенным народным юмором. Традиции демократического рассказа и очерка 60-х годов в творчестве Салова получали новую жизнь в жанре большого и сложного повествования.

Образы новых людей, идущих в народ, становятся в 70-х годах характерными для всей беллетристики демократического направления: Новодворский-Осипович («Эпизод из жизни ни павы, ни вороны», 1877), Бажин («История одного товарищества», 1869), Федоров-Омулевский («Светлов, его взгляды, характер и деятельность» или «Шаг за шагом», 1870), И. Куцевский («Николай Негоров, или благополучный россиянин», 1871), Станюкович («На то и щука в море, чтоб карась не дремал», 1871; «Без исхода», 1873; «Два брата», 1880; «Омут», 1881), а также Шеллер-Михайлов («Господа Об-

носковы», 1868; «Вразброд», 1869; «Лес рубят — щепки летят», 1871; «Хлеба и зрелищ», 1875; «Семья Муратовых», 1878), Хвоцинская-Зайончковская («Первая борьба», 1869; «Большая медведица», 1871-1875; «Учительница», 1879-1880; «После потопа», 1881), Мордовцев («Новые русские люди», 1868; «Знамение времени», 1871).

Главное внимание эти писатели уделяли критике дворянско-буржуазной действительности и судьбам разночинцев. «Относясь к ним с большой симпатией, эти писатели, не обладавшие остротой видения мира и последовательностью взглядов, присущих Щедрину, весьма неопределенно представляли себе конкретные общественные цели, стоявшие перед разночинцами, и не шли дальше изображения их устремлений к образованию, к естественно-научным знаниям, к мирному переустройству общества на этих началах» [6, с. 317]. Очень часто поэтому их герои довольно скептически относятся к идеям революционной борьбы, разочаровываются в своих убеждениях и идеалах.

«Обогадив литературу новым, прежде мало привлекавшим ее внимание жизненным материалом, народнические писатели не умели вскрыть объективных закономерностей становления капитализма в России и потому не смогли осознать типичность представленных ими характеров и ситуаций, возмещая поверхностность и схематизм изображения документальностью, этнографизмом открытой публицистикой» [6, с. 318].

Противоречия народнического движения, пассивное отношение крестьянства к политической пропаганде, со всей бесспорностью выявившееся во время «хождения в народ» весной и летом 1874 г., обусловили существенные изменения в позиции народников и тем самым в народнической литературе.

В русле этого Салов изобразил своего нигилиста. И здесь специального внимания заслуживает повесть «Грачевский крокодил» (первый ее вариант вышел в 1879 г., второй, известный нам, — в 1884 г.). Первый вариант произведения, посланный Саловым в редакцию «Отечественных записок», был возвращен писателю с письмом Салтыкова-Щедрина, в котором он в резкой форме советует автору печатать произведение не в «Отечественных записках», а в реакционном «Русском вестнике». Салов отправил свое детище к Каткову, где оно увидело свет в майском номере за 1879 год. Рецензент «Саратовского справочного листка» пишет: «Почему г. Салов появился с своей новой повестью («Грачевский крокодил») в журнале г. Каткова — этом антиподоле «Отечественных записок», — не тайна: сюжет его повести представляет чудовищную, фантастическую картину какой-то деревенской путаницы, где фигурируют пропагандисты, народные учителя и разные проходимцы из недоучившихся семинаристов. Тема эта — любимый конек г. Каткова, а потому г. Салов, не надеясь, вероятно, на достоинства своего рассказа, захотел эксплуатировать тему и — повесть его появилась в «Русском вестнике» [7]. Салов рисует «новых людей», Асклиподота Психологова и частично Мелитину Петровну, нравственно испорченными, внешне и внутренне нечистоплотными, морально растленными, пошлыми, наделенными такими недостатками, как трусость, пьянство, грубость, воровство.

Рецензент журнала «Дело», назвав повесть «неприличным пасквилом», пытается объяснить неудачу писателя, полагая, что, «г. Салов, очевидно, не зная дела из первых источников, поверил на слово, что Мелитины Петровны и Асклиподоты... — лгунишки, воришки, пьянчужки, и сообразно этому своему представлению изобразил их» [2, с. 46].

Как пишет сам автор в мемуарах, «вся фабула «Крокодила» — не вымысел, а истинное происшествие. Мно-

гие из действующих лиц названы мною даже по именам и по фамилиям», а главный герой повести, «нигилист... был мною списан с натуры, так как жил в одном со мною селе» [8, с. 180-181].

Во второй редакции 1884 года образ Асклиподота подвергся коренной переработке. «Нигилист» с берегов речки Грачевки во многом резко отличается от своего литературного предшественника Базарова и от образов нигилистов своего времени. Это фигура юного богатыря, еще не нашедшего свой путь. В нем кипят силы буйные, он талантлив, дерзок, но не знает, куда девать энергию и расходует ее на хулиганские выходки, на иногда добрые, иногда не совсем хорошие дела. Асклиподот носит пенсне, у него роскошные кудри, звучный певучий баритон. Он самоотверженно ухаживает за больным отцом, обнаруживает в себе талант педагога, успешно обучая наукам то сына князя Баталина, то группу крестьянских детей. Справляется он даже с обязанностями начальника небольшой железнодорожной стан-

ции. Таким образом, перед нами предстает обычный молодой человек. Герой Салова далек от тягостных раздумий о революционной борьбе, ему также не свойственен пессимизм, разочарование в жизни и, в подтверждение этому, Салов завершает повесть комическим штрихом: его юный бунтарь в пенсне становится по настоянию отца... пасечником!

Проанализировав все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что творчество Салова носит противоречивый характер. Писатель поддерживал основные идейные устремления литературы 60—80-х годов XIX века, воспринимал как ее основные художественные достижения (использование особого «очеркового» способа художественной типизации, субъективно-экспрессивных форм повествования), так следовал и традициям «натуральной школы», перерабатывая творческие достижения И.С. Тургенева, Н.С. Лескова. В то же время И.А. Салов вырабатывал собственные приемы, которые стали основой его творческой манеры.

Библиографический список

1. История русской литературы: В 4-х т. Т.4. Литература конца XIX — начала XX века (1881-1917) / А.Б. Муратова. — Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1983.
2. Дело, 1884, №2, 2-я паг.
3. Уманьский А. Литературно-критические этюды. И.А. Салов / А. Уманьский — Волжский вестник, 1888, №53, 25 февр.
4. Медведский К. Современные литературные деятели. И.А. Салов / К. Медведский — Исторический вестник, 1893, №10.
5. См. об этом: Никифорова, В. И.А. Салов в «Отечественных записках» // XXVII Герценовские чтения. Литературоведение. — Л., 1975.
6. История русской литературы: В 3-х т. Т.3 / Д.Д. Благой. — М.: Наука, 1964.
7. Саратовский справочный листок, 1879, 8 июня, №134.
8. Салов, И.А. Из воспоминаний / И.А. Салов — Исторический вестник, 1906, №10.

Статья поступила в редакцию 22.04.08.

УДК 82.09 + 82-31 + 82.081

Н.Ю. Воробьева, соискатель ЮУрГУ, г. Челябинск

РОМАН-ЦИКЛ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ЖАНР ЛИТЕРАТУРЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ А. МАРИЕНГОФА «ЦИНИКИ» И Г. БРОХА «НЕВИНОВНЫЕ»)

Роман-цикл рассматривается как литературный феномен XX века: это качественно новая стадия развития жанра романа, полностью отражающая общественный, историко-культурный, литературный процесс в специфических, характерных для него формах и категориях.

Ключевые слова: жанр, трансформация, роман-цикл, синтез, хронотоп.

Роман был верным спутником человека с начала возникновения Новой истории. По словам Милана Кундеры, именно роман заботливо вырастила и воспитала Европа. Именно ему суждено было отразить реальное, пространственно-временное течение жизни в лицах и событиях, в движениях мысли и порывах души.

Однако эссеистика начиная с 20-х вплоть до 60-х годов XX века приходит к выводу о неизбежном разрушении структуры этого жанра.

Художественная практика романа опровергает так называемую жанровую смерть. Происходит изменение курса художественного осмысления и отражения жизни: роман становится формой свободного синтеза фрагментов, отрывков, соединения параллельных, отражающих друг друга историй, повествованием не только содержательно, но и формально многоплановым, что отражается в возникновении таких жанровых форм как **роман-цикл, симультанный роман, цикл новелл** и т. д.

Подсказанные историческими событиями начала XX века, они вобрала в себя ряд исключительных

структурных особенностей и предвосхитили исключительность поэтики «нового романа».

Роман-цикл — специфическая форма трансформации романного жанра первой половины XX века, характеризующаяся концептуальным единством внутренне автономных частей романа.

Роман-цикл начинает формироваться к концу 10-х — началу 20-х годов XX века. Появляется целый ряд ярких текстов, состоящих из множества эпизодов, каждый из которых имеет собственную структуру, но при этом составляет вместе с другими элементами целостное, концептуальное единство. К таким романам можно отнести «Улисса» Д. Джойса, «Иосифа и его братьев» Т. Манна, «Лунатики» Г. Броха, и др.

Феномен возникновения романа-цикла можно проследить в рамках различных историко-культурных контекстов: с одной стороны — Германия времен становления гитлеровского режима с ее ценностным вакуумом (Г. Брех «Невиновные» (1951)), с другой — послереволюционная Россия эпохи зарождения нэпа, усиления десо-

циализации личности и повсеместного голода (А. Мариенгоф «Циники» (1928)).

Для осмысления любого культурного явления требуется некоторая степень временной отстраненности, наличие определенной дистанции между самим явлением и процессом его анализа. Этим обусловлена малая степень изученности данного феномена в целом и его отдельных явлений в частности.

Современное литературоведение отмечает, что роман-цикл стал закономерным откликом на происходящие события. «Линейный», «последовательный», «классический» роман не может отразить калейдоскопического хитросплетения времен и судеб в силу четко обусловленной жанром структуры.

М.М. Бахтин выделил три основных особенности, принципиально отличающих современный роман от всех остальных жанров:

- 1) стилистическую трехмерность романа, связанную с многоязычным сознанием, реализующимся в нем;
- 2) коренное изменение временных координат литературного образа в романе;
- 3) новую зону построения литературного образа в романе, именно зону максимального контакта с настоящим (современностью) в его незавершенности.

В последние десятилетия в отечественной критике активнее стали вестись сопоставительные исследования, о чем свидетельствуют статьи А.Г. Березиной «Герман Брох и Владимир Набоков в зеркале цитаты» (1994), А.В. Ерохина «Гоголь и Брох: личность и утопия» (1994), Т.Е. Пичугиной «Рецепция австрийской культуры рубежа веков в эссе Г. Броха «Гофмансталь и его время» и «Брох о Джойсе»» (2001).

«Обладает ли эта искаженная жизнь еще хоть какой-нибудь действительностью? Обладает ли эта гипертрофическая действительность еще хоть какой-нибудь жизненностью?» — восклицает в своем эссе «Распад ценностей» Г. Брох.

Действительно, роман, существующий в XX веке как особый жанр литературы, и по сей день вызывает споры, однако сторонники теории гибели романа находят все меньше аргументов для подтверждения своей концепции. Этот жанр, имеющий историю в несколько столетий, и претерпевающий модификационные изменения, просто перешел на качественно новую ступень своего развития. Именно в этой форме роман наиболее точно способен выполнять свою основную задачу — отражать современную ему реальность через призму авторского мировоззрения.

Роман-цикл — специфическая форма романного жанра, появившаяся в России, Германии, Австрии, Англии к началу Первой мировой войны и отразившая время прогрессирующей духовной стагнации и нравственного кризиса. Роман-цикл характеризуется автономностью каждой части, при внутреннем композиционном единстве.

По своей пространственно-временной характеристике роман-цикл отличается от канонического романа, так как на этом уровне перед автором стоит основная задача: создание максимально емкого художественного пространства, в полной мере отражающего фрагментарность современной ему картины мира.

Пространство романов «Невиновные» Г. Броха и «Циники» А. Мариенгофа можно расценивать как мозаичное, фрагментарное. В романе «Невиновные» Г. Броха представлена четкая циклизация хронотопа: помимо временного деления ткани текста (1913, 1923, 1933 годы), автор (в качестве основного сюжетного хода) использует мотив распутывания клубка чужих, замысловато сплетенных судеб и «Голосов» из разных лет. Роман «Циники» А. Мариенгофа охватывает десять лет (1918-1928 гг.). Однако каждая глава, соответствующая году,

дробится на 30, 36, а в некоторых случаях и 49 «локальных хронотопов» на фоне одного, заданного судьбой главного героя, художественного пространства романа.

Постоянное смещение планов повествования придает роману динамичность, делает его более знаковым по отношению к отражаемой в нем эпохе: переход от мифологического через конкретно-историческое к частно-бытийному раздвигает границы жанра, актуализируя его. Например, в один момент мы можем увидеть события в нескольких ракурсах сразу: «Он внимательно разглядывает фотографию. В серебряном флюсе самовара отражается его лицо. А из голубоватого стекла в кружевной позолоченной раме вылезает нежная ребяческая улыбка с ямками на щеках» [2, с. 45]. И здесь же отчужденная, объективная, статичная констатация: «Большевики дерутся (по всей вероятности, мужественно) на трех фронтах, четырех участках и в двенадцати направлениях» [2, с. 45].

Благодаря своей специфике, роман-цикл характеризуется одновременным синтезированием нескольких клубков параллельных историй, что придает повествованию разветвленную многоуровневую структуру, в которой присутствует как несколько оригинальных типов героев, так и бесчисленное множество их двойников.

Основная сюжетная линия в романе Г. Броха — любовная история, однако в зависимости от критерия оценки этой истории, она распадается на ряд сюжетных клубков. С точки зрения последовательности во времени: две похожие истории, в каждой из которых участвуют три человека: господин фон Юн, баронесса и служанка Церлина в прошлом и Андреас, Мелитта и Хильдегард в настоящем. Истории развиваются аналогичным образом, и снова закручиваются возле Охотничьего домика как символа эвфемерной любви и спокойствия. С точки зрения различного понимания смысла любви: Андреас и Мелитта, господин фон Юн и баронесса — понимание любви как духовной близости; Андреас и Хильдегард, господин фон Юн и Церлина — понимание любви как физической близости. Однако в романе есть еще три формально параллельные истории: Хильдегард, баронесса, Церлины. Каждая из женщин является двойником другой, они неотделимы друг от друга в своей индифферентности к проявлениям внешнего мира — духовно они уже мертвы. Параллельно существуют еще две истории: история любви Цахариаса и история любви Андреаса.

В романе «Невиновные» сюжетные линии переплетаются не благодаря поступкам героев, а лишь потому, что переплетаются их рассказы, пути, судьбы. Они невинны в том, что с ними происходит. Формально человек (в данном случае главный герой романа) действительно невиновен: в своей жизни он становится сторонним наблюдателем. В начале романа Андреас — гость в чужом хитросплетении судеб (нов. «На парусах под легким бризом»), далее — посторонний в кругу семейных дел (нов. «Рассказ служанки Церлины»), затем — слушатель чужой философии жизни (нов. «Четыре речи штудиенрата Цахариаса»). Он — сторонний наблюдатель даже в личной жизни: в своих отношениях с Мелиттой, так виртуозно организованных Церлиной, и в ее последующем убийстве, совершенном Хильдегард. Он невиновен, так как непричастен, но виновен своей непричастностью к собственной жизни.

Аналогичным образом компилируются две сюжетные линии романа «Циники»: системообразующим персонажем является Владимир. Именно его взглядом мы смотрим на кризисную ситуацию в стране, на его возлюбленную Ольгу и на ее любовника Сергея. До появления Ольги в судьбе Владимира жизнь Сергея протекает параллельно, но любовная история обеспечивает пересечение до поры до времени не соприкасающихся

судеб. Однако вскоре (подобно исчезновению Цахариаса из судьбы А.) Сергей пропадает в потоке революционной активности. Пути героев, очевидно, расходятся.

Главные герои обоих романов выбирают позицию «отстраненного невмешательства» (Владимир — по отношению к революции, Андреас — по отношению к собственному жизнеустройству), в то время как герои «оттеняющих историй» гипертрофированно активны в своих жизненных позициях (Сергей — ярый приверженец революционного большевизма, Цахариас — исполнитель собственной схемы «жизнепрепровождения»).

В силу того, что роман-цикл возникает как отражение современной ему кризисной реальности, многие традиционные для литературы темы решаются в нем по-иному: в обоих романах концепция существования любви в современной действительности намеренно и методично разрушается авторами. Тема любви неразрывно связана с темой смерти. В романе «Циники» такое понятие как любовь существует лишь как пережиток бесполезного сентиментального прошлого, от которого страдает главный герой. Причем любовь Владимира — не облагораживающее чувство бесконечного уважения и заботы о другом человеке, а замкнутое на самом себе переживание: «О, Боже! Сегодня я плакал от любви!» — восклицает главный герой. В отличие от «циников», «невиновные» сразу убивают любовь: «Любовь? Нет ее, любви!.. Я сознательно говорю «спаривание», не употребляя слово «любовь»: пусть другие народы говорят о любви, мы в этом слове больше не нуждаемся». В тексте романа последней вспышкой светлого чувства в этом мире была Мелитта, причем, несмотря на отстраненную позицию большинства героев, все они являются соучастниками ее убийства. Таким образом, можно сказать, что развертывание темы любви происходит в контексте темы смерти.

Библиографический список

1. Брех, Г. Невинные / Смерть Вергилия / Г. Брех. — М., 1990.
2. Мариенгоф, А. Циники / А. Мариенгоф. — М., 1991.
3. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. — М., 1976.
4. Бент, М.И. Герман Брех о литературе / М.И. Бент // Вопросы литературы — №4. — М., 1998.
5. Затонский, Д.В. Австрийская литература в XX столетии / Д.В. Затонский. — М., 1985.

Статья поступила в редакцию 10.05.08.

УДК 801.55

Е.В. Самохина, аспирант БГПУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск

ЧАСТОТНОСТЬ И МНОГОЗНАЧНОСТЬ ПРОИЗВОДЯЩЕГО СЛОВА КАК ФАКТОРЫ ПОЯВЛЕНИЯ ЛЕКСИКО-ДЕРИВАЦИОННЫХ ЛАКУН (на материале русского языка)

В статье рассматриваются различные точки зрения на причины и факторы появления в языке внутрисистемных лексико-словообразовательных лакун. На основе практического анализа делается вывод о том, что системные факторы, такие как семантика и многозначность производящего слова, а также такая функциональная его характеристика, как частотность употребления (в первом значении) определяют образование или необразование (лакуны) деривационных форм слова.

Ключевые слова: лакуна, семантика, многозначность, частотность, деривация.

К числу нерешенных проблем теоретической и практической лакунологии — одного из направлений современной лингвистики — относится проблема установления факторов, оказывающих влияние на образование «пробелов», незаполненных клеток языковой системы, которые принято называть внутрисистемными лакуна-

Романное сознание — сознание преемственности: каждое произведение — это ответ на предшествующие произведения, и каждое произведение содержит весь накопленный романом опыт. Но сознание нашего времени сосредоточено на современности, которая столь экспансивна, столь широка, что вытесняет прошлое с нашего горизонта и сводит время к одной лишь секунде настоящего. Включенный в эту систему, роман больше не является произведением (предназначенным длиться, соединяя прошлое и будущее), а является событием современности, как и другие события; актом, не имеющим завтра.

Немаловажной особенностью поэтики романа-цикла является присутствие в нем категории абсурда: абсурдность поступков главных героев, абсурдность основных исторических событий современности и общего вектора развития цивилизации. Помимо распада всех базовых ценностей нового поколения, авторы изображают в романах абсолютную неадекватность оценки героями собственной линии поведения, происходящих в мире событий. Постепенно смешиваются условные границы добра и зла, превращая мир в нечто динамичное, разнородное, но совершенно неуправляемое в своем стремительном движении к концу разумного существования. Не менее абсурдно циничное безразличие героев к чужой судьбе: люди, разъединенные собственным нежеланием видеть и слышать друг друга, локально существуют в социуме, подобно тому, как разрозненные новеллы организуют общее художественное пространство романа.

Роман-цикл действительно можно назвать литературным феноменом XX века: это качественно новая стадия развития жанра романа, полностью отражающая общественный, историко-культурный, литературный процесс в специфических, характерных для него формах и категориях.

Свою цель мы видим в том, чтобы рассмотреть уже существующие в лингвистике точки зрения на причины появления в языке внутрисистемных лакун и определить роль таких характеристик слова, как их принадлежность к определенному лексико-семантическому классу слов, потенциал многозначности производящих

слов и частотность их употребления в общей системе факторов, обуславливающих образование лагун на одном из участков лексико-деривационной системы русского языка.

Явление лагунарности мы рассматриваем с позиции системно-семиологического и системно-функционального подходов к языку, которые проявляются в первоочередном внимании к внутренней семантической структуре языка и его функционированию и в выработке таких методов и приемов анализа лексической системности, которые основывались бы на учете всей ее сложности и во взаимодействии всех определяющих ее факторов, как внешних по отношению к существованию языка, так и внутриязыковых. Знание этих факторов позволило бы, с одной стороны, определить причины отсутствия для имеющихся концептов (или потенциальных значений) средств системной объективации. С другой стороны, отграничить явления, не допускаемые системой языка — иллогизмы [1, с. 134], от явлений, возможных в данном языке, но не представленных лексически.

Одна из общих причин появления лагун в языке была сформулирована известным когнитологом И.А. Стерниным, который определил ее следующим образом: «Общая причина, несомненно — отсутствие коммуникативной потребности, в результате чего не осуществлена номинация. Но отсутствие коммуникативной потребности тоже требует объяснения с позиции уклада жизни, менталитета, тематики общения и т.д. (это тоже предмет для исследования и выдвижения гипотез)» [2, с. 42]. Среди других причин исследователи называют такие, как употребительность, широту сочетаемости, стилистическую окраску [3, с. 411].

К числу системных факторов, имеющих отношение к появлению лексико-словообразовательных лагун, относится фактор ограничения семантической и формальной сочетаемости морфем. Он может быть представлен следующими вариантами: 1) формальным; 2) словообразовательным; 3) семантическим; 4) стилистическим; 5) лексическим.

Лингвистами неоднократно отмечалось, что словообразовательный потенциал всех частей речи определяются семантикой производящего, составом его семантических компонентов. Немаловажную роль, на наш взгляд, играет также синтагматика, проявляющаяся в валентности части речи вообще и конкретной лексемы, выступающей в качестве производящей основы, в частности. Особенно это значимо для качественных имен прилагательных, деривационный объем которых, по наблюдениям М.Н. Яценецкой, определяется «объемом предметной приложимости признака (признак мыслится как принадлежащий качественно однородной группе предметов или группам разнородных предметов). В первом случае словообразующие возможности ограничены, во втором — существует возможность неоднократного установления одного типа семантических мотивационных отношений при мотивации разнородных явлений» [4, с. 239]. Следовательно, словообразовательный потенциал разных групп прилагательных различается, и отсутствие деривата в словообразовательной парадигме слова может быть обусловлено законами логики.

Предметом нашего исследования являются: семантика производящей основы, полисемия производящей основы и частотность употребления как факторы, определяющие лагунарность в сфере лексико-деривационной системы.

В качестве материала исследования на разных этапах работы выступали: 1) непроизводные прилагательные (с точки зрения современного русского языка) с различным коэффициентом частотности; 2) прилагательные двух тематических групп: «Внутренние качества человека» и «Внешний вид и форма».

Основным методом выявления внутрисистемных лексико-словообразовательных лагун в нашем исследовании является словообразовательно-парадигматический метод, разработанный и апробированный в работах Г.В. Быковой и Е.В. Семилетовой [1, с. 250-273; 5, с. 198-205]. Суть этого метода состоит в том, что «пустые клетки», лагуны, выявляются путем сравнения словообразовательных парадигм прилагательных, относящихся к одной лексико-семантической группе. О целесообразности такого пути писал А.Н. Тихонов в предисловии к своему Словообразовательному словарю русского языка: «словообразовательные парадигмы представляют собой системно ограниченный набор элементов <...> члены словообразовательной парадигмы — это набор произведенных при одной словообразовательной основе, отражающих ее деривационные потенции, заложенные в системе». «Пользуясь понятием словообразовательной парадигмы, можно установить словообразовательный потенциал различных разрядов слов. В связи с этим требуется специальное изучение словообразовательных парадигм всех групп производных и непроизводных слов, слов различных частей речи, лексико-семантических и тематических групп, что даст возможность выявить все имеющиеся в языке типовые парадигмы и построить типологию словообразовательных парадигм. При этом, конечно, будут обнаружены и дефектные парадигмы и определены причины их дефектности, причины отсутствия в них тех или иных производных слов, предусмотренных системой» [6; с. 50]. Таким образом, словообразовательно-парадигматический метод позволяет воссоздать достаточно полную картину выраженного и невыраженного в лексико-деривационной системе языка.

Фактор частотности

Рассмотрение заявленных факторов мы начнем с функциональной характеристики (показателя) - коэффициента частотности, используя при этом данные «Частотного словаря русского языка» под редакцией Л.Н. Засориной [7].

Еще Е.А. Земская писала, что «словообразовательный потенциал шире у слов высокоупотребительных, чем у слов малоупотребительных» [3, с. 411]. Подобного рода гипотезу высказывал Н.Д. Голев, полагая, что «мотивирующим признается слово более известное, употребительное, значимое в жизни человека, поэтому именно через него естественным образом объяснять мотивированное слово: *физик* — через *физика*, *мачеха* — через *мать*, а не наоборот». В ходе количественных исследований Н.Д. Голевым были выявлены некоторые корреляции между двумя типами семантики и выработаны способы интерпретации количественных данных содержательных характеристик [8, с. 132-140].

Принимая во внимание мысль о том, что «рассмотрение списка [лексем — *Е.С.*] в аспекте частотности сразу актуализирует его полярность — два полюса количественного коэффициента: на одном из них располагаются лексемы с нулевым или близким к нему коэффициентом, на другом — высокочастотные <...> лексемы» [9, с. 10-11], мы выбрали для анализа — соответственно — две группы адъективов. Первую группу, включившую высокочастотную лексику, составили следующие прилагательные: *большой, новый, великий, последний, молодой, высокий, хороший, важный, полный, черный*; вторую (с единичной или нулевой частотностью) составили: *сивый, строптивый, терпкий, утлый, учтивый, жеманный, каурый, неуклюжий, пегий, пикантный*. Информация, полученная из словарей, сведена в таблицы 1 и 2. К сожалению, рамки статьи не позволяют нам привести их полностью, мы ограничимся фрагментами

в качестве иллюстрации. Таблица 1 отражает данные по первой группе, Таблица 2 — по второй группе.

Таблица 1
«Характеристика высокочастотной лексики»

№ пп	прилагательные	N (Д)	N1	N2	N3	v	N ЛСВ
1.	большой	11	2	3		2066	5
2.	новый	16	4	11		1722	3
3.	великий	11	4	4		692	3
4.	последний	3	1	2		664	7
5.	молодой	20	4	16		608	5

Таблица 2
«Характеристика низкочастотной лексики»

№ пп	прилагательные	N (Д)	N1	N2	N3	v	N ЛСВ
1.	сивый	6	1	4	1	1	2
2.	строптивый	5	0	3	2	1	1
3.	терпкий		0	0	2	1	1
4.	утлый	0	0	0	0	1	1
5.	учтивый	4	0	1	3	1	1

Условные обозначения к таблицам 1 и 2:

N (Д) — количество дериватов; v — коэффициент частотности; N1 — количество дериватов, относящихся к модификационному типу словообразования; N2 — количество дериватов, относящихся к мутационному типу словообразования; N3 — количество дериватов, относящихся к транспозиционному типу словообразования; N (ЛСВ) — количество значений исходного прилагательного.

В данных таблицах получили отражение следующие сведения: мотивирующие прилагательные, коэффициент их частотности, общее число дериватов и распределение дериватов в числовом выражении по трем сферам словообразования: модификационной, мутационной, транспозиционной.

Материал, представленный в таблицах, позволил сделать следующие выводы:

1) деривационные гнезда прилагательных первой группы более значительны по объему (≥ 10). Исключение составляют лексемы *последний* (v = 644) — 3 деривата, *важный* (v = 521) — 5 дериватов.

2) В этих группах по-разному представлены сферы словообразования: если количество модификатов в первой группе колеблется от 1 до 8, то во второй их либо совсем нет (см. *строптивый*, *утлый*, *учтивый*, *жеманный*, *неуклюжий*, *пикантный*), либо встречается 1 форма (*сивый*, *каурый*). Исключение: *пегий* — 3 деривата. Более регулярным является образование транспозитов, однако у первой группы существительные со значением отвлеченного признака представлены несколькими формами.

Квантитативный коэффициент (термин Н.Д. Голева) позволяет сравнивать степень наполняемости деривационных гнезд. Судить о наличии лакун, опираясь только на него, нельзя, поскольку сравниваемые группы составляют прилагательные с различной предметной приложимостью признака, с различной семантикой, и, следовательно, с разным словообразовательным потенциалом. Иными словами, возникает необходимость рассматривать лексемы в составе лексико-семантических парадигм. Таким образом, в паре с фактором частотности рассматривается действие фактора парадигматичности.

Фактор парадигматичности

Изменения, обнаруживающиеся в рамках деривационных парадигм многозначных лексем, и появление

лексико-словообразовательных лакун на некоторых участках деривационных парадигм заставляют обратиться к выявлению типовой словообразовательной парадигмы, свойственной для всех качественных прилагательных, относящихся к одной лексико-семантической группе, и к ее заполнению на уровне каждой конкретной лексической единицы.

Мы выполнили это на примере двух прилагательных: *строптивый* внутри парадигмы «Внутренние качества человека» (11 единиц) и *высокий* — внутри парадигмы со значением «Внешний вид и форма предмета» (11 единиц). Анализ материала показал, что с уменьшением квантитативного коэффициента (особенно в тех случаях, когда он близок к 0) происходит сокращение числа модификатов: *плохой* (v = 128) 2, *жестокый* (v = 60) 2, *тонкий* (v = 162) 5, *праведный* (v = 4) 0, *строптивый* (v = 1) 0, *корявый* (v = 3) 0. С увеличением данного коэффициента происходит расширение сферы модификации и мутации. Однако корреляции между частотностью и образованием дериватов, относящихся к мутационному типу, не наблюдается. Ср. *плохой* (v = 128) 0, *жадный* (v = 36) 5, *прямой* (v = 142) 2, *кривой* (v = 28) 10.

Фактор многозначности

Рассматривая вопрос о соотношении многозначности производящего слова, его деривационного потенциала и лексико-словообразовательных лакун в словообразовательных парадигмах, мы исходим из следующего понимания многозначности слова, предложенного Д.Н. Шмелевым: «Наличие у слова нескольких значений называют полисемией или многозначностью. То, что слово выступает в том или другом значении, определяется особенностями сочетания данного слова с другими словами, иногда — более широким контекстом или ситуацией» [10, с. 76-77].

Процедура выявления лакун в лексико-деривационных парадигмах анализируемых прилагательных с учетом фактора многозначности включала в себя следующие шаги:

Шаг 1: Анализируемые прилагательные по первому значению распределялись по лексико-семантическим группам, в результате чего были сформированы две лексико-семантические группы качественных прилагательных (см. Таблица 3, 4). При этом нами учитывалось, что «семантическое сходство разных значений одного слова <...> не может быть сведено к наличию во всех этих значениях какого-либо одного, обязательного для всех семантического компонента. Это сходство выражается в семантической соотнесенности значений между собой по любым семам — категориально-лексическим, дифференциальным и даже потенциальным. <...> Во многих случаях в основе единства семантических вариантов лежат сложные психологические ассоциации, которые трудно интерпретировать как простое сходство значений по отдельным компонентам». В результате полисемии образуется семантическое поле многозначного слова, состоящее из семем (ЛСВ), которые относятся к различным лексико-семантическим микрополям и находятся между собой в следующих типах оппозитивных отношений: основные/неосновные; свободные и несвободные; прямые и переносные; нейтральные и стилистически-маркированные.

Шаг 2: Словообразовательные дериваты, извлеченные из Словообразовательного словаря русского языка А.Н. Тихонова, распределялись вокруг отдельных ЛСВ многозначного слова с учетом их значения, в результате чего в рамках деривационного гнезда полисеманта образовались отдельные словообразовательные микрогнезда.

Шаг 3: В составе выделенных микрогнезд (парадигм) дериваты группировались по отнесенности к одной из

деривационных сфер: модификационной, мутационной и транспозиционной.

Результаты соотнесенности семантических и словообразовательных дериватов двух лексико-семантических групп адъективной лексики в количественном аспекте представлены в таблицах 3 и 4.

Таблица 3

Соотношение дериватов исходных прилагательных и их ЛСВ (тематическая группа «Внешний вид и форма»)

№ п/п	Прилагательные	Кол-во дериватов	Лексико-семантические варианты						
			ЛСВ1	ЛСВ2	ЛСВ3	ЛСВ4	ЛСВ5	ЛСВ6	ЛСВ7
1	Пышный	6	4	2	**	**	**	**	**
2	Плоский	6	3	1	2	**	**	**	**
3	Кривой	16	12	3	1	**	**	**	**
4	Корявый	4	2	2	-	**	**	**	**
5	Короткий	13	8	2	3	-	**	**	**
6	Гладкий	11	8	1	2	-	**	**	**
7	Ровный	15	9	2	2	2	**	**	**
8	Узкий	118	9	-	6	1	2	**	**
9	Прямой	14	8	1	1	1	3	**	**
10	Высокий	19	11	-	2	2	2	2	**
11	Тонкий	27	9	5	6	1	2	2	2
	Всего в среднем	15	7,5	1,7	2,27	0,6	0,63	0,36	0,18

Таблица 4

Соотношение дериватов исходных прилагательных и их ЛСВ (тематическая группа «Внутренние качества человека»)

№ п/п	Прилагательные	Кол-во дериватов	Лексико-семантические варианты				
			ЛСВ1	ЛСВ2	ЛСВ3	ЛСВ4	ЛСВ5
1	Скверный	4	2	2	**	**	**
2	Праведный	5	4	1	**	**	**
3	Лукавый	16	8	8	**	**	**
4	Жестокий	7	4	3	**	**	**
5	Бойкий	3	1	1	1	**	**
6	Упрямый	8	5	3	-	**	**
7	Жадный	16	12	2	2	**	**
8	Скупой	19	9	5	5	**	**
9	Справедливый	7	3	2	2	**	**
10	Гордый	21	6	4	7	4	**
11	Плохой	7	4	1	-	1	1
	Всего в среднем	10,27	5,27	2,9	1,54	0,45	0,09

Примечания:

1. Если у прилагательного меньше 7 ЛСВ (в первой таблице) и меньше 5 ЛСВ (во второй таблице), то в соответствующих ячейках стоят **.

2. Один и тот же дериват может соотноситься с несколькими ЛСВ.

Общий анализ показал, что: 1) прилагательные с исходным значением «Внешний вид и форма» в среднем имеют по 4 ЛСВ, а прилагательные с исходным значением «Внутренние качества человека» — 3 ЛСВ;

2) соотнесенность коэффициентов, отражающих среднее арифметическое количества дериватов для каждого ЛСВ, показывает постепенное угасание деривационной функции от первого ЛСВ к каждому последующему производному ЛСВ. Для группы прилагательных с исходным значением «Внутренние качества человека»

это «угасание» носит постепенный характер и близко к пропорции ~ 1/2 (10:5,27/2,9/1,54/0,45/0,09); для группы прилагательных со значением «Внешний вид и форма» изменение деривационного потенциала носит иной характер: 15: 7,5 /1,7/2,27/0,6/0,63/0,36/0,18 — оно происходит с резким понижением деривационной активности на втором ЛСВ.

Приведем конкретные примеры:

Пример 1: скупой

1) «**Чрезмерно, до жадности бережливый, избегающий расход»** (Скупой старик. Скупо тратит деньги. Скупой платит дважды.).

Словообразовательные дериваты. Модификационные: *скуповатый, скупенький, скупехонький, скупешенький*. Мутационные: *скупец, скупердяй, скупердяга; скупиться*. Транспозиционные: *скупость, скупо*.

2) «**Свидетельствующий о чрезмерной бережливости, жадности кого-л.**» (Скупой подарок).

Словообразовательные дериваты. Модификационные: *скуповатый, скупенький, скупехонький*. Транспозиционные: *скупость, скупо*.

3) **перен. «Недостаточный, слабый, умеренный»** (Скупой свет лампы).

Словообразовательные дериваты. Модификационные: *скуповатый, скупенький, скупехонький*. Транспозиционные: *скупость, скупо*.

Пример 2: плоский

1) «**Ровный, с прямой поверхностью»** (Плоская крыша).

Словообразовательные дериваты. Модификационные: *плосковатый*. Транспозиционные: *плоско, плоскость*. Мутационные: *плосить, плосица, плоскуша*.

2) «**Неглубокий, с ровными краями»** (Плоская посуда). Словообразовательные дериваты. Транспозиционные: *плоско*. Мутационные: *плошка*.

3) «**Пошлый»** (Плоская шутка).

Словообразовательные дериваты. Транспозиционные: *плоско, плоскость*.

Сопоставительный анализ деривационных парадигм, образованных на базе отдельных ЛСВ производящих прилагательных, свидетельствует о том, что наиболее устойчивыми к изменению исходного значения производящих прилагательных являются сферы модификационной и транспозиционной деривации, при которой не затрагиваются глубинные слои семантики производящего имени. Преобразованию в большей мере подвержена сфера мутационного словообразования, изменения в которой могут носить следующий характер: 1) **сокращение производных или их полная утрата** (количественный аспект); 2) изменение лексико-словообразовательного значения производных (качественный аспект). Таким образом, сферой образования лакун в области словообразовательных парадигм в пределах многозначных лексем является именно область мутационного словообразования. Однако эта закономерность наблюдается преимущественно в группе «Внутренние качества человека». Во второй группе прилагательных — «Внешний вид и форма» — складывается иная картина. Здесь наблюдается резкий спад дериватов не только в области мутационного словообразования, но и в области модификации и транспозиции. Это, на наш взгляд, можно объяснить тем, что границы признака предметной приложимости здесь гораздо шире, чем в группе «Внутренние качества человека» (где «ограничитель» заложен в самом именовании общего для всех ее составляющих значения). Связь неосновных значений с основным ослабевает, наблюдается стремление к идиоматизации.

Объем изученного материала не позволяет сделать какие-то окончательные заключения. Однако результаты проведенного факторного анализа на данном этапе показали, что сфера словообразовательной лакунарности

определяется частотностью употребления, сфера же лексической лакунарности (отсутствие дериватов мутационного словообразовательного типа) определяется действиями семантических закономерностей языковой системы.

Библиографический список

1. Быкова, Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии / Г.В. Быкова. — Благовещенск, 2004.
2. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — Воронеж, 2001.
3. Земская, Е.А. Словообразование / Современный русский язык / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская и др.; под ред. В.А. Белошапковой. — М.: Азбуковник, 1999.
4. Янценецкая, М.Н. Семантические вопросы словообразования: Значение производящего слова. / М.Н. Янценецкая. — Томск, 1991.
5. Семилетова, Е.В. Комплексные единицы словообразования сквозь призму лакунарности / Е.В. Семилетова // Лакуны в языке и речи: Сб. науч. трудов. — Благовещенск, 2003.
6. Тихонов, А.Н. Основные понятия русского словообразования / А.Н. Тихонов // Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. Т. 1. — М.: Рус. яз., 1985.
7. Засорина, Л.Н. Частотный словарь русского языка / Л.Н. Засорина. — М.: Рус. яз., 1977.
8. Голев, Н.Д. Количественный аспект мотивационно-словообразовательных отношений (на материале отыменных образований русского языка) / Н.Д. Голев // Словосочетание, словосложение, аффиксация как способы словообразования. — Владивосток: Изд-во ДО АН СССР, 1990.
9. Голев, Н.Д. Лексика регионального словаря в Интернете / Н.Д. Голев // Язык, литература и культура в региональном пространстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти проф. И.А. Воробьевой. — Барнаул, 2007.
10. Шмелев, Д.Н. Современный русский язык. Лексика / Д.Н. Шмелев. — М., 1977.
11. Кузнецова, Э.В. Лексикология русского языка: Учеб. пособие для филолог. фак. ун-тов. // Э.В. Кузнецова. — М.: Высш. Шк., 1989.
12. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова / С.И. Ожегов. — М.: Издат. дом «ОНИКС 21 век»; Изд-во «Мир и образование», 2004.

Статья поступила в редакцию 16.05.2008.

УДК 882 (09)

А.В. Третьяков, соискатель Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург

РАССКАЗ Е.И. ЗАМЯТИНА «ДЬЯЧОК» (1915): ДИАЛОГ С ЖАНРОМ БИБЛЕЙСКОГО ВИДЕНИЯ

В рамках данной работы анализируются «механизмы» осовременивания Е.Замятиным одного из авторитетных сакральных жанров — библейского видения. Взаимоисключающее единство пародийно-анекдотической и непародийной актуализации писателем библейского видения определяет самопародийную поэтику рассказа «Дьячок» и сближает его с жанром абсурдистской притчи.

Ключевые слова: жанр, видение, анекдот, модернизм, самопародия.

Ментальный кризис сознания, с которого началась новая переходная эпоха, именуемая XX веком, вызвал к жизни ряд новых художественных тенденций, среди которых, прежде всего, выделился модернизм. Экспериментаторский характер искусства, литературы начала века проявлялся по-разному, в том числе — через активный диалог, поиск художественного синтеза «модернистского» и предшествующего ему «классического типов культуры» [1, с. 28]. Рубежный характер эпохи, момент подведения итогов также стимулировали в литературе процессы онтологизации — такая тенденция внесла серьезные коррективы в осмысление художественного времени и пространства и стимулировала поиск «образов героев [в которых] запечатлены типические, общечеловеческие свойства» [2, с. 117]. В связи с этим, приобрела большую актуальность идея осовременивания архаических (в том числе сакральных) пластов национальной, мировой литературы и соответствующих им жанров: притчи, жития, видения и др.

К жанру библейского видения в русской словесности начала XX века обратились писатели, принадлежавшие к самым разным литературным направлениям: В.С. Соловьев, К.Д. Бальмонт, Ф. Сологуб, А.А. Блок, А. Белый, А.М. Ремизов, О.Э. Мандельштам, Н.С. Гумилев,

И.А. Бунин, Н.А. Клюев, С.А. Есенин, В.В. Маяковский, В.Т. Кириллов и др. Такая актуализация библейских жанров почти всегда ориентируется на следующую закономерность: русская литература рубежа XIX-XX веков, как и творчество Е.И. Замятина, связаны с библейскими текстами через древнерусскую литературу, поскольку она первая на Руси восприняла идеи христианства — как на идейном, так и на собственно художественном уровнях. Так, по мнению О.В. Гладковой, не только идейное содержание, но и художественная «форма древнерусского видения складывается под влиянием Ветхого Завета (видения Исаяи, Иеремии и др.)» [3, с. 124].

Проблему диалога с библейской литературной традицией в рассказе Е.И. Замятина «Дьячок» мы рассматриваем в жанровом аспекте, поскольку именно категория жанра отвечает за организацию произведения как эстетически целого, выполняет «миромоделирующую функцию художественного текста» [4, с. 8] и, тем самым, выступает связующим звеном между его концептуальным и стилистическим уровнями.

Библейское видение представляет собой канонический жанр сакральной архаической литературы, который, как правило, в сжатой, лаконичной форме обращается к теме Откровения - мистической встречи человека

и Господа. Несмотря на очевидную связь творчества Е.И. Замятина с традициями древнееврейской и раннехристианской литературы, писатель интерпретирует библейское видение в модернистском ключе - для последнего, как известно, характерна релятивизация идейных и эстетических мифологем предшествующих эпох.

Обращаясь в «Дьячке» к мифу о синайском восхождении Моисея, Е.И. Замятин мог опираться на богатую традицию развития этого мифа в мировом искусстве. Писатель предлагает литературную интерпретацию мифа о синайском восхождении, которая основана на жанровой синтезе библейского видения с анекдотом, рассказом, фольклорной, литературной сказкой и древнерусским патериковым наваждением. Рассказ «Дьячок» ориентируется на две жанровые доминанты: анекдот и библейское видение; опираясь на них, Е.И. Замятин интерпретирует сакральный жанр в пародийном и непародийном ключе.

Герой Е.И. Замятина напоминает ветхозаветного пророка, по крайней мере, пытается повторить его судьбу. Из сюжета произведения мы узнаем о том, что кураповский дьячок Роман Яковлич Носик получил по выигрышному билету пять тысяч, и, желая употребить их «повозвышенной», отправляется в паломничество на святую гору Синай, дабы, вслед за Моисеем, узреть там лик Божий и небесный град. Встретив по дороге чудесного и всезнающего «помощника», дьячок достигает своей цели, но видит не совсем то, что хотел увидеть.

Анекдотическая жанровая доминанта в «Дьячке» пародирует библейское видение следующим образом:

- Организация повествования почти целиком представлена народно-сказовым, разговорным словом — библейский авторитетный образ повествователя снижается здесь до пошловатого разносчика слухов, а рассказанная история утрачивает установку на достоверность: «Слышано ли, чтоб кто-нибудь по выигрышному билету выигрывал, да не по газете, а взаправду, так, чтоб и деньги выдали? А вот выиграл же кураповский дьячок, Роман Яковлич Носик...» [5, с. 264].

- Вербальная передача визионером пережитого им мистического опыта (явление града небесного) травестируется в рассказе с точки зрения содержания и формы: пророчество Роман Яковлича Носика обернулось косноязычным требованием исполнить его каприз: «Жажала, чтоб, значть, к-как Моисей... На горе Синайской... чтоб, значть, облака...» [5, с. 265].

- Маршрут паломничества замятинского дьячка, решившего уподобиться Моисею, подвержен пародийной литоте: священная гора Синай переносится на кавказский горный хребет, а вместо сорока лет Роман Яковлич путешествует только сорок дней.

- Новоиспеченный Моисей не может сам взойти на гору, где, как он полагает, ждет его Господь. Носику и его дьячихе помогает проводник — кривой солдат, который в финале рассказа обманывает паломников — приводит их на пустую вершину и исчезает.

Однако анекдот — не единственная жанровая доминанта в рассказе: Е.И. Замятин актуализирует поэтику библейского видения как самоценное начало.

- Исчезновение солдата — событие чудесное, сверхъестественное — оказывается «подготовленным» в тексте «Дьячка» не менее основательно, чем анекдотическая развязка. Так, образ солдата-обманщика окрашен в инфернальные тона:

«Солдат кривой»

— Пожалте, Роман Яклич, я за вами... на маковку, в облака самые... — и такой у кривого солдата глаз пронзительный, так насквозь и низает. Жуть, а ехать все равно надо» [5, с. 265].

- Как и в наваждении, характерном для древнерусского извода библейского жанра, момент встречи Роман

Яковлича и солдата связан с нарушением ритуального поведения священнослужителя. «Только хотел дьячок на колени пасть — глядь, стоит телега парой, на грядущке — солдат кривой» [5, с. 265]. В жанре патерикового наваждения (древнерусском изводе библейского видения) этот мотив, выступает как залог победы дьявола над человеком [6, с. 476].

- Включение Е.И. Замятинным литературного повествования в народно-сказовое разговорное слово связано именно с теми отрывками в рассказе «Дьячок», которые опираются на «память» сакрального жанра видения. Ритмика этих отрывков отличается несвойственной для разговорного стиля упорядоченностью, а интонация патетически возвышенна. Например, в утреннем «откровении» Роман Яковлича и его последних «нагорных» мечтаниях, которые связаны с кульминацией сюжета, повторяется одно и то же высказывание — «нестерпимая синь синайская». Синтаксический повтор активно используется в жанре видения; это связано с религиозно-эпическим характером и ораторской стилиевой окрашенностью библейских текстов. Фонетические, лексические, синтаксические повторы — неотъемлемая часть стилиевой системы библейского видения, с единой для нее функцией — сильное религиозно-эстетическое воздействие на читателя ограниченным по объему текстом. Неархаическая форма анекдота, которая ориентируется на разговорную речь и актуализирована в «Дьячке», включает такой вариант ритмического рисунка.

- Финальный пейзаж, связанный с анекдотической кульминацией и пуантом «Дьячка», отсылает к Книге Исхода — моменту встречи Моисея с Яхве: «И стоял народ вдали, а Моисей вступил во мрак, где Бог» [7, с. 81].

Писатель оставляет за пейзажем, с которым связана кульминация «Дьячка», онтологические, метафизические координаты пространства и времени, неизменно присущие библейскому видению. Однако самого Откровения не происходит. Поэтикой библейского видения Е.И. Замятин проблематизирует анекдотически сниженную реальность, выходит за ее пределы, но божественное начало здесь вытесняется игрой абсурда, которая, снимая логику причинно-следственных связей, сочетает обыденное с невероятным и подменяет собой реальность [8]. Сверхъестественное начало в рассказе «Дьячок» утрачивает божественную телеологию, завершенность как начало хаотическое, поэтому видение здесь не связывает дольний мир с горним как часть от целого, но активно вторгается в земной космос и разрушает его. Лишенные сакрального наполнения, онтологические пространство и время «Дьячка» моделируют игровой хронотоп вселенской пустоты, освоенный впоследствии в творчестве ОБЭРИУтов и абсурдистской притче позднего Д. Хармса, с характерным для нее акцентом на определенных закономерностях бытия, которые рассматриваются в гносеологическом и воспитательном ракурсах, но, в обоих случаях, демонстрируют свою несостоятельность и иллюзорность [9, с. 322-323].

Таким образом, жанровое единство рассказа, анекдота, библейского видения и древнерусского патерикового наваждения присутствует в «Дьячке» не столько как диалог, полилог, сколько в виде самопародийного жанрового коллажа. Здесь представляется уместным сослаться на тезис Р. Пойриера: «В то время как пародия традиционно стремилась доказать, что с точки зрения жизни, истории или реальности некоторые литературные стили выглядят устаревшими, литература самопародии, будучи совершенно не уверенной в авторитете подобных ориентиров, высмеивает даже само усилие установить их истинность посредством акта письма» [10, с. 766]. Тезис Р. Пойриера мы рассматриваем не только в стилиевом, но и жанровом аспекте.

Говоря о близости замятинского «Дьячка» к поэтике позднего, абсурдистского модернизма, следует также отметить, что писательская манера Е.И. Замятина, по природе своей, протестична: художник активно экспериментирует над художественным текстом, осваивая самые разные комбинации литературных стилей, жанров и творческих методов. Глубина и разносторонний характер таких литературных опытов не всегда соотносится с их количественному воплощению. Так, абсурдистская притча представлена в творчестве писателя только двумя текстами: «Дьячок» (1915) и «Картинки» (1916).

Библиографический список

1. Лейдерман, Н.Л. Траектории «экспериментирующей эпохи» / Н.Л. Лейдерман // Русская литература XX века: закономерности исторического развития. Книга 1. Новые художественные стратегии. Отв. ред. Н.Л. Лейдерман. — Екатеринбург: УрО РАН, УрО РАО, 2005.
2. Давыдова, Т.Т. Творческая эволюция Е. Замятина в контексте русской литературы первой трети XX века / Т.Т. Давыдова. — М., МГУП, 2000.
3. Гладкова, О.В. Видение / О.В. Гладкова // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Под ред. А.Н. Николюкина. РАН. — М., 2001.
4. Лейдерман, Н.Л. Жанр и проблема художественной целостности / Н.Л. Лейдерман // Проблемы жанра в англо-американской литературе (XIX-XX вв.). Вып. II. - Свердловск, 1976.
5. Замятин, Е.И. Дьячок / Е.И. Замятин // Север. Повести, рассказы, сказки. — М., 1929.
6. Так, в Киево-Печерском патерике: «Исакий же не разуме бесовьскаго действия, ни памяти име прекреститися, и, изышед ис келии, поклонился, аки Христу, бесовьскому действию. Беси же кликнуша и реша: "Нашь еси, Исакие!"».
- И напротив — «Онъ же глаголаше: "Вашь старейши Антихристь есть, а вы есте беси"; и знаменоваше лице свое крестнымъ знаменемъ — и тако исчезаху беси» (Киево-Печерский патерик: Слово 36 // Библиотека Древней Руси. Т.4. XII век. Подг. текста Л.А. Ольшевской, пер. Л.А. Дмитриева, комм. Л.А. Дмитриева, Л.А. Ольшевской. РАН, — СПб, 1997).
7. Исход // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Пер. Российского Библейского общества 1816-1876 гг. — М., 2005.
8. Барковская, Н.В. Сказочки Ф. Сологуба и Случаи Д. Хармса» / Н.В. Барковская // <http://www.aworld.ru/maska/forumsp4992.htm>.
9. Ср. со «Случаями» Д. Хармса: «Макаров: Прочти эту книгу, и ты поймешь, как суетны наши желания... Называется эта книга МАЛГИЛ. (Петерсен исчезает). Макаров: Господи! Что это такое?... Где ты?... Голос Петерсена: А ты где? Я тоже тебя не вижу!.. Что это за шары?... (Тихо. Макаров стоит в ужасе, потом хватает книгу и раскрывает ее). Макаров (читает): "Постепенно человек теряет свою форму и становится шаром. И став шаром, человек утрачивает все свои желания"» (Хармс, Д. Макаров и Петерсен / Д. Хармс. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2: Новая анатомия. — СПб, 2000).
10. Можейко, М.А. Пастись / М.А. Можейко // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Под ред. А.Н. Николюкина. РАН. — М., 2001.

Статья поступила в редакцию 24.05.08.

УДК 811.1

Н.В. Александрович, соискатель Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, г. Анапа

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ЗНАЧИМЫЕ КОНЦЕПТЫ LIFE/ЖИЗНЬ И DEATH/СМЕРТЬ В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В статье содержится описание процедуры и результатов сопоставительного анализа двух базовых лингвокультурных концептов LIFE/ЖИЗНЬ и DEATH/СМЕРТЬ в оригинале и переводах романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби». Применение концептуального анализа позволяет реконструировать индивидуальные авторские представления о жизни и смерти, воплощенные в тексте, и затем выявить степень их адекватной передачи в переводе.

Ключевые слова: художественный текст, концептуальный анализ, перевод, лингвокультура.

Настоящая работа посвящена сопоставительному анализу двух базовых концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ, за которыми в художественном произведении «скрываются» те индивидуально-авторские представления о жизни и смерти, которые диктуют их сочетаемость в тексте. Концептуальный анализ данных субстантивов позволяет реконструировать авторскую модель стоящего за ними фрагмента мира, которую и следует передать в переводах произведения на другой язык. Выбор концепта в качестве единицы перевода обусловлен его синтетической лингвоментальной природой, исследовав которую, можно приблизиться к истокам индивидуального опыта, в результате которого родилось произведение, а значит,

проведенный нами литературоведческий анализ позволяет сделать вывод о семантике жанрового эксперимента, выполненного Е.И. Замятиным в рассказе «Дьячок»: интерпретация библейского видения в модернистском ключе служит способом релятивизации идейных и этико-эстетических мифологем, испокон веков игравших существенную космографическую роль в духовной жизни русского общества.

достичь его понимания, близкого авторскому; следовательно, адекватно интерпретировать и перевести его.

Материалом исследования стал роман Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» (1925) [1] как один из прецедентных текстов американской культуры, а также два русскоязычных перевода, выполненных Е. Калашниковой (1980) [2] и Н. Лавровым (2000) [3]. Сначала из оригинального текста методом сплошной выборки выделены и анализировались контексты, в которых употреблялись LIFE или DEATH в различных синтаксических (а значит, и семантических) ролях, т.е. в форме когнитивно-пропозициональных структур (КПС). Анализ каждой позиции КПС позволил смоделировать те

индивидуально-авторские представления, которые стоят за текстовой репрезентацией концептов. Далее та же процедура проводилась на материале переводов романа, что и позволило сделать вывод об адекватности передачи в них базовых концептов.

В словаре Вебстера LIFE определяется как: 1) жизнь; 2) жизнь; 3) живое существо, человек; 4) физическая, умственная или духовная сторона жизни человека; 5) период жизни человека; 6) срок службы или работы, долговечность; 7) биография, жизнеописание; 8) деятельная жизнь, занятость; 9) образ жизни; 10) жизненная сила, энергия (в той же ситуации по-русски говорится «душа»); 11) реальность, натура; 12) продолжительность жизни; 13) одушевление, воодушевление; 14) в атрибутивной функции 'life' означает «пожизненный», «длящийся всю жизнь» [4, с. 1306]. В английском языке функционирует множество идиоматических выражений с компонентом LIFE, наиболее частотные из них: *Life is short; art is long* (Жизнь коротка, искусство вечно); *as big as life* (всю жизнь); *to bring to life* (привести в чувство); *to come to life* (появляться на свет, оживать, приходиться в себя, осуществляться); *for dear life* (изо всех сил — букв. за дорогую жизнь); *for life* (на всю жизнь); *for the life of (one)* (хоть убей); *not on your life* (ни за что в жизни); *to take (one's) life* (совершить самоубийство); *to take (someone's) life* (убить кого-либо); *the good life* (жизнь в богатстве и роскоши); *the life of the party* (душа общества — букв. жизнь общества); *to save (one's) life* (стараться впустую); *true to life* (как в жизни); *life of Riley* (жизнь в роскоши). По лексикографическим данным, в англоязычном сознании концепт LIFE кодирует все аспекты жизни живого существа (от растения до человека), а также срок службы механизмов. Сочетаемость исследуемого имени с глаголами движения и глаголами действия раскрывает концепт, с одной стороны, как объект-вместилище и, с другой стороны, как нечто материальное, драгоценное, чего нельзя купить, но можно получить или потерять.

В романе Ф.С. Фицджеральда концепт образует когнитивно-пропозициональную структуру, состоящую из следующих позиций: субъект — объект — место действия — атрибутивная характеристика. Субъектную позицию LIFE занимает в трех высказываниях:

1) *This isn't just an epigram — life is much more successfully looked at from a single window, after all. — Это вовсе не эпиграмма — на жизнь, в конце концов, лучше всего смотреть из единственного окна* (перевод здесь и далее — Н.А.).

2) *His life had been confused and disordered since then, but if he could once return to a certain starting place and go over it all slowly, he could find out what that thing was. — С тех пор его жизнь запуталась и разладилась, но если бы однажды он мог найти конкретную отправную точку и все неспешно обдумать, то смог бы понять, что же такое жизнь на самом деле.*

3) *'Don't be morbid,' Jordan said. 'Life starts all over again when it gets crisp in the fall.' — «Не будь такой впечатлительной», — сказала Джордан. — «Жизнь снова начнется, когда осенью похолодает».*

В двух высказываниях их трех LIFE сочетается с пассивными предикатами, что указывает на то, что LIFE в индивидуально-авторском сознании предстает скорее объектом, нежели субъектом действия. Предикат 'starts all over again' (начнется снова) эксплицирует семы 'действие', 'начало'. В целом же субъектная сочетаемость представляет концепт как видимую материальную сущность, характеризующуюся переменчивостью. ЖИЗНЬ воспринимается писателем как путешествие, которое начинается с определенной отправной точки (a certain starting place), которую нужно найти, чтобы понять смысл жизни.

Объектная позиция представлена в следующих контекстах: *I was within and without, simultaneously enchanted and repelled by the inexhaustible variety of life* (неистощимое разнообразие жизни притягивало и отталкивало меня); *wasting the most poignant moments of night and life* (растрачивая самые пикантные моменты ночи и жизни); *to bear an enchanted life* (быть очарованным жизнью); *one of the crises of my life* (один из кризисов моей жизни); *possessed by intense life* (захвачены бурной жизнью); *one phase of American life* (одна фаза американской жизни); *suck on the pap of life* (сосать сладкую кашку жизни); *an affront to the common store of life* (бесполезный расход жизни); *had some sort of life* (вела какую-то жизнь); *by sneering at family life* (осмеивая семейную жизнь); *summing up the sadness and suggestiveness of life* (выражая печаль и многозначность жизни); *wanted her life shaped now* (хотела, чтобы ее жизнь оформилась); *one of the most terrible shocks of my life* (один из самых ужасных ударов в моей жизни); *unadaptable to Eastern life* (неприспособленный к жизни на Востоке).

Выборка показывает, что LIFE кодирует объект очарования, насмешки, желания; отличается разнообразием, непостоянством, многозначностью. ЖИЗНЬ в представлении писателя линейна и предельна, она делится на периоды кризисов и удач; для человека как для ее субъекта она может быть и «сладкой кашкой», и «ужасным ударом», она одновременно притягивает и отталкивает его, однако именно жизнь охватывает все аспекты человеческого существования, она неотделима от субъекта.

Атрибутивная сочетаемость исследуемого имени позволяет выделить семы 'разнообразие', 'качество', 'скоротечность': *the inexhaustible variety of life* (неистощимое разнообразие жизни); *an enchanted* (захватывающая); *intense* (бурная жизнь); *her rich, full life* (ее богатая, наполненная жизнь); *Eastern life* (жизнь на Востоке). В романе представлены сочетания с топонимами 'American life' и 'Eastern life', акцентирующими особенность жизни в Америке и на Востоке. Восток США ассоциируется с крупнейшими городами на Атлантическом побережье: Нью-Йорком, Бостоном, Филадельфией и Вашингтоном. Считается, что Восток, благодаря сложившимся традициям, господствует в экономической и социальной жизни США и обладает большим влиянием, чем остальные регионы Америки. По мнению жителей западных районов США, жители Востока живут устаревшими представлениями, консервативны и ведут традиционный образ жизни [5, с. 159-160].

Место действия в КПС замещается субстантивными сочетаниями с конкретно-пространственными предлогами in, into, out of, благодаря чему LIFE кодируется как объект-вместилище, откуда можно уйти и куда можно вернуться, ср.: *I think he was afraid they would dart down a side street and out of his life for ever. — Я думаю, Том опасался того, что они свернут в боковую улочку и исчезнут из его жизни навсегда.*

She [Daisy] vanished into her rich house, into her rich, full life, leaving Gatsby — nothing. He felt married to her, that was all. — Дейзи исчезла в своем богатом доме, в своей богатой, насыщенной жизни, не оставив Гэтсби ничего. Он чувствовал, что теперь обручен с ней, вот и все.

Итак, ЖИЗНЬ в романе Фицджеральда представлена как объект-вместилище, способный менять форму, где можно скрыться, и в данном случае наблюдается сходство концепта с соответствующим фрагментом национально-культурной картины мира. Однако писатель не акцентирует внимание на драгоценности и уникальности человеческой ЖИЗНИ, для него важнее ее разнообразие и качество. Индивидуальное авторское представление реализуется в тексте посредством когнитивно-пропози-

циональной структуры, в которой LIFE занимает позиции субъекта, объекта, места действия и атрибута. LIFE чаще сочетается с пассивными предикатами или занимает объектную позицию, благодаря чему кодируется как объект физических и ментальных действий человека.

Оппозит концепта LIFE — DEATH (смерть) также представлен в романе, хотя и значительно уже. Словари [4; 6] фиксируют такие значения имени DEATH как «смерть», «состояние, противоположное жизни», «убийство», «казнь». Идиоматические выражения *'at death's door'* (на пороге смерти, серьезно больной или раненый), *'to be the death of (someone)'* (быть невыносимым), *'to put to death'* (предать смерти, казнить), *'(worried, frightened, scared, etc.) to death'* (обеспокоен, испуган и т.п. — до смерти) концептуализируют DEATH как объект-вместилище и как некое пороговое состояние человека, вызванное негативными эмоциями.

В романе DEATH встречается в четырех высказываниях, в позициях субъекта, объекта и атрибута. В субъектной позиции в структуре DEATH эксплицируются семы 'неожиданность' и 'ужас' — ср.: *He [Gatz] had reached an age where death no longer has the quality of ghastly surprise. - Отец Гэтсби достиг возраста, когда смерть уже не воспринимается как мерзкая неожиданность.*

В объектной позиции DEATH концептуализируется как неотвратимое событие — ср.: *So we drove on towards death through the cooling twilight. — Так, не останавливаясь, мы ехали в прохладных сумерках навстречу смерти.*

В атрибутивной позиции DEATH концептуализируется как видимый объект материального мира, способный принимать облик своего субъекта — ср.: *'Gatsby, pale as death'* (Гэтсби, бледный, как смерть) и *'the death car'* (машина смерти).

Анализ сочетаемости имен LIFE и DEATH в романе показывает, что они осмысливаются как объекты-вместилища, но если ЖИЗНЬ ассоциируется у Фицджеральда с разнообразием и переменчивостью, то СМЕРТЬ связывается с необратимостью и негативными событиями, что в целом соответствует аналогичному фрагменту англо-американской лингвокультуры.

Семантическое наполнение концептов LIFE и ЖИЗНЬ в целом совпадает, но в отличие от LIFE ЖИЗНЬ в русской лингвокультуре не ассоциируется с чем-то драгоценным, что важно для человека, чем надо дорожить. В словарях [7; 8] ЖИЗНЬ толкуется как: 1) совокупность явлений, происходящих в организмах, особая форма существования материи; 2) физиологическое существование человека, животного, всего живого; 3) время такого существования от его возникновения до конца, а также в какой-нибудь его период; 4) деятельность общества и человека в тех или иных ее проявлениях; 5) реальная действительность; 6) оживление, проявление деятельности, энергии. Очевидно, что в русскоязычном сознании концепт охватывает все экзистенциальные аспекты, кодируя бытие всего живого во времени и пространстве. В его структуру входят семы 'состояние', 'действие', 'время', 'движение'.

В переводе Е. Калашниковой концепт образует КПС, состоящую из следующих позиций: субъект — объект — место действия — атрибутивная характеристика, что соответствует исходному тексту. Субъектная позиция в переводе представлена шире, нежели в оригинале — ср.: *жизнь начинается сызнова; жизнь вдруг показалась ей невыносимо печальной; жизнь забавами полна; жизнь пошла вкривь и вкось; жизнь начнется сначала; у Миртл есть другая, отдельная жизнь; кусочек его жизни утрачен навсегда.* Это позволяет предположить, что Калашниковой передано иное отношение к жизни, нежели у Фицджеральда.

Например, в исходном тексте автор использует слова популярной в 20-е годы в Америке песни «The Love Nest» («Любовное гнездышко»): *In the morning, / In the evening, / Ain't we got fun — По утрам, По вечерам Очень весело нам* — пер. Н.А. Для данного контекста переводчица выбирает вариант перевода с лексемой «жизнь»: *Днем и ночью, днем и ночью жизнь забавами полна...* Ср.: *В час заката, В час рассвета на улыбку не скупись* — пер. Н. Лаврова. В данном случае оба переводчика отошли от исходного текста, однако интуитивно выбрали для перевода песенки элементы концептосферы романа — ЖИЗНЬ (Калашникова) и УЛЫБКА (Лавров).

И Калашниковой, и Лаврову удалось адекватно передать авторское осмысление ЖИЗНИ как пути, ср.: *His life had been confused and disordered since then, but if he could once return to a certain starting place and go over it all slowly, he could find out what that thing was...*

С тех пор его жизнь запуталась и разладилась, но если бы однажды он мог найти конкретную отправную точку и все неспешно обдумать, то смог бы понять, что же такое жизнь на самом деле. — перевод Н.А.

Вся его жизнь пошла потом вкривь и вкось, но если бы вернуться к самому началу и медленно, шаг за шагом, снова пройти весь путь, может быть, удалось бы найти утраченное... — пер. Калашниковой.

Да, судьба била его и ломала, и что-то навсегда осталось там — в начале пути, но если бы удалось вернуться к истокам и начать сначала, вероятно, и удалось бы еще повернуть все по-другому и понять, что же было безвозвратно утрачено — тогда, когда жизнь казалась бесконечной, и все еще было впереди... — пер. Лаврова.

В объектной позиции перевода Калашниковой ЖИЗНЬ персонифицируется — ср.: *чувствительность ко всем посулам жизни; человек, заезженный жизнью*, — и концептуализируется как многоликая материя (пейзаж за окном, кузница, вместилище, совокупность ярких событий), что соответствует аналогичному фрагменту русскоязычной картины мира [9], или архетипическим представлениям о жизни, но не соответствует авторской прагматике.

Cf.: *Out of the corner of his eye Gatsby saw that the blocks of the sidewalks really formed a ladder and mounted to a secret place above the trees — he could climb to it, if he climbed alone, and once there he could suck on the pap of life, gulp down the incomparable milk of wonder.*

Краешком глаза Гэтсби увидел, что плитки тротуара образовали настоящую лестницу, которая ведет в скрытое где-то над деревьями место, и он может подняться туда, но подняться один. Только там и тогда он мог отхлебнуть сладкой каши жизни, довольный напиться ни с чем несравнимого чудо-молока — пер. Н.А.

Краешком глаза Гэтсби увидел, что плиты тротуара вовсе не плиты, а перекладины лестницы, ведущей в тайник над верхушками деревьев, — он может взобраться туда по этой лестнице, если будет взбираться один, и там, прикинув к сосцам самой жизни, глотнуть ее чудотворного молока — пер. Калашниковой.

Мне вдруг открылось, рассказывал Гэтсби, что плитки тротуара — вовсе не плитки, а призрачные ступеньки бесконечной лестницы, теряющейся в листве над нашими головами, и можно было бы подняться вверх, но только в одиночку, а уже там — у самого источника Мироздания — припасть к его живительным струям и глотнуть первозданной магической силы самой матери Природы — пер. Лаврова.

В авторском варианте предложения наряду с лексикой с семантикой волшебства (*secret, milk of wonder*) использованы глаголы *'to suck'* — сосать, всасывать, впи-

тывать, поглощать и 'to gulp' — жадно, быстро, с усилием глотать, давиться, 'to gulp down' — выхлебать до дна. В американском сленге 'to suck' имеет ряд негативных значений: обманывать, надувать (кого-либо), прислуживаться, подлизываться, лебезить, воспользоваться ситуацией в корыстных целях. Оба переводчика в данном случае не передали авторскую интенцию, которая подразумевает хищническое, воровское отношение Гэтсби к ЖИЗНИ. Говоря о серьезных, экзистенциально-значимых вещах, в выбранном примере, как и в ряде других контекстов, писатель пользуется приемом иронии, тем самым снижая пафос повествования и делая «великого» Гэтсби ничтожным. И Калашникова, и Лавров постарались передать поэтику эпизода, созданную обширным контекстом и авторскими эпитетами 'a secret place above the trees' (тайное место где-то над деревьями), 'the incomparable milk of wonder' (ни с чем не сравнимое чудо-молоко), и добавили ряд сказочно-возвышенной лексики — «сосцы самой жизни», «чудотворное молоко» (Калашникова), «живительные струи самого источника Мироздания», «первозданная магическая сила самой матери Природы» (Лавров). С таким приемом добавления можно было бы согласиться, если бы не авторское снижение пафоса сленговыми единицами, которое переводчики не уловили и, соответственно, не передали.

Атрибутивная сочетаемость исследуемого концепта выявляет два «полюса»: богатство, роскошь и печаль жизни, тогда как в подлиннике это еще и «разнообразие» и «скоротечность» — ср.: *жизнь вдруг показалась ей невыносимо печальной; в своей богатой, до краев наполненной жизни; жизнь молодого раджи: коллекционировал драгоценные камни, главным образом рубины, охотился на крупную дичь, немножко занимался живописью, просто так, для себя, — все старался забыть об одной печальной истории, которая произошла со мной много лет тому назад.*

Место действия в КПС замещается субстантивными сочетаниями с конкретно-пространственными предлогами в, из, за, благодаря чему ЖИЗНЬ, как и в оригинале, кодирует объект-вместилище, куда можно войти и откуда можно вернуться.

Cf.: *I liked to walk up Fifth Avenue and pick out romantic women from the crowd and imagine that in a few minutes I was going to enter into their lives, and no one would ever know or disapprove.*

Мне нравилось слоняться по Пятой авеню, высматривать в толпе женщин с романтической внешностью и воображать: вот сейчас я войду в жизнь той или иной из них, и никто никогда не узнает и не осудит — пер. Калашниковой.

Мне нравилось бродить по Пятой авеню среди вечно куда-то спешащих нью-йоркцев, выбирать взглядом женщин с изысканной романтической внешностью и загадывать: вот сейчас познакомлюсь с ней, войду в ее судьбу, и никто никогда ничего не узнает, — а если и узнает, то ни в чем не упрекнет — пер. Лаврова.

Можно заметить, что в данном и ряде других контекстов Н. Лавров вместо концепта ЖИЗНЬ использует другой русский культурный концепт СУДЬБА. Уместно сослаться на сопоставительное исследование Н.Д. Арутюновой, в котором установлено, что «понятию жизни как судьбы, пути которой таинственны и неисповедимы, противопоставлен концепт жизни как пути, ведущего к пункту назначения. Как и судьба, путь представляет жизнь как целостное, хотя и делимое на этапы, образование, но, в отличие от судьбы, человек начинает свой жизненный путь не в момент рождения, а в момент первой развилки и первого выбора. Судьба снимает с человека ответственность за прожитую жизнь, путь, напротив, ее возлагает» [10, с. 631].

В романе Фицджеральда СУДЬБА не является концептуально-значимым словом — 'fate' (судьба) встречается однажды, 'destiny' (судьба, предназначение) имеет 3 словоупотребления. Взаимозаменяемость концептов ЖИЗНИ и СУДЬБЫ в переводе Лаврова говорит о том, что переводчиком передан отличный от исходного концептуальный смысл, который уводит от авторского осмысления ЖИЗНИ как объекта, а не субъекта действий человека.

В переводе Лаврова КПС концепта ЖИЗНЬ состоит из следующих позиций: субъект — предикат — объект — атрибутивная характеристика, то есть добавлена предикатная позиция, но не передана позиция места действия, имеющаяся в исходном тексте. В субъектной позиции акцентируется, с одной стороны, предельность человеческой жизни и, с другой стороны, ее цикличность — ср.: *жизнь продолжается; эта распроклятая жизнь грустна и безрадостна; когда жизнь казалась бесконечной; жизнь начнется осенью; жизнь проходит.*

В объектной позиции акцентируются многообразные проявления ЖИЗНИ как организованного человеческого существования, измеряющегося временем, ритмом, отношением окружающих, ср.: *[эти события] составляли главное содержание моей тогдашней жизни; проходят лучшие мгновения и часы не только этого вечера, но и всей жизни; пульс живущего обычной суматошной жизнью города; иметь дело в этой жизни; общество состояло из золотой молодежи — бездельников и прожигателей жизни; ритм счастливой и беззаботной жизни задавал модный джаз-банд; Дейзи тоже имеет право на что-то большое и чистое в своей жизни; [тот разговор] вполне мог стать поворотным пунктом всей моей жизни и т.д. ЖИЗНЬ в переводе Н. Лаврова концептуализируется как орган — ср.: *мощные меха земли раздували вечный орган жизни;**

вместилище тайн, моральных и материальных ценностей — ср.: [Дейзи] вернулась к своей богатой, полной тайн жизни; я умен и многое постиг в этой жизни; они без зазрения совести калечили жизни и судьбы; рассеянный образ жизни делал ее практически недостижимой; странные бывают в жизни совпадения;

необратимая череда мгновений — ср.: в последние мгновения своей жизни он не мог не понять; он старался успеть взять от жизни как можно больше.

В атрибутивной позиции акцентируются быстротечность (линейность) и разнородность жизни, имеющей разных субъектов — от отдельного индивида до целого города, что полностью соответствует авторской прагматике — ср.: *эта распроклятая, моя тогдашняя, увы, такая быстротечная; другая, неизвестная ему; своя собственная; обычная, повседневная; вся оставшаяся; богатая, полная тайн; счастливая и беззаботная жизнь; пульс живущего обычной суматошной жизнью города.* В переводе Лаврова реализуются дериваты исследуемого концепта, в частности: *один из тех жизненных парадоксов; в безжизненном саду; с богатым жизненным опытом.* В них акцентируются парадоксальность и цикличность жизни, сама же ЖИЗНЬ концептуализируется как загадка, присутствие человека и процесс познания мира.

Как показал анализ, в передаче концепта ЖИЗНЬ выявились заметные расхождения переводов с оригиналом. В переводе Калашниковой структурирование концепта совпадает с исходным, в переводе Лаврова смещены две позиции — предиката и места действия. Оба переводчика передали иные концептуальные смыслы, нежели в оригинале. Если Фицджеральд представляет ЖИЗНЬ объектом действий человека, то переводчики видят ее скорее субъектом, тем самым освобождая человека от ответственности за свои поступки, что характер-

но для русского культурного архетипа. В переводах «потерялось» горько-ироничное отношение автора и к герою, и к самой ЖИЗНИ, созданное приемами контраста и иронии.

СМЕРТЬ в лексикографических источниках [7; 8] интерпретируется как 1) прекращение жизнедеятельности организма: клиническая смерть, биологическая смерть; насильственная смерть, скоропостижная смерть; погибнуть смертью героя; быть при смерти; смерти в глаза смотреть; бледен как смерть. 2) перен. конец, полное прекращение какой-нибудь деятельности: политическая смерть; творческая смерть. В исследовании Л.О. Чернейко и Хо Сон Тэ отмечается, что смерть в русском языковом сознании оценивается положительно, принимается как данность, но с некоторой насмешкой над ней [9, с. 58].

В переводе Калашниковой концепт реализуется в шести высказываниях, в позиции субъекта, объекта и атрибута, что в целом соответствует оригиналу. Несовпадения выявляются в двух контекстах — cf.: *I tried very hard to die, but I seemed to bear an enchanted life* (букв. я очень старался погибнуть, но, казалось, имел заколдованную жизнь) — *меня, словно заколдованного, смерть не брала* (субъектная позиция) и *если человек умирает не своей смертью* (объектная позиция). В данных позициях перевода СМЕРТЬ, в отличие от оригинала, персонафицируется и концептуализируется как неподвластная человеку сила, то есть приобретает отличный от исходного концептуальный смысл. Таким образом, в передаче экзистенциально-значимых концептов переводчица отошла от авторской прагматики.

В переводе Лаврова СМЕРТЬ как концепт реализуется в двух позициях: объекта и атрибута. Субъектная позиция не представлена, т.е. концепт не персонафицируется и не материализуется, как и в оригинале. Объектная позиция, в отличие от оригинала, структурирована переводчиком достаточно объемно — ср.: *решил принять смерть на поле боя; упивались до полу-смерти; понуждая пройти крестным путем из небытия в небытие; мы мчались вперед — навстречу смерти; на предварительном слушании обстоятельство насильственной смерти Миртл Вильсон; «машина смерти», как ее потом прозвали газетчики; личность которого была абсолютно неинтересна окружающим его при жизни, а уж после смерти — и давно; когда люди свыкаются с мыслью о неизбежности смерти*. В данной позиции, как и в оригинале, СМЕРТЬ концептуализируется как некий неизбежный порог жизни человека, к которому, как конкретизирует переводчик, приближаются разными путями.

Библиографический список

1. Fitzgerald F.S. The Great Gatsby / F.S. Fitzgerald — Wordsworth Editions Limited, 2001.
2. Фицджеральд, Ф.С. Великий Гэтсби: Роман / Ф.С. Фицджеральд. — СПб.: Азбука — классика, 2003.
3. Фицджеральд, Ф.С. Великий Гэтсби: Ночь нежна: Романы / Ф.С. Фицджеральд / Пер. с англ. — Ростов н/Д: Феникс, 2000.
4. Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged. — Konemann: Merriam-Webster, Incorporated, 1993.
5. Томахин, Г.Д. Лингвострановедческий словарь / Г.Д. Томахин. — М.: Русский язык, 2001.
6. Фоломкина, С.К. Англо-русский словарь сочетаемости / С.К. Фоломкина. — М.: Русский язык, 2001.
7. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах / В.И. Даль. — М.: А/о Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1991.
8. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1999.
9. Чернейко, Л.О. Концепты *жизнь* и *смерть* как фрагменты русской языковой картины мира / Чернейко, Л.О., Хо Сон Тэ // Филологические науки. — 2001. — № 5.
10. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. — 2-е изд., испр. — М.: «Языки русской культуры», 1999.

Статья поступила в редакцию 4.06.08.

Встречаются два контекста, в которых реализуются дериваты имени «смерть» — cf.: *Perhaps Daisy never went in for amour at all — and yet there's something in that voice of hers... — А может быть, Дэйзи и не интересовалась романами, — хотя есть у нее в голосе что-то такое* — пер. Калашниковой.

Ср.: *А может, она вообще никогда не разводила амуры, хотя было, было нечто в ее голосе, позволявшее заподозрить ее во всех смертных грехах.* — пер. Лаврова.

В исходном тексте писатель напрямую не говорит о том, какие ассоциации должен вызывать голос Дейзи, а оставляет многоточие, которое Калашникова адекватно передает синтаксической конструкцией, а Лавров конкретизирует добавлением «во всех смертных грехах», которое если не искажает авторскую установку, то однозначно становится излишним.

Во втором контексте переводчик также использовал прием добавления и конкретизации — cf.: *I turned my head as though I had been warned of something behind* (букв. я оглянулся, как будто меня предупредили о чем-то находящемся за спиной) — *я испуганно оглянулся, словно интуитивно ощутил нечто угрожающее и смертельно опасное за спиной*. В данных примерах СМЕРТЬ концептуализируется переводчиком как совокупность грехов и опасность, несовместимая с жизнью.

Очевидно, что концепт СМЕРТЬ в переводе Лаврова получился более объемным и структурированным иначе, чем в оригинале, что можно объяснить лишь проявлением индивидуальности переводчика. Концептуальный анализ, таким образом, позволил определить, что в передаче экзистенциально-значимых концептов расхождения между исходным и переводными текстами вызваны не различиями в соответствующих фрагментах русскоязычной и англоязычной картин мира, а субъективным отношением переводчиков к данным явлениям, что проявилось в различном структурировании и наполнении КПС.

Выбор переводчиков в каждом случае не был произвольным. В большинстве случаев решающим оказывалось не влияние переводящей лингвокультуры, как следовало предполагать, а индивидуальный психический опыт, который и диктовал переводчику то или иное предпочтение. В ряде случаев переводчики интуитивно выбирали разные, но концептуально близкие решения, что и позволило определить влияние русскоязычного сознания.

УДК 801

О.Г. Лещинская, аспирант Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В ЯЗЫКЕ ГОРОДА

Статья посвящена проблеме отражения модальностей восприятия в языке. На материале некодифицированной лексики, используемой в разговорной речи современных горожан, автор исследует метафорическую модель образования новых лексических единиц, обозначающих различные явления внешнего и внутреннего мира человека, описывает пути семантической деривации лексики со значением восприятия.

Ключевые слова: модальности восприятия, семантическая деривация, словообразовательная деривация, зрительная модальность восприятия, язык города, метафорический перенос.

Языковые единицы, отражающие различные модальности восприятия (как лексические, так и синтаксические), способны к семантической деривации. Так, например, прилагательные, обозначающие свойства предметов, познаваемые сенсорно, используются для дифференциации признаков, относящихся к другому аспекту материи (например, обозначения оттенков цвета с помощью температурных слов). Кроме того, лексика со значением восприятия является источником лексики «невидимых миров» — духовного начала человека [1, с. 362].

Всё сказанное касается, в частности, лексики, отражающей зрительную модальность восприятия. В данной работе мы рассмотрим некоторые закономерности и модели семантической деривации лексических единиц со значением зрительного восприятия в языке города. Исследование осуществлено на материале «Словаря современного русского города» под ред. Б.И. Осипова [2].

Единицы, возникающие в результате семантической деривации лексем со значением зрительного восприятия, можно разделить на две большие группы:

I. Наименования предметов или явлений по характерному для них зрительно воспринимаемому признаку.

II. Обозначения различных физических, психических состояний человека, действий, поступков, взаимоотношений и др.

В создании новых лексических единиц, обозначающих различные предметы и явления окружающего мира, а также психические состояния людей, участвуют, как правило, обозначения цвета и слова, характеризующие положение предмета в пространстве. Причём наиболее частотной является семантическая деривация обозначений цвета и света.

К первой группе лексических единиц можно отнести:

1. Наименования предметов домашнего обихода: *ви́сьяк* — «женская сумочка», *зелёне́нькие* — «доллары».

2. Наименования напитков (преимущественно спиртных) и продуктов питания: *красное* — «креплёное плодоягодное вино», *белая* — «водка», *зеленец* — «лук», *си́ненькие* — «баклажаны».

3. Наименования человека определённой национальности, социальной группы, занимаемой должности и т.п.: *чёрный* — «представитель кавказской национальности», *блэк* — «негр», *полосатый* — «особо опасный заключённый, рецидивист».

Лексика зрительного восприятия может метафорически переосмысливаться и использоваться для обозначения различных явлений действительности, не воспринимаемых сенсорно. В результате метафорического переноса могут возникать следующие группы лексических единиц:

1. Наименования психических состояний человека. *Пасмурный* — «грустный», *мрачно* — «тоскливо, плохо», *мраки* — «кошмары, тяжёлые для человека события». Актуализируется сема «негативное».

2. Обозначение физических состояний человека: *зелёный* — «имеющий болезненный вид», *синий* — «пьяный», *синеглазка* — «пьяница, опустившаяся женщина».

3. Характеристика различных качеств и поведения человека

Темнота, темноухость, темнолапость — глупость, невежество, а также человек, обладающий данными качествами. В основе лежит уподобление разума свету, а отсутствия разума — мраку.

Мрак — нечто запутанное, неясное, *темнить* — скрывать что-либо, *мутный как матовое стекло* — о хитром человеке. Актуализируется сема «отсутствие ясности».

4. Лексические единицы, характеризующие отношение человека к какому-либо явлению действительности. Ср.: *чернуха-1* «сплетня, обман»; 2) «негативный материал в СМИ». Чёрный цвет символизирует нечто дурное и злое, и, следовательно, актуализируются соответствующие семы. То же явление наблюдается в литературном языке (ср. выражения типа: «видеть жизнь в чёрном свете»).

Некоторые лексические единицы, обозначающие процесс зрительного восприятия, могут обозначать процессы, связанные с умственной деятельностью человека. Употребляемые в языке города глаголы *просека́ть*, *усе́чь* и др., обозначающие процесс зрительного восприятия, могут иметь значение «понимать, соображать, осознавать». То же наблюдается в литературном языке. Глагол *видеть* в одном из своих переносных значений синонимичен глаголу *понимать*.

При образовании лексических единиц, обозначающих эмоции, психические состояния, ментальные способности и др. предпочтение отдаётся общеупотребительной лексике. Наиболее часто в качестве производящих основ выступают основы наименований цвета и света. Исследователями отмечено, что «имена цвета буквально «пронизывают» личностную сферу человека: они могут использоваться в языке для обозначения как психических факторов (эмоций и чувств), так и физиологических и физических факторов (состояний болезни, опьянения, холода)» [3, с. 112]. Всё сказанное вполне можно отнести не только к кодифицированной, но и к некодифицированной лексике. При этом следует отметить, что наибольшее количество подобных лексических единиц связано отношениями семантической и словообразовательной деривации с прилагательными *синий, зелёный, чёрный, тёмный, мрачный*. В языке го-

рода характеризуются преимущественно отрицательные явления жизни или отрицательное к ним отношение, поэтому в словаре города не зафиксированы единицы, производные от лексем типа *белый*, *светлый* и т.п. Образование лексических единиц, характеризующих разные явления жизни, от наименований светлых цветов и оттенков для языка города, по-видимому, непродуктивно.

Лексемы, образованные от прилагательного *синий*, могут иметь следующую семантику:

1. Алкогольное опьянение как состояние человека: *синий*, *синяк* — «человек, находящийся в состоянии алкогольного опьянения»; *синька давит* — о состоянии похмелья.

2. Распитие спиртных напитков как процесс: *синявничать*.

3. Алкоголизм как образ жизни: *синеглазка* — «пьяница, опустившаяся женщина», *синева* — «пьяница».

Лексемы, связанные отношениями словообразовательной и семантической деривации с прилагательным *зелёный*, могут обозначать:

1. Человека, не достигшего зрелого возраста и не обладающего достаточным жизненным опытом: *зелёный* — «юный, незрелый, неопытный»; *зелень* — «молодёжь»; *зелёнка* — «девушка».

2. Безразличное отношение к чему-либо: *по-зелёному*.

Единицы, мотивированные прилагательным *чёрный*, могут обозначать:

1. Нечто дурное: *чернуха*- 1) «обман, сплетня»; 2) «негативный материал в СМИ».

2. Наречие *по-чёрному* характеризует чрезмерную интенсивность какого-либо действия: *пить по-чёрному*.

Лексические единицы, образованные от прилагательного *тёмный*, имеют следующие значения:

1. Невежество как явление жизни или качество человека: *темнота*, *темноухость*, *темнолапость*.

2. Тайна, неясность какого-либо положения дел: *темнить* — «скрывать что-либо».

Лексемы, образованные от существительного *мрак* и прилагательного *мрачный*, имеют следующую семантику:

1. Нечто неясное, запутанное: *мрак*.

2. Нечто тяжёлое, угнетающее, дурное: *мрачнова* — «плохо, тоскливо», *мраки* — «кошмары».

3. Рассмотренные нами значения существуют в системе русского языка в целом и характерны как для языка города, так и для литературного языка (мрачное настроение, мрачные мысли; тайна, покрытая мраком). Но в разговорной речи возможны также окказиональные смыслы. В «Словаре современного русского города» зафиксирован случай употребления наречия *мрачно* в значении «пусто», которое неизвестно системе языка и, следовательно, не отражено в толковых словарях.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. — М., 1999.
2. Словарь современного русского города / Под ред. Б.И. Осипова. — М., 2003.
3. Бескоровайная, И.Г. Роль имён цвета в обозначении эмоций, чувств и состояний (на материале русского и английского языков) // Язык. Время. Личность: материалы международной научной конференции. — Омск, 2002.
4. Земская, Е.А. Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь / Е.А. Земская. — М., 2004.

Статья поступила в редакцию 10.06.08.

В целом же семантическая деривация осуществляется в языке города по тем же принципам, что и в литературном языке. Различия заключаются в некоторых словообразовательных и грамматических особенностях рассматриваемых нами лексических единиц. Абстрактные существительные в литературном языке могут обозначать только абстрактные понятия (например, существительные *темнота*, *мрак* обозначают отсутствие света как явление). В разговорной речи города абстрактное существительное может обозначать не только отвлечённое понятие, например, свойство какого-либо объекта в отвлечение от самого объекта, но и сам этот объект, в частности, человека по присущему ему качеству. Слово *темнота* может иметь значение «глупый, невежественный человек» и сочетается с личными местоимениями, именами собственными и другими единицами, называющими конкретного человека. То же касается существительных *темноухость* и *темнолапость*. Кроме того, они образованы путём сложения основы прилагательного *тёмный* с основами существительных, обозначающих части тела — *уха* и *лапа*. В литературном языке слова или основы с семантикой цвета и света при словообразовании могут сочетаться лишь друг с другом, образуя прилагательные, обозначающие цвет. Здесь же мы, по-видимому, имеем дело с таким соотношением лексической и словообразовательной деривации, которое характерно только для просторечия, но не для литературного языка.

В некоторых случаях само значение, возникшее в результате метафорического переосмысления слова, является нелитературным. Например, это касается использования основ цветообозначений для характеристики состояния безразличия (фиолетово, по-зелёному).

Таким образом, в результате семантической деривации лексем, отражающих зрительную модальность восприятия, образуются единицы, характеризующие различные явления действительности. Переносные значения, развивающиеся у слов с семантикой цвета и положения предмета в пространстве, в основном те же, что и в литературном языке. Просторечность проявляется в особенностях словообразования. Однако в языке города можно наблюдать такие переносные значения, которые не характерны для литературного языка. Е.А. Земская, анализируя особенности некодифицированных разновидностей языка, отмечает, что они являются более продвинутыми по пути развития, чем литературный язык. Эта черта, характерная в большей степени для просторечия, проявляется, по наблюдению исследователя, на всех уровнях языка [3, с. 359]. Исключением не является уровень лексики. Метафорическая модель номинации различных явлений действительности с помощью лексики зрительного восприятия, характерная для литературного языка, получает в языке города своё развитие.

УДК 82.09

М.П. Двойнишникова, соискатель ЮУрГУ, г. Челябинск

МИФ И КАРНАВАЛ В ПОЭТИКЕ АБСУРДА (на материале лирической книги «Московские мифы» Г. Сапгира)

В рамках поэтики абсурда на примере лирической книги Г. Сапгира анализируются традиции народной смеховой культуры (приемы и формы карнавала) и фольклора (мифы), актуализированные в XX веке в связи с возникновением нового типа сознания.

Ключевые слова: поэтика абсурда, карнавал, миф, категория дионисийского.

Определение понятия «абсурд» нуждается в точной формулировке, так как в современном литературоведении этот вопрос до сих пор остается спорным. Абсурд — явление междискурсивное, актуальное в разных направлениях науки и искусства. Философскую интерпретацию абсурда разрабатывали в своих трудах Тертуллиан, Л. Шестов, Ф. Ницше, М. Хайдеггер и др. Предпринимались попытки соотнести понятие «абсурд» с направлениями изобразительного искусства (работы Л. Кофлера). Существует также целый ряд работ, анализирующих абсурд в рамках литературного произведения как категорию текста (В. Набоков, В. Шмидт, С. Великовский, Д. Токарев и др.). Одним из последних исследований, в котором на примере культурного пространства искусства и литературы XX века наиболее полно осмысливается понятие абсурда, является работа О.Д. Бурениной «Символистский абсурд и его традиции в русской литературе и культуре первой половины XX века», дающая следующее определение данного понятия: «*абсурд* — это констатация смыслового, логического, бытийного, а соответственно, и языкового бессилия обнаружить организующее начало в окружающем мире» [1, с. 34].

В рамках поэтики абсурда реализуются традиции народной смеховой культуры (например, карнавала), приемы фольклора (например, элементы райка) и такие художественные средства, как гротеск, фарс, метафора и др. «Черты карнавализации» (термин М.М. Бахтина, выдвинутый в работе «Проблемы поэтики Достоевского»), присущие поэтике абсурда, в лирике Г. Сапгира сконцентрированы в книге стихов «Московские мифы» (1970—1974 гг.). В жанроподобном названии проявляется сквозная концептуальность, присущая книгам Г. Сапгира, заключающаяся в превалировании единого художественного приема в основной части текстов лирического целого, в данном случае — это мифотворчество, создание мифического мира, в котором доведены до абсурда таящиеся в обыденной жизни противоречия между высоким и низким (это, по мнению О.Л. Черноричской, свойственно и карнавалу), что выражено в тесном переплетении двух слоев действительности: античности (высокие, прекрасно-идеальные образы античных героев и богов) и советского, социалистического общества Москвы (сниженные образы бюрократов, чиновников). Специфику замысла книги можно продемонстрировать на примере двустишия «*Из Катутлла*», в котором представлено противоречие высокой формы гекзаметра и сниженного содержания:

*С яблоком голубем розами ждал я вчера Афродиту
Пьяная Нинка и чех с польской водкой пришли.*

Два слоя причудливо и органично переплетаются, создавая иррациональный, смешной и одновременно ужасающий, абсурдный Город, о названии которого можно судить лишь по заглавию. Это уже не реальный город, а лишь симулякр — абсурдно-странная копия,

почти не имеющая сходства с оригиналом, за исключением легко угадываемых географических ориентиров и достопримечательностей:

*И верно — на улице имени
Великого основателя...*

<...>

*А на площади имени Поэта
В свое время
Сочинившего Оду Государству...*

<...>

*С фасада соседнего дома
Памятным лицом пятиметровым
Смотрит Основатель Государства.
А у памятника Поэту
Улеглась огромная кошка
Поблескивая лунными зрачками.*

(«Дионис»)

По мнению С. Великовского, писатели-абсурдисты (в частности, Г. Сапгир) создают «метафизическую мифологию», что указывает на принципиальный сдвиг сознания в XX в., на изменение представлений о мире. Другие исследователи (О. Черноричская, Е. Пенская) также отмечают, что в культуре XX в. возникает особое неомифологическое сознание с присущим ему ощущением абсурдности бытия, в рамках которого актуализируется интерес к мифу и карнавалу. О.Д. Буренина пишет об этом: «мифы в эпоху абсурда переживают новую жизнь. Переосмысляясь и включаясь в новые структуры, они обобщенно отражают абсурдность действительности в виде вновь созданных персонификаций» [1, с. 22]. Появление книги «Московские мифы» является реакцией поэта на изменение общественного сознания и доказательством тезиса, что XX век является эпохой абсурда, влияние которой испытывают на себе искусство и литература. Традиции карнавальской культуры в книге «Московские мифы» наполняются новым смыслом, приобретают новые значения, при этом сохраняя устойчивые традиционные формы, жанры и общий пафос. Карнавал, как и миф, вторгаясь в «официальную», нормальную и обычную жизнь Москвы, несет хаотичность, буйное веселье, естественность, попирающие общепринятые догмы.

В соответствии с исследованием М.М. Бахтина, формы смеховой карнавальской культуры Средневековья по их характеру можно подразделить на 3 основных вида:

1. Обрядово-зрелищные формы (празднества карнавального типа, различные площадные смеховые действия).
2. Словесные смеховые произведения разного рода.
3. Различные формы и жанры фамильярно-площадной речи (ругательства, божба, клятва) [2].

В состав карнавалов неизменно входили «праздник дураков» и «праздник осла». Основной идеей праздника был «временный выход за пределы обычного официального строя повседневной жизни» [2, с. 94].

Карнавал и миф, древние формы человеческой культуры, берущие истоки еще с античных времен, по мнению О.Л. Черноризской, — такое состояние сознания, которое является «нейтрализатором между всеми фундаментальными культурными бинарными оппозициями, прежде всего между жизнью и смертью, правдой и ложью, иллюзией и реальностью» [3]. На всех этапах исторического развития такие празднества были связаны с кризисными моментами в жизни человека (моменты смерти и рождения, смены и обновления), что имеет сходство с абсурдом, который также появляется в переломных ситуациях.

На карнавалах господствует особая форма вольного, фамильярного общения между людьми, что порождает особый тип коммуникации, для которого характерны:

- частое употребление ругательств, в особенности «срамословий божества» (М.М. Бахтин), которые были необходимым элементом всех смеховых культов;
- использование божбы, т.е. различного вида клятв, причем тематика клятв неразрывно связана с разъятием на части человеческого тела (традиционный гротескный образ разъятого тела);
- употребление непристойностей разного рода, т.е. части лексикона, запрещенного официальными нормами [2].

Лирическая книга «Московские мифы» структурно и стилистически организована в соответствии с традициями карнавальской культуры, что проявляется в наличии карнавальных форм и использовании специфического типа коммуникации. Интертекстуальными элементами стихотворных текстов, ассоциативно отсылающими нас в эпоху Средневековья, где царствовала карнавальная культура, являются аллюзии на известные образы знаменательных произведений того времени:

*С балкона подросток
Пускает высокий фонтан*

<...>

*В недоумении толстяк
Ребенка держит на руках
(«Свирепая»)*

<...>

*Плачет маленький трубач из средневековья
А на площади туристы...
(«Возвращение в Итаку»)*

Первый пример вызывает ассоциации, связанные с образом Гаргантюа, главного героя одного из известных романов Средневековья — «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле¹, которое М.М. Бахтин называет основным произведением карнавальской смеховой культуры этой эпохи и на его примере анализирует формы, специфические приемы, мотивы и образы карнавала.

Кроме этого, в книге Г. Сапгира присутствуют поэтические модификации вышеперечисленных основных форм карнавальской культуры (традиционно эти формы представляют собой какие-либо действия, сценки, происходящие на карнавале; у Г. Сапгира же эти действия описываются в стихотворных текстах, т.е. это своеобразный «карнавал в стихах»). Книга открывается стихотворением «Парад идиотов», которое может быть соотнесено с «праздником дураков», представляющим собой празднество нищих, бродяг, калек, юродивых, карликов, выбирающих на один день «короля дураков» (*Иду. А навстречу / Идут идиоты / Идиот бородастый /*

Идиот безбородый / Идиот ноздреватый / Идут идиоты идут идиоты / Играет оркестр «Марш идиотов» / Идут — и конца нет параду уродов / И кажешься сам среди них идиотом / Затянутым общим круговоротом //). Процесс карнавального хаотично-веселого шествия, где переплетаются и смешиваются разные люди, предметы, традиции, показан в стихотворении «Дионис» (*Песни крики драки поцелуи / И творится что-то неприличное / Явно непредусмотренное // С нимфой топчется пьяный рабочий / Нимфа пьяного дядю щекочет // И танцуют какие-то твари / И хохочут какие-то твари //*). Особый тип коммуникации, присущий смеховой культуре и реализующийся в жанрах фамильярно-площадной речи, в текстах «Московских мифов» связан, во-первых, с употреблением ругательства («Там Купермана книга продается / Название книги МАТЬ ТВОЮ ЕДРИТ («Московские мифы») // Швейцар схватился за мошонку («Зевс во гневе») // Нет свои божественные члены / Обнажаете вы только в туалете («Свирепая») //); также присутствуют срамословия божества («брюхатое божество», «и да поклонятся брюху и лапам его»). Во-вторых, стихотворение «Голова сказочника» можно рассматривать как вид традиционной божбы, тематически связанной с разъятием на части человеческого тела (*Вот голова Камилла Дюмулена / Бормочет нежные слова / Вот голова как маска льва / Свирепые черты Дантона //*). В-третьих, в текстах часто присутствуют непристойности разного рода, т.е. часть лексикона, запрещенного официальными нормами (*Широкотазы полновесногруды / Чиновные экстазы и причуды / Колонны завитки порталы шпильи — / Быка с мудьями тоже вылепили!* («Третий Рим» //)).

Кроме использования форм карнавала, в «Московских мифах» активно проявляются основные мотивы, образы и приемы гротескового типа изображения, свойственного смеховой народной культуре. Так, наиболее яркой особенностью является прием снижения, т.е. перевод всего высокого, духовного, идеального в материально-телесный план («Главтитан», «Зевс во гневе»).

Из этой особенности логично вытекает вторая — преобладание категории дионисийского: буйное веселье карнавала, внезапно вторгающегося в размеренную московскую жизнь и несущего свободу от нелепых догм и правил, неразрывно связано с пиршествами и дикими плясками, идущими из античного обряда вакханального чествования бога вина Диониса (стихотворение «Дионис»):

*Двигается процессия
Вида непристойного и дикого
Ухмыляются рогатые бородастые
Щеки и носы раскрашены свеклой
Груды и зады едва прикрыты*

<...>

*Там какие-то растерзанные бабы
На осле везут лысого пьянчужку
И выплывают и вопят в небо
— Эвоэ! Эвоэ!*

(«Дионис»)

Составляющим элементом категории дионисийского является **мотив вина и пиршества**, освобождающий сознание человека, его естественную природу от различных искусственных наслоений, сопровождающийся обилием **образов пьющих и пьянчужек**:

¹ «...он был вынужден усестись на башни Собора богородицы. Посидев на башнях и видя, сколько внизу собралось народа, он объявил во всеуслышание: — Должно полагать, эти протобестии ждут, чтобы я уплатил им за въезд и за прием. С кем угодно готов держать пари, что я их сейчас попотчую вином, но только для смеха. С этими словами он, посмеиваясь, отстегнул свой несравненный гульфик, извлек оттуда нечто и столь обильно оросил собравшихся, что двести шестьдесят тысяч четырехста восемнадцать человек утонули...» [4, с. 51].

*Какой-то пьяный мужичонка
Икал и ойкал от восторга
А местная пьянчужка Шурка...
(«Зевс во гневе»)
У прилавка винного отдела
Напирают — чуть не дымятся
(«Дионис»)*

Кроме этого, в единстве лирической книги «Московские мифы» присутствует образ, символизирующий «животное» начало, плотскую страсть и чрезмерную плодовитость, свойственный вышеуказанному обряду, — **образ козла (козлоногого фавна, сатира):**

*Соорудив кривые козлы,
Два фавна
Режут поперец
Бревно.*

*И зубы скалят
Два козла.
(«Утренняя философия»)
продащица осла обнимает
Ее в танце осел понимает
А студентка на фавне повисла
Ах как много в движениях смысла
(«Дионис»)*

Художественный опыт переосмысления традиций смеховой культуры и фольклора как категорий поэтики абсурда наиболее ярко воплотился в лирической книге «Московские мифы». Следует отметить, что в своих последующих произведениях Г. Сапгир практически не использует стилистику карнавала, а его творческие эксперименты продолжаются в русле визуальной эстетики и новых жанровых форм.

Библиографический список

1. Буренина, О.Д. Символистский абсурд и его традиции в русской литературе и культуре первой половины XX в. / О.Д. Буренина. — СПб., 2005.
2. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. — М., 1965.
3. Черноризцкая, О.Л. Карнавал и декарнавализация // <http://www.stihi.ru/poems/2006/01/18-07.html>
4. Рабле, Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / Ф. Рабле. — М., 1981.

Статья поступила в редакцию 19.05.08.

УДК 882

*Е.А. Меркотун, ассистент кафедры современной русской литературы
Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург*

«ТУДА И ОБРАТНО»: О ПОЭТИКЕ И СЕМАНТИКЕ ОБРАЗА ВРЕМЕНИ В ОДНОАКТНОЙ ДРАМАТУРГИИ Л.ПЕТРУШЕВСКОЙ

В статье рассматривается художественная специфика временной организации одноактной драматургии Л. Петрушевской. Особое внимание уделяется диалектике взаимодействия «линейной» модели времени, текущего времени повседневноности и сюжетного времени, дающего «обратный ход», благодаря чему преодолевается «сила тяжести» времени и создается интенсивность и стереоскопичность короткого драматического действия.

Ключевые слова: драма, организация времени, хронотоп, одноактная пьеса, Л.Петрушевская.

Как известно, исходным параметром характеристики художественного своеобразия одноактной драматургии считается короткий отрезок сценического времени [1, с. 269]. В связи с этой особенностью одноактная драматургия имеет репутацию «весьма “дисциплинирующего” типа драматического искусства» [2, с. 30], и в теоретических суждениях о ней на первый план обычно выдвигаются представления о компактности, минимализме поэтики, «экономичности» художественных приемов.

Однако, отсутствие протяженного сценического времени, необходимого для постепенного параболического развития действия, оборачивается «интенсивным драматизмом спрессованного времени», которое «влечет за собой и концентрацию действия, и переходит в новое качество художественно преображенного образа реальности» [3, с. 260]. При этом, несмотря на то, что предметом непосредственного внимания одноактной пьесы остается все-таки «микроуровень противоречий», который требует «совершенно особой ювелирной работы», одноактная пьеса «может быть многомерна», в ней ощущается недостаточность «одномерного натуралистического течения жизни», и она ищет то «выхода в космос», то «ухода в гротеск», поэтому закономерно, что с точки зрения как зрителей, так и самих драматургов — «в микродействии, микродетали» одноактной драматургии открывается «много-много миров» [4, с. 7-8].

Одноактные пьесы Л.Петрушевской неслучайно называли «свернутыми до стенограммы романами» (Р. Тищенко) [5, с. 396], отмечали «сгущенность» ее драматургической речи, а сюжет коротких пьес сравнивали с «раздвигающейся гармошкой» (М. Туровская) [6, с. 163], писали о том, что внешняя анекдотичность, абсурдность краткой бытовой зарисовки совмещается в них с психологической глубиной и тонкостью драматургического письма (М. Липовецкий) [7, с. 112]. Названные особенности поэтики непосредственно связаны и со спецификой временной организации. Рассмотрим, как она влияет на устройство хронотопа и образа мира в целом в одноактной драматургии Петрушевской.

Во-первых, отметим, что персонажи одноактных пьес Петрушевской с настойчивым постоянством в самых разных ситуациях заявляют о нехватке времени. И если с точки зрения организации пространства исходной проблемой для них становится элементарное отсутствие места, ограниченность и разграниченность, превращение жизненного пространства в «клетку» (при этом обозначается кризис экзистенциального порядка: формула его осознания персонажами — «Я нигде», или «Мне некуда», что говорит об отсутствии места в мире, недостатке смысла существования), то во временном плане, крайне усугубляя этот конфликт, часто звучит проблема недостатка минут. Персонажи практически всех одноактных пьес Петрушевской чувствуют ограни-

ченность, отмеренность времени: глядя на часы, рассчитывая время до прихода гостей («Сырая нога»), до возвращения мамы («Любовь»), до отхода автобуса («Дом и дерево», «Чинзано»), так или иначе фиксируют временные рамки. При этом они зачастую демонстрируют полную погруженность в поток бытового времени, крайнюю зависимость от него. Время, в русле которого они движутся, может быть определено как линейное, расщепленное время, в художественной системе Л.Петрушевской оно эквивалентно бегу повседневности.

Характер движения этого временного ряда наглядно раскрыт автором, например, в пьесе «Чинзано» — через взаимодействие предметного и словесного планов. Поводом для встречи Паши, Вали и Кости становится денежный долг. Встретившись в пустой квартире, они, во-первых, торопятся, во-вторых, сразу начинают говорить о деньгах. В диалоге тесно переплетаются темы денежного расчета и убегающего времени. При этом бытовое время становится «наглядно-зримым» через действие с мелкими денежными купюрами, которые персонажи буквально вырывают друг у друга из рук. Так известное выражение «время — деньги» переводится в пьесе Петрушевской в план внешнего действия и раскрывает сам характер, семантику времени повседневности. Это мелкое время, время мелочных расчетов и претензий друг к другу, время растрчиваемое, буквально убегающее сквозь пальцы.

Во-вторых, расчеты времени, осуществляемые персонажами Петрушевской, показывают, что время повседневного существования они измеряют исключительно днями (редко неделями или месяцами), то есть поле временного зрения у героев Петрушевской словно бы сужено до «вчера-сегодня-завтра». В потоке линейного необратимого времени ими просматривается и фиксируется лишь ближайшая дистанция. Таким образом, течение бытового времени в сознании человека сгущается, уплотняется, прошлое и будущее не распространяют настоящего, не создают «перспективы времени», а, напротив, сокращают ее, стягивая к «теперь», образуя не только пространственные, но и временные ячейки-«клетки». Следовательно, время повседневности, время человеческого существования утрачивает протяженность, целостность, при этом крайне конфликтное, кризисное состояние личности, обозначенное репликой-формулой «Я нигде», становится растривированным, поражает и временную перспективу (что выражено, например, в парадоксальном ответе Паши /«Чинзано»/ на вопрос о месте жительства: «Сейчас еще нигде пока уже опять» [8, с. 112]).

Наиболее отчетливо дискретность временного потока проявляется в нарушении закона укорененности человека во времени, деформациях органичной связи с прошлым и будущим, законов родовой памяти, родственных связей, преемственности поколений. Пожалуй, самую наглядную модель подобного состояния дает пьеса «Дом и дерево».

Александр и Вера Константиновна, представители старшего поколения, твердо заявляют о выполнении своей жизненной программы: им удалось обрести свое место, и на своем участке — собственном «островке пространства» — «построить дом и вырастить дерево». Но усеченность известной формулы («построить дом, посадить дерево и вырастить сына») подчеркнута драматургом и развернута в целый сюжет (сын Миша стоит за калиткой, именно от него дом поставлен на сигнализацию) — такая ситуация создает образ не развивающегося, не растущего времени жизни. В хронотопе пьесы соответственно сталкиваются образы саженца с голыми корнями (незащищенного, лишенного почвы) и пня с пятиметровым корнем, вросшего в землю. Эти детали парадоксально концентрируют в себе «конфликт поколе-

ний» в интерпретации драматурга: молодые люди, которым «некуда» податься, лишенные родительской поддержки (как почвы) и старики, слепо верящие, что их «дети — это кусты и деревья» [8, с. 279] — тоже вросшие в свою почву, глухие к продолжению собственной жизни. Повторяемость, тушиковая возобновляемость этой локальной ситуации у калитки намечена, во-первых, через образ нерожденного еще ребенка Ани, во-вторых, через бесконечно прокручивающиеся в «фоновом режиме» мотивы одинокой старости и смерти.

Образ участка формируется в пьесе «Дом и дерево» как в пространстве, так и во времени: хронотоп этой короткой драмы несет в себе неразрешенное конфликтное состояние разделенности, раздробленности существования, образ жизненного пути предстает как короткое завоевание своей «клетки», ячейки, из которой будешь неизбежно вытеснен как в юности, так и в старости — на пороге самостоятельной жизни и на «последних рубежах». Финал пьесы возвращает к усеченной формуле заголовка — «посадить дерево, построить дом и вырастить сына» — это предполагаемое обозначение гармонии и осмысленности человеческой судьбы словно переворачивается, опрокидывается самим ходом обыденной жизни: «Вера Константиновна. Но он-то (сын) и спилил его (дерево). И если не сожгут дом, я тогда уже не знаю, кого благодарить» [8, с. 284]. В этих условиях участок пространства — плацдарм, отвоеванный у хаоса («все падем врукопашную» — ироническая реплика Веры Константиновны определяет характер взаимодействия с этим миром) — лишь временный островок прочности, он даже отдаленно не напоминает усадебное пространство прошлых эпох и не претендует быть Домом нескольких поколений, это лишь пристанище одного существования. Следовательно, время экзистенциальное — время человеческой жизни во всей полноте своего движения, как «взаимное протяжение наступающего, осуществившегося и настоящего» [9, с. 339] — в одноактовках Л.Петрушевской вступает в конфликт с бытовым рассчитанным временем, которое разрывает его на ряд настоящих моментов, помещает человека из временной протяженности в «клетку», в отмеренное, предельное время.

В пространственной организации одноактных пьес Петрушевской важную роль играет *хронотоп порога* в его буквальном, предметном значении, когда активной игровой зоной места действия становится «входная», придверная территория. А во временном плане соответственно заявляет о себе «пороговое» время. Серьезность и масштабность конфликта бытового и экзистенциального времени в одноактных пьесах Петрушевской выражена в том, как настойчиво предъясняется здесь ощущение предела, порога существования, в том, как тема смерти подчас весьма жестко останавливает, сковывает поток убегающего бытового времени. В целом ряде одноактных пьес формируется особый хронотоп, в котором все происходящее совершается словно в траурной раме только что пережитой или сейчас переживаемой персонажами потери, в приближении к порогу как состоянию ухода из земного мира, разрыва оболочки повседневности. Особенно отчетливо выстроен такой хронотоп в пьесах «Я болею за Швецию», «Изолированный бокс», «Чинзано», «Аве Мария, мамочка!».

Вторжением «порогового» времени, его прямой стыковкой с быстротекущим временем повседневности предельно усиливается ощущение временности — не-вечности и не-подлинности настоящего. Бытовое быстротекущее время в присутствии времени «порогового» становится ветхим, опустошенным, разреженным, показывает хрупкость, почти мистическую прозрачность оболочки сегодняшнего дня.

В частности, в пьесе «Чинзано» переключение временных планов начинает обнаруживать себя, когда во взаимодействие с линейным быстротекущим временем повседневности вступает сначала процесс циклизации бытового времени, и над персонажами все более властно берет верх время «встречи друзей». (Костя. Что я в пятницу буду как отщепенец, сказал ты и поехал) [8, с. 113]. Пик столкновения двух временных структур, двух ритмов повседневного движения персонажей — борьба Паши с самим собой, его метания между «надо ехать» и «должен выпить» показывают постепенное разрушение линейного хода рассчитанного времени, обнаружение в его плотном потоке «окна», провала как возможности выпадения из повседневности.

Однако, далее знакомая и привычная для героев пьесы «временная петля» — ритуал дружеской попойки с пятницы до понедельника, как будто отрезвляется, проясняется «пороговым» временем, которое постепенно проступает, становится видимым через действия и слова, связанные с образом похорон и поминок. Окончательное прояснение сущности драматической ситуации, сам процесс включения в действие «порогового» времени и вынужденное торможение времени бытового вновь воплощается драматургом во взаимодействии предметного и речевого планов. С появлением в руках Паши после мелких денег справки о смерти матери механизм бытового времени словно бы дает сбой. Справка о смерти нейтрализует поток убегающего времени, вводит в действие пьесы такую меру, которая позволяет очень быстро переоценить все происходящее и обесмысливает суету героев с деньгами, бутылками, запутанными семейными историями, делает ничтожными все их долги и претензии друг к другу. Повторяющаяся реплика Паши: «Я опаздываю, надо спешить, торопиться», — относится к разным временным пластам его затемненного сознания: успеть до двенадцати добраться домой к Тамаре, успеть к матери в больницу — «ей операцию по пересадке костного мозга надо делать. Срочно. Завтра же» [8, с. 121], успеть прописаться к матери: «неровен час останешься без квартиры» [8, с. 120], — и, наконец, не опоздать хотя бы на похороны. Пашины «надо спешить» и «я опаздываю» постепенно, по мере прояснения сюжета со справкой о смерти, выглядят как бессмысленный крик о помощи: захваченный сплошным потоком бытового времени, замкнутый в непрерывный ряд его «клеток» — ряд «последовательных теперь» (М. Хайдеггер), человек обречен бесповоротно опаздывать с точки зрения времени экзистенциального. И, наконец, остро осознав это, вновь прятаться в поток повседневности, продолжать «следить за временем», укрываясь в суете его необратимого движения¹.

Но конструируя на первом плане линейную модель времени, жестко деструктивную по отношению ко времени жизни конкретного человека, Петрушевская драматург настраивает читателя/зрителя на поиск возможностей ее внутреннего упорядочения, качественного смыслового наполнения в пределах все того же короткого отрезка сценического времени.

В одноактной драматургии Л. Петрушевской время получает возможность синхронно двигаться сразу в двух направлениях, оставаясь в рамках одного и того же хронологического промежутка. Одно направление: от завязки действия в настоящем необратимом времени — прямой ход времени, время повседневности, «дневное» сознание, выверенное причинно-следственными закономерностями (время разговора на кухне, визита гостя,

выяснения отношений с родственниками, «встречи друзей» и т.п.) И развивающееся из той же точки в обратном направлении — от настоящего к уже прожитому, от следствий к причинам — внутреннее действие, ассоциативно-фрагментарное, часто спутанное, непоследовательное, условно говоря, «ночное сознание» («время-ночь» — один из наиболее концептуальных, устойчивых образов в творчестве Петрушевской).

Так, в пьесе «Стакан воды» внешнее действие и ход сценического времени обусловлены ситуацией ожидания, и, следовательно, линейны, статичны. Диалог М. и А. — в сущности, пауза в повседневном движении времени, ничем, кроме слов, не заполненная. Однако внешняя статика этого диалога только способствует интенсивному, разнонаправленному току времени в глубины действия внутреннего. С первых фраз монолога М. начинается особое движение из линейного настоящего в глубинные слои ее памяти, приводится в действие механизм обратного хода сюжетного времени (визит А., ее реплики, ее внешний облик играют роль импульса, толчка, запускающего этот механизм). Как выстраивается здесь движение сюжетного времени? Повторяющимся мотивом в речи М. становится смерть ее детей-близнецов. Меняя обстоятельства, это трагическое событие переходит из одной временной зоны ее монолога в другую, возвращается к ней с каждым новым жизненным потрясением, напоминает о себе отголосками в судьбах других людей. Из фрагментов монолога, в пределах короткого отрезка сценического времени, постепенно, как будто дополняя, усиливая настоящее, подключаясь к нему, выстраивается картина сорока лет жизни М. И с финальной позиции ясно, что смерть детей парадоксально повлияла на героиню: беспощадно сломала ее судьбу и одновременно дала силу «вынести все», бесконечно терпеть, взваливать на себя чужое горе, видеть в других искалеченных «волчьими» законами окружающего мира судьбах отголоски своей собственной. Все рассказанное А. в ответном монологе не просто зеркально отражает судьбу М. во времени другой человеческой жизни, но проясняет единственно существующий в жестоком, абсурдном мире закон бытия — закон повторяемости, необъяснимого, иррационального сближения людских судеб, когда помимо разделяющих барьеров чужие люди оказываются, пусть это только проходной момент повседневности, необходимы друг другу, связаны линиями судьбы, так же, как близнецы неразрывно связаны законом родства.

Вступление в действие нелинейного, разнонаправленного движения сюжетного времени мотивировано в одноактовках Петрушевской разного рода выходами персонажей за пределы рациональной системы мировосприятия: то мотивом душевной болезни (например, шизофренического бреда в пьесе «Стакан воды»); то опьянением («Чинзано»), то пересказами снов («День рождения Смирновой», «Стакан воды»), или пространством воображения («Анданте», «Я болею за Швецию», «Скамейка-премия»), игровым поведением персонажей («Квартира Коломбины», «Вставай, Анчутка!»). Но даже там, где подобная сюжетная мотивировка не задана, «обратный ход» времени действует, проявляясь в подтексте, отстаиваясь и выстраиваясь изнутри линейного движения бытового времени, нарушая его необратимый характер и постепенно формируя внутреннее действие.

Так действует сюжетное время, например, в пьесе «Любовь». Диалог героев Толи и Светы осложнен самоцитатами и самоповторами, отсылками к собственной

¹ Подобная концепция времени существует также в одноактной пьесе В.Славкина «Мороз», где герой в силу своей инертности и эмоциональной холодности безнадежно опаздывает, то есть не дает себе труд проживать события собственной жизни в реальном времени, и все самое главное происходит в его судьбе где-то «за кадром», во внесценическом пространстве, «по другому номеру телефона».

речи или высказываниям партнера. Локальная драматическая ситуация становится по мере развития действия все более сложной, разветвленной, уходящей корнями в прошлое героев, и выглядит в этой перспективе не случайным нелепым эпизодом, который нужно побыстрее исчерпать, «подав на аннулирование брака» [8, с. 228], а закономерным жизненным шагом. Реплики действующих лиц постепенно воссоздают, сопоставляют, интерпретируют все более далекие от настоящего момента фрагменты их биографий. В короткий промежуток стремительно развивающейся ссоры молодоженов (в рамках сценического времени, времени повседневности) «навстречу настоящему», и во многом опровергая его обыденную логику, движется непростая история нескольких лет знакомства и взаимоотношений Толи и Светы, где видимое на бытовом уровне «несходство характеров» оказывается лишь первым, внешним планом. В ретроспективном, рефлексивном движении разговора персонажей складываются несколько версий, причин, мотивов этой свадьбы. И для самих молодоженов до последнего момента не ясно, как понимать уже совершенный ими выбор: то ли это, действительно, брак без любви, от безнадежности, тот «последний запасной вариант, который не подведет уж при всех условиях» [8, с. 226], а может быть, наоборот, самый верный, самый продуманный за долгие годы шаг (Толя: «Я к тебе присмотрелся за пять лет учебы...» [8, с. 220]; «Всегда при всем оставалась одна только ты...» [8, с. 223]), или данная, наконец, судьбой возможность обретения любви и счастья («Ты мне часто вспоминалась как единственная...» [8, с. 226]). Свою версию событий предлагает и бурно включившаяся в разговор теща Евгения Ивановна: «А ему нужна московская прописка, только всего, фиктивный, оказывается, брак» [8, с. 226]. В финальной сцене выбор Светы дан не столько по-житейски — между мужем и матерью, а осуществляется, в сущности, между несколькими способами воспринимать все происходящее, своим решением героиня пьесы выбирает ключ к «прочтению» нескольких лет своей жизни, тот «язык», с помощью которого текст своей судьбы можно читать и дальше. А драматург показывает крупным планом самую возможность выбора, точнее, вариативность повседневности, существующую в пределах «необратимого» настоящего, множество скрытых в нем потенциальных возможностей, которые могут быть развернуты в реальном экзистенциальном времени — времени человеческого существования.

Не менее оригинальный эффект дает диалогическое соотношение линейного движения сценического времени и «обратного хода» времени, подспудного развития внутреннего действия в пьесе «Лестничная клетка». Вместо традиционного в драме столкновения целей, интересов, жизненных философий героев пьесы разыгрывает ситуацию их статичного несовпадения, что подкрепляется и характером сценического пространства — маргинальной территории лестничной клетки, за пределы которой не выходит действие. Линейный ход бытового повседневного времени дает «пробуксовку» почти сразу же после завязки действия, когда выясняется, что Галя забыла ключи, и Юре и Славе ничего не остается, как сесть в лифт и уехать («Лифт пришел. До виденья, пани» [8, с. 237]).

Но далее та же сцена играет заново теми же персонажами в тех же декорациях, когда Юра и Слава, спустившись вниз на лифте, возвращаются обратно по лестнице, словно совершая круг, после этого что-то неуловимо меняется в атмосфере пьесы, в тональности диалога. Герои уходят от позерства, наигранности и действительно начинают беседовать «как два друга и подруга». И здесь у читателя/зрителя появляется уникальная и увлекательная возможность по отдельным

репликам, коротким монологам воссоздать картину жизни каждого из них до момента встречи на остановке. Причем очевидно, что обстановка эта та же, что и будет окружать их снова после расставания на лестничной клетке дома Галины, и суть увиденного при «обратной перемотке» времени — страшный беспорядок и дискомфорт в трех человеческих судьбах, развал или пробел в самых важных узлах отношений с другими людьми. Каждый из трех персонажей проговаривает — очень лаконично, конспективно, не претендуя на исповедь, свою ситуацию, и общими оказываются отчужденность от близких, одиночество, привычная уже тоска по гармонии и человеческому теплу, парадоксально соединенные бравада и отчаяние. Очевидная исчерпанность в самом начале ситуации более близкого знакомства приводит к тому, что особенно значимым в ходе движения драматического времени становится ни к чему не обязывающее взаимное сочувствие, элементарное согласие с присутствием здесь другого человека, принятие условий текущего момента. На нейтральной территории лестничной клетки, в зоне, близко соседствующей с окружающим хаосом, намечается зыбкое пространство временной, промежуточной гармонии, которое проявляет не-одиночество на простейшем, «молекулярном» уровне («Юра... Все-таки человек не один, люди не зверята» [8, с. 235]). На фоне звучащей в диалоге темы похоронного оркестра (включение «порогового времени» — «Слава. Мы наготове со своей музыкой» [8, с. 244]) проясняется и необъяснимая с обыденной точки зрения значимость этой случайной встречи, ни к чему не обязывающего разговора людей, которые «друг другу по всем обстоятельствам не подходят». В атмосфере пьесы, благодаря обратному движению времени, к финалу возникает иррациональное, ничем не обоснованное в данных обстоятельствах, ощущение родства персонажей друг с другом; последняя мизансцена создает впечатление разреженной картины повседневности, открытости «клетки» пространства и краткого времени «одноактовки» более масштабным бытийным законам.

Специфика финалов одноактных пьес Петрушевской в том, что драматург протягивает между героями связующую нить даже в самых невозможных для этого ситуациях. Сами персонажи зачастую не видят подобных сближений, но рассчитан этот эффект на восприятие зрителя. «Обратный ход» времени, его внутреннее нелинейное движение устанавливает неожиданные созвучия, наводит мосты между тем, что с точки зрения линейного настоящего времени чуждо друг другу, так изнутри упорядочивается хаос повседневности, в нем проявляются законы родства, внутреннего сходства разных судеб. Сюжетное время, дающее «обратный ход», движение времени в двух направлениях приводит к тому, что в финалах одноактных пьес Петрушевской происходит относительная гармонизация хронотопа, например, через достижение персонажами пространственных компромиссов или изменение атмосферы пьесы.

В целом, драматическое время в одноактных пьесах Л. Петрушевской имеет интенсивный характер и представляет собой диалогическую оппозицию. Короткий отрезок сценического времени оказывается насыщенным взаимодействием разнонаправленных временных потоков, противоречивыми импульсами и влияниями, на спринтерской дистанции сценического времени взаимодействуют и образ временного хаоса, и процессы упорядочения времени человеческой жизни. Такая диалогическая структура не просто демонстрирует негативные отношения к тяжелой, гнетущей повседневности, неустроенному быту, но мучительно ищет для личности пути взаимодействия с этим миром, способы его внутренней гармонизации. Закономерности сюжетного времени, дающего «обратный ход», его иррациональное

движение, способность идти «навстречу настоящему» вносят в одноактное драматическое действие ощущение длительности, протяженности и широты времени, изме-

стной степени свободы выбора человеком своей траектории, своей судьбы.

Библиографический список

1. Пави, П. Словарь театра / П.Пави. — М., 1991.
2. Пронин, А.М. Советская одноактная драматургия 1960-1970-х годов: дис. ... канд. филол. наук / А.М.Пронин. — М., 1984.
3. Гудкова, В. Ретроспектива и прогнозы / В.Гудкова // Современная драматургия. — 1983. — №3.
4. Докутович, Б.Д. Загадки малой драматургии / Б.Д.Докутович. — М., 1989.
5. Тименчик, Р. Ты — что? или Введение в театр Петрушевской // Петрушевская Л. Три девушки в голубом: Сб. пьес / Послесл. Р.Тименчика. — М., 1989.
6. Туровская, М. Слова, слова и еще раз слова / М.Туровская // Туровская, М. Памяти текущего мгновения. — М., 1987.
7. Липовецкий, М.Н. Людмила Петрушевская / Н.Л.Лейдерман, М.Н.Липовецкий // Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература. Книга 3. В конце века. — М., 2001.
8. Петрушевская, Л.С. Собр.соч.: В 5 т. Т.3. Пьесы / Л.С.Петрушевская. — М.; Харьков, 1996.
9. Хайдеггер, М. Время и бытие / М.Хайдеггер. — М., 1993.

Статья поступила в редакцию 21.08.08.

УДК 786

С.М. Будкеев, канд. пед. наук, доцент, заведующий кафедрой искусств БГПУ, Заслуженный деятель искусств РФ, г. Барнаул

ОРГАНОЕ МУЗИЦИРОВАНИЕ В РОССИИ XIX СТОЛЕТИЯ И ЕГО АНАЛИЗ В КРИТИКЕ СОВРЕМЕННОКОВ

Анализируются условия органного музицирования, при которых органное искусство развивалось в основном в кругах просвещенных любителей (не органистов, профессионально обученных в Европе). В.В. Стасов в критических статьях отразил особенности восприятия органа в России: орган как оркестр, его концертное и преимущественно светское применение.

Ключевые слова: Россия, романтический орган, домашнее музицирование, фортепиано-оркестр.

В XIX столетии известные европейские органостроительные фирмы «E.F. Walcker», «W. Sauer», «Gebrüder Rieger» и некоторые другие, изготавливавшие в этот период инструменты романтического типа¹, осуществляли крупные поставки своей продукции в Россию. К началу XX столетия большинство иноверческих церквей Москвы и Петербурга, а также больших и малых городов Украины, Белоруссии, южной, центральной и северной России имели в основном романтические инструменты². О количестве органов в России XIX столетия упоминал В.В. Стасов в 1856 г., называя внушительную для России цифру — 2280³. Казалось бы сравнительно большое количество романтических органов и «многочисленные органисты, которые приезжают к нам уже *полтора* лет (курсив мой. — С.Б.) для исправления этой должности при иноверческих наших церквях» — все это являлось серьезными предпосылками для развития аналогичного Западной Европе (хотя бы и в меньших масштабах) композиторского и исполнительского органного творчества в России. Однако известная изолированность этих церквей и пассивное отношение церковных органистов к своим обязанностям привели к печальному положению, когда «исчезла для нас и последняя возможность знакомства с органом и со всем тем,

что для него создано великими музыкальными творцами; таким образом, все более и более укоренялось то понятие, что орган есть не что иное, как инструмент, единственно существующий для католических и лютеранских церквей, для аккомпанирования их псалмодиям и хоралу и необходимый для тех церквей, и везде, кроме них лишней, ненужный ни для какой другой цели и употребления»⁴.

В таких условиях единственными, кто мог бы взять в свои руки инициативу освоения и развития концертного органного искусства в России, были отечественные композиторы, просвещенные музыканты (часто — органисты-любители), либо широко образованные органисты иноверческих церквей. Задача эта логически объединялась с проблемой более полного использования «великанского», по словам Стасова, инструмента в светской обстановке наряду с фортепиано, скрипкой, виолончелью. История органа знает массу примеров светского употребления органа с первых веков его появления на Руси [3].

Наиболее благоприятная ситуация для распространения органа как концертного инструмента сложилась в XIX столетии, именно в связи с появлением в стране романтических органов, концертами органистов-гастрол-

¹ Выдающимся образцом органостроения романтической эпохи является инструмент, установленный в Рижском Домском соборе (фирма E.F. Walcker, 1884 г.).

² См., например, каталоги [5, 6, 7] вышеуказанных фирм — разделы «Российская Империя». Небольшие иноверческие церкви (на всей территории России), общины которых были не в состоянии собрать достаточно средств на орган, приобретали фисгармонии, диспозиции которых также представляли собой наборы регистров романтического характера. Например, для римско-католического приходского костела Иркутска в 1856 г. из Петербурга была выписана фисгармония «Melodium» парижской фабрики «Дебен», регистры которой имели романтическую окраску (см.: Гос. архив Иркутской обл., ф. 1724, ед. хр. 11).

³ Стасов В.В. Два слова об органе в России // Санктпетербургские ведомости. 1856. № 167. 27 июля.

⁴ Там же.

ров, а также благодаря М.И. Глинке и его сподвижникам. Немалую роль в формировании представлений о значении органа в музыкальной жизни России сыграла также отечественная музыкальная критика этого периода, а в Москве — и многочисленные предки А.Ф. Гедике, разносторонне образованные музыканты, некоторые из них были органистами в иноверческих церквях. А.Ф. Гедике — последний представитель этой династии органистов — стал по существу наиболее ярким выразителем *русско-романтических* представлений об органе как концертном инструменте⁵, сформировавшихся в XIX столетии в России.

Другим популярным среди русской интеллигенции органным салоном был дом В.П. Энгельгардта — глубокого почитателя органного искусства⁶. Близкий друг Глинки, Энгельгардт сделал чрезвычайно много для развития у гениального композитора интереса к органной музыке и потребности к ее изучению: на органах своего страстного поклонника Глинки играл наиболее часто. Сам Энгельгардт любил исполнять на органе переложения сочинений Глинки.

В домашних концертах у В.П. Энгельгардта, В.Ф. Одоевского, а также у К.А. Булгакова. К.П. Брюллова, И.Г. Эрлинга, наряду с пьесами классического органного репертуара, чаще всего звучали импровизации, обработки русских народных песен, произведений М.И. Глинки, переложения в две, четыре, восемь и даже двенадцать рук [3; с. 159]. Среди исполнявшихся переложений — оркестровые пьесы: Полонез из оперы «Жизнь за царя», «Вальс-фантазия» М.И. Глинки, фрагменты из «Лоэнгрина», «Тангейзера» Р. Вагнера, романсы М.И. Глинки «Память сердца», «Колыбельная песня», «Песнь Маргариты», «Дубрава шумит», отдельные номера из ораторий Г.Ф. Генделя, до минорная симфония Л. Бетховена, увертюры М.И. Глинки из опер «Жизнь за царя», «Руслан и Людмила» — для органа и струнного квартета, квинтета.

Из перечисленного репертуара наиболее интересен факт частого обращения музыкантов к органным обработкам оркестровых пьес. Так, в среде творческой интеллигенции России формировались и воплощались взгляды на орган как на темброво-разнообразный инструмент, способный наиболее ярко передать оркестральные черты исполняемых пьес.

А.Н. Серов оставил несколько любопытных высказываний о своем понимании сущности органного искусства. Обращаясь в письме к Стасову (16 ноября 1845 года), Серов отмечает, что «все искусство органиста заключается в умении распоряжаться регистрами и в употреблении педали. *Первое для меня очень просто, потому что зависит прямо от артистической воли* (курсив мой. — С.Б.); второе трудно, потому что требует большой механической привычки» [2, с. 322]. Это характерное для отечественных органистов того времени понимание

сущности регистровки свидетельствует о том, что она воспринималась исключительно как проявление меры вкуса конкретного исполнителя. Серов не упоминает о существующих законах регистровки, связанных с принадлежностью инструмента к определенной органостроительной эпохе диспозицией, об особенностях формы исполняемой пьесы, о необходимых условиях для составления логически и стилистически оправданного регистрового плана. Объяснение содержится в другом высказывании А.Н. Серова: «До всего надо добираться самому тяжелым опытом, органиста (профессионально обученного. — С.Б.) здесь нет вовсе, и вот что я называю одной из несбывшихся надежд: некому меня учить... органу!» [2, с. 322]. Л.И. Ройзман цитирует в своей монографии горничную фразу Серова: «Теперь самая заветная мечта — кончивши оперу, отправиться, хоть пешком, в Лейпциг, учиться музыке у какого-нибудь сурового органиста» [2, с. 322]. Действительно, положение отечественных музыкантов, стремившихся развивать органное искусство у себя на родине, осложнялось отсутствием профессиональных органистов, владевших необходимыми специальными знаниями в сложных областях исполнительства на этом древнейшем инструменте. Органисты иноверческих церквей того времени, как уже указывалось, проявляли равнодушие и даже «апатию» (выражение В.В. Стасова) по отношению к своим обязанностям. Органисты семьи Гедике, переселившиеся из Германии в Россию еще в XVIII столетии, не имели возможности пополнять свои знания, так как не выезжали за пределы страны. Ведя активную, разностороннюю музыкально-общественную деятельность, они влились в круг творческой интеллигенции России, породнились с русской культурой⁷. Поэтому представления органистов Гедике об особенностях употребления органа в светской обстановке совпадали с представлениями музыкантов-сподвижников М.И. Глинки.

К другой объективной причине подобной ситуации следует отнести преимущественно камерное органное музицирование отечественных музыкантов в домашней обстановке. Небольшие инструментальные органистов-любителей имели логически определенный (романтический) характер диспозиции. Но наборов регистров этих инструментов (от 1–2 до 14–15) было недостаточно для того, чтобы отечественные музыканты могли «своим умом» верно понять закономерности составления регистровки⁸. Сравнительно редкие, эпизодические возможности музицирования и концертных выступлений на богатых регистрами церковных органах, заграничные поездки М.И. Глинки, В.Ф. Одоевского, В.П. Энгельгардта, во время которых они знакомились с большими органами, не могли исправить положение. В таких условиях вполне объяснимо увлечение русских композиторов импровизациями с использованием оригинальных тембровых сочетаний органа, переложениями инструментальных и оркестровых пьес. Однако и в этой сфере удачи чредо-

⁵ Данное определение выбрано автором в сравнении с особенностями западноевропейской органной культуры XIX столетия, романтический характер которой сформировался на основе развивавшихся закономерностей, представляющих смену своего рода исторических «органых формаций» (например: барочная органостроительная эпоха сменилась эпохой романтического органостроения и т.д.). В России развитие органной культуры этого периода приобрело несколько своеобразный оттенок, так как осуществлялось не «носителями» этой культуры, (а ими были, например, некоторые органисты иноверческих церквей), а отечественными музыкантами, для которых орган не являлся необходимым сакральным компонентом духовной жизни. При общем для западных и российских музыкантов XIX столетия восприятии органа как своеобразного симфонического оркестра, отличие представлений российских музыкантов заключалось главным образом в том, что они видели в органе готовую тембровую палитру (вне связи с исторической необходимостью ее появления), способную привлекательно инструментовать, «раскрасить» пьесу. Вероятно поэтом, наряду с традиционными полифоническими жанрами, российские композиторы охотно использовали для органа жанры пасторали, вариации, пассакалии, циклические пьесы, а впоследствии — «инструментовки» клавирных, фортепианных пьес и т.д.

⁶ У Энгельгардта в разное время было шесть домашних органов (см. [3, с. 161–163]).

⁷ Например, еще о пасторе Московской лютеранской церкви Гейдеке, жившем на рубеже XVIII–XIX столетий, писали: «Гейдеке... знает Россию, знает русский язык лучше многих русских и в душе — русский» [3, с. 158].

⁸ Диспозиции некоторых домашних органов см. [3, с. 177–178].

вались с разочарованиями. Тот же А.Н. Серов предпринимал попытки сделать переложение для органа «Реквиема» В.А. Моцарта. В письме к Стасову Серов сообщает, что занятие это «бросил, как и некоторые другие органические аранжировки потому что... выходит дурно, между тем трудно до невероятности. Я имел глупость поручить всю партию басов педалям; можешь себе представить, как легко играть!» [3, с. 207]. Тем не менее Серов, как и все органисты-любители времен Глинки, оставался убежденным сторонником восприятия органа как инструмента-оркестра.

Попытки отечественных музыкантов воспроизводить на органе звучание различных музыкальных инструментов не оставались без внимания мастеров-конструкторов. В 1840-х годах мастером Г.Г. Лихтеналем был создан Клавиорган (сочетание фортепиано и органа) с характерным названием «фортепиано-оркестр». Инструмент очень понравился М.И. Глинке, который, по высказываниям современников, импровизировал «на фортепиано-оркестре со сноровкою к инструменту, приобретенному не более как в несколько вечеров, и со сметливостью гениального композитора, привыкшего тотчас инструментовать мысль свою» [3, с. 160]. К аналогичным «фортепиано-оркестру» инструментам относится и «Клави-оркестр» О.И. Сенковского, созданный в 1845–1849 годах [3, с. 200–201].

Среди музыкальных критиков, пытавшихся объяснить свойства и возможности органа, его значение в культуре России, перспективы концертного органного музицирования, ведущее место занимал В.В. Стасов. Участник органных собраний Глинки-Одоевского, Стасов излагал в прессе не только свою личную, но и общую для отечественных музыкантов точку зрения на особенности органной культуры в России и перспективы ее развития.

Критической деятельности Стасова в области российской органной культуры посвящены обстоятельные исследования Л.И. Ройзмана [3, с. 209–215]. Приведем некоторые сведения, не вошедшие в его публикации по вопросам органной культуры России.

Мысли Стасова об органе особенно интересны потому, что он как критик, владевший высокой степенью обобщения, соотносил состояние российской органной культуры с западноевропейской (ценно также то, что он посещал концерты известных европейских органистов за рубежом).

В первой статье об органе Стасов, анализируя исторические вехи распространения органной культуры на русской земле, указывает, что «повсеместное употребление органа у нас началось со времени Петра Великого, то есть с тех пор, как после присоединения в конце XVII века польских и в начале XVIII века немецких провинций в разных концах русского государства стали строиться многочисленные иноверческие церкви» [4, вып. 1, с. 18]. Говоря об известном количестве церковных органов в России середины XIX столетия (2280), Стасов приводит любопытную подробность: из названного числа инструментов «в католических церквях находится до 1300 органов, лютеранских — до 950 и в реформатских — до 30 [4, вып. 1, с. 81].

В целом верная оценка Стасовым последующих путей развития органного искусства в Европе не всегда последовательна в частности. Считая стилистически наиболее «чистой» барочную органную культуру, Стасов замечает, что «чем больше продвигались вперед годы XVIII столетия, тем больше портилось и исчезало в Европе органное искусство... Чистый вкус и настоящие предания исказились, органная церковная музыка сделалась театральна; она сошла с прежнего высокого своего пьедестала, перестала служить прежним своим истинным и глубоким целям; органная же нецерковная музы-

ка превратилась в исключительное служение виртуозности, и таким образом совершилось падение органа, к несчастью, даже до сих пор продолжающееся» [4, вып. 1, с. 83].

Верно подмечая внешне наиболее яркие изменения в истории европейской органной культуры, Стасов, однако, ограничивается здесь констатацией этих изменений, не указывая на причины «падения органа». Тем не менее объективные факторы: появление в этот период большого числа новых органостроительных фабрик, их процветание, увеличение заказов на строительство новых органов (о чем свидетельствуют каталоги и рекламные проспекты органных фирм того времени) — все это говорит о повсеместном расширении и популяризации органной культуры в Европе, что, по словам самого Стасова, отчетливо отразилось и в России. Очевидно, следовало отмечать не «порчу органного искусства», а переход его в иное качество, в данном случае — в романтический стиль органостроения, композиции и исполнительства, связанный, конечно, и со специфическими проблемами, и с определенными достижениями.

В этой статье Стасов приходит к важному выводу о том, что орган постепенно «сделался таким же инструментом, как и все другие, как самый оркестр» [4, вып. 1, с. 86]. В заключение статьи автор посвящает органу, пожалуй, самые возвышенные в русской музыкальной критике слова: «...Этот инструмент есть по преимуществу выразитель глубочайших и могущественнейших стремлений человеческого духа; ему в особенности свойственно воплощение в музыкальных образах и формах стремлений нашего духа к колоссальному и беспредельно величественному; у него одного существуют те потрясающие звуки, те громы, тот величественный, говорящий будто из вечности голос, которого выражение невозможно никакому другому инструменту, никакому оркестру» [4, с. 88]. Это определение, метафорическая сила которого достойна поэтического высказывания, свидетельствует о горячей любви автора к органному искусству, желании подчеркнуть выдающиеся качества органа по сравнению с другими музыкальными инструментами. Некоторую непоследовательность в данной оценке Стасовым органа обнаруживает только отрицание оркестральности инструмента, однако в следующих строках критик отмечает: «Но там, где существует такое бесконечное разнообразие и величие средств, как у органа, можно ли ожидать, чтоб пришла когда-нибудь такая минута, когда производительная сила художников оставит такой инструмент, такой *полнейший оркестр* (курсив мой. — С.Б.) в стороне...» [4, с. 88].

Главное значение статьи Стасова заключается в попытке дать оценку развитию органной культуры на Западе, привлечь внимание отечественных композиторов-исполнителей к богатейшему по своим возможностям инструменту и, как указывал Л.И. Ройзман, — «обратить внимание общественности на необходимость открытия новых концертных залов с органами» [3, с. 212]. Вместе с тем в первой статье по проблемам органной культуры ощущаются еще некоторые колебания автора по поводу оценки такого сложного явления, как западноевропейская романтическая органная культура, а также сравнения романтического органа с оркестром. В значительной степени это объясняется отсутствием в то время непосредственного знакомства Стасова с западной органной культурой. Пробел этот был восполнен спустя 22 года появлением серии статей «Письма из чужих краев», в которых автор уделил значительное место впечатлениям от посещения органных концертов западных органистов-профессионалов на лучших романтических органах Европы.

Существенный интерес представляют впечатления критика после посещения органного концерта в зале

«Трокадеро» (Париж). По словам Стасова, на концерте французского органиста Гильмана слушателям «являлся нынешний мир с его тонкою и глубокою психологией, с неправильною и свободною формою сочинения, без школьных фуг и имитаций, но зато с роскошью, тонкостью, силою и колоритностью современного оркестра, с тою бесконечно разнообразною колоритностью, которая составляет главную силу и мощь органа, но которую до нашего времени прежние органные исполнители и композиторы вовсе не знали. Да и на что им было и знать ее! Их сочинения, одноцветные и односложные, как рисунки карандашом или сепией, никаких красок и богатых палитр не требовали. Им нечего было выражать из всего того, что волнует и наполняет современного музыканта. Задачи вдруг нынче выросли совершенно другие, и глубже, и выше, и шире, такие, для которых нужен оркестр Берлиоза, Листа, Вебера, Мендельсона или Вагнера, такие, которые одни стали только возможны после глубоких душевных, сердечных или мистических открытий, начертанных в нотах Бетховеном, Шуманом, Шубергом или Глинкой» [4, вып. 2, с. 336]. Тонкий психолог, Стасов сразу уловил важнейшие черты романтической органной музыки, едва услышал ее в исполнении профессионального западного органиста-композитора, воспитанного на прекрасных образцах органной культуры XIX столетия. В зале звучал инструмент лучшей фирмы романтической эпохи — «А. Кавайе-Колль». И пусть сочинения самого Гильмана, Лемменса, Шове и других авторов, исполненные органистом, не несли на себе печать особого таланта, Стасов получил главное: эстетическую информацию от «носителя» определенной органной культуры, исполнявшего романтические пьесы на соответствующем органе, в соответствующей регистровке. Именно таких впечатлений критик был лишен у себя на родине по вполне объективным причинам. И хотя оценки Стасова имеют характер некоторой восторженной полемики, они достаточно точны в определении особенностей западноевропейской романтической органной культуры: «На концерте «Трокадеро» я впервые узнал, до какой степени новы, могучи, беспредельны и полны красоты средства органа. Все самые волшебные, воздушные эффекты Берлиоза в *La reine Mab* (королева Маб) и *Danse des Sylphes* (танец сильфов) или Глинки в ста местах «Руслана», вся слоновою сила Генделя и Баха, вся грандиозность Шуберта, вся великая или серафимская мистичность Бетховена и Шумана, сто разных других качеств — все это доступно одному органу, значит одному играющему на нем человеку на-

равне с целым оркестром, а иногда и гораздо выше его. Прибавьте к этому множество таких звуков, тонов и эффектов, которые возможны только органу и недоступны ни для какого инструмента, ни для какого оркестра, вообразите все это разом, и тогда вы невольно скажете себе: какая же будущность ожидает орган, может быть, даже у нас, до сих пор вовсе чуждых органа, вследствие своей исключительной истории?» [4, с. 336–337].

Кроме В. Стасова, оставившего значительный след в истории отечественной музыкальной критики XIX столетия по вопросам развития отечественной органной культуры, следует отметить выступления в печати Г.А. Лароша и неизвестного автора П.Б. [1]. Оба автора выражали единую со Стасовым и Глинкой точку зрения на орган как своеобразный оркестр.

Кратко суммируем основные моменты предшествовавшего развития отечественной органной культуры XIX столетия. В указанный период существовало наибольшее за всю историю России количество иноверческих церквей о органами, что вполне соответствовало широкому распространению романтической органной культуры в Европе. Концертное органное исполнительство в России XIX столетия развивалось самобытным путем. Главными силами здесь были талантливые отечественные композиторы, просвещенные деятели науки и культуры, не получившие специального органного образования, а также отдельные органисты иноверческих церквей, давно обосновавшиеся в России и не имевшие непосредственной связи с динамично развивавшейся западноевропейской органной культурой. Светское органное музицирование развивалось главным образом в форме камерных собраний в салонах интеллигенции — «домашнего органного музицирования» [2, с. 326] вплоть до открытия первых органных классов в учебных заведениях страны (в Петербургской консерватории — в 1862 году, в Московской — в 1885 г.). Освоение органа русскими композиторами и любителями проходило в форме импровизаций, переложений «органной инструментальной» симфонических и инструментальных пьес, поисков наиболее удачных в колористическом отношении регистровок произведений классического репертуара. Орган воспринимался как инструмент, способный оживить музыкальную ткань разнообразными тембровыми красками. При этом критерием оценки была мера вкуса исполнителя. Органное музицирование в быту носило любительский характер, аналогичный соответствующему периоду дилетантизма в отечественном фортепианном искусстве.

⁹ Выражение «вовсе чуждых органа» не следует понимать в буквальном смысле: Стасов, безусловно, имеет в виду принципиальное различие в данном вопросе православного с католическим, протестантским вероисповеданием. Отсутствие органа в православных церквях не помешало развитию органной культуры России в самых разнообразных светских формах [3].

Библиографический список

1. П.Б. Страничка из истории музыки // Б.П. Артист. — №26. — М., 1893.
2. Ройзман, Л.И. М.И. Глинка и органная культура России в первой половине XIX столетия / Л.И.Ройзман // Памяти Глинки: Исследования и материалы. — М., 1958.
3. Ройзман, Л.И. Орган в истории русской музыкальной культуры / Л.И.Ройзман. — М., 1979.
4. Стасов В.В. Статьи о музыке: Вып. 1. — М., 1974. Вып. 2. — М., 1976.
5. Orgelbau-Anstalt E.F. Walcker und C-ie. Von 1820 bis 1912 / Ludwigsburg, 1912.
6. Orgelbau-Anstalt Gebruder Rieger, Jogerndorf. Schlesien. Tschechoslovakei. Vollständiges Verzeichnis seit Grondung des Etallissements (1873) neuerbauten Orgelwerke, 1924.
7. Orgelwerke sowjetischer Komponisten / Herausgegeben von Leonid Roisman. — Leipzig, 1976.

Статья поступила в редакцию 24.06.08.

УДК 800:159.9 + 801.56

В.В. Тарасенко, ассистент АмГПГУ, г. Комсомольск-на-Амуре

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОВ «ЖИЗНЬ» И «СМЕРТЬ» В СИСТЕМЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И ИХ ВОСПРИЯТИЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫМИ НОСИТЕЛЯМИ

В статье представлены семантические классификации фразеологизмов, репрезентирующих концепты «жизнь» и «смерть» в английском языке, а также описан психолингвистический эксперимент, проведенный с целью определения релевантности для англоязычных носителей вышеуказанных классификаций.

Ключевые слова: концепт, фразеологизм, семантическая классификация.

Источниками материала послужили различные словари, из которых были отобраны фразеологизмы, репрезентирующие указанные концепты [1-8]. В результате количество фразеологизмов, вербализующих концепт «жизнь», составило 345 единиц, концепт «смерть» отражен в 182 единицах. Оба корпуса фразеологизмов были распределены по группам на основе их лексико-семантической представленности.

В состав семантической классификации фразеологизмов, вербализующих концепт «жизнь», вошли шесть групп, различных по численности составляющих их единиц: **начало жизни, качество жизни, изменения в жизни, образ жизни, повседневность/суета, жизненный опыт**. Некоторые группы, обладающие яркой широкосемантической, включают подгруппы: например, группа **качество жизни** представлена подгруппами «жить бедно, нуждаться» и «жить в достатке», в группу **изменения в жизни** входят подгруппы «успех и обогащение», «обнищание». Самая многочисленная группа — **образ жизни** — состоит из 11 подгрупп. Приведем некоторые из них: 1) «тяжелая жизнь / легкая беззаботная жизнь» (представления о такой жизни переданы фразеологизмами *dog's life* — *собачья жизнь*, *hell on earth* — *сущий ад*, *ad kromeshnyy / a bed of roses* — «ложе из роз», *puty ustlannyy rozami, legkaya, sчастливая, bezмятежная жизнь*, *the life of Riley* — *легкая обеспеченная жизнь*); 2) «отношение к труду»: а) «трудовая жизнь» (*earn one's crust* — *зарабатывать на кусок хлеба*; *earn an honest penny* — *заработать честным трудом*); б) «праздная жизнь» (*a drugstore cowboy* — *бездельник*; *cumber the ground* — *вести бесполезное существование*); 3) «активное или пассивное отношение к жизни»: «жить и действовать несамостоятельно» (*be pinned to one's wife's apron strings* = *держаться за юбку жены*, *быть под каблучком у жены*) и «жить согласно своим убеждениям, самостоятельно» (*be the captain of one's soul* — *ни от кого не зависеть, свободно распоряжаться собой*, *быть хозяином своей судьбы*); 4) «жизнь — игра/риск» (*play with fire* — *играть с огнем, рисковать*).

Высокая наполняемость группы (или подгруппы) свидетельствует об актуальности обозначаемого ею признака, поэтому остановимся на содержании групп и подгрупп подробнее. Подгруппы «жить бедно, нуждаться» и «жить в достатке», входящие в состав группы **качество жизни**, обладают довольно высокой представленностью (11,9% и 10,4% соответственно), что свидетельствует об актуальности данных признаков. Еще большей наполняемостью характеризуется группа **жизненный опыт**, поскольку в нее вошло 13,3% фразеологизмов, что обусловлено важностью данного понятия для сознания носителей. Довольно широко представлена подгруппа «жить согласно своим убеждениям, самостоятельно» (7%), входящая в состав группы **образ жизни**. Среди менее представленных подгрупп все же выделяются «успех и обогащение» (5,8%), «безнравственный

образ жизни» (5,5%), «трудовая жизнь» (5,2%), «жизнь — игра / риск» (4,9%).

На основании данного анализа наполняемости групп семантической классификации фразеологизмов, вербализующих концепт «жизнь» в английском языке, попытаемся выделить признаки, входящие в ядро и периферию указанного концепта. Само разделение на ядро и периферию является проблематичным. В соответствии с представленным материалом мы относим к ядру актуальные признаки, то есть те, которые получили существенное количественное преимущество в лексикографических источниках (более 5%). Исходя из вышесказанного, к ядру концепта «жизнь» можно отнести такие признаки, как: «жить бедно, нуждаться», «жить в достатке», «жизненный опыт», «успех и обогащение», «трудовая жизнь», «жить согласно своим убеждениям, самостоятельно», «безнравственный образ жизни», «жизнь — игра/риск».

Семантическая классификация фразеологизмов, репрезентирующих концепт «смерть», насчитывает четыре группы: **смерть как завершение жизни, смерть как прерывание жизни, отношение к смерти и обряды смерти**. В данных группах также выделились подгруппы: например, группа **смерть как прерывание жизни** представлена подгруппами а) достойная смерть в бою, борьбе / позорная смерть; б) самоубийство; в) доведение до смерти и убийство, уничтожение; г) насильственная смерть.

На основании анализа лексикографических источников можно сделать заключение о том, что наиболее актуальны признаки, связанные со смертью как завершением и прерыванием жизни. В первой группе наибольшей представленностью отмечены подгруппы «умереть/смерть» (42,3%), во второй — подгруппы «убийство, уничтожение» (22%), «достойная смерть в бою, борьбе» (7,4%), «насильственная смерть» (7,1%) и «самоубийство» (5,5%). Исходя из наполняемости групп, можно заключить, что вышеназванные группы представляют признаки, входящие в ядро концепта «смерть».

При анализе материала в отдельную группу были выделены фразеологизмы, обозначающие пограничное состояние между жизнью и смертью. Нам представляется закономерным выделение такой группы в виду неразрывной связи самих явлений жизни и смерти. В качестве иллюстрации приведем несколько фразеологизмов, вошедших в эту группу: *have one's foot in the grave*; *have the seal of death on one's face*.

С целью определения релевантности для носителей английского языка лексико-семантической классификации, разработанной путем интроспективного анализа, был проведен психолингвистический эксперимент. Обращение к англоязычным говорящим было продиктовано необходимостью верификации классификации, полученной на материале лексикографических источников.

В качестве экспериментального материала были отобраны фразеологизмы, представляющие группы вышеописанной классификации. Было проведено два эксперимента. В ходе первого эксперимента испытуемым предъявлялись 36 фразеологизмов, репрезентирующих концепт «жизнь», в ходе второго — 32 единицы, вербализующие концепт «смерть».

В роли реципиентов выступили англоязычные носители (США) в количестве 15 человек в возрасте от 20 до 25 лет, имеющие законченное и незаконченное высшее образование.

Испытуемым предлагалось: а) объяснить значение выражений, используемых в эксперименте, и б) объединить фразеологизмы в группы, опираясь на общность их значений, по возможности озаглавив каждую группу.

В результате эксперимента в соответствии с первым пунктом анкеты было получено 540 реакций, дающих толкование английских фразеологизмов, отражающих концепт «жизнь», и 480 реакций при объяснении единиц, вербализующих концепт «смерть». Ответы, полученные от информантов, были разделены нами на: 1) верные, 2) неверные; 3) частично верные. Определение верности / неверности толкования фразеологизма информантами основывалось на его значении, зафиксированном в словарях.

Как показывают результаты эксперимента, большинство информантов определяют значения предъявленных фразеологизмов (среднестатистический процент правильных толкований составил 63,9% и 67,5% на первом и втором этапах соответственно). Процент неправильных определений незначительный. Следовательно, отобранные фразеологизмы функционируют в сознании носителей. Отказы составили чуть более 20% ответов на обоих этапах эксперимента.

Результаты, полученные в ходе данного эксперимента, представлены в таблицах 1 и 2.

Прокомментируем полученные данные. На первом этапе эксперимента 100% верных объяснений составили ответы по фразеологизмам *to burn the candle at both ends*, *lose one's shirt*, *play with fire*, *turn over a new leaf*, *stick one's neck out*, *swim against the tide*, *live on easy street*, *open a new chapter*. Единицы *live like a king* и *swim in luxury* получили более 90% правильных толкований, фразеологизмы *a spring chicken*, *dance to smb.'s tune*, *go down the drain*, *make one's way in the world*, *swim down the tide* более 80%. Отметим, что все фразеологизмы, имеющие высокий процент правильных объяснений, входят в группы авторской классификации, представляющие наиболее актуальные признаки концепта «жизнь», что, по нашему мнению, свидетельствует о ее релевантности. Например, фразеологизмы *live on easy street*, *live like a king*, *swim in luxury* входят в подгруппу «жить в достатке», фразеологизмы *play with fire*, *stick one's neck out* — в подгруппу «жизнь — игра / риск».

Наименьшее число верных ответов получили фразеологизмы *see life* и *cut one's coat according to one's cloth* (20 и 26,6% соответственно). На эти же выражения зафиксировано большое количество отказов (66,6 и 53,3% соответственно). Отсутствовали верные толкования фразеологизмов *keep body and soul together*, *put up the shutters*. Первый фразеологизм объясняли *staying physically and mentally OK (2)*; *be complete physically and spiritually; having a sound mind and life style; be mentally and physically well; feel well*. Среди неправильных вариантов определений фразеологизма *put up the shutters* есть буквальное *close windows (3)*, а также *keep things to yourself (2)*; *prevent from coming in; be ready for troubles; get ready for something bad*. Все вышеперечисленные фразеологизмы не входят в группы, представляющие актуальные признаки концепта «жизнь».

Таблица 1
Результаты эксперимента по объяснению фразеологизмов, вербализующих концепт «жизнь» в английском языке (процентное соотношение)

Фразеологизм	Объяснение			Отказ
	Верное	Частично верное	Отказ	
1. a spring chicken	86,6		15,4	
2. to burn the candle at both ends	100			
3. Cumber the ground	15,4	86,6		
4. cut one's coat according to one's cloth	26,6		20	53,3
5. cut one's eyeteeth on smth	66,6		6,6	26,6
6. dance to sb's tune	86,6		15,4	
7. go down the drain	86,6		6,6	6,6
8. go through fire and water	66,6			33,3
9. keep body and soul together		6,6	40	53,3
10. keep up with the Joneses	73,3	6,6	20	
11. kiss the rod	20			80
12. live from hand to mouth	80			20
13. live like a king	93,3		6,6	
14. live on easy street	100			
15. live on one's own fat	33,3	15,4	33,3	20
16. lose one's shirt	100			
17. make one's way in the world	86,6	15,4		
18. make two ends meet	46,6		20	33,3
19. old salt	60		6,6	33,3
20. open a new chapter	100			
21. outrun the constable			66,6	33,3
22. paddle one's canoe	60			40
23. play with fire	100			
24. plough a (one's) lonely furrow	40			60
25. put up the shutters			53,3	46,6
26. see life	20		15,4	66,6
27. turn over a new leaf	100			
28. stick one's neck out	100			
29. swim against the tide	100			
30. swim down the tide	86,6			15,4
31. swim in luxury	93,3			6,6
32. take the rough with the smooth	73,3			26,6
33. take the world as it is	53,3			46,6
34. the sweet and the bitter of life	46,6			53,3
35. there is a crook in the lot for everyone	40		15,4	46,6
36. work one's way up	73,3	6,6		20
Среднестатистический процент	63,9	1,4	9,9	25,2

Согласно второму пункту анкеты требовалось объединить фразеологизмы в группы. Наибольшее число реципиентов выделили группы, связанные с материальным положением (*wealth (3)*; *being rich (2)*; *rich (2)* и *poverty (3)*; *being poor (2)*; *poor(2)*) и карьерой, ее выбором и зарабатыванием денег (*career (4)*; *career choices (2)*; *career moves*; *making money (3)*; *spending or saving*). Вышеуказанные группы, выделенные информантами, соотносятся с подгруппами «жить бедно, нуждаться», «жить в достатке» и «успех и обогащение», «трудовая жизнь», представленными в классификации, разработанной на материале лексикографических источников. Интересно, что информанты обозначили отдельно группу *to side with or against the majority's opinion*, которая соотносится с подгруппой «жить согласно своим убеждениям» в авторской классификации. Группе **жизненный опыт** соответствуют группы *experience*; *getting experience*; *learning something new*. Подгруппа «жизнь — игра / риск» нашла отражение в единичных реакциях информантов, а именно *dangerous*; *doing risky things*.

Таблица 2

Результаты эксперимента по объяснению фразеологизмов, вербализующих концепт «смерть» в английском языке (процентное соотношение)

Фразеологизм	Объяснение			Отказ
	Верное	Частично верное	Отказ	
1. a better world	40		20	40
2. be gathered to one's fathers	46,6		6,6	46,6
3. breathe one's last	60	6,6		33,3
4. dead and buried	86,6			15,4
5. dead as a herring	53,3			46,6
6. death takes no denial	53,3			46,6
7. depart from (this) life	100			
8. die a dog's death	73,3		6,6	20
9. die a natural death	86,6	15,4		
10. die game	33,3		6,6	60
11. die in the last ditch	40			60
12. die like a rat in a hole	73,3			26,6
13. die with one's boots off	80			20
14. die with one's boots on	80			20
15. get one's gruel		6,6	6,6	86,6
16. give one's life's blood to ...	80		6,6	15,4
17. hammer a nail in smb.'s coffin	73,3	6,6		20
18. lay violent hands on oneself	46,6		6,6	46,6
19. live on borrowed time	73,3		26,6	
20. may he rest in peace	86,6			15,4
21. one's last home	46,6		6,6	46,6
22. put out sb's light	93,3		6,6	
23. sb's days (hours) are numbered	93,3	6,6		
24. take one's own life	100			
25. take sb. for a ride	66,6		33,3	
26. the grand leveller	80			20
27. the great reaper	86,6			15,4
28. the Great Stillness	46,6			53,3
29. the last sleep	73,3			26,6
30. the narrow bed	46,6			53,3
31. the Never-never Country	53,3			46,6
32. there is a remedy for all things but death	66,6		6,6	26,6
Среднестатистический процент	66,2	1,3	4,4	28,3

Многие исследователи отмечают, что традиционные фразеологизмы, зафиксированные в лексикографических источниках, постоянно выходят из употребления, и значительное число фразеологизмов не представлено в сознании носителей, особенно молодежи [9; 10]. Но проведенный эксперимент показывает, что выражения, отражающие концепт «жизнь», находятся в сознании информантов, что свидетельствует об актуальности данного концепта. Кроме того, распределение носителями английского языка фразеологизмов по группам, соответствующим авторской классификации, указывает на то, что актуальные признаки концепта, а именно связанные с качеством жизни («жить бедно, нуждаться», «жить в достатке»), жизненным опытом, трудовой жизнью (карьерой), риском, (выделенные на материале лексикографических источников) остаются актуальными в сознании носителей.

В целом, фразеологизмы, отражающие концепт «смерть», дают меньший процент неправильных ответов и отказов в сравнении с единицами, вербализующими концепт «жизнь», что, скорее всего, обусловлено некоторой однозначностью смерти и разнообразием жизни.

100% верных ответов получили фразеологизмы *depart from this life* и *take one's own life*. Высокий процент верных ответов (93,3%) у выражений *put out smb.'s life* и *smb.'s days are numbered*. 80% и более - *dead and buried*, *dead as a herring*, *die a natural death*, *die with one's boots off*, *die with one's boots on*, *give one's life's blood to ...*, *may he rest in peace*, *the grand leveller*, *the great reaper*. Наблюдается тенденция, отмеченная нами по результатам первого эксперимента, а именно: большинство фразеологизмов с высоким процентом верных толкований представляют группы и подгруппы авторской классификации, отражающие актуальные признаки концепта «смерть». Например, фразеологизмы *die with one's boots on* и *give one's life's blood to ...* входят в подгруппу «достойная смерть в бою, борьбе», *put out smb.'s life* — в подгруппу «убийство, уничтожение».

Выделенные информантами группы можно соотнести с группами авторской классификации. Носители выделили фразеологизмы, обозначающие сам факт смерти, в отдельные группы: *statements of death*; *the facts of death*; *death*, что соотносится с подгруппой «умереть/смерть». Далее были обозначены группы, объединяющие выражения, указывающие на способ смерти: *ways to die*; *references to the ways someone could die*; *natural or unnatural death*; *how one dies*, в нашей же классификации представлены отдельные подгруппы «естественная смерть», «насильственная смерть». Информантами в группу были выделены фразеологизмы, обозначающие самоубийство и убийство: *to take life*; *thoughts of making suicide*; *to commit death*. Фразеологизмы из группы **обряды смерти** были включены в группы *blessing*; *pray*. Подгруппа «неизбежность смерти», которая по данным лексикографических источников не относится к числу актуальных, выразилась в группах *death is certain*; *inevitability of death*.

По данным лексикографических источников, к ядру концепта «смерть» можно отнести признаки «убийство, уничтожение», «достойная смерть в бою, борьбе», «насильственная смерть», «самоубийство». Данные, полученные в ходе эксперимента, подтверждают это. Кроме того, к актуальным признакам концепта «смерть» информанты отнесли и «неизбежность смерти», и **обряды смерти**.

В список фразеологизмов, репрезентирующих концепт «смерть», были включены фразеологизмы, которые в авторской классификации выделены в отдельную

группу: «между жизнью и смертью». На основе этих фразеологизмов были выделены следующие группы: *the time just before death*; *someone is going to die*.

По результатам второго эксперимента следует отметить, что многие группы, выделенные информантами, совпали с группами авторской классификации, однако не все, что, по-видимому, обусловлено меньшей актуальностью самого концепта «смерть» в английском языке, ее некой табуированностью, недаром среди единиц, вербализующих концепт «смерть», большое количество эвфемизмов.

Исходя из вышеописанных экспериментальных данных, можно сделать вывод о том, что, в целом, авторская классификация фразеологизмов, репрезентирующих концепты «жизнь» и «смерть» в английском языке, соответствует представлениям о различных аспектах жизни и смерти и отвечает языковому сознанию англоязычного носителя, поскольку большинство групп, выделенных автором и информантами, совпали.

Библиографический список

- Кунин, А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь: Около 20000 фразеолог. ед-ц / А.В. Кунин. — 6-е изд., исправл. — М.: Живой язык, 2005.
- Митина, И.Е. Английские пословицы и их русские аналоги / И.Е. Митина — СПб, 2003.

3. Longman Idioms Dictionary / Addison Wesley Longman Limited, 2006
4. ABBYY Lingvo 11 Шесть языков. Электронный словарь. Выпуск 11.0.0.291. Артикул 4752. — [CD] ABBYY@Lingvo@11©2005 ABBYY Software. ABBYY@Lingvo Tutor™ © 2005 ABBYY Software.
5. Oxford Paperback dictionary. Oxford University Press, 2000
6. Penguin Dictionary of Proverbs. — Penguin books Ltd, 1983
7. Manser, Martin H. The Facts On File dictionary of proverbs / Martin Manser; associate editor, Rosalind Fergusson. — Checkmark books, 2002
8. Macmillan English Dictionary for advanced learners. — Macmillan Publishers Limited, 2006
9. Грянкина, Е.С. Семантика фразеологизмов в сознании носителей русского языка (на материале русских и английских фразеологизмов в буквальном переводе): дисс. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 2004.
10. Пономарева, Т.В. Фразеологические единицы в когнитивном аспекте: дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2001.

Статья поступила в редакцию 17.06.08.

УДК 821.161.1

М.С. Ковалевская, аспирант ТГПУ, г. Томск

ЖАНР ЛИТЕРАТУРНОГО ПОРТРЕТА В ТВОРЧЕСТВЕ В.Г. КОРОЛЕНКО В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

В статье обсуждаются методологические основы выявления жанрового своеобразия литературно-критического наследия В.Г. Короленко. Автор выбирает феноменологический подход, реализующий идеологию диалога культур, как возможный для описания жанровой системы литературной критики писателя.

Ключевые слова: жанровая специфика, литературный портрет, диалог культур, методологическая база, феноменологический подход.

Для того, чтобы определить предмет данного разговора, обозначим проблемную ситуацию, которая делает возможным и даже необходимым соединить двух моментов в обсуждении: литературный портрет в критическом наследии В.Г. Короленко и идеология диалога культур.

В.Г. Короленко написаны произведения о многих великих деятелях русской культуры: Л.Н. Толстом, А.П. Чехове, Н.В. Гоголе, М.Е. Салтыкове-Щедрине и др. Обращает на себя внимание жанровая «маркировка» этих литературно-критических текстов: «Трагедия великого юмориста» имеет жанровую рубрикацию «Несколько мыслей о Гоголе», разговор о Г.И. Успенском в одноименном тексте В.Г. Короленко зафиксирован как «Черты из личных воспоминаний»; феномен Л.Н. Толстого осмыслен в рамках нейтрального жанрового отнесения — статьи; и только одно из литературно-критических произведений писателя («Всеволод Михайлович Гаршин») определяется им как литературный портрет. Обращение к жанровому обозначению этих текстов дает возможность констатировать, что автор, определяя специфику их содержания, прибегает к различным возможностям языка для проявления своей смысловой позиции в отношении личности, о которой идет речь. Рубрикация «Несколько мыслей о Гоголе» ориентирует читателя на то, что будут предъявлены отдельные наблюдения о писателе, а не целостная характеристика личности, творчества художника. В той же, эссеистской, манере представляется жанровое определение «Черты из личных воспоминаний» (текст о Г.И. Успенском). В то же время ориентацию читателя на целостное художественное видение творчества писателя осуществляет жанровое обозначение текстов, написанных о Л.Н. Толстом — статьи.

Для того, чтобы выявить и описать специфику жанрообразования в литературно-критическом наследии В.Г. Короленко, необходимо найти методологический ракурс понимания вышеобозначенного жанрового многообразия произведений писателя. Представляется, что для этого будет продуктивной позиция культурного реципиента, спроектированная на основании идеологии диалога культур, содержание которой позволяет рас-

сматривать эстетический феномен на языке культуры того времени, в котором он обсуждается.

Привлечение идеологии диалога культур к изучению творчества В.Г. Короленко представляется продуктивным потому, что оно позволяет по-иному осмыслить содержательный потенциал его литературно-критических произведений: сделать в этом процессе осмысления акценты, актуальные для современного читателя и исследователя.

Адресуясь к идеям основоположника этой концепции М.М. Бахтина, подчеркнем, что нам важна его мысль о существовании произведения в большой и малой культурах [1]. В современной эстетике и литературоведении эта идея напрямую соотносится с учением Ю.М. Лотмана о семиосфере, суть которого сводится к тому, что литературное произведение, существуя в контексте многоплановой интертекстуальности, создает в культуре свое эстетическое пространство, обсуждать которое возможно, используя различные методологические технологии [2]. В этой ситуации важно, чтобы выбор их содержания был адекватен литературным произведениям, обусловлен их идейно-художественной спецификой, эволюцией мировоззрения и творчества художника.

Обзор жизни и развития мировоззрения В.Г. Короленко, представленный в работах таких исследователей творчества писателя, как Г.М. Миронов [3], Г.А. Бялый [4], В.М. Логинов [5], осмысленный в автобиографическом романе писателя «История моего современника», позволяет говорить о В.Г. Короленко как о развивающемся человеке, склонном к рефлексии, переоценке своего жизненного опыта и системы ценностей в нем, о художнике, которому присуща мировоззренческая и художественная эволюция. А его творчество (художественное, литературно-критическое) является интересным объектом исследования для современных литературоведов в методологическом аспекте.

В.Г. Короленко состоялся и был осмыслен в истории русской литературы как писатель - идеолог, для которого ориентация на высшие идеи была очень значимой, важной и ценностной. Причем, говоря о В.Г. Короленко, чаще всего имеют в виду «идеологичность» как связь с

идеями определенного социального содержания. Такой подход обусловлен биографией писателя, деятельностью, связанной с народничеством, творчеством художника, которое в контексте этого подхода было призвано такую деятельность изображать. Речь идет о произведениях с ярким социальным пафосом, таких, как «Чудная», «Дети подземелья», «Соколинца», «Лес шумит», «Огоньки», «Река играет» и др.

Обращение к литературно-критическому наследию В.Г. Короленко позволяет констатировать, что в произведениях этой направленности нашли свое выражение идеологические ценности, смыслы того или иного периода жизни художника. Оно — прямое продолжение идей писателя, представленных в художественном творчестве. Поэтому, определяясь в содержании позиции «культурный реципиент критического наследия В.Г. Короленко», исследовательски продуктивно выбрать феноменологический подход в качестве методологического инструментария рассмотрения критики писателя.

В этом плане нам представляется важной работа грузинского философа М.М. Мамардашвили «Литературная критика как акт чтения» [6]. Мыслитель, развивая в философском контексте идеи М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана, убедительно доказывает, что литературное произведение существует в литературе только потому, что его автор предоставляет читателю возможность понять и осознать что-то про себя. В отношении литературной критики это означает, по мнению философа, что литературный критик как субъект своей профессиональной деятельности реализуется только тогда, когда он пишет о том, что обогащает и расширяет его собственный жизненный опыт.

Обращаясь к творчеству М. Пруста, философ создает в статье прецедент, своеобразный вариант подобной смысловой критики. Для него знаменитый роман французского писателя значим тем, насколько он позволил понять ученому нечто про себя. М.М. Мамардашвили полагает, что «если мы не узнали себя в том, что мы читали, то оно для нас пусто, и, наверное, мы не должны в этом случае предъявлять счет в терминах литературной критики, да и литературная критика не может существовать относительно того, что чуждо литературному критику и что не задело его за душу. Он ведь не сможет тогда ничего эксплицировать в тексте так, чтобы, развиваясь сам, расширить опыт книги и опыт ее читателей» [6, с. 155].

Развивая свою идею, философ, и с его мнением мы солидарны, полагает, что критика как акт чтения не имеет смысла, если ее результат сводится к усвоению информации. Так, в статье «Феноменология — сопутствующий момент всякой философии», обращаясь к творчеству Гете, он замечает что «всего мышления недостаточно для мысли» [6, с. 103]. Анализируя творчество Пруста, он приходит к выводу о том, что размышления главного героя ему интересны как акт самопознания, в который включаются как движения мысли автора, так и литературные реминисценции Сент-Бева. Общая содержательная направленность статьи заключается в том, чтобы дать читателю перспективу почувствовать

себя самосознающей и самоопределяющейся личностью в процессе контакта с художественным произведением.

Это обращение к феноменологическому подходу в рамках идеологии диалога культур целесообразно, так как позволяет обсуждать литературно-критическое наследие В.Г. Короленко как в аспекте развития, так и в контексте жанрового своеобразия.

В плане развития в контексте феноменологического, смыслового подхода к обсуждению литературной критики представляется возможным высказать некоторые гипотетические предположения о методологии и жанровом своеобразии литературной критики В.Г. Короленко. Писатель формировал жанровое содержание, а затем в соответствии с ним и сам текст как проявление своей смысловой позиции в отношении к различным сферам жизни и культуры. И в этом плане слова «черты», «мысли» могут пониматься как определенные акты самораскрытия критиком своего духовного опыта на том или ином этапе жизненного пути.

Безусловно, сказанное может выглядеть только гипотезой до тех пор, пока не будут найдены аргументы, подтверждающие правомерность выбора феноменологического подхода для обсуждения критики В.Г. Короленко. Считаем возможным предложить в качестве одного из аргументов тот, который использует сам художник в работе, посвященной личности и творчеству Н.В. Гоголя. Здесь он, рассматривая историю создания «Мертвых душ» писателем, не только сам использует феноменологический подход, но и демонстрирует литературоведческую методологию его реализации в процессе анализа художественного произведения. Он объясняет ее следующим образом: «...прочитав ряд писем за известный период, я обращался затем к Гоголю-художнику и прочитывал то, что он написал в это время» [7, с. 169]. Речь идет о том, что общую атмосферу и идеологическое содержание первого тома поэмы, ее критический и идеологический пафос В.Г. Короленко связывает со своеобразной экстраполяцией в творчестве Н.В. Гоголя так называемого оптимистического, светлого начала, которое присутствует в генетическом коде писателя наряду с другим — темным, мистическим. Второй же том поэмы, по мнению писателя, — есть не что иное, как художественная объективация духовного опыта Н.В. Гоголя, представляющего эту темную сторону его генокода. Позиция критика убедительно аргументируется (это и есть литературоведческая методика, представляющая феноменологический подход) обращением к эпистолярному наследию Н.В. Гоголя, в рамках которого В.Г. Короленко удается доказывать правомерность своей позиции.

В дальнейшем мы попытаемся использовать феноменологический подход как методологическую базу исследования жанровой системы литературной критики В.Г. Короленко. В качестве литературоведческой методики его реализации представляется возможным анализ эпистолярного наследия параллельно с реконструкцией эволюции мировоззренческого опыта художника, представленной в его произведениях.

Библиографический список

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. — М., 1986.
2. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. / Ю.М. Лотман. — М., 1999.
3. Миронов, Г.М. Короленко. / Г.М. Миронов. — М., 1962.
4. Бялый, Г.А. В.Г. Короленко / Г.А. Бялый. — М., 1983.
5. Логинов, В.М. О Короленко о литературе: Сб. ст. / В.М. Логинов. — М., 1994.
6. Мамардашвили, М.К. Как я понимаю философию. / М.К. Мамардашвили. — М., 1990.
7. Короленко, В.Г. Собр. сочинений. В 10-ти т. Т. 8. / В.Г. Короленко. — М., 1955.

Статья поступила в редакцию 01.05.08.

УДК 81'23 (571.150)

*Е.В. Беликова, соискатель АлтГУ, г. Барнаул***ИМИДЖ ЖИТЕЛЕЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ**

В рамках исследований, касающихся имиджа Алтайского края, в данной статье рассматривается имидж жителей Алтайского края. Анализируются сочинения студентов III курса факультета журналистики, посвященные 70-летию юбилею Алтайского края, с целью выявить базовые характеристики жителей Алтайского края.

Ключевые слова: имидж, сознание, национально-прецедентные феномены, метафора.

Сегодня проблема формирования позитивного имиджа России является актуальной. Именно положительное восприятие России в мире в значительной степени является залогом признания успешности проводимых в ней социальных и экономических реформ. В связи с этим проблема формирования позитивного имиджа Алтайского края как одного из регионов России представляется важной. «Исследования проявлений региональной психологии показали, что в России есть немало территорий, регионов и городов, у которых имеется свой устойчивый имидж, который оказывает немалое влияние на их восприятие и отношение к ним» [7, с. 113]. Вместе с тем психологи утверждают, что «в России сейчас мало регионов, имеющих устойчивый позитивный имидж» [7, с. 116]. Поэтому необходимо проанализировать, какой имидж Алтайского края создается в настоящее время.

Понятие «имидж» происходит от латинского *imago*, связанного с латинским словом *imitari*, что означает «имитировать». Существует несколько трактовок понятия «имидж». Так, словарь иностранных слов Н.Г. Комлева дает следующее толкование: имидж (англ. *Image* — образ, подобие) — определенный образ известной личности или вещи, создаваемый средствами массовой информации, литературой или самим индивидом [3, с. 139]. Большой словарь иностранных слов определяет имидж как «образ какого-либо лица, предмета или явления, создаваемый умышленно с целью направленного психологического воздействия [1, с. 229]. Объектом имиджа может быть как отдельный человек, например, политический лидер страны, так и сама страна или отдельные сферы жизнедеятельности государства: власть, экономика, армия, внешняя политика и др.

В нашей работе мы понимаем имидж как «целенаправленно сформированный образ (какого-либо лица, явления, предмета), выделяющий определенные ценностные характеристики, призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-либо в целях популяризации, рекламы и т.п.» [11, с. 229].

По отношению к государству, как правило, говорят о трех видах имиджа: 1) имидже объективном, или реальном, — это впечатление о стране, которое есть у общественности внутри страны или за ее пределами; 2) субъективном — это представление лидера страны, его окружения о том, как воспринимается образ страны глазами граждан, или представление граждан страны о том, какой их страна видится за рубежом; 3) моделируемом — тот образ, который пытаются создать команда руководителя страны или специально привлекаемые имиджмейкеры. Как и государство, отдельный регион имеет несколько объективных имиджей: экономический, социальный, гуманитарный, политический, культурный, экологический и т.д., каждый из них может быть как положительным, так и отрицательным. Они способны меняться как при смене ситуации, так и вследствие усилий команды имиджмейкеров.

Исследование языкового сознания будущих журналистов с целью выявить базовые характеристики имид-

жа Алтайского края нам представляется перспективным. «Система подготовки специалистов любого уровня предполагает формирование их профессионального самосознания» [2, с. 23]. Понятие «сознание» относится к наиболее трудно определяемым понятиям современной науки, данным термином оперируют многие гуманитарные дисциплины. В психологии сознание понимается как «особое свойство высокоорганизованной материи — мозг; отличительная характеристика человека как разумного существа, способного не только чувствовать и рассуждать, но и говорить об этих мыслях, ощущениях; способность переживать и осознавать окружающую действительность» [8, с. 361]. В.В. Красных определяет сознание — «как феномен, как высшую форму отражения действительности» [4, с. 22]. А.Н. Леонтьев дает следующее определение понятию сознание: «открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен он сам, его действия и состояния» [5, с. 167]. Мы, анализируя тексты студенческих сочинений, попытаемся понять, какой имидж жителей Алтайского края складывается в сознании студентов.

Материалом для анализа послужили тексты студентов III курса факультета журналистики, посвященные 70-летию юбилею Алтайского края. В рамках конкурса были предложены следующие темы: «Алтай в портретах» и «Стилеобразующие факторы Барнаула».

Нами было проанализировано 57 студенческих работ. В данной статье подробно мы рассмотрим имидж жителей Алтайского края, потому что наибольшее количество работ студентов, около 70%, было посвящено людям, родившимся на Алтае. В текстах упоминались как известные всему краю, выдающиеся, так и простые люди. В связи с этим мы посчитали целесообразным разграничить тексты на два блока: «Выдающиеся люди» и «Простые люди».

А) Выдающиеся люди

Сначала определим понятие «выдающийся».

Выдающийся — 2. выделяющийся среди других; исключительный [9, с. 252].

Следовательно, в этом блоке пойдет речь об исключительных людях, которые выделяются среди всего населения края какими-либо качествами или поступками. Для подробного анализа текстов внутри блока мы выделили несколько позиций, характеризующих выдающихся людей Алтая.

Персоналии. Среди выдающихся людей Алтая студенты назвали Германа Титова, Виталия Гасаева, Алексея Смертина, Ивана Ползунова, Степана Мезенцева. Отметим, что двое последних не являются уроженцами Алтайского края.

Сфера деятельности: летчик-космонавт, певец, футболист, изобретатель, музыкант.

Связь с краем: «В Алтайском крае уже давно был создан музей космонавтики имени Германа Титова... Музей часто посещают школьники и студенты со всего края», «Степан Мезенцев приехал из Казахстана... Все привыкли считать, что он - барнаульский скрипач».

Москву он покорил уже давно. И теперь на гастролях в Лондоне, Вашингтоне, Сиднее он представляет себя как «наш, алтайский», «в Барнауле именован Ползунова назван Алтайский политехнический университет, возле которого поставлен памятник Ползунову, его именем названа одна из старинных улиц города. На площади Свободы... установлен обелиск Ползунову», «Виталий живёт на улице Шукшина».

«След» в истории: «Сегодня, по прошествии веков, истинный подвиг И. И. Ползунова современниками оценен по достоинству. Из поколения в поколение передаются легенды об этом необыкновенном человеке».

Уникальность: «гений, опередивший свое время», «Ползунову благодаря самообразованию, стал одним из технически грамотных офицеров», «генерал-лейтенант авиации Г. С. Титов-дублер космонавта-1, человек, беззаветно влюбленный в небо, отличный знаток теории авиации и космонавтики, новейших проектов, проблем управления, навигации и связи», «Алексей Смертин — явление в российском футболе».

Характер, человеческие качества: «мне понравилась, как он (Виталий Гасаев — Прим. Е.Б.) держался на сцене: прост, открыт, поёт с душой», «Он (Степан Мезенцев — Прим. Е.Б.) еще и отличный человек: веселый, талантливый, душевный. Может и крепкое слово сказать, и тронуть смычком своего сердца струны любой души», «Алексей (Смертин — Прим. Е.Б.) производит впечатление спокойного и мирного человека... Эрудированный, интеллигентный, он всегда рад общаться с прессой», «С детства приученный к мысли, что ничто не дается без напряженной работы — ни радость познания, ни обыкновенный кусок хлеба, — Герман привык полагаться на собственные силы и поэтому верил в себя, а не в случайную удачу. И если удача его не обходили, то вовсе не потому, что ему везло. Он из тех, кого называют одержимыми».

Благотворительность, помощь: «В прошлом году Виталий Гасаев дал благотворительный концерт в Рубцовской колонии строгого режима...», «Мне хочется хоть чем-то помочь и этим людям», «На свои деньги он (Алексей Смертин — Прим. Е.Б.) открыл и спонсирует собственную футбольную школу, которая находится в Барнауле и имеет филиалы в с. Смоленское и в Рубцовске».

Отношение студентов к этим людям: «Замечательные люди, которыми страна может гордиться, выросли на Алтае»; «Наш земляк Виталий Гасаев... поёт замечательные песни, пишет альбомы... я всегда гордилась своим земляком...». «Виталий смог реализовать свой талант на сцене. Ну а мы должны гордиться своим земляком и радоваться его новым песням!», «как будто не он (Мезенцев — Прим. Е.Б.), стоя на сцене, принимал цветы и овации. Как будто это обыкновенный парень, ничуть не избалованный славой. А в такой ситуации, одетый в синие джинсы и красную толстовку, он как раз и производил такое впечатление».

В описаниях внешности Виталия Гасаева и Степана Мезенцева наблюдается использование **метафорической модели СКАЗКА:** «А я смотрела в глаза... Мутно-серые или мутно-зелёные. Два серо-зелёных омута. В его внешности есть что-то тёмное, колдовское. Высокий лоб, V-образная линия роста волос. Что-то от лещей мыши. А густые мохнатые серые брови с чётким изломом ровно посередине придают сходство с филином. Ночные жители заколдованного, зачарованного леса». «Гость из мира сказок Александра Роу, миллиардерская Баба-яга, только без той русско-народной хитринки». «Он из земли силы черпает, как Антей... микрофон держит так, будто булаву в руках сжимает. Голос вырывается из недр земли... Он человек. А в этом в наше нелёгкое телевизионное время есть что-то героическое», «у него (Мезенцева — Прим. Е.Б.)

очень забавная мимика. Нос картошкой, как у Антошки. Вот только он не рыжий-конопатый — он брюнет. Когда улыбается, похож на чеширского кота».

Ортега-И-Гассет Х. считает, что «метафора нужна нам не только для того, чтобы, благодаря полученному наименованию, сделать нашу мысль доступной для других людей; она необходима нам самим для того, чтобы объект стал доступен нашей мысли. Метафора не только средство выражения, метафора ещё и важное орудие мышления» [12, с. 71].

Стоит отметить, что в этом отрывке используются прецедентные феномены (Александр Роу, Баба-Яга, Антей, Антошка, чеширский кот). «Национально-прецедентные феномены — феномены, известные любому среднему представителю того или иного национально-лингво-культурного сообщества и входящие в национальную когнитивную базу» [4, с. 174].

Исследователь Е.А. Климов отмечает, что «профессии люди выбирают во многом сами (и «по плечу», и «по душе»); поэтому не исключено, что не профессия порождает образ мыслей и мировидение человека, а он находит, в конце концов, то, что соответствует складу его души, образу мыслей» [2, с. 19], «образ мира, свойственный тем или иным людям, — важнейшая составляющая их сознания и область регуляторов их повседневного поведения» [2, с. 4]. Таким образом, можно сделать вывод, что многие студенты воспринимают людей сквозь призму литературных героев.

Итак, рассказывая о знаменитых людях Алтая, студенты наиболее часто использовали следующие лексемы: гений, слава, легенда, подвиг, душа, сила, гордость, земляк, свой, наш, благотворительность, помощь. Частотными прилагательными являются: барнаульский, алтайский, отличный, талантливый, замечательный.

Б) Простые люди

Теперь дадим определение понятию «простой». В сочетании со словом «человек» оно может обозначать:

1. Обыкновенный, ничем не примечательный.
2. Открытый, бесхитростный, прямой, не церемонный.
3. Недалекий, наивный. (разг.)
4. Принадлежащий к трудовой части общества; трудящийся [10, с. 526].

В этом блоке тоже выделим некоторые позиции, характеризующие людей «ничем не примечательных».

Персоналии. В своих работах студенты часто рассказывают о родственниках, близких или знаменитых в узком кругу людей.

Очень важной деталью описания человека в сочинениях является **внешность:** «Седоволосая, статная, высокая женщина смотрит на меня голубыми как небо глазами», «Ему 80 (Дементию Паротикову — Прим. Е.Б.), но внешне он выглядит лет на 20 моложе... В глазах — легкий оттенок печали», «Ермакова Екатерина Александровна... ясно понимаю, что она молода, несмотря на возраст...».

Студенты отмечали следующие **человеческие качества** героев своих сочинений: «Все эти события прошли не только сквозь память этой мудрой женщины, сильной духом, но и через её душу, сердце», «практически весь тираж книги Метелица раздарил», «сильный человек, привыкший бороться со всеми трудностями, чтобы добиться намеченной цели», «...она много отдала детям, внимательная, очень ответственная», «все, кто знаком с Натальей Алексеевной, знают ее только как сильную, волевою женщину», «да это и неудивительно, ведь такой трудолюбивый, интеллигентный, упорный человек должен был добиться в жизни многого».

Часто в сочинениях рассказывается о тяжелой жизни людей, но при этом «нет места для каких-то обид или сетований по поводу своей нелегкой жизни», «несмотря на все горести ее жизни и столь сложную судьбу, осталась хорошим человеком с доброй душой».

Сфера деятельности: героями сочинений становятся врачи, педагоги, люди творческих профессий (актер, модельер), спортсмены.

Как и внешность, описание **бытовых условий** является важным элементом в изображении человека: «Живет бабушка Эля в добротном ухоженном доме, любит прогуливаться по уютному, красивому дворику», «опрятная усадьба...красивый большой дом... удивительный сад погружает в атмосферу праздника. Аккуратно выложенная тропинка приводит меня к дому, где меня уже ожидает хозяйка».

Труд, помощь: «Сейчас она одна, трудится как пчелка на огороде... никогда не забывает самое главное - помогать окружающим», «будучи уже на пенсии, она помогла строить церковь в селе Смоленском». «Он полон сил и энергии. Готов дальше восхищать публику, работать, не покладая рук, бороться за справедливость в этом мире...», «труд у нее благотворный».

Как и при описании «выдающихся» людей, используется **метафорическая модель сказка:** «Добро побеждает зло, ведь этому нас и сказки учат. Он сам создал символ добра, который признали многие барнаульцы. Этот символ — лебедь Андрюша»; «Беззубое чудовище, которое почему-то все знают и любят»; «Все, чего бы ни касалась детская фея Татьяна, преобразается. Но не как в сказке, а путем вполне реальных и нелегких дел».

Стоит отметить, что не только со сказочными героями сравниваются жители Алтайского края, но с одушевленными и неодушевленными предметами: «Сибирский хрен. Знающие люди говорят, что его крепкие корни уходят глубоко-глубоко в землю и потому выкопать, сломать или разрубить его не так-то просто. Такой уж характер. Чем закаленнее «климат», тем прочнее «стержень». Вот и люди, выросшие в Алтайском крае, такие же. Не избалованные, сильные, искренние...»; «энергией Валерия Андреевича в его 67 лет любой аккумулятор впору заправлять»; «дети Татьяну Александровну называют мамой, а коллеги с сочувствием — губкой, которая впитывает в себя все детские обиды»; «жизни жителей маленького города ползут медленно, подобно гусеницам по стенкам стеклянной банки. Гусеницы ползут вверх, иногда, так и не превратившись в бабочек, они падают на дно банки и умирают... Одно поколение гусениц и бабочек сменяется другим...».

При описании какого-либо человека часто встречается отрицание роли денег, материальной выгоды.

«Я никогда в жизни не был карьеристом, не достиг высоких званий, положения и денег», «...На чем держится жизнь в Алтайском крае? Может быть, на деньгах? Нет, не все можно купить», «деньги здесь ни при чем», «деньги, государственные интересы... Забыли про простые идеалы — честь, достоинство».

Библиографический список

1. Большой словарь иностранных слов. — М.: ООО «Поллюс», 2001.
2. Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях: Учеб. пособие. — М.: Изд-во МГУ, 1995.
3. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. — М.: ЭКСМО — Пресс, 1999.
4. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? — М.: ИТДК «Гнозис», 2003.
5. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Смысл; Изд. центр «Академия», 2004. — 352 с.
6. Прохоров Ю.Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. — 3-е изд., испр. — М.: Флинта: Наука, 2007.
7. Психологические основы «Паблик рилейшенз». 2-е изд. / Е.Богданов, В.Зазыкин. — СПб.: Питер, 2003.
8. Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Педагогика — Пресс, 1999.
9. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус.яз., Полиграфресурсы, 1999. Т.1. А — Й. — 1999.
10. Словарь русского языка: В 4-х т./ РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус.яз., Полиграфресурсы, 1999. Т.3 П-Р. — 1999.
11. Современный словарь иностранных слов. — М.: «Русский язык», 1999.
12. Х. Ортега-и-Гассет. Две великие метафоры// Теория метафоры: Сборник. Пер. с англ., нем., исп., польск. яз. / Вступ. Ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; Общ., ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. — М.: Прогресс, 1990.

Статья поступила в редакцию 5.05.08.

Исследователи Ю.Е. Прохоров и И.А. Стернин отмечают, что в русском национальном характере исторически сложилось особое отношение к материальному достатку. «Человек не должен стремиться заработать много денег — об этом стыдно мечтать и тем более говорить. Нельзя декларировать стремление к прибыли — надо говорить, что деньги нужны на благотворительность...» [6, с. 116].

Отношение студентов к простым людям. Здесь тоже отмечается использование прецедентных феноменов: «Пожалуй, эти замечательные персонажи достойны пера самого Мольера!». «Иногда возникает ощущение, что персонажам Г.И. Успенского стало тесно на своей Растеряевой улице и они решили поселиться здесь (Малиновое озеро — Прим. Е.Б.)», а также встречается сравнение с капитаном Врунглеом.

Проанализировав тексты, в которых студенты описывали простых жителей края, мы выявили ключевые лексемы: стать, сила, труд, помощь, мудрость, душа, сердце, любовь, энергия, щедрость, добро. Простых людей Алтайского края студенты характеризуют такими прилагательными: упорный, интеллигентный, трудолюбивый, внимательный, ответственный, сильный.

Вывод:

В сочинениях студентов, в которых они пишут о «выдающихся» людях, как правило, известных не только в России, но и за ее пределами, заметна тенденция сравнивать их со сказочными, мифологическими персонажами (Баба-Яга, Антей, Антошка, чеширский кот), кроме того, отмечаются уникальность того или иного человека, его роль в развитии Алтайского края, след, оставленный им истории края. Прослеживается тенденция считать своими земляками даже тех, кто не родился в Алтайском крае (С. Мезенцев, И. Ползунов).

Говоря о «простых» людях, студенты описывают внешность и бытовые условия жизни героя своего сочинения. Он так же сравнивается со сказочными персонажами (фея, чудовище), с миром флоры и фауны (сибирский хрен, гусеница), с неодушевленными предметами (аккумулятор, губка). Описывая своих героев, как знаменитых, так и простых, студенты часто подчеркивают то, что они выглядят намного моложе своих лет. Как правило, это люди улыбочивые, но с грустными глазами.

Для признания личности «выдающегося» и «простого» человека Алтая важным является не только его характер, человеческие качества, но и его помощь жителям края, своим землякам. У «выдающихся» людей помощь выражается в благотворительности, а у «простых» людей — в труде.

Ключевыми лексемами текстов являются: легенда, душа, сила, гордость, земляк, свой, наш, помощь, труд. Частотные качественные прилагательные: упорный, интеллигентный, трудолюбивый, внимательный, ответственный, сильный, искренний.

УДК 811.161.1

С.А. Алексанова, канд. филол. наук, доцент Славянского-на-Кубани государственного педагогического института, г. Славянск-на-Кубани

ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ В СТРУКТУРЕ ОСЛОЖНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В статье рассматриваются конструкции с предложно-падежными обстоятельственными детерминантами в рамках системного описания осложненного предложения. Результаты анализа обозначенных конструкций позволяют сделать вывод о том, что они являются осложненными на уровне формальной и семантической структуры и пополняют класс осложненных предложений в русском языке.

Ключевые слова: осложненное предложение, обстоятельственные детерминанты.

Попытки системного описания осложненного предложения в лингвистике предпринимались неоднократно. Осложненное предложение изучалось с точки зрения его структурных особенностей [1], с позиций конструктивно-го синтаксиса [2], семантического синтаксиса [3]. Вместе с тем исследователи справедливо отмечают настоятельную необходимость изучения осложненного предложения не только в структурно-семантическом аспекте, а рекомендуют положить в основу его изучения семантико-структурный, т.е. функциональный, принцип [4, с. 118]. Весьма удачная попытка системного описания осложненного предложения, предпринятая в одном из последних монографических исследований, вывела осложненное предложение из рамок одноаспектных исследований в пространство современной научной парадигмы [5]. По мнению автора, используемый в работе информационно-дискурсивный подход позволяет рассмотреть систему осложнения предложения и составляющие ее категории в следующих аспектах: 1) соотношение с простым и сложным предложениями как внутрилингвистической средой; 2) участие в организации семантики предложения при порождении речи как реализации назначения осложненного предложения; 3) функционирование в дискурсе и проявление в тексте как соотносительности со своей экстралингвистической средой; 4) установление семантико-структурных соотношений внутри системы осложненного предложения на основе понятий пропозиции, предикации, предикативности, информации [5, с. 9]. Обозначенные аспекты в целом, и первый, и четвертый в частности, очень точно выделяют наиболее существенные и не нашедшие своего непротиворечивого решения проблемы в области осложнения предложения. Простое и сложное предложения являются не только внутрилингвистической средой, но и определяют векторы исследования осложненного предложения, учитывающие переходный характер данной синтаксической единицы. Семантико-структурный, функциональный, принцип делает безусловной составляющей анализа осложненного предложения понятия пропозиции, предикации, предикативности, информативного минимума предложения как системообразующих факторов.

Системное описание осложненного предложения не представляется возможным без детального анализа тех единиц, которые способны формировать класс осложненных предложений, но еще не нашедших своего места в иерархии синтаксических конструкций. К числу таких конструкций относятся предложения с предложно-падежными обстоятельственными детерминантами: *После сбора урожая и получения денег* всякий волен решать свою судьбу самостоятельно (Н. Сиривли); *По всем законам жанра* Юнгер должен был писать стихи

(Н. Ключарева); *В знак мирных намерений* Боба протянул к Буке свои нежные ладошки, но она сделала шаг вперед, и этот шаг не предвещал дружеских объятий (Е. Мальчуженко); *В ярком свете сильнейших уличных фонарей* он увидел на тротуаре внизу под собой даму в одной сорочке и панталонах фиолетового цвета (М. Булгаков); *От слабости, вызванной большой потерей крови*, меня на несколько минут парализовало (Л. Улицкая).

Способность предложно-падежных обстоятельственных детерминантов осложнять предложение не обойдена вниманием исследователей [6]. Однако отсутствие единых критериев, объединяющих под рубрику «осложненное предложение» весьма неоднородные и неравнозначные синтаксические конструкции, не позволяет найти общее основание для его типологии. Неоднородность этих критериев проявляется и в подходах к изучению конструкций с обстоятельственными детерминантами. Общепризнанное понимание важнейших особенностей осложненного предложения, заключающееся в характере проявления его осложнения и в способах выражения дополнительной предикативности вполне относится и к обозначенным конструкциям.

Особенности обстоятельственных детерминантов, характеризующихся как члены предложения, создающие вторичный предикативный план высказывания [7], диктуют необходимость рассмотрения их в плане, во-первых, формального осложнения предложения, во-вторых, семантического с непременным учетом функциональной составляющей. При этом существенным моментом для нас является факт возможного несовпадения структурного и семантического аспектов осложнения предложения. Как правило, структурно осложненное предложение является и семантически осложненным, тогда как семантическое осложнение не всегда подкреплено структурным. Рассмотрение конструкций с обстоятельственными предложно-падежными детерминантами в системе осложненного предложения делает необходимым осмысление предмета исследования в его соотношении с теми синтаксическими единицами, дифференциальные признаки которых они совмещают: простым элементарным предложением и сложным предложением.

С позиций формального синтаксиса элементарное и осложненное предложения различаются 1) составом второстепенных членов (синтаксических позиций); 2) характером синтаксических отношений; 3) типами синтаксических связей; 4) формальными средствами строения предложения [8, с. 11].

В элементарном предложении за пределами предикативного ядра присутствуют только присловные связи подчинительного характера, которые осуществляются последовательно, от слова к слову. В осложненном пред-

ложении широко представлены связи, имеющие двойственную природу, не в полной мере соответствующие сочинению или подчинению; двунаправленные связи, характеризующиеся зависимостью от двух разных членов предложения; двухъярусные связи (связи на разных синтаксических уровнях) [10, с. 11-12] и, добавим, связи неприсловного характера, вводящие в структуру предложения свободно присоединяемые предложно-падежные словоформы-детерминанты.

С точки зрения формальной структуры простое предложение по составу синтаксических позиций считается элементарным, если в нем, кроме предикативного центра, имеются распространители, входящие в его состав на основе только словосочетательных связей, служащих единой предикации. Это значит, что элементарное предложение независимо от степени его распространенности может быть сведено до главных членов путем последовательного свертывания каждой распространенной словоформы, занимающей определенную синтаксическую позицию: *Молодая женщина медленно опустила тяжелое весло*. В данном предложении нет второстепенного члена, не входящего прямо или опосредованно в словосочетательную связь с одним из главных членов предложения: состав подлежащего — молодая женщина; состав сказуемого — опустила тяжелое весло, опустила весло, опустила медленно; состав приглагольного второстепенного члена — тяжелое весло. Все эти второстепенные члены предложения могут быть выведены из его состава, что не отразится на его конструктивном минимуме.

Осложненное предложение, в отличие от элементарного, невозможно свернуть до главных членов, так как в нем имеются самостоятельные синтаксические позиции, которые занимают слова или группы слов, входящие в предложение непосредственно, а не через словосочетание. Различаясь по составу синтаксических позиций с элементарным предложением, конструкции с детерминирующими обстоятельствами совпадают по этому же признаку с осложненным предложением: *Во исполнение данных обещаний она подавила в себе щемящее чувство одиночества* (И. Штемлер); *По молодости он не понял ни призыва к благородству судей, ни самоубийственной тоски, заключенных в этом даре* (Л. Леонов). Выделенные обстоятельственные детерминанты не являются присловными распространителями, следовательно, не реализуют словосочетательную связь ни одного из членов предложения и, будучи свободными от степени распространенности остальной части предложения, не могут быть изъяты из его состава без нарушения смысловой организации всего предложения в целом (ср.: она подавила в себе щемящее чувство одиночества; он не понял ни призыва к благородству судей, ни самоубийственной тоски, заключенных в этом даре). Однако в случае свертывания присловных второстепенных членов предложения, детерминанты останутся в его структуре. На формальном уровне обстоятельственные детерминанты выступают как определители остальной части высказывания, грамматически подчиненные основе в целом.

Формальные показатели, организующие осложненное предложение, делятся на два типа: 1) морфолого-синтаксические (формы слов, простые предлоги); 2) собственно синтаксические: а) союзы, частицы и другие слова со служебной функцией, включая местоимения и вводно-модальные слова; б) порядок слов и интонация, ритмомелодические средства вообще [2, с. 28-29].

Если для организации элементарного предложения используются морфолого-синтаксические средства, то для организации осложненного предложения требуются и собственно синтаксические. В построении простого предложения используются простые предлоги. В построении

осложненного — союзы, производные предлоги, некоторые местоимения. Наличие неконструктивных показателей (интонация, порядок слов) в элементарном предложении определяет его коммуникативные задачи и актуальное членение. В осложненном предложении они являются наряду с конструктивными показателями средством выражения синтаксических отношений.

Для организации предложений с предложно-падежными обстоятельственными детерминантами используются как морфолого-синтаксические показатели (простые предлоги), так и собственно синтаксические — производные предлоги: *От неожиданного удара* голова его как-то странно дернулась (Н. Заболоцкий. История моего заключения); *Несмотря на позднее время*, расхотеться никому не хотелось (М. Арцыбашев. Санин).

К неконструктивным формальным показателям в предложениях с обстоятельственными детерминантами можно отнести порядок слов — преимущественную позицию детерминанта в начале предложения, поддерживаемую ритмико-интонационным объединением детерминантной синтаксемы с определяемой словоформой в составе высказывания.

Таким образом, конструкции с предложно-падежными обстоятельственными детерминантами являются осложненными на формальном уровне.

На семантическом уровне осложнение предложения связывается с полипропозитивностью. Исследователи отмечают наличие в русском языке значительного количества структурно простых, но семантически сложных предложений [8]. Являясь монопредикативными, они в плане семантическом соотносимы с конструкциями, изосемическим способом выражения которых является сложное предложение. Как известно, средством выражения пропозиции служит лексика, ее особые типы, с которыми соотносимо понятие семантического предиката. Это прежде всего имена отвлеченной семантики со значением процесса, свойства, состояния. В некоторых случаях функционирования имени конкретной семантики требуют пропозитивного прочтения и также могут быть вербальными репрезентантами пропозиции: *Из-за шкафа* невозможно было открыть тумбочку (Ю. Герман). Это необходимо признать истинным во всех случаях функционирования предложно-именных синтаксем в качестве обстоятельственных детерминантов, лексическое наполнение которых обретает пропозитивное прочтение в результате влияния семантики предлога с четко выраженным значением причины или иной обусловленности в сочетании с конкретным существительным.

В.П. Малащенко вполне обоснованно отстаивает мысль, что обстоятельственные детерминанты имплицитно именно дополнительную предикативность, а не какую-либо ее степень или «полупредикативность». При этом он подчеркивает, что данное свойство детерминантов лишает конструкцию, их содержащую, важнейшего свойства простого предложения — монопредикативности [9, с. 37]. Следовательно, конструкции с обстоятельственными детерминантами — это «свернутые» предикативные единицы, которые почленно развиваются в самостоятельную предикативную единицу (часть сложноподчиненного предложения) со своим набором участников ситуации: Он глядел на нее снизу вверх, а внутри у него все переворачивалось *при виде этого долгонького, сухонького родимого существа в жалко изжеванной, чересчур просторной ночной рубашке* (Г. Головин. Чужая сторона): ... а внутри у него все переворачивалось, *когда он видел это долгое, сухонькое существо в жалко изжеванной, чересчур просторной ночной рубашке*.

Обстоятельственные предложно-падежные детерминанты в составе высказывания способны имплицитно

дополнительный предикат, соотносимый с субъектом высказывания, формируя при этом моносубъектную и полипредикатную конструкцию. Как правило, детерминантная часть таких конструкций содержит информацию о психо-физическом, эмоциональном состоянии субъекта высказывания, его личностных качествах, внешних характеристиках и т.п.: Однако *при всей своей верноподданности* Серафим в глубине души не одобрял этого (Г. Головин); *Несмотря на кукольную внешность*, Ольга не привлекала внимания мужчин, нравившихся ей (В. Михальский).

На семантическом уровне предложения с обозначенными синтаксемами могут восприниматься и как полипредикатные единицы с предикатами, относящимися к разным субъектам. Они организуют полисубъектные и полипредикатные конструкции: *Без изучения поэзии* нельзя писать стихи (И. Одоевцева); Ипполит Матвеевич снял с головы пятнистую кастровую шляпу, расчесал усы, из которых *при прикосновении гребешка* вылетала дружная стайка искр, и, решительно откашлявшись, рассказал Остапу Бендеру, первому встреченному им проходимцу, все, что было известно о брильянтах со слов умирающей тещи (И. Ильф, Е. Петров); *При слабом синеватом свете лампадки* лицо казалось бледным, как у мертвеца, и неподвижным (А. Белый); *С наступлением сумерек* грабили всюду (И. Одоевцева).

Представляя осложненное предложение на шкале переходности, Л.К. Дмитриева отмечает, что в центре осложненных предложений должны находиться те структуры, в которых наиболее ярко выявляются признаки расщепления предикативного ядра [10; с. 33-34]. С учетом градуального расположения осложненных предложений на шкале переходности предложения с обстоятельно-предикативными детерминантами относятся «к разряду тех структур, которые в семантическом отношении ближе всего к сложному предложению», и полипредикативными их не называют лишь в силу того, что это понятие закрепилось за сложным предложением [9, с. 36, 37].

С грамматической точки зрения соотношение детерминантной и недетерминантной частей высказывания неравнозначно. Известно, что выражение дополнительной предикативности имеет несамостоятельный, зависимый характер, подобный выражению дополнительной предикативности в придаточной части сложноподчиненного предложения. В связи с этим возникает вопрос, всегда ли вторичная предикативность в конструкции с предложно-падежными обстоятельными детерминантами имеет столь несамостоятельный характер?

Дополнительная предикативность в таких конструкциях в значительной степени связана с лексическим наполнением детерминантной синтаксемы, степенью ее распространенности, семантикой предлога.

В работах многих авторов достаточно четко прослеживается мысль, что дополнительная предикативность гораздо легче определяется в распространенных обстоятельных детерминантных синтаксемах — детерминантных оборотах, ведущий компонент которых представлен девербативом, сохраняющим такие глагольные свойства, как подчинение тех же зависимых форм, что и производящий глагол [11].

Синкретичная природа имен с отвлеченной семантикой, совмещающих значения предметности и процессуальности как категориальных признаков существительных и глаголов, специфичность их семантической валентности, предопределенной данным свойством, затрагивает не только лексическую сферу, но и грамматическую: выражение глагольных категорий переходности и залога. А «признавая это, логичным будет признать и преломление в семантике синтаксической

формы, выражаемой отглагольным именем, категорий времени, наклонения» [11, с. 18], т.е. частных грамматических категорий предикативности. В.П. Малащенко считает также, что, став синтаксической формой, девербатив взаимодействует в предложении с другими словоформами в плане реализации категорий синтаксического времени и модальности (при трансформации детерминантной синтаксемы в придаточную часть сложного предложения определенной обстоятельной семантики). А это значит, что «предложные конструкции, соотносимые как синтаксические дериваты со структурно-смысловой основой, способны имплицировать и те грамматические категории, которые оформляют отнесенность содержания всей словоформы к действительности» [11, с. 19].

В качестве другого важного средства грамматического оформления дополнительной предикативности в предложениях с обстоятельными детерминантами считается предлог. Если признать, что предложения, содержащие обстоятельный детерминант, как и сложноподчиненные предложения, являясь формами сложной номинации, репрезентируют более одной пропозиции, то они способны репрезентировать и одинаковые отношения между событиями объективной действительности: временные, причинные, условные, уступительные, целевые и др. Средством выражения данных отношений в сложноподчиненном предложении является союз. В предложении с предложно-падежными обстоятельными детерминантами аналогичную функцию выполняет предлог. Ю.И. Леденев отмечает, что именно в рамках детерминации у предлога возникает элемент значения, который он называет «союзоподобием» на основании того факта, что предложно-падежный детерминант обладает элементами предикативности и, относясь к основе в целом, «реализует связи и отношения предложенческого уровня, вследствие чего происходит преобразование их функций» [12, с. 12]. Дополнительная предикативность, имплицированная детерминантной обстоятельной предложно-падежной синтаксемой, — это не только результат влияния лексических элементов детерминантного оборота (лексика сама по себе не создает значения предикативности), но прежде всего результат влияния предлога, который оформляет дополнительную предикативность синтаксически. Эта функция наиболее отчетливо проявляется у производных предлогов, способных конкретизировать пропозитивное содержание всего детерминантного оборота и оформлять его в плане модальности реальной (по причине, ввиду, несмотря на и др.) или гипотетической (в случае, при условии, при возможности и др.): *Несмотря на головную боль с утра*, на работу она все же пошла (И. Штемлер); *В случае непогоды* мы останемся в лагере (К. Булычев).

Таким образом, предложения с обстоятельными предлогами предложно-падежными детерминантами являются носителями более одной предикативности. Дополнительная предикативность в составе такого предложения обладает некоторыми показателями грамматического плана, позволяющими признать за ней известную самостоятельность. Грамматическими средствами оформления дополнительной предикативности в составе предложения с обстоятельными предложно-падежными детерминантами можно считать сохранение некоторых глагольных свойств у девербативов, входящих в состав детерминанта, и предлог. Сами же конструкции с предложно-падежными обстоятельными детерминантами являются осложненными на уровне формальной и семантической структуры и пополняют класс осложненных предложений.

Библиографический список

1. Дмитриева, Л.К. Осложняющие категории и осложнение предложения в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л.К. Дмитриева. — Л., 1981.
2. Прияткина, А.Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения / А.Ф. Прияткина. — М: Высшая школа, 1990.
3. Кормилицина, М.А. Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи / М.А. Кормилицина. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1988.
4. Останин, А.И. Рецензия: А.Ф. Прияткина. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения / А.И. Останин // НДВШ Филологические науки. — 1991. — № 4.
5. Манаенко Г.Н. Осложненное предложение в языке и речи: Очерки по теории и методологии исследования / Г.Н. Манаенко. — Ставрополь, 2003.
6. Акентьева, О.В. Распространение и осложнение предложений с предикатами речи в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.В. Акентьева. — Ростов н/Д, 2006; Боброва, Т.О. Номинация каузации на разных уровнях синтаксиса / Т.О. Боброва // Язык. Дискурс. Текст: междунар. науч. конф., посвященная юбилею В.П. Малащенко: труды и материалы. Ч. 1. — Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2004; Малащенко, В.П. Детерминация и осложнение предложения: поиски и решения проблем / В.П. Малащенко // Известия РГПУ. Вып. 2. Филология. — Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2000; Манаенко Г.Н. Указ. раб.; Попова, З.Д. О некоторых тенденциях в развитии второстепенных членов предложения / З.Д. Попова // Исследования по семантике. Семантические аспекты синтаксиса: межвуз. науч. сб. — Уфа: Изд-во Башкир. гос. ун-та, 1985.
7. Малащенко, В.П. Конструкции с предложными детерминантами, выражающими предикативно-обстоятельственные отношения / В.П. Малащенко // Неоднозначные слова как средства выражения семантических и синтаксических отношений / В.П. Малащенко. — Ставрополь, 1990; Алексанова, С.А. Феномен недискретности в сфере обстоятельственных детерминантов / С.А. Алексанова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2008. — № 10 (57).
8. Кормилицина, М.А. Указ. раб.; Дьячкова, Н. А. Включенный предикат как обязательный компонент модели предложения / Н. А. Дьячкова // Известия Уральского государственного университета. — 2002. — № 24.
9. Дмитриева, Л.К. Осложненное предложение в его сближении со сложным на шкале переходности / Л.К. Дмитриева // Сложное предложение в системе других синтаксических категорий. — Л., 1984.
10. Малащенко, В.П. Детерминация и осложнение предложения: поиски и решения проблем / В.П. Малащенко // Известия РГПУ. Вып. 2. Филология. — Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2000.
11. Малащенко, В.П. Свободное присоединение предложно-падежных форм имени существительного в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В.П. Малащенко. — М., 1974. — С. 18; Камынина, А.А. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения / А.А. Камынина. — М.: Изд-во МГУ, 1983. — С. 79.
12. Леденев, Ю.И. Неоднозначные слова как показатели смысловых и синтаксических отношений / Ю.И. Леденев // Неоднозначные слова как средства выражения семантических и синтаксических отношений. — Ставрополь. — 1990.

Статья поступила в редакцию 27.06.08.

УДК 802.0

Е.А.Лаврентьева, канд. филол. наук, доцент Алтайской академии экономики и права, г. Барнаул

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ОСНОВА КОММУНИКАТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО НАУЧНОГО ТЕКСТА

В статье рассматривается роль антропоцентрического феномена в порождении коммуникативного акта в современном научном тексте. Основным реляционным понятием коммуникации являются отношения коммуникантов, входящих в антропоцентрический круг, представляющий собой систему «полиадресант — полиадресат», обусловленные предметом научного исследования.

Ключевые слова: полиструктурность, коммуникативная целеустановка, информирующая функция.

Научная коммуникация выполняет множество социально-культурных функций, таких как фиксация и хранение научных знаний, которые, объективируясь в виде текстов, откладываются в памяти человечества и передаются из поколения в поколение; другие функции представляют собой непосредственное или опосредованное общение в сообществе ученых, которое делает возможным дальнейшее развитие науки. Исходя из того, что коммуникативные цели возникают в рамках закономерно детерминированных, объективных социальных запросов, следует отметить, что Человек, создающий текст, не имеет опоры без выявления основных антропогенных параметров слова, текста, речевой деятельности. Язык антропоцентричен в глобаль-

ном смысле человеческого контекста подобно тому, как антропоцентричен инструментальный создатель текста. Однако нельзя ограничиться только одним аспектом антропоцентризма — эгоцентризмом речевого акта. Антропоцентризм — это не только homo sapiens, порождающий в одностороннем порядке речевой акт. Основным реляционным понятием коммуникации являются отношения адресанта — адресата, опосредованные предметом научного исследования. Соответственно коммуникативный акт, возникающий между ними для реализации некоей цели, есть не просто процесс передачи информации, но процесс, имеющий прагматический характер и имеющий функциональное обоснование.

Следует не упустить из вида такое важное обстоятельство, как полиструктурность антропоцентрических отношений, которые мы называем кратко антропоцентрическим кругом. В научном медицинском тексте антропоцентрический феномен заключается в существовании субъекта, теснейшим образом связанного с объектом исследования, то есть пациента ($S_{п}$), а также субъекта — практического пользователя научной медицинской информации, то есть врача ($S_{в}$), проводящего её от исследователя — адресанта научного текста ($S_{а}$) к $S_{п}$ и одновременно транспонирующего эту информацию. Именно этим можно объяснить факт наличия в тексте указаний и ссылок на других исследователей ($S_{др.а.}$), которые рассматривают аналогичную проблему, что и адресант нового медицинского текста. Данный факт, конечно, объясняется необходимостью соблюдения принципа научной этики. Но упоминание научного сообщества, к которому относится и автор текста, скорее важно для специалиста — пользователя информацией — ученого-исследователя или практикующего специалиста, чем для массового адресата — $S_{п}$. Мы полагаем, что такой фактор, как антропоцентрический круг, можно рассматривать в качестве параметра, характеризующего функционально-коммуникативный потенциал научного медицинского текста.

Исследуя коммуникативные отношения в научном медицинском тексте, необходимо отметить, что в коммуникативно-прагматическую целеустановку адресант включает необходимость декодирования предметной ситуации и свойств рассматриваемого в ней объекта таким образом, чтобы адресаты $S_{в}$ и $S_{п}$ смогли получить адекватную информацию при минимальных фоновых знаниях. Так, описание научного открытия, как правило, характеризуется тяготением к языковой информативной базе $S_{в}$, который использует её в соответствии с намеченными ситуационными фактами для воздействия на адресата.

The purpose of this article is to give the clinician not proficient in biochemistry an understanding of the biochemical research data on neurotransmitters and suicide. This literature analytic review reports the current findings on serotonin (S — HT), dopamine (DA), and norepinephrine (NE) as possible biochemical markers of depression and suicide. In connection with known environmental and behavioral indicators of suicide, neurotransmitter balance could be a factor in determining the severity of depression and the possible suicidal ideation in patients. Numerous studies have been performed on the monoamines: Serotonine, Dopamine and Norepinephrine, neurotransmitters that innervate parts of the spinal cord and all areas of the brain. Studies appear to suggest a relationship among monoamine levels, depression and suicide. Significantly low levels of serotonin and the neurotransmitter metabolite (S — HIAA) may be correlated with suicidal behavior.

Адресант данного высказывания актуализирует коммуникативную целеустановку: The purpose of this article is to give ... an understanding of the biochemical research data on neurotransmitters and suicide.

Выдвижение целеустановки на передний план высказывания показывает, что коммуникативная установка текста и порождаемая ею прагматическая направленность являются как бы первоэлементами текста, определяющими адресата текста — the clinician not proficient in biochemistry, а также определяющими характер отбора языковых средств, в первую очередь терминов, номенклатурных слов и выражений, которые анализируют о том, что текст от адресата специальных фоновых знаний об объекте исследования — neurotransmitters, suicide, serotonin, dopamine, epinephrine, spinal cord, monoamine levels etc.

Факт принадлежности текста к научному стилю привлекается также из утверждения, что this literature analytic review reports the current findings ..., поскольку жанр «аналитический обзор» относится к научному стилю, что, в свою очередь, актуализирует адресата (clinician), т.е. $S_{в}$.

Адресант текста также указывает, что над проблемой, рассматриваемой им в тексте, работали многие ученые, однако их не называет: Numerous studies have been performed on the monoamines. Иными словами, адресант имплицитно очерчивает круг коммуникантов, включая их в свою систему знаний, прогнозируя успешность коммуникации. Это некие исследователи, изучающие данную проблему, сам адресант текста, адресат — врач-клиницист, не очень компетентный в области биохимии. Также в круг коммуникантов включен субъект, во имя которого решается проблема. Suicide is the tenth leading cause of death and results in a loss of approximately 25 000 Americans each year. It is the second leading cause of death in adolescents, a tragic loss of about 5000 teens each year. The risk of successful suicidal acts tends to increase with age. The recent years, the under — 30 population has had the greatest incident of suicide; the age group of 15 to 29 has shown the greatest increase.

Адресант научного медицинского текста актуализирует следующий круг $S_{п}$, имеющих существенные наклонности:

- 1) взрослые субъекты — adolescents;
- 2) подростки — teens;
- 3) возрастная группа от 15 до 29 лет — the age group of 15 to 29;
- 4) в целом рост увеличения суицидных актов с возрастом — the risk of suicidal tends to increase with age.

По мнению С.С. Скварчинской в тексте присутствует не изолированный говорящий и пассивный слушающий, но равноправные партнеры по коммуникации. С учетом данного мнения есть основания утверждать, что «структура текста создается такими элементами, как говорящий, слушающий, а также функции текста» [2, с. 65].

Особую коммуникативную сферу в научном тексте составляет информирующая функция. Эта функция реализуется через информацию научного текста, в котором манифестируется коммуникативно-прагматическое намерение автора. Л.А.Черняховская определяет данное намерение как еще один вид информации — сообщение о статусе, фоновых знаниях, научном интересе, мировоззрении адресанта текста. Этот вид информации Л.А.Черняховская называет коммуникативной информацией и полагает, что она составляет смысл текста [3, с. 62].

В современном англоязычном медицинском тексте функционируют специальные лексические единицы, коммуникативно-прагматический потенциал которых проявляется в оценочной функции [4, с. 111].

Адресант, являясь авторитетом в соответствующем домене медицины, стремится так дать оценку предлагаемого научного сообщения, чтобы она способствовала убеждению адресата в правомерности информации, побуждала принять её во внимание и, возможно, стимулировала выполнение собственных исследований в заявленной области.

На долю научного текста, в котором функционирует оценочный компонент, выпадает роль выражать удовлетворение или неудовлетворение, согласие или несогласие, уверенность или неуверенность, доказательность или бездоказательность соответствующего утверждения.

Примечательно, что адресант текста не ограничивается лишь констатацией наличия исследуемой предмет-

ной ситуации. Его анализ данной ситуации всегда подкрепляется оценочным компонентом, который вводится в текст для объективации причин, вызвавших необходимость той или иной оценки. Введение адресантом в коммуникативный акт оценки всегда преследует особую цель: осуществить определенное воздействие на адресата. Иначе говоря, такой перлокутивный акт имеет основной целью внушить адресату определенное отношение к субъектам, на исследования которых опирается адресант, к описываемым фактам, явлениям, закономерностям, показать, что эти факты важны, заслуживают внимания со стороны потребителя информации. С этой целью предметы исследования подвергаются оценке. Также оцениваются субъекты, причастные к объекту исследования и введенные в текст в качестве участников коммуникативного акта: Traskman carefully controlled ... and took into account...

Traskman's report suggests that low 5-HIAA levels may be an indicator of violence...

The most striking study... was performed by Young. Young's study tends to support this predisposition hypothesis.

Адресант текста не только дает оценку проводимым исследованиям, но и, соответственно, ученым, которые осуществляли эти исследования. Используемые языковые средства — *carefully controlled, took into account, the most striking study* — обозначают высокую степень положительной оценки и способствуют успешной интерпретации адресатом всей научной информации и, следовательно, успешности коммуникативного акта.

Традиция написания научного текста требует наличия в нем также отрицательных оценок (действует экстралингвистическое требование всесторонней оценки), а правила научного этикета (Р. Мертон) диктуют необходимость смягчения отрицательных оценок.

Secunda et al found no significant difference ... The methodology of this study needs to be questioned.

В данных высказываниях обнаруживается стремление адресанта к некатегоричности высказывания, смягчению отрицательной оценки — *no significant difference, study needs to be questioned*. Здесь оценочная функция направлена на реализацию преуменьшения отрицательного эффекта заявленной информации. Как видим, коммуникативный акт базируется на таких основаниях, как 1) информативность, 2) прагматичность, 3) аксиологичность, которые находятся в паритетных отношениях, и одинаково актуальны в представленной коммуникативной ситуации.

Библиографический список

1. Ермоленко С.С. Проблемы семиотического подхода к изучению грамматического строя языка / С.С. Ермоленко // Методические основы новых направлений в мировом языкознании. — Киев, 1992.
2. Скварчинская С. *Wstep do nauki o literaturze* / С.С. Скварчинская. — М., 1965. Т.3.
3. Черняховская Л.А. Информация и язык / Л.А. Черняховская // Язык как коммуникативная деятельность человека. — М., 1987.
4. Бурдина З.Г. Когнитивно-коммуникативный аспект высказывания / З.Г. Бурдина // Язык как коммуникативная деятельность человека. — М., 1987.

Статья поступила в редакцию 8.05.08.

Фактор адресанта в текстах выражается опосредованно.

It can be observed from these findings that tremendous efforts are being made...

Адресант высказывает свою точку зрения по поводу результатов исследований «других авторов, выражая её в неопределенно-личном предложении посредством положительной оценки — *tremendous efforts*. Несмотря на то, что адресант себя никак не называет, его личность идентифицируется посредством данного высказывания как субъект, занимающий активную позицию, поскольку регулирует коммуникативное поведение адресата и формирует его информационную базу.

Как показал анализ фактического материала, информирующая и оценочная функции неотъемлемо связаны с аргументирующей функцией. Научные тексты характеризуются наличием высокого процента такого типа рассуждения, который называется аргументацией, имеющей целью доказать некоторое положение и оказать на адресата убеждающее воздействие. Аргументация как тип рассуждения представляет не что иное, как речевой коммуникативный акт.

Поскольку собственные результаты считаются автором правильными (иначе он не стал бы публиковать свою работу), иные, несовпадающие результаты оцениваются им как недостаточные, неверные, неточные. Вот почему адресант довольно часто эксплицитно вводит себя в антропоцентрический круг коммуникантов: — *Our present knowledge suggests...; I will try to indicate...*

Поскольку в научном тексте выражение точки зрения адресанта должно быть мотивировано и аргументировано, оно чаще всего реализуется в двух или более предложениях, образующих одно тематически оформленное высказывание, которое может быть оформлено с помощью таких лексем, как *first, second, third*, после которых приводятся соответствующие доводы и аргументы.

По характеру адресата, который имплицитно входит в антропоцентрический круг, типично опосредованное информативное воздействие, так как речевое субъектное взаимодействие происходит через объект, который приобретает особую значимость, поскольку информацию о нем необходимо передать адресату таким образом, чтобы включить последнего в коммуникативный акт и, соответственно, актуализировать его присутствие в антропоцентрическом круге.

УДК

*Р.С.-И. Семькина, канд. филол. наук, доцент БГПУ, г. Барнаул***МЕТАФИЗИКА ДЕТСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ Ю.В. МАМЛЕЕВА**

В статье рассмотрен один из важных мотивов в творчестве Ю.В. Мамлеева – мотив детства. Детство осмыслено писателем в русле христианской культуры, в рамках которой разрабатывалась концепция априорной духовной одаренности детства.

Ключевые слова: **детство, мотив, метафизический реализм, трансцендентное, Бог, бытие, вечность.**

Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царствие Небесное.
Мф. 18, 3

Надо вглядываться в детей, чтобы понять христианское откровение о человеке, чтобы ощутить самое главное и определяющее в человеке.

В. Зеньковский

О Ю. Мамлееве сложился миф как о писателе не только загадочном и экстремальном, но стоящем «совершенно особняком» в русской литературе. В 1960-е годы начинающий писатель, можно сказать, «затеял процесс» с современной ему литературой, потому что «отступил» от магистральных и господствующих художественных направлений и открыл новые, подчас парадоксальные, эстетические и философские принципы творчества, составившие теоретическую основу весьма значительного сегодня метода метафизического реализма. Этот метод предполагает, по словам Ю. Мамлеева, «включение в художественное произведение элементов метафизики <...> расширение и углубление реальности <...> интуитивное проникновение в самые парадоксальные, скрытые, неведомые пока стороны человеческой души и самого мира в целом» [1, с. 3]. Однако при всей своей значительности метафизический реализм предметом специального изучения еще не стал. А теоретик и основатель этого метода — Ю. Мамлеев — странным образом изъят из современного литературного процесса¹.

Лауреат премии Андрея Белого, Пушкинской премии, президент клуба метафизического реализма, кавалер Ордена Дружбы, автор более 40 книг, переведенных на многие языки мира, Ю. Мамлеев — одна из самых ярких фигур в современном литературном процессе. Поэтому осмысление художественного феномена этого самобытного и обойденного вниманием литературоведов писателя не только интересно, но и актуально². Предметом исследования в данной статье является концепция детства в цикле Ю. Мамлеева «Конец века», еще раз проявляющая оригинальность и самобытность художественно-философского мышления писателя.

Мистик и эзотерик, духовидец и Вестник другой реальности Мамлеев создает в своих произведениях особый мир: в нем оживают мертвецы, появляются монстры, «причудливые твари», идейные убийцы и самоубийцы, маргинальные, «зачеловеческие» существа. А необычные (метафизические) дети оказываются в экстремальных, исключительных ситуациях: на границе, в «зазоре» между Бытием и Не-(Сверх-)бытием, одержимы стремлением к загадочному, необъяснимому, трансцендентному, рассуждают о Вечности и Бесконечности, Смерти и Бессмертии, пытаются найти доказательства Божественного присутствия. Только они — «великие метафизики» — полны особого (метафизического) жизненного чувства и способны приблизиться к тайне трансцендентного бы-

тия. Об этом, Божьем, даре детской души пишет В. Зеньковский: «То, что сквозь внешнюю оболочку физического или социального мира для детской души раскрывается таинственная и манящая к себе сфера смыслов, которые дитя пытается постигнуть, — что детская душа наполняется горячим и страстным желанием проникнуть в ту светящуюся сферу, откуда лучи освещают для него мир, — что дитя не просто живет в мире, не просто ориентируется в нем и приспосабливается к нему, но любит мир, живет горячим и страстным к нему интересом, стимулирующим всю психическую жизнь ребенка — это является величайшим свидетельством того, что и в ребенке идет подлинная духовная жизнь, зажигающая его душу влечением к Бесконечности» [2].

Феномен детства осмыслен Ю.В. Мамлеевым в русле христианской культуры, в рамках которой разрабатывалась концепция априорной духовной одаренности детства. Именно в христианстве «детство самосуще, ибо мыслится не как начальный период жизни, а как ее высшая точка. Последующее «развитие» есть не что иное, как регресс, упадок изначальной бытийной полноты, излившейся на ребенка из благодатной выси неотмирных горизонтов. Ведь взросление — это взросление грешника, идущее и ведущее к смерти. Для тела — это старение, для ума — рационалистическое увядание, для души — хитрость и лицемерие <...> Христианство воспринимает детство как дар Божий, ибо в этот чудесный миг дана благодатная возможность грешному человеку видеть мир метафизически, возможность, которая в будущем уже никогда не повторится» [1]. Евангельские тексты отразили особое благословенное отношение Христа к детям как раз за их удивительную способность к сверхчувственному мировосприятию, к пониманию тайны трансцендентного бытия.

В рассказах Ю. Мамлеева дети живут в ином онтологическом измерении, нежели взрослые. Они — существа другой природы, обладающие бесконечной метафизической мощью. Так, «развитой младенец» Никифор в рассказе «Прыжок в гроб» смущал и даже пугал соседей, особенно колдуна Козьму тем, что не могли они понять, «откуда этот Никифор пришел, от какого духа» [3, с. 30]. Никифор единственный, кто жалеет безнадежно больную Екатерину Петровну, которую родственники хотят похоронить заживо. Только перед ним Екатерина Петровна не хочет притворяться, а переглядывается с ним «огненным взглядом». И только Никифору понятен подлинный смысл происходящего («мир — плохая сказка»), сокрытый от взрослых.

По словам старца Зосимы в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», дети «безгрешны, яко ангелы, и живут для умиления нашего, для очищения сердец наших, и как некое указание нам» (курсив наш — Р.С.) [4, XIV, с. 289]. Так, в рассказе Мамлеева «Вечерние думы» умиляющее и очищающее действие на «пожилого убийцу и вора с солидным стажем» Михаила Викторовича Саве-

¹ Например, нет ни слова о Мамлееве в учебном пособии по современной русской литературе Н.Л. Лейдермана и М.Н. Липовецкого «Современная русская литература» в 3 т. М., 2001, а также в большом путеводителе, составленном С. Чуприниным, «Русская литература сегодня». М., 2007 и др.

² В данной статье автор продолжает исследование творчества Ю.В. Мамлеева, начатое в монографии «О «соприкосновении мирам иным»: Ф. Достоевский и Ю. Мамлеев». Екатеринбург—Барнаул, 2007 и др. статья.

лева оказал младенец. Действие происходит в день Пасхи. Тогда еще молодой и осатанелый Савельев, забравшись в чужую квартиру, убивает топором двух взрослых людей, мужа и жену. «Вдруг из ванны, она в глубине коридора была, мальчик ихний выходит: крошка лет пяти, он еще ничего не видел и не понял, весь беленький, невинный, светлый и нежненький. Смотрит на меня, на дядю, и вдруг говорит: «Христос воскрес!» — и взглянул на меня так ласково, радостно. И правда, Пасха была. Со мной дурно сделалось. В одно мгновение как молния по телу прошла — и я грохнулся на пол без сознания» [3, с. 21]. Малец-немышльниш произносит здесь спасительное слово. И слово это обладает возрождающей силой: «метафизический анекдот» на всю жизнь запал в душу преступника и привел его, наконец, к покаянию и монастырю.

У Мамлеева погруженность в тайну трансцендентного — особое свойство детей. Они, несмотря на кажущуюся примитивность и простоту, способны чувствовать, слышать, воспринимать голоса иного бытия. В изображении таких детей, являющихся «выявленной мыслью Божьей», «единственной бесспорной безгрешностью» (Н. Бердяев), проявляется, на наш взгляд, переосмысленная традиция Достоевского. Известно, что Достоевский изображает необыкновенных детей, носителей мировой скорби, вроде Нелли Смит (роман «Униженные и оскорбленные»), рано задумавшихся детей (Нечочка Незванова, Илюшечка Снегирев), пораженных неблагообразием своих отцов, философствующих подростков, вроде Коли Красоткина. У Мамлеева необычные дети подобны умудренным тяжким опытом «метафизическим старичкам»; незадолго до всякого опыта чувствуют скрытую от других высшую правду.

Особую функцию играют образы хрупких вещей метафизических девочек в рассказах «Люди могил», «Простой человек», «Дикая история» — это очень важные, знаковые фигуры слагаемой писателем мифологии детства. В рассказе «Простой человек» встречу с русской метафизической девочкой как самую важную в жизни вспоминает в своей исповеди человек, обреченный умереть через два дня: «таков уж научный прогноз». Коротая свои последние дни в маленьком ресторанчике Мюнхена, «духовный эмигрант» вспоминает Россию — «не просто страну», поразившую его «какой-то высшей тоской, словно была символом далеких и таинственных сил» (3, с. 162). Но еще больше его поразила вышедшая из леса четырнадцатилетняя девочка, избитая, с синяками и кровью. «Она подошла поближе и заглянула мне в глаза. Это был взгляд, от которого сердце замерло и словно превратилось в комок бесконечной любви, отчаяния. Она простила меня этим взглядом. Простила за все, что есть бездонно-мерзкого в человеке, за все зло, и ад, и за ее кровь, и эти побои. Она ничего не сказала и пошла дальше тропинкой, уходящей к горизонту. Она была словно воскресшая Русь» [3, с. 163]. Эта девочка вдруг помогла герою понять, «что в этой бедной отрешенной природе, от одного вида которой пронзается душа, в этих домиках и храме вдалеке, в этой стране таится намек на то, что никогда полностью не понять и что выходит за пределы мира сего...» [3, с. 162].

Образ подобной и в тоже время совсем другой, внешне схожей, а внутренне исполненной иной сути, метафизической девочки еще появится в рассказах Мамлеева. А прототипом его является героиня новеллы Достоевского «Сон смешного человека». Там жалкая девочка из нищих, обратившись за помощью к герою, «смешному че-

ловеку», спасла его от самоубийства: в первый момент он отвернулся, а потом пожалел ее «до какой-то даже странной боли и совсем даже невероятной» (1, XXV, с. 107) и эта боль направила его мысль в «другую сторону»: «Я как бы уже не мог умереть теперь, чего-то не разрешив предварительно» (1, XXV, с. 108). А когда он обрел «истину», понял, что смысл человеческого существования в любви и христианском самоотвержении, ему захотелось вновь увидеть эту маленькую девочку с «жизнечувствием блаженного детства», ставшую для него символом начала спасительного для человечества пути: «А ту маленькую девочку я отыскал <...> И пойду и пойду!» (4, XXV, с. 119) — так заканчивается «Сон смешного человека». Девочка здесь — «трансцендентное зеркало», «глядя в которое возможно узреть живое бытие личной Вечности» [1].

В рассказе «Люди могил» хрупкая «совсем недетская» девочка («черная такая, как черный огонь») с «взглядом из тьмы», «черной пустоты» выступает в роли вестницы из мира тьмы. Здесь радикально переосмыслен достоевский мотив встречи героя с метафизической девочкой в новелле «Сон смешного человека». «Эта девочка внезапно <...> посмотрела в мои глаза. Взгляд был тяжелый, несоизмеримый бытию. И она коснулась меня рукой. Прогло меня черным светом изнутри и, влекомый им, я пошел» [3, с. 124]. Таким образом, функция девочки в этом рассказе прямо противоположна той, что выполняют девочки из рассказов «Сон смешного человека» Достоевского и «Простой человек» Мамлеева. Но героя-подростка спасает «внутренний свет», живущий в нем и отмеченный стариком-провидцем, свет этот, видимо, перешел ему в наследство от матери, которую он увидел здесь же, во сне, раздираемый метафизическими припадками. Не смогла увести героя девочка с тяжелым взглядом туда, «куда и мертвым нет пути». Проекцией тайной внутренней жизни подростка явился появившийся светящийся шар, испепеливший чары девочки могил.

В рассказе «Дикая история» уродец Андрияша Куренков получает предложение от соседки по коммунальной квартире старушки Ведьмы Петровны жениться на ней и под ее нажимом соглашается на брак, но свадьбу свою он неожиданно проспал, а вскоре его сшибло трамваем и отрезало голову. Смерть Андрияши осуществила его давнее желание — лечь рядом с покойницей-матерью, пожалеть ее, однурукою. И сам он впервые вызвал к себе жалость и настоящую любовь только после смерти. Любовь эту высказала ему тринадцатилетняя девочка Наташа. «Девочка эта всех поражала: волосы соломенные, золотистые, прямо из русской сказки, сама худенькая, а глаза большие, синие — но не этим она всех ошеломляла, а выражением глаз своих, правда иногда и поступком удивляла» [3, с. 189]. Наташа наклонилась и с нежностью поцеловала отрезанную голову Андрияши три раза, как будто прощаясь.

Пустой бездуховной жизни людей, до глубокой старости стремившихся к одним чувственным удовольствиям, здесь противопоставлена потребность иного, «высшего света» и бесконечной любви. И вновь символом этой любви является хрупкая девочка с загадочным взглядом.

Таким образом, детство в художественном мире Ю. Мамлеева — «мыслеобразующая духовная субстанция», еще один «ключ» к разгадке тайны человека: «нельзя в людях увидеть ответ Царства Божия, если не доберемся до той глубины, в которой люди близки детям» [2].

Библиографический список

1. Франк С. Непостижимое [Электронный ресурс]: <http://www.vehi.net/frank/nepost/index.html>
2. Зеньковский В.В. Психология детства [Электронный ресурс]: <http://needknow.avmoskalenko.ru/VVZenk01/index.htm>
3. Мамлеев Ю.В. Черное зеркало. М.: Вагриус, 2001.
4. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972-1990.
5. Мамлеев Ю.: В моих произведениях нет смерти. Беседа Р. Семькиной с Ю.В. Мамлеевым // Литературная газета. Алтай. 2006. №10.

Статья поступила в редакцию 3.09.08.

Раздел 3

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Ведущие эксперты раздела:

ЛИДИЯ ПАВЛОВНА ГЕКМАН — доктор культурологии, профессор Алтайской государственной академии культуры и искусства (г. Барнаул)
 ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА ПЕРВУШИНА — кандидат культурологии, доцент, проректор по научной работе АлтГАКИ (г. Барнаул)

УДК 398.224(=512.1)(571.1/5):130.2

М.В. Егоровичкин, ас. АлтГУ, г. Барнаул

НАРРАТИВНЫЕ ИЗОТОПИИ ГЕРОИЧЕСКОЙ ЭПИКИ ТЮРКОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

На основании концепции изотопии, разработанной А.-Ж. Греймасом, в работе устанавливается би-изотопная организация героической эпикой тюрков Южной Сибири. Установление производится через культурологическое исследование телесных характеристик героя и антагониста, а также рассмотрение характеристик эпической вещи.

Ключевые слова: би-изотопная организация героической эпикой, эпика тюрков Южной Сибири, нарративные изотопии героической эпикой.

Обращение к фольклорному тексту есть всегда погружение в некое *целое*. При этом целостность определяется не столько ее *воспринимающим предположением*, сколько имманентной организацией произведения. Более того, *целое* может приводить к ассоциации ряда произведений. Здесь возможна как *синтагматическая* ассоциация, которая реализуется в биографических и генеалогических циклизациях, так и *парадигматическая*, заданная различными формами универсальности (аксиологической, онтологической, архетипической, ритуальной и т.д.).

Цель настоящей работы заключается в установлении возможного основания целостности героической эпикой тюрков Южной Сибири. В качестве методологического ориентира предполагаются разработки концепции *изотопии*, принадлежащие классиком французской структурной аналитики А.-Ж. Греймасу.

Как известно, необходимость введения изотопии непосредственно связана с обнаружением целостности: «...выходя за узкие рамки *сообщения* и благодаря понятию *изотопии*, мы пытаемся показать, как целые тексты оказываются на однородных семантических уровнях и как масштабное означаемое, принадлежащее некоей означющей совокупности, вместо того чтобы (как предполагает Ельмслев) быть постулируемым *a priori*, может интерпретироваться как структурная реальность лингвистического проявления» [6, с. 76]. Вместе с установлением семантического единства, которое порождается изотопиями различного порядка, А.-Ж. Греймас определяет изотопию как условие успешной прагматической реализации: «Под изотопией мы понимаем избыточную совокупность семантических категорий, которая делает возможным такое единообразное прочтение нарратива, что оно вытекает из частичных прочтений высказываний и разрешения их многозначности, стремясь при этом к единственному прочтению» [5, с. 111].

Представленные определения раскрывают содержание *семантической изотопии*. Однако, А.-Ж. Греймас не остается только в пределах лингвистической семантики, и утверждает применимость изотопного анализа для *более высокого уровня* (однако см. критику иерархической организации дискурса и подробно разработку *одномерной* интерпретации изотопий в «Интерпретирующей семантике» Ф. Растье [15, 2001]), уровня нарратива. Помимо изотопий языкового универсума могут быть установлены повествовательные изотопные *механизмы* целостности. При этом, согласно А.-Ж. Греймасу: «Нарративная изотопия определяется некоей антропоцентрической перспективой; она представляет повествование в виде последовательности событий, участники которых — живые существа, действующие сами или приводимые в действие» [5, с. 111], что подтверждают основания морфологии В.Я. Проппа, мифологической структуры К. Леви-Строса, диаграммы диад К. Брето и Н. Заньоли, а также собственно актантажная теория А.-Ж. Греймаса.

Таким образом, установление изотопий героического эпоса тюрков Южной Сибири может быть осуществлено на основании характеристик *героя* и *антагониста*. Обратимся к наиболее показательной компоненте эпического образа — телу действующего субъекта. Начнем с рассмотрения антагониста.

Для неслучайных повествований тюрков Южной Сибири по отношению к антагонисту характерно употребление следующего номинативного ряда: алт. *монгус* — ‘сильный’, ‘великан’, ‘паразит’, ‘тунеядец’, ‘дармоед’, миф. ‘чудовище’; куманд. *могус* ‘проворный’, ‘ловкий’. (*сары мангыс* — ‘желтые быстро скачущие гады’, ‘обжора’, ‘вампир’; *андалма муус* — ‘сотворенное Эрликом морское чудовище, которое посредством длинного языка схватывает людей’); тув. *мангыс* — миф. ‘упырь’, ‘чудовище’, ‘обжора’, ‘дармоед’ (*амырга мангыс* ~ *амырга моос* — миф. ‘чудовище’); хак. *моос* ~ *моосмал* — ‘чудо-

вище», «пожиратель людей, мифическое человекообразное существо с копытами» [22, с. 252]; як. *мангыс* ~ *магыс* ~ *монгус* ~ *могус* — «ненасытный, жадный обжора», сказ. «едун», «название двух родов» (*могус киһи* — сказ. «сильный, прожорливый и очень глупый»); уйг. *мангге* — «черт»; бур. *мангадхай* — «многоголовое чудовище»; монг. *мангус* — «сказочное чудовище»; при этом др.-тюрк. *моус* ~ *моус* — «маг», «волхв» [9, с. 346]. Как полагает Н.А. Яимова, компонент *монгус*, наряду с *жел* — «злой дух», входит в киргиз. *желмонгус* ~ *жалмаус* — «обжора», «многоголовое чудовище». В свою очередь, *желмонгус* ~ *жалмаус* на уровне семантики образа, ассоциируется с таким персонажем алтайского фольклора, как *Желбеген* (Дельбеген) — одно-, трех-, семи-, двенадцатиголовый людоед [25].

Если ограничиться фольклорным контекстом употребления, то семантические компоненты представленных номинаций могут быть распределены согласно следующим группам. Во-первых, группа *данности*, которая может быть представлена через различительные признаки /антропоморфный/ vs /неантропоморфный/, /активный/ vs /пассивный/. Категории данной группы являются собственными характеристиками тела. Во-вторых, группа *функции*, все представленные единицы так или иначе связаны с компонентом /поглощение/.

Данный компонентный перечень реализуется не только на языковом уровне, но и на уровне вторичных моделирующих систем. Так парный персонаж Дьек-Дылана (ср. тюрк. *jalaŋ* ~ *alaŋ*; алт. *йалаң*, шор. *чалаң*, тув. *алаң* ~ *аланды* — «равнина», «долина», «полесье», «луг»; в др.-тюрк. — «голый», «нагой», «обнаженный». Достаточно интересные семантики дают нан. *нйана* ~ *н'ала* — «место затопленное в половодье», як. *нал* — «мелкая луговая вода»; или, например, в уральских языках: фин. *ala* — «место», «область», «поприще», эст. *ala* — «область», «нижний», самоед. *qılna* — «нижний», «под». Ряснен в свою очередь проводит сближение указанных форм с тюркской основой *jalpa ~ др.-тюрк. *jalba* — «плоский», «глупый» [см.: 8, с. 139-141]) алтайского сказания «Кан-Алтын» представлен следующим образом: «У самца Дьек-Дылана / Верхняя губа Верхнего мира достает, / Нижняя губа до Нижнего мира доходит; / Все, что на пути попадается, / Заглатывая, <Дьек-Дылана> приближается. / Грудь его, если взглянуть, / Через сорок гор перекинулась, / Круп его, если посмотреть, / Через семьдесят гор перекинулся, / Волочащийся <хвост> его / Слово крутой склон горы <протянулся> — / <Таким он> приближался» [1, ст. 1654-1675]. Настоящий фрагмент указывает предельную форму реализации тела антагониста. Здесь представлен процесс *поглощения* антагонистом эпического пространства-времени. При этом телесные характеристики вредителя превосходят границы *среднего мира* настолько, что становится затруднительным определить собственно *внешнее* образа. Антагонист представляется как нечто аморфное, некий *поток тела* (губы, грудь, хвост и т.д.); поверхность миметически воспроизводит содержание соответственной изотопии: *не имеющего установления, или оформленности /поглощение/*.

Здесь нельзя не заметить, что актуализация вредителя (и соответственная экстенсия тела), как правило, осуществляется в ситуации *встречи с героем*; при этом либо антагонист нападает на *locus* героя, либо герой предпринимает сверхдальнюю отлучку для встречи с антагонистом. Например, в тувинском тексте «Хунан-Кара», вредитель находится в пределах героического *locus'a*, скрываясь под маской *шулбу* (алт. *шулмус* ~ *чулмус* — «подземный дух, выходящий на землю, принимающий облик людей и творящий зло» [25, с. 190]), над которым герой одерживает победу уже в период своего

детства: «А мужчина-шулбу / Став Амырга-Кара-мангысом, / Своей нижней губой / В Нижнем мире / Взметающий прах, / Своей верхней губой / В Верхнем мире / Разгоняющий облака, / Через трое суток / Приготовился / Поселения-аалы, / Подданный люд, / Потомство-детей проглотить!» [20, ст. 670-680].

Представленный вариант образа антагониста существенно дополняет его инвариантное представление, что, прежде всего, касается аппарата поглощения. Здесь вредитель не только превосходит границы *среднего мира*, но, по существу, равен эпической реальности в целом (включая *нижний* и *верхний миры*), так как он достигает самых ее пределов. При этом в отношении иных фрагментов тела, и тем более анатомии в целом, не может быть сказано ничего положительного, помимо того, что тело антагониста довольно неустойчиво в порядке его морфологических качеств. С другой стороны, возможно, данный фрагмент как раз проливает свет на тело вредителя: здесь аппарат поглощения представляет собой не столько метонимию, указывающую на тело, сколько на целое тела, некую образную сингулярность.

Нужно отметить, что тип представленной постановки вредителя является относительно редким. Более распространенной формой оказывается *периферийное* расположение тела *антагониста*. Таковой может считаться локализация Каракулы в алтайском эпосе «Алтай Бучый»: «Необыкновенная гора, говоришь, это и есть тот зверь, на которого ты поехал. Два круглых озера говоришь: это два глаза. Говоришь, черная горка — это будет его нос; если черный туман повертывается перед горкой, это его дыхание / Безбоязненный он сам (т.е. <герой> Ерке-Мөндүр) перепугался: само сердце замерло. Как тал, от прибоа воды, он трясется. / — Знал бы это, сюда бы не поехал. / Каракула с месячного расстояния учуял запах, встал на ноги, зарычал, слышно было в верхних областях (үстүги орон). Три Курбустана услышали его рычание. Улегшись зарычал, в нижних областях стало слышно. Народы шестидесяти царей все слышали» [2, с. 34-35]. Несмотря на размеры тела антагониста и его достаточную удаленность, тем не менее, он не способен поглотить эпическую реальность в целом. Здесь *верхнего* и *нижнего миров* достигает только рычание, своеобразно компенсирующее образ. При этом Каракула неоднозначный герой эпических повествований, он не может быть сведен только к отрицательному *актантно*-му списку.

Представленные выше варианты телесности относятся скорее к *мифологическому* коду, нежели коду *историческому*. Однако героическая эпика тюрков Южной Сибири располагает образами, включающими *исторические* компоненты. Таковым, например, является Кан-Таады-Бий алтайского сказания «Очи-Бала»: «Череп человека ему чашей был, / Кости человека ему посохом были, / Кровью человека жажду он утолял. / Под семи слоями земли живущему / Эрлик-пию племянником доводился. / <Ему> шестьдесят лет на исходе было, / К своим семидесяти годам приближался, / Умереть ему не суждено было» [1, с. 414-421]; но перед смертью: «От горя мой *каан* / Заплакал, <руками> на <горячие> угли падая, / Небо раскалывая, / Стал кричать, / Весь Алтай оглушая, / Стал визжать. / Его гневно-злостный крик / Отцу Эрлику был слышен — / Эрлик-пию уши / Вмиг заложило. / Клекот-свист испустил — / До самого Неба было слышно, / Ульген-пию уши / Вмиг заложило» [1, ст. 3279-3292]. Здесь без труда узнаются знакомые черты. Это и склонность к антропофагии, и характер локализации, и, в конце концов, пронзительный крик антагониста, который достигает всех уголков эпического мира. С другой стороны, контуры тела почти окончательно модифицируются (ср. предельно *антро-*

поморфные образы Арная и Чарная из сказания «Алтай-Бучый», которые тем не менее не утрачивают *поглощающей* семантики: «Жадными родившиеся прожоры» [18, с. 100]); в его образе проступают признаки *антропоморфной телесности*. За этими трансформациями поверхности, безусловно, скрывается внутриобразные семантические смещения. Здесь антагонист — не угроза существования эпической реальности как таковой, но угроза качества ее осуществления: вредитель пытается завладеть реальностью не через ее тотальное *поглощение*, а через порабощение (по существу, *поглощение социального*; социальное становится *питательной средой*).

Таким образом, именно /поглощение/ составляет нарративную изотопию *отрицательной* актантной среды. При этом тело самого актанта реализует как признаки /*антропоморфности*/, так и его отрицание (однако данные признаки никогда не реализуются в чистом виде, в силу известных качеств рассматриваемого жанра). В свою очередь, признаки /*активности*/ vs /*пассивности*/ напрямую зависят от степени включенности антагониста в эпическую реальность. Однако, несмотря на то что на уровне образности Каракула в известном смысле оппозитивен Кан-Таады-Бию как: /*неантропоморфный*/ + /*пассивный*/ vs /*антропоморфный*/ + /*активный*/, они являются включенными в общее поле *изотопии* /поглощение/.

Изотопия, реконструируемая на основании характеристик тела *героя*, не является столь выразительно представленной, однако, определенным образом выводима в контексте рассмотрения телесных качеств *антагониста*. Это становится очевидным уже на уровне лексикологии. Наиболее часто встречаемыми терминами героической определенности являются: во-первых, термины, относимые к корню монг. *xân* — ‘бескрайний’, ‘просторный’, ‘огромный’, ‘величественный’. От указанных значений *xân*, в форме мн. ч. *xâd*, образуются семантические филиации — ‘посланцы с небесных просторов, с величественного, божественного неба, ставшие владыками гор и местностей’. В дальнейшем семантика *xân* ~ *хаан* ~ *хаган* ~ *каган* (также тюрк. *қан* ~ *кан* ~ *каан* и т.д.) связана с титулом — ‘великий, царственный владыка земли’ [3; 19]. Во-вторых, с сугубо воинскими и богатырскими терминами, такими как: *алып* ~ *алп* ~ *улân*; *ба:тыр* ~ *па:ттыр* ~ *матыр* ~ *багатур*; *боке* ~ *боко* ~ *богу* ~ *моуе*, имеющих преимущественно следующий ряд значений — ‘герой’, ‘богатырь’, ‘витязь’, ‘атлет’, ‘силач’, ‘боец’, ‘меткий стрелок’, ‘храбрость’, ‘смелость’, ‘мужество’, ‘великан’, ‘исполин’, ‘большой’, ‘крупный’, ‘трудный’, ‘тяжелый’ [16, с. 139; 17, с. 82 — 84, 211 — 212; 24, с. 76; см. также: 11, с. 13 — 17].

Исходя из представленных значений, *изотопия* может быть определена категорией /установление/. При этом в отличие от антагониста степень /*антропоморфности*/ героя значительно выше, а реализация признака /*неантропоморфный*/, является скорее положительной, так как в основном связана с хитростью, боевой мощью и итоговой *трансфигурацией* героя. В свою очередь, героическая /*активность*/ и /*пассивность*/ определяет пространственную организацию эпического произведения и его сюжетное развитие [см.: 13; 10].

Реализацией /установления/ в первую очередь определяется внеположенность героического тела и, как следствия, героической судьбы: «Когда рождается человек, / Обыкновенный рождается человек — / Кто же видел, / Чтобы железный рождался человек? / Кто же видел, / Чтобы пуповина не перерезалась»; при этом: «Когда серые утки несущки / Сцепляются клювами, / Это примета, <что родился> ребенок, / Кому битвы-сражения суждены!» [20, с. 295-299, 259-262].

В контексте рассмотрения телесности достаточно неожиданной представляется экстезия образа героя, производимая посредством включения фигуры коня. «На красно-игренивого коня <вскочил>, / Словно летучая мышь, приник. / Между <пасущегося> скота, через все селение проехав, / На горную вершину он поднялся» [23, фр. 4 / с. 6-9]. По существу, происходящая ассоциация героя и коня приводит к формированию нового телесного образа; героическая /*антропоморфность*/ дополняется /*неантропоморфными*/ качествами. Герой тюркской эпикологии вполне может быть представлен метафорой античного кентавра (ср. «Материальный мир кочевника — одежда, предметы быта, орудия труда, оружие — создан с учетом его совместного с конем использования. Кентавр — это не миф, порожденный сознанием человека, а образ культуры кочевников, сведенный к одному символу» [7, с. 147]). Посредством подключения фигуры коня осуществляется качественное расширение образа: герой получает возможность пересекать границы своего *locus'a* и осуществлять сверхдальние отлучки; при этом именно конь связан с функциями *предсказания, предостережения, коррекции деятельности* и проч. Только таким образом герой становится действительной реализацией /установления/.

Наиболее выразительным местом эпического повествования говорящего в пользу актуальности /установления/ является *трансфигурация*, на что со всей очевидностью указывает наказ Когюдей-Мергена: «Больше прежнего скота имейте, / Многочисленнее прежнего народ имейте, / Одной жизнью теперь живите, / Одной семьей теперь размножайтесь. / Землю всю попиравшего / Жадного каана я уничтожил, / В подземном царстве господствующего / Эрлик-бия уничтожил. / Теперь к вам с пикой в руке / Враг не придет, не вторгнется, / В подземное царство в рабство / Эрлик вас не уведет. / На лунно-солнечном Алтае / Мирно-спокойно живите, / Детей своих растя, / Счастливой жизнью живите. / Я же сам на небо поднимусь, / Стану яркой звездой, / За жизнь народа буду смотреть, / Снизу меня будет видно» [12, ст. 7695-7709]. Итоговый образ героя окончательно скрывает релевантность определения *изотопии* как /установление/, так как только героическая внеположенность делает ее возможной.

Итак, на основании структурной значимости противопоставления *герой* vs *антагонист* представляется возможным полагать, что *изотопная* организация эпического повествования представляет собой *би-изотопию*: /установление/ vs /поглощение/. Именно посредством данной оппозиции устанавливается целостность эпического нарратива.

Однако данное заключение нуждается в верификации. Факт конструктивной значимости противопоставления *герой* vs *антагонист* определяется постановкой актанта в качестве *нарративной точки*, движение которой совпадает с движением сюжета, и, следовательно, ее функционированием в качестве *точки сборки*, которая формирует определенную *актантную среду*. Как известно: «Пространственная близость — первичная форма выражения смысловой связи» [4, с. 71]. Следовательно, верификация *би-изотопной* организации текста возможна на основании актантного окружения.

Вернемся к последним словам Когюдей-Мергена, вернее, к тому месту «Маадай-Кара», когда наказ только что сказан: «Сказав такие слова, / Прославленный Когюдей-Мерген / И супруга его Алтын-Кюсю, / Ставши звездами, улетели. / В глубине синего неба / Есть созвездие Семи Каанов — / Это семь одинаковых Когюдей-Мергенов / На свадьбу едут, говорят. / Есть звезда Золотой Кол — / Это единственная дочь Ай-Каана / Алтын-Кюсю, говорят. / Есть созвездие под названием

Три Маралухи, / А над ним повыше / Есть одинокая красная звезда — / Это брюхо марала прострелившая / Когюдей-Мергена богатыря / Кровавая стрела, говорят» [12, ст. 7715 — 7731]. Стрела героя, ставшая астральным телом, ставит вопрос о необходимости исследовательского значения вещи, которая представляет собой одну из наиболее значимых компонент актантной среды. Именно рассмотрение характеристик вещи является наиболее надежным способом верификации *би-изотопии*.

При этом совершенно очевидна вещная множественность, включенная в актантное окружение; изотопия на нарративном уровне реализуется в виде некоторой *разнопорядковой констелляции*, плотность которой определяет состояние и статус эпического места.

Фрагментом, характеризующимся высокой плотностью, представляется, например, приезд Кан-Алтына, героя одноименного алтайского эпоса, на *'алтай* отца и матери': «Ехал, всматриваясь, <и увидел>: / Достигая бело-синего неба, / Ак-Сюмер, гора его, показалась, / Ак-Сют-озеро, мать-алтай его, завиднелось. / К матери-алтаю своему подъехал, / С Кан-Дьерена своего соскочив, / Из шкур семидесяти волов / Плеть с острыми зубцами / Узорной рукояткой в землю втыкает, / Шестидесятисаженный белый повод, / Трижды свернув, <на землю> бросает. / Черную бобровую шапку свою сняв, / Под мышку сунул. / Отцу своему, Ак-Сюмер-горе, кланяется, / Матери своей, Ак-Сют-озеру, кланяется, / Ак-Сюмер-горы песок лижет, / Из Ак-Сют-озера, матери своей, пьет. / После этого / В боковой карман руку свою опускает, / Золотой шор (продольная травяная флейта. — М. Е.) свой с шестью суставами достает, / К луне направив, играет — / Луна будто бы приопустилась. / Медный шор свой с семью суставами достает, / К солнцу направив, стал играть — / Солнце будто бы приопустилось» [1, с. 238-262]. Констелляция внутри данного фрагмента настолько плотная, что принадлежность каждой компоненты к /установлению/ не вызывает никаких сомнений. Очевидно, что в пределах родовой местности (в первую очередь, *родовой горы* и *родового озера*) вещь утрачивает свою *рациональную* данность и приобретает подлинную глубину; *плеть, повод, шор* — вещи, которые ориентируют место, раскрывают его герою, но в то же самое время присваивают героя местности. Это вещи *пространственного /установления/*, то есть вещи, включенные в ряд осевых вариаций.

Однако вещь может быть, вместе с тем, связана с установлением *времени*. Так, например, в хакасском «Ай-Хуучин» данную функцию выполняет стол: «Умывшись, достойный муж / За золотой стол сел, / Еду ел, питье пил» [21, ст. 107-109]; «Старый год миновал, / До нового года дожили. / Однажды утром Хан-Мирген / За стол сел / С женой Хан-Хыс, / Со страшнотойкой Хыс-Хан» [ст. 2640-2645]; кстати многие сюжетные фрагменты эпоса также связаны с ним, «Услышав это, Хыс-Хан / Из-за золотого стола поднялась, / Деву всю передернуло, / Глаза она сощурила» [ст. 142-145]. По существу, каждый временной период и значительное событие данного произведения начинается или заканчивается за 'круглым золотым столом'; это *устанавливает* во временной действительности некие опорные точки, тем самым делая действительной саму длительность.

В свете сказанного необходимо отметить принципиальную изотопную одномерность вещи. Даже если вещь является *местом* пересечения различных семантических признаков, актуальность которых зависит от ее употребления (имеются в виду формы *культурной vs вне-культурной* деятельности [см.: 14, с. 143-146]), тем не менее, она всегда принадлежит *конкретной изотопии*, и, значит, всегда — в случае ее *положительности* — устанавливает окружение (вне зависимости от

значения и плотности контекста). Отсюда, прагматика вещи сопровождается скорее имманентными смещениями, углублениями сингулярности, нежели семантическими трансформациями.

Дальнейшая верификация /установления/ не представляется необходимой. По всей видимости, любая вещь, относимая к *положительной актантной среде* (не только предмет домашнего обихода, но тем более оружие героя или конская сбруя), принадлежит соответствующей *изотопии*.

Обратимся теперь к рассмотрению характеристик вещи, принадлежащей окружению *антагониста*.

Очевидно, что вещь, включенная в *отрицательную* актантную среду, на повествовательном уровне ориентирована на /поглощение/ *положительных* констелляций. Так, например, известное место в «Маадай-Кара», когда один из семи Когюдей-Мергенов участвует в забеге женихов, содержит довольно любопытное представление 'золотой винной чашки': «Несчастный Прыгун, схватив <чашечку>, / До дна ее выпил, — / Старуха не успела руку убрать, / Как он вниз лицом упал. / Увидев, что Прыгун упал, / Старуха Дьбелек / Золотом украшенной чашечкой / Левое ухо его закрыла, / На рыжего мотылька сев, / Обратно вернулась», — герой засыпает непробудным сном; однако, узнав о случившемся, — «Стреляющий Гусей выстрелил. / Выпущенная богатырем стрела / Без промаха в золотую чашечку попала. / На левом ухе лежавшая золотая чашечка, / Разбившись, по лугу разлетелась. / Как проснулся спящий Прыгун, / Сразу же прыгнул» [12, ст. 6510-6549]. Изотопика 'винной чашки' вполне очевидна. Однако прежде, чем приступить к анализу фрагмента, приведем еще одно предметное представление. Имеются в виду 'складной нож' и 'золотая плеть', принадлежащие отцу невесты Когюдей-Мергена. Пройдя все испытания, богатырь вместе с Алтын-Кюсю и ее приданным возвращается домой, но: «Когда до полпути добрались, / На светло-сером коне ездящий / Ай-Каан их догнал. / Девять гнезд имеющий нож-складень / Дочери своей он дал. / «Если из чашки какого-нибудь каана мясо придется есть, / Будешь им резать», — сказал. / Девятисаженную золотую плеть / Когюдей-Мергену дал. / «Когда скот погонишь, пригодится, / Мой сын, возьми», — сказал. / Сам назад поехал. / Много ли, мало ли времени прошло, / Белый скот Ай-Каана / С блянем и мычанием вслед за ним последовал. / Народ Ай-Каана, / Шумно <кочуя>, их догнал» [12, ст. 7192 — 7208].

Несмотря на характер сюжетных диад (в первом случае мифологическая диада — *Когюдей-Мерген vs старуха Дьбелек*; во втором историческая — *Когюдей-Мерген vs Ай-Каан*) вещи указанных отрывков «Маадай-Кара» представляются в качестве принадлежащих одной *изотопии*. Так, 'чашка с вином' погружает героя в крепкий сон (буквально поглощает его), который может стать *причиной неудачного сватовства*. В свою очередь, 'складной нож' увеличивает количество подданных, а следовательно, увеличивает расход имущества героя; и напротив, 'золотая девятисаженная плеть' лишает героя приданого скота, то есть необходимого имущества прироста. Таким образом, каждая из представленных вещей являет собой нарративную точку /поглощения/.

Итак, рассмотрение телесных характеристик героя и антагониста, а также вещи, включенной в соответствующую актантную среду, позволяет предположить, что эпическое повествование организовано как *изотопная асимметрия /установление/ vs /поглощение/*. Именно данной *би-изотопией* (но не оппозицией *космос vs хаос*, которая релевантна мифологическому нарративу, тогда как /установление/ vs /поглощение/ является ее семантической транспозицией) устанавливается целостность

эпического текста. Более того, *би-изотопия* является основанием единства всего эпического комплекса тюрков Южной Сибири.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии (проект №08-01-92004а/G, «Этносо-

циальные процессы и формирование синкретичных мировоззренческих систем у кочевников Алтая и Северо-Западной Монголии»)

Библиографический список

1. Алтайские героические сказания: Очи-Бала; Кан-Алтын / Сказители А. Калкин, Т. Чачияков, С. Савдин. — Новосибирск: Наука, 1997.
2. Аносский сборник / Зап. от сказителя Ч. Куранакова. — Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1995.
3. Бертагаев, Т.А. Об этимологии *xân* ~ *хаган*, *хатун* и об их отношении к *xâm* / Т.А. Бертагаев // Тюркологические исследования. — М.: Наука, 1976.
4. Бройтман, С.Н. Историческая поэтика / С.Н. Бройтман. — М.: РГГУ, 2001.
5. Греймас, А.-Ж. К теории интерпретации мифологического нарратива / А.-Ж. Греймас // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. — М.: Наука, 1985.
6. Греймас, А.-Ж. Структурная семантика: поиск метода / А.-Ж. Греймас. — М.: Академический Проект, 2004.
7. Даржа, В.К. Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников / В.К. Даржа. — Кызыл: Изд-во ТуВИКОПР СО РАН, 2003.
8. Дмитриева, Л.В. Этимология географических апеллятивов в тюркских и других алтайских языках / Л.В. Дмитриева // Алтайские этимологии. — Л.: Наука, 1984.
9. Древнетюркский словарь. — Л.: Наука, 1969.
10. Егорочкин, М.В. Обстоятельства места и формы времени эпического героя: построение частной грамматики / М.В. Егорочкин // Вопросы гуманитарных наук. 2007. № 2 (29).
11. Иванов, Вяч.Вс. Евразийские эпические мифологические мотивы / Вяч.Вс. Иванов // Евразийское пространство: звук, слово, образ. — М.: Языки славянской культуры, 2003.
12. Маадай-Кара: алтайский героический эпос / Сказитель А.Г. Калкин. — М.: Наука, 1973.
13. Неклюдов, С.Ю. Статические и динамические начала в пространственно-временной организации повествовательного фольклора / С.Ю. Неклюдов // Типологические исследования по фольклору. — М.: Наука, 1975.
14. Новик, Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме (опыт сопоставления структур) / Е.С. Новик. — М.: Наука, 1984.
15. Растье, Ф. Интерпретирующая семантика / Ф. Растье. — Нижний Новгород: Деком, 2001.
16. Севортыан, Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основа на гласные / Э.В. Севортыан. — М.: Наука, 1974.
17. Севортыан, Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основа на букву «Б» / Э.В. Севортыан. — М.: Наука, 1978.
18. Суразаков, С.С. Героическое сказание о богатыре Алтай-Буучае / С.С. Суразаков. — Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1961.
19. Таскин, В.С. О титулах *шаньюй* и *каган* / В.С. Таскин // Mongolica. — М.: Наука, 1986.
20. Тувинские героические сказания / Сказители Ч.-Х.Ч. Ооржак, М.Н. Ооржак. — Новосибирск: Наука, 1997.
21. Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин / Сказитель П.В. Курбижеков. — Новосибирск: Наука, 1997.
22. Хакасско-русский словарь. — Новосибирск: Наука, 2006.
23. Шорские героические сказания / Сказитель П.И. Кыдыяков. — М.: Новосибирск: Наука, 1998.
24. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». — М.: Восточная литература, 2003.
25. Яимова, Н.А. О сравнительном изучении фольклорной лексики (к этимологии слова *монгус*) / Н.А. Яимова // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. — Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1986.

Статья поступила в редакцию 15.05.08.

УДК 008

Д.Г. Емченко, аспирант ЧелГАКИ, г. Челябинск

МАРГИНАЛЬНЫЙ ТИП ЛИЧНОСТИ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ ТРАНСГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

В статье рассматривается маргинальный человек как ключевая личность в контексте взаимодействия культур в рамках трансграничного региона. Автор анализирует механизм видоизменения культурных национальных границ, в котором маргинальная личность является фигурой, жизненно существующей в «двух мирах».

Ключевые слова: маргинальная личность, национальное государство, пограничная цивилизация, трансграничный регион.

Национальное государство увековечивает себя благодаря длительному существованию на определённой территории. Это выражается в установлении административно-территориальной границы, идентификации граждан, возведении столицы и монументов славы, проектировании мемориалов, запечатлевающих события государственной истории или деяния граждан.

Однако одним только этим дело не ограничивается, ибо деятельность национального государства на своей территории двойственна. Формируя однородное и гомогенное пространство, скреплённое идеологией единства нации, государство одновременно санкционирует создание тюрем, аэропортов, радиостанций, парков, маршрутов и мест проведения различных религиозных, полити-

ческих и общественных мероприятий, гражданских процессов, то есть проводит пространственную гетерогенезацию, рассчитанную на поддержание внутренних различий, которые обеспечивают дисциплину, контроль, возможность мобилизации [4, с. 178-179].

Роль наций-государств, столь сильная в двадцатом веке, постепенно отходит на второй план. Такое ослабление и видоизменение культурных национальных границ государств стало возможным в последнее время, благодаря трем взаимосвязанным причинам — глобализации, интеграции и регионализации, следствием чего является усиление социокультурных связей «поверх» национальных границ.

Согласно концепции С. Хантингтона, на первый план выйдут так называемые «цивилизации». Вот как он сам определяет это понятие: «Цивилизация представляет собой некую культурную сущность. Деревни, регионы, этнические группы, народы, религиозные общины — все они обладают своей особой культурой, отражающей различные уровни культурной неоднородности. ...Цивилизации определяются наличием общих черт объективного порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, институты, — а также субъективной самоидентификацией людей» [3, с. 34].

Автор выделяет восемь цивилизаций: западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, православно-славянская, латиноамериканская и, возможно, африканская [3, с. 35].

Цивилизации, по мнению С. Хантингтона, не равнозначны, на разломах между ними будут происходить постоянные конфликты, и вот почему: «...различия между цивилизациями не просто реальны. Они — наиболее существенны. Цивилизации несхожи по своей истории, языку, культуре, традициям и, что самое важное, — религии... Эти различия складывались столетиями. Они более фундаментальны, чем различия между политическими режимами... в течение столетий самые затяжные и кровопролитные конфликты порождались именно различиями между цивилизациями» [3, с. 35].

Но даже деление на восемь цивилизаций весьма условно и не всегда применимо к тем или иным локальным сообществам. Так, мексиканский философ Л. Сеа, российские ученые Д. Лихачев, С. Семенов, А. Шемякин отмечают, что Латинская Америка, страны Балканского полуострова, как и Россия, являются продуктами синтеза различных культур, расовой и культурной метисации в зонах их контактов. Они представляют собой особую разнородность «пограничных» цивилизаций.

Пограничные цивилизации — это полиэтнические, по преимуществу, объединения, которые сложились на протяжении многих веков и даже тысячелетий в результате симбиоза — синтеза не только близкородственных, но и генетически далеко отстоящих друг от друга культур. Это общности, исторически сформировавшиеся на рубежах, стыках между христианским, исламским, буддистским и языческим мирами и включающие в себя, в различных комбинациях, многие их элементы. Эти объединения в силу обстоятельств географического и исторического порядка обладают специфическим историческим опытом конвергенции, культурного синтеза.

В то же время, контактной зоной межкультурного диалога смежных цивилизаций играют трансграничные регионы. Трансграничный регион — это потенциальный регион, разделенный суверенитетом соседствующих государств, обладающий комплексом национальных, региональных, зональных элементов с собственными характеристиками, отражающий их историко-культурное своеобразие, взаимодействующий между сопредельными регионами для сохране-

ния, управления и развития своего «жизненного» пространства.

Уже сам пограничный характер этих культурных зон как продукт взаимодействия разных цивилизаций обостряет их предрасположенность к коэволюции, их способность вбирать в себя различные элементы других культур, не разрушая их, а шлифуя, притирая друг к другу, и выявляя потенциальные общие точки роста.

Являясь гетерогенной по преимуществу, культура трансграничного региона обладает такими непременными свойствами, как полиморфность, толерантность, лабильность, предрасположенность к энергичному восприятию, усвоению, к творческой переработке «чужих» культурных ценностей, готовность поделиться «своими». Это — открытая культура, формирующая соответственный тип личности.

Такой тип личности человека, живущего и сознательно участвующего в культурной жизни и традициях двух разных народов, называют маргинальным (от латинского *marginalis* — пограничный, периферийный, находящийся на краю). Это человек на рубеже двух культур и двух обществ, которые никогда полностью не совпадут [1].

Маргинальная личность — это индивид, находящийся на границе двух различных, нередко конфликтующих между собой культур. Она является продуктом естественного культурного процесса, расширяющегося взаимодействия культур. Американский социолог Р. Парк этим понятием обозначил «такой тип личности, который появляется в то время и в том месте, где из конфликта рас и культур начинают появляться новые сообщества. Судьба обрекает этих людей на существование в двух мирах одновременно. Такой человек неизбежно становится индивидом с более широким горизонтом, более независимыми и рациональными взглядами» [2, с. 296].

Понятие маргинальности неразрывно связано с вопросом миграции. Человек определенной культуры вынужден осваивать иные, чуждые ему культурные ценности, социальные роли, образ жизни. В жизни мигранта, непосредственно столкнувшегося с «чуждой культурой», рано или поздно наступает период, когда старые привычки уже девальвировались, а новые еще не сформировались. В это время человек представляет собой некий культурный гибрид, в повседневном существовании которого сплетаются традиции, культура двух различных народов.

В теории Р. Парка маргинальный человек предстает как иммигрант, живущий «в двух мирах». Главное, что определяет природу маргинального человека, это чувство социальной дихотомии, раздвоенности и конфликта, когда старые привычки отброшены, а новые еще не сформированы, связанное с периодом переезда, перехода, определяемого как кризис. «Период перехода и кризиса в жизни большинства из нас сравнимы с тем, которые переживает иммигрант, когда он покидает родину, чтобы искать фортуны в чужой стране. Но в случае маргинального человека период кризиса относительно непрерывный. В результате он имеет тенденцию превращаться в тип личности» [5, с. 355]. Парк рассматривает маргинального человека как побочный продукт процесса аккультурации, когда люди различных культур и различных рас сходятся, чтобы продолжать общую жизнь.

Именно аккультурация, которая предполагает дву(мульти-)культурность, достигаемая в результате усвоения новой культуры в добавление к первоначальной и определяется как процесс взаимовлияния культур, восприятия одним народом, этносом полностью или частично культуры другого, а не ассимиляция, допускаю-

щая до стадии утраты культурной специфичности нации или этнической, конфессиональной, какой-либо иной группы, имеет место в современной действительности Дальнего Востока.

Аккультурация проявляется как временная форма, по своему характеру не ведущая к ассимиляции, но в конечном итоге предполагающая ее. Яркий пример — китайские диаспоры на территории России. Аккультуранты включаются в лоно другой культуры, дополняя свой первичный культурный потенциал новым, при этом для диаспоральных образований аккультурация является действенным способом сохранения и развития в новых условиях, а для принимающей страны — это доступ к дополнительным ресурсам развития за счет увеличения в своем составе различного, другого.

Идея Р. Парка была развита и переработана Э. Стоунквистом, который рассматривает маргинального человека как ключевую личность в контактах культур. «Стремясь интегрироваться в доминирующую группу общества, члены подчиненных групп приобщаются к ее культурным стандартам; формирующиеся таким образом «культурные гибриды» неизбежно оказываются в «маргинальной» ситуации — на краю доминирующей группы, никогда их полностью не принимающей, так и группы происхождения, отторгающей их как отступников» [6, с. 218]. Маргинальная среда — это область, где две культуры переплетаются и где осваивающая пространство культура комбинирует, объединяет особенности обеих культур. И в центре этого переплетения — маргинальный человек, борющийся за то, чтобы быть лидирующей личностью «между двух огней».

Это имеет прямое отношение к трансграничному региону на Дальнем Востоке России, в котором происходит взаимообогащение российской и китайской культур. В первую очередь, это касается российской стороны, у которой очень велик интерес к китайским гимнастическим и медитационным дыхательным упражнениям «ци гун», использование в современной медицине китайских методов исцеления акупунктуру и акупунктуру, изучение приёмов восточного единоборства «у-шу», распространение китайского религиозного принципа «фен-шуй» при конструировании домашнего интерьера в российских домах, интерес российского общества к китайскому гороскопу, согласно которому человек наделяется качествами какого-нибудь животного, соответствующего году рождения, распространение китайской кухни и т.д., с другой стороны, китайская сторона обогащается русским фольклором, классической литературой, живо проявляет интерес к русскому балету, школе фигурного катания и т.д.

Феномен маргинальной личности, присущий трансграничному региону, означает положение индивида в двух мирах или более мирах одновременно, не принадлежа ни к одному из них, быть в состоянии принимать внешние формы, которые определяют принадлежность к определенной национальности, религии или культуре, без действительного обладания ими. Это означает не иметь более «своей» системы ценностей, а только имитировать «чужую», поэтому маргинальная личность стремится принять и приспособиться к социокультурным нормам окружающей среды взаимодействующих культур.

Библиографический список

1. Джерри, Д. Большой толковый социологический словарь: в 2 т. Т.1 / Д. Джерри, Дж. Джерри. — М., 2001.
2. Парк, Р. Культурный конфликт и маргинальный человек / Р. Парк // *Общественные науки за рубежом. Сер. Социология.* — М., 1998. — №2.
3. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон // *Полис.* — М., 1994. — №1.
4. Appadurai, A. *modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization* / A. Appadurai. — Minneapolis, 1996.
5. Park, R.E. *Race and Culture* / R. E. Park. — Glencoe: Free press, 1950.
6. Stonequist, E.V. *The Marginal man. A Study in personality and culture conflict* / E.V. Stonequist. — NY: Russel & Russel, 1961.

Статья поступила в редакцию 11.05.08.

УДК 323

*Т.Ф. Кряклина, д-р филос. наук, проф. АлтАЭиП, г. Барнаул
А.П. Детков, канд. филос. наук, проф. АлтАЭиП, г. Барнаул*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

В статье анализируется феномен национализма в этнокультурологическом, философском и политологическом аспектах. Доказывается, что национализм — это естественный факт культуры (социальной, политической, художественной и др.), обеспечивающей процессы идентификации и самоидентификации этнических сообществ.

Ключевые слова: национализм, этническая культура, идентификация, самоидентификация этносов.

Проблемы национализма в современную эпоху относятся к числу наиболее актуальных и дискуссионных. Обстоятельный анализ этого понятия дал в своей работе «Нации и национализм» профессор Кембриджского университета Э. Геллнер. Он обосновал многозначность понятия национализм. Этим понятием обозначают: политический принцип, суть которого состоит в том, чтобы политическая и национальная единицы совпадали; чувство негодования, вызванное нарушением этого принципа, или чувство удовлетворения, вызванное его

осуществлением; теорию политической законности, смысл которой состоит в том, что этнические границы не должны пересекаться с политическими и т.д.

В данной статье речь пойдет о национализме, выражающем чувственно-эмоциональную сферу человеческого сознания. В таком аспекте национализм часто интерпретируют как философию или идеологию нации, выражение ее духа. Как правило, формирование национализма связывают с индустриальной стадией развития общества, с процессом формирования национальных го-

сударств. Именно в этот период наблюдается подъем национализма, который являет собой комплекс символов и убеждений, дающих индивиду чувство принадлежности к единой политической общности [3, с. 83]. Для подавляющего большинства народов Европы этот период относится к XVI-XVIII векам. Вот почему исследователи справедливо полагают, что национализм появляется с развитием современных государств. И как явление он историчен. Очень образно об историчности национализма отозвался выдающийся ученый-физик Альберт Эйнштейн, живший в XX столетии: «Национализм — это детская болезнь человечества, что-то вроде кори».

Современные этнополитические процессы, начавшиеся во II половине XX столетия, с новой силой заявили о национализме, ставшем одной из причин распада ряда государств: СССР, Югославии, Чехословакии.

Американские ученые-этнополитологи попытались дать объяснение современному национализму его видам и формам. По мнению Э. Смита, национализм — это стремление этнической общности к формированию собственной независимой нации [7]. Профессор Нью-Йоркского университета Л. Снайдер, используя категории, сложившиеся в западном обществоведении, разработал классификацию частно-научных дефиниций феномена национализма. В контексте политической науки он выделил следующие виды национализма: угнетенный национализм; ирредентистский национализм, народов, требующих освобождения от господства других народов; предупреждающий национализм, вызванный конкуренцией между современными национальными государствами; престижный национализм.

Выводы Л. Снайдера в определенной мере близки к марксистскому пониманию объективных факторов, определяющих и движущих национализм. В работе «Критические заметки по национальному вопросу» В.И. Ленин рассматривает два вида национализма: национализм нации, угнетающей и национализм нации, угнетенной, своеобразие и отличие которых должны учитывать политические партии при формировании своей стратегии по отношению к национальным движениям. Основу национализма как идеи и исторического движения, по мнению Л. Снайдера, составляет «национальный суверенитет».

Однако в современных исследованиях национализма американские исследователи включают в него наряду с политической и политической идеологией такие равнозначные с ними элементы, как культура, особые мировосприятие и ментальность, этническое самосознание.

После распада СССР в 1991 г. на его территории сформировалось 15 новых суверенных национальных государств из бывших республик. Россия в этой связи также должна была формировать себя как национальное государство в европейском смысле этого слова. А это означало, что ей было необходимо демаркированными границами (границами по земле и воде) четко отграничить свою территорию от территорий бывших советских республик, ныне суверенных национальных государств; формировать гражданское общество и правовое государство с характерными для них признаками такими как наличие национального суверенитета, разделение властей, признание верховенства закона, личных свобод и прав гражданина. И если процесс формирования и развития европейских государств как национальных исчисляется несколькими столетиями, то российская государственность в таком статусе формируется в течение последних десятилетий.

Процессы формирования российского национального государства сопровождаются формированием общероссийского национализма, понимаемого нами как комп-

лекса символов и убеждений, дающих индивиду чувство принадлежности к единой политической общности — гражданам России (россиянам). Общероссийский национализм — это некая система ценностей, чувств, убеждений, освещающих процесс формирования российского национального государства. Болезненность и неоднозначность этого процесса обусловлены тем, что Россия — полиэтническая страна. На территории России в настоящее время проживают 160 этносов, численность которых колеблется от нескольких сотен человек до нескольких десятков миллионов.

По данным Всероссийской переписи населения 2002 года установлено, что семь народов, населяющих Россию — русские, татары, украинцы, башкиры, чуваша, чеченцы и армяне, имеют численность, превышающую 1 млн. человек. Наиболее многочисленны русские. Они составляют 116 млн. человек или 80 % жителей страны. Около 1,5 млн. человек вообще не указали свою национальную принадлежность.

Таким образом, исторически сложилось так, что в общероссийском национализме значительна доля русской этничности, вокруг которой скрепляются этничности других народов России. Но это отнюдь не означает, что общероссийский национализм не может вступать в определенные противоречия с региональными или местными национализмами: русским, татарским, башкирским, чеченским т.д.

Большинство современных национальных государств многонациональны по составу населения. Местные национализмы (точнее этнонационализмы) часто возникают в пику общегосударственному национализму, стимулируемому развитием государства. Так, в Британии, например, шотландский и уэльский национализм нередко бросают вузов чувству принадлежности к «британцам» [3, с. 83].

Учитывая современные этнополитические процессы и реалии, американский исследователь Э. Смит определяет национализм как идеологическое течение, направленное на достижение и сохранение автономии, единства и самобытности социальной группы, которая самоосознает себя как этническую общность. Иными словами, национализм трактуется им как идеология, так и политическое движение этнического меньшинства, которое преследует 3 основные цели: обеспечение автономии и самоуправления; право на территорию; признание статуса своей культуры как равного с общегосударственной.

В современной политической литературе понятие национализм принято применять к доминирующему в обществе и государстве этносу, а этнонационализм — к этническому меньшинству. Определение национализма Э. Смита по существу характеризует этнонационализм малочисленных этносов и этнических групп.

Этническое самосознание индивида надолго сохраняется в памяти его этнические корни, традиции и культуру. И это характерно не только для народов России. Это явление повсеместно. Естественно в различных странах и регионах оно проявляется по-разному. Но даже в США, население которых будто бы давно переплывало в какую-то внациональную общность, сегодня практически каждый житель (исключая, если верить социологам, лишь одного из ста) твердо осознает свою вторую наряду с общей американской национальную, а вернее, этническую принадлежность. И держит в памяти, откуда прибыли в Новый Свет его отдаленные предки.

Что же говорить о европейских странах, где чувство национальной особенности содержит ныне и немалую долю общественного вызова? Так, например, среди жителей

Бельгии себя предпочитают считать не бельгийцами, а фламандцами, валлонами или брюссельцами почти половина населения. Свою причастность к единой испанской нации отвергает каждый второй обитатель Басконии, Галисии или Балеарских островов в Испании. И даже в Великобритании не менее двух третей шотландцев или уэльсцев с упорством не признают себя англичанами [1, с. 83].

Даже мощный унифицированный процесс, определяющий в наши дни жизнь Западной Европы, вовсе не означает для ее обитателей стирания национальных границ. Наоборот, как раз само объединительное движение видится им как единственный способ защитить свою национальную, историческую, культурную сущность, национальные экономические интересы перед лицом вызова со стороны великих мировых держав. По мнению французского историка Эрнеста Ренана, сформулировавшего свой вывод в начале XX века, национальная самобытность Европы определяется единым взглядом на будущее, стремлением выразить судьбоносный характер такого единения. В настоящее время Европа находится в процессе идейного цементирования своей самобытности и поиска новой политической идентичности [4, с. 43].

Новая политическая идентичность населения государств, входящих в Европейский Союз, становится предметом специального исследования философов, политологов, юристов. Какой должна быть политико-правовая модель устройства Европейского Союза и какое закрепление она должна получить в Конституции Европы? По мнению немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса, Европа сегодня находится на пороге осознания себя как новой политической общности и создания новой модели политического устройства, в которой бы сохранялись великие достижения европейского национального государства, выходя за его национальные границы [8, с. 63].

Если провести определенные параллели между структурой населения Европейского Союза и населения постсоветской России, можно сказать, что Россия находится в процессе формирования общероссийской национальной идентичности. Формирование общероссийского национализма обуславливает процесс развития и укрепления российского национального государства, включающий в себя как политические, так и этнические аспекты. Причем политические аспекты в этом процессе играют доминирующую роль и тем самым обуславливают движение общероссийского национализма в направлении гражданского варианта. В условиях модернизации общества и становления российского национального государства на первый план выдвигается необходимость формирования объединения граждан России. То, что гражданский интерес сегодня доминирует, доказывает как кризис национальных движений, в том числе весьма мощных (к примеру, татарского), так и тот политический выбор, который делает население в национальных автономиях России.

Весьма показательны в этом отношении итоги референдума 7 декабря 2003 г. в Коми-Пермяцком АО, 60% населения которого коми-пермяки. На этом референдуме 90% избирателей, пришедших к урнам для голосования, фактически высказались за упразднение национальной автономии и создание единого с Пермской областью субъекта Федерации [5, с. 134-135]. На таком исходе волеизъявления жителей округа, несомненно, сказались социальная специфика и особенности социально-экономической и этнокультурной эволюции региона в предшествующие десятилетия.

Однако это вовсе не означает, что с упразднением Коми-Пермяцкой автономии у представителей этно-

сов коми-пермяков механически исчезает этническое самосознание, этническая идентичность и этнонационализм. Речь здесь идет о разных уровнях и формах выражения этнической и общероссийской (общенациональной, общегосударственной) идентичности. Все несчастья нашего времени, по мнению американского исследователя Макартни, происходят от неправильно представлений о национальном государстве, от отождествления политических идеалов гражданского общества с национально-культурными идеалами общества граждан. И это в первую очередь относится к политической элите национальных меньшинств, представители которых очень часто придают этничности статусные признаки явлений политического характера. Так, например, наделяют особыми политическими правами «титულных этносов» российских автономий, формируют в массовом сознании населения региона стереотипы и мифологемы, противопоставляющие народы, типа «коренной этнос» — «инонациональное население» и т.д.

По материалам Всероссийской переписи 2002 г. в большинстве автономных республик и округов численность русских превышает численность коренного населения (так называемых титульных этносов) кроме Чувашской республики, республик Тыва, Башкортостан, Чеченской республики, республик Татарстан, Ингушетия, Калмыкия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Северная Осетия-Алания, Коми-Пермяцкого автономного округа, Агинского Бурятского автономного округа. Из 32 автономных республик и округов РФ только в 12 численность коренного населения превышает численность русских.

Еще более полиэтничен состав населения субъектов РФ, не являющихся автономиями. Так, например, в Алтайском крае в настоящее время проживают представители 141 этноса, представлено более двадцати конфессиональных направлений, среди которых наиболее динамичным является ислам.

В Алтайском крае накоплен уникальный опыт межэтнического и межконфессионального общения, который может быть интересен и для других субъектов РФ. Развитие региона тесно связано с развитием каждого этноса, в нем проживающего. В крае создана алтайская общественная организация «Ассоциация национально-культурных объединений» (АОО АНКО), которая объединяет представителей 16 национальностей. АОО АНКО занимается организацией и проведением традиционных национальных праздников, способствующих развитию межэтнического общения. Кроме того, в действующих соглашениях Алтайского края с российскими регионами и соседними государствами включен раздел о культурном сотрудничестве. Такие соглашения есть с государствами Беларусь и Казахстан, с республикой Татарстан. Краевые органы государственной власти намерены и дальше способствовать расширению межкультурных связей народов. В рамках создания положительного и привлекательного имиджа региона, а также развития приграничного сотрудничества в Алтайском крае ведется планомерная работа по решению межнациональных вопросов и этноконфессионального сотрудничества.

Однако в настоящее время в крае выявились некоторые проблемы в межэтнических отношениях. Они обусловлены высокой занятостью легальных и нелегальных выходцев из других стран почти во всех сферах экономики и производства края. С одной стороны, иммигранты восполняют недостаток рабочей силы там, где отказывается работать местное население, но, с другой стороны, — происходит большой отток денежных средств из России; возникают пробле-

мы с формированием общероссийского культурного единства.

Приезжие зачастую не признают традиций России, в которой начинают проживать и работать, но хотят воспринимать российский менталитет и культуру. Они пытаются выстраивать здесь свое «государство». В некоторых городах Дальнего Востока уже есть чайнатауны, где работают рестораны «только для китайцев», и в которых появление русского не желательно. На китайском рынке г. Барнаула половина продавцов китайцев плохо владеют русским языком. Опыт разрешения подобных проблем есть, например, в Евросоюзе, где желающие жить и работать за пределами своей страны в обязательном порядке сдают экзамены на знание языка, культуры, истории той страны, куда приезжают трудиться. При таком варианте решения проблемы появилось бы большая вероятность вхождения этнических групп в состав многонационального российского народа, участия в формировании и развитии общероссийской культуры.

Стереотипы и мифологемы, обосновывающие особые права титульных или доминирующих этносов, формирует бытовой национализм, который в разных формах проявляется в современной России. Бытовой национализм — это такая разновидность национализма, которая демонстрирует неуважение, пренебрежение к людям иной национальности, их традициям и культуре. Он может проявляться в прямых оскорблениях людей другой национальности, выражении чувств национальной нетерпимости, негодования, возмущения по поводу их проживания на территории России и т.д.

Проведенные ВЦИОМ в 2005 году социологические исследования мнения россиян по вопросу: «К представителям какой национальности Вы испытываете неприязнь?» показали, что 23% опрошенных назвали «кавказцев», 8% — «чеченцев», 3% — «цыган», 2% — «китайцев», 2% — «таджиков», 2% — «евреев». 34% опрошенных ответили, что такого народа нет.

Что может стать основой формирования неприязни одного народа к другому?

Причин этому может быть множество: прежде всего экономическая отсталость, экономическое неравенство народов, населяющих центральные и периферийные регионы (Так объясняет природу национальных движений концепция «внутреннего колониализма», авторами которой являются профессор социологии Вашингтонского университета М. Хехтер и английский социолог Т. Нэйрн).

Решающими факторами в таком конфликте могут оказаться: историческая память народа, особенно о несправедливостях по отношению к нему, уровень национального самосознания, национального достоинства, когда национальная независимость оказывается ценностью более высокой, чем материальные блага (Так утверждают сторонники «этнической позиции») [6, с. 69-81].

Сторонники новой этнической позиции в этнополитической науке признают равное значение для возникновения национальных движений единства как экономических интересов, так и иных факторов: физические различия, национальный язык, запрет на смешанные браки, религия, негативная историческая память и т.д.

Субъектами национальных движений выступают чаще всего этнические группы, так как у них наиболее ярко выражена групповая принадлежность и высокая психологическая ценность этнических уз. Этническая группа, по мнению исследователей, при определенных обстоятельствах может служить своеобразным инструментом в борьбе за власть, статус, благосостояние.

Что же все-таки объективно объединяет этнические группы (этнос), проживающие в одном национальном государстве? Прежде всего общая история совместной жизни, общность исторической судьбы, общегосударственные (общероссийские) ценности и идеалы, общая символика и общий набор показателей идентичности как социальных институтов граждан, подтверждающих их принадлежность к единой политической системе (в нашем случае) — российскому государству.

Библиографический список

1. Васильцов, С. Синдром политической «Робинзонады» / С. Васильцов // Родина. — 1989. — №9.
2. Ворсобин, В. Россияне полюбили евреев, но раздражены кавказцами / В. Ворсобин // Комсомольская правда. — 2005. — 16 августа.
3. Гидденс, Э. Политика, управление и государство / Э. Гидденс // Рубеж. Альманах социальных исследований. — 1992. — №3.
4. Геро, У. Европа обретает себя заново / У. Геро // Политика, культура, экономика и наука, Deutschland. — 2003. — №5.
5. Ковалев, В.А. Этничность и согражданство. Национальные движения в финно-угорских регионах РФ / В.А. Ковалев, Ю.П. Шабалев // Полис. — 2004. — №4.
6. Майборода, А.Н. Зарубежная этнополитология о природе национальных движений / А.Н. Майборода // Философская и социологическая мысль. — 1991. — №12.
7. Смит, Э. Национализм и модернизм. — М. 2003.
8. Хабермас, Ю. Почему Европе нужна конституция? / Ю. Хабермас // Политика, культура, экономика и наука. Deutschland. — 2001. — №6.

Статья поступила в редакцию 15.06.08.

Раздел 5

ПЕДАГОГИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Ведущие эксперты раздела:

АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ШАПОВАЛОВ — доктор педагогических наук, профессор Барнаульского государственного педагогического университета (г. Барнаул)

ЛЮДМИЛА СТЕПАНОВНА КОЛМОГорова — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии Барнаульского государственного педагогического университета (г. Барнаул)

Эксперты раздела:

НАДЕЖДА ИВАНОВНА КУДЕРМЕКОВА — кандидат педагогических наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)

ТАТЬЯНА ИВАНОВНА ЛУКЪЯНЕНКО — кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)

УДК 378

В.И. Земцова, д-р пед. наук, профессор, проректор по научной работе Орского гуманитарно-технологического института, действительный член Академии профессионального образования, г. Орск

И.А. Ткачева, соискатель Орского гуманитарно-технологического института, г. Орск

ТЕХНОЛОГИЯ РЕШЕНИЯ УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЗАДАЧ СО СТУДЕНТАМИ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

В статье раскрыта целесообразность применения образовательной технологии для развития исследовательской деятельности будущего инженера. Дано определение учебно-профессиональной исследовательской задачи, этапы ее решения, предложен сценарий практического занятия с использованием данной технологии, проиллюстрирована эффективность ее применения.

Ключевые слова: готовность инженера к исследовательской деятельности, учебно-профессиональная исследовательская задача, функционально-деятельностный подход, образовательная технология.

Государственный стандарт высшего профессионального образования рассматривает исследовательскую деятельность как одну из обязательных и необходимых составляющих профессиональной деятельности инженера независимо от его профилирующей специальности. Необходимость подготовки специалистов, способных к проведению различных видов исследования, отмечается и в концепции модернизации российского образования на период до 2010 года. В связи с этим, имеется необходимость в рассмотрении проблемы формирования готовности студентов к исследовательской деятельности.

Готовность инженера к исследовательской деятельности — это свойство личности, характеризующееся наличием знаний, умений и личностно-профессиональных качеств, необходимых для исследований производственных процессов и технологий.

В процессе проведенного исследования формирование указанной готовности осуществлялось в рамках методической системы подготовки студентов технических специальностей к исследовательской деятельности. В основе ее конструирования положен принцип интеграции методологии профессионального обучения и методологии научного исследования, а также функционально-деятельностный подход. Принцип интеграции методологии профессионального обучения и методологии научного исследования требует, чтобы содержание обучения, методы и формы его организации были на-

правлены на знакомство студентов с методологией научного познания.

Реализация функционально-деятельностного подхода и интеграция методологии профессионального обучения и методологии научного исследования осуществляется посредством образовательной технологии — решение студентами учебно-профессиональных исследовательских задач. Под **учебно-профессиональной исследовательской задачей** понимается ситуация, требующая от студента мыслительных и практических действий, направленных не только на овладение профессиональными знаниями и умениями, но также и на овладение исследовательскими умениями, на приобретение опыта исследовательской деятельности и на развитие творческого мышления. Техническое содержание условий учебно-профессиональных исследовательских задач позволяет студенту выполнять исследовательскую деятельность в процессе реализации функционально-деятельностного подхода.

Реализация принципа интеграции методологии профессионального обучения и научного исследования требует, чтобы процесс решения исследовательских задач соответствовал этапам научного исследования, т.е. состоял из цепочки действий.

1. Определенные цели и задачи исследования на основе анализа условия задачи.

2. Выявление взаимосвязей между техническими объектами, явлениями и процессами, описанными в за-

даче, поиск закономерностей, характерных для исследуемых процессов.

3. Формулирование гипотезы (либо гипотез) согласно целям исследования.

4. Получение следствий из гипотезы, конструирование модели на основе выдвинутой гипотезы.

5. Проверка гипотезы с помощью теоретического анализа построенной модели или с помощью эксперимента (для экспериментальных задач).

6. Проведение, при необходимости, корректировки гипотезы и соответствующей ей модели и последующей их проверки.

7. Анализ и оценка полученных результатов (поиск других возможных способов решения задачи, выбор из них наиболее рационального, указание области практического применения выделенных технических объектов и оценка их эффективности).

Учебно-профессиональные исследовательские задачи, также как и методы научного познания, очень разнообразны и это (наряду с другими причинами) приводит к тому, что существует множество методов и приемов их решения. Одним из многочисленных приемов решения исследовательских задач является алгоритмический способ, который рассматривается в рамках теории решения изобретательских задач (ТРИЗ), разработанной Г.С. Альтшуллером [1]. В ТРИЗ решение задач производится с помощью последовательного выполнения шагов алгоритма, называемого алгоритмом решения изобретательских задач (АРИЗ).

В целях разработки сценариев практических занятий по физике, мы воспользовались алгоритмом, предложенным Т.А. Сидорчук и Н.Н. Хоменко [2, с.106]. Рассмотрим пример подобного сценария.

Тема практического занятия: Использование элементов электрической цепи на производстве.

Цель занятия: научить студентов пользоваться АРИЗ для решения учебно-профессиональных исследовательских задач, научить студентов формулировать технические противоречия и разрешать их; развивать умения студентов в построении технических моделей и дальнейшего их анализа.

Этапы проведения занятия.

В начале занятия преподаватель знакомит студентов с ТРИЗ и АРИЗ. Затем занятие проходит в соответствии с алгоритмом, описанным выше.

1. Предварительное описание проблемной ситуации.

В гидравлических системах в качестве рабочей жидкости используется машинное масло. Для непрерывного функционирования станка необходимо постоянно получать сведения о том, какой уровень занимает данная жидкость. Каким образом можно отследить изменение уровня масла в емкости?

2. Вычленение конкретной задачи из проблемной ситуации.

Для постановки задачи студенты под руководством преподавателя производят анализ ситуации, опираясь на три вопроса: что нужно, что есть и почему нельзя получить то, что нужно?

а) **Что нужно?**

Нужно иметь механизм, позволяющий отслеживать уровень масла.

б) **Что есть?**

- технологическая емкость с жидкостью (машинным маслом), уровень которой должен непрерывно отслеживаться;

- работа станка координируется электрическими сигналами;

- рабочая жидкость (машинное масло) является диэлектриком.

в) **Почему невозможно получить то, что нужно?**

Отсутствует механизм, отслеживающий уровень жидкости.

После анализа проблемной ситуации перед студентами ставится задача: определить способ для непрерывного измерения уровня жидкости гидравлической системы. При этом полученная информация должна быть представлена в форме электрического сигнала.

3. Построение абстрактной модели конкретной задачи, формулировка противоречия.

Если отслеживать уровень жидкости с помощью дежурного оператора (например, он может это делать с помощью проградуированного стержня, периодически погружаемого в масло), то будет нарушен фактор непрерывности поступления информации, что может привести к сбою в работе станка. К тому же, в данном случае, будет отсутствовать синхронность между сигналом, подаваемым оператором, и моментом измерения уровня жидкости. Поэтому необходимые операции должны осуществляться автоматически.

Таким образом, получаем следующее техническое противоречие: между необходимостью автоматического получения информации об уровне диэлектрика в технологической емкости и отсутствием механизма, способного эту информацию предоставить.

4. Построение абстрактной модели решения задачи, представление идеального конечного результата.

На данном этапе формулируется гипотеза исследования. В нашем случае она заключается в следующем: существует устройство, обладающее электрическими характеристиками, зависящими от уровня диэлектрика. При их изменении на управляющее устройство станка подается электрический сигнал.

5. Выявление ресурсов и выход на конкретное решение.

Электрическим прибором, свойства которого зависят от уровня диэлектрика может быть конденсатор. Одной из основных характеристик конденсатора является электрическая емкость. Она зависит от уровня диэлектрика, помещенного между обкладками конденсатора. С изменением емкости конденсатора изменяется заряд, накапливаемый им на пластинах (если разность потенциалов между обкладками конденсатора поддерживается постоянной). Поэтому по изменению заряда можно судить об изменении электроемкости конденсатора, а следовательно, и об уровне жидкости, заключенной между обкладками конденсатора.

6. Формулирование подзадач, которые необходимо решить для реализации предлагаемого решения.

Подзадача 1. Плоский конденсатор с вертикально расположенными пластинами подсоединен к источнику с напряжением U и помещен в сосуд, который заполнен машинным маслом (диэлектрическая проницаемость ϵ). Уровень масла x со временем изменяется (рис. 1). Исследуйте, как при этом изменяется заряд, накапливаемый на обкладках конденсатора; запасенная в нем энергия; разность потенциалов и напряженность поля между обкладками конденсатора. Проанализируйте причины изменения энергии конденсатора. Проведите сравнительный анализ полученных зависимостей для двух случаев: когда конденсатор отключают от батареи (до помещения его в диэлектрик) и когда конденсатор не отключают от батареи. Расстояние между пластинами конденсатора d .

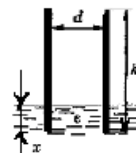

Рис.1

Подзадача 2. Плоский конденсатор с горизонтально расположенными пластинами подсоединен к источнику с напряжением U и помещен в сосуд, который заполнен машинным маслом (диэлектрическая проницаемость ϵ). Уровень масла опускается равномерно со скоростью v (рис. 2). Исследовать зависимость емкости конденсатора от времени и от уровня жидкости x .

Рис.2

Исследовать, как изменяется напряженность электрического поля в воздушном слое конденсатора с течением времени. Расстояние между пластинами конденсатора d .

7. В процессе решения каждой из этих подзадач возникают свои проблемы, которые также могут быть решены описанным подходом.

8. Рефлексия.

Студенты вместе с преподавателем анализируют возможность технического исполнения предложенного решения. Осуществляется поиск альтернативных решений проблемы (например, уровень масла может измеряться с помощью реостата поплавкового типа), оцениваются их достоинства и недостатки, выбирается наиболее рациональное решение.

На рассмотренном практическом занятии студенты осуществляют исследовательский поиск, знакомятся с этапами и методами научного познания. При этом они получают знания как по предмету (в данном случае физике), так и профессиональные, связанные с исследовательской деятельностью.

В целях проверки эффективности предложенной образовательной технологии, мы провели педагогический эксперимент на базе механико-технологического факультета Орского гуманитарно-технологического института, который включал в себя три этапа: констатирующий, поисковый, формирующий. В соответствии с данными этапами было проведено три среза: первый

срез проводился до обучающих процедур, второй срез являлся промежуточным (он осуществлялся в ходе проведения формирующего эксперимента), а третий был произведен сразу после обучения. Исследовательские знания и умения оценивались методом вариационных рядов по коэффициенту полноты сформированности готовности студентов к исследовательской деятельности. Результаты эксперимента представлены на рисунке 3.

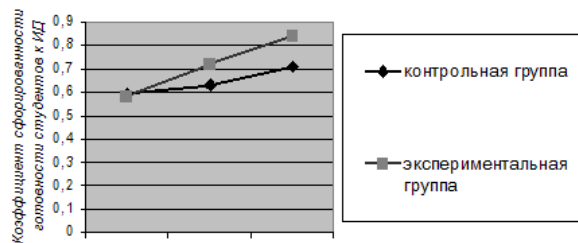

Рис. 3. График динамики развития готовности студентов технических специальностей к исследовательской деятельности (ИД)

Анализ графика показывает, что имеется положительная динамика развития уровня готовности студентов к исследовательской деятельности, что свидетельствует об эффективности использования в учебно-профессиональном процессе предложенной образовательной технологии.

Библиографический список

1. Альшуллер, Г.С., Злотин, А.В., Филатов, В.И. Поиск новых идей: от озарения к технологии: Теория и практика решения изобретательских задач. — Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1989.
2. Лелюх, С.В., Сидорчук, Т.А., Хоменко, Н.Н. Развитие творческого мышления, воображения и речи дошкольников. — Ульяновск, 2003.

Статья поступила в редакцию 13.06.08.

УДК 378

И.М. Баштанар, аспирант ЧГАКИ, г. Челябинск

КОМПОНЕНТНЫЙ СОСТАВ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ-ДОКУМЕНТОВЕДОВ

В статье, исходя из нормативных документов и «портфельного метода», рассмотрен состав информационно-коммуникативной компетентности специалистов-документоведов.

Ключевые слова: компетентность, информация, коммуникация, информационно-коммуникативная компетентность, «портфельный метод», личностный компонент, информационно-коммуникативный компонент, документовед.

В условиях информатизации всех сторон социальной практики особую актуальность приобретает формирование у будущих специалистов-документоведов информационно-коммуникативной компетентности, обусловленной следующими противоречиями:

- требованиями современного общества к профессиональной деятельности специалистов, взаимодействующих как с информационно-документными ресурсами, так и с носителями-потребителями информации, с одной стороны, и неэффективностью профессиональной подготовки в формировании информационно-коммуникативной компетентности документоведов, с другой стороны;
- необходимостью перехода от знаниевой парадигмы, предоставляемой современной системой российского образования, на новую компетентную парадигму, связанную с потребностями развития социально-экономической сферы российского об-

щества и включения его в международное экономическое сообщество;

- преобладанием объяснительного метода преподавания в высшей школе при расширении требований общества на использование индивидуально-творческого подхода к решению профессиональных задач.

Компетентность вбирает в себя знания и умения, отражает уровень сформированности профессиональной культуры, характеризует результаты конкретной профессиональной деятельности, поэтому компетентность выступает как интегративный результат профессиональной подготовки специалиста.

Попытка выявить структуру и состав компетентности будущих специалистов-документоведов, предполагает обращение к базовой модели специалиста, зафиксированной в содержании ГОС ВПО по специальности 032001 «Документоведение и документационное обеспечение управления». Анализируя стандарт, нами от-

мечено, что информационно-коммуникативные умения используются во всех видах профессиональной деятельности специалиста-документоведа, в этом и состоит их роль в формировании профессиональной компетентности будущего специалиста. Таким образом, компетентность специалистов-документоведов фактически может быть определена как информационно-коммуникативная компетентность.

«Информация» сложное понятие. Оно понимается как фундаментальное проявление динамических свойств мира, его структурно-смыслового и качественно-количественного разнообразия; в физике и биоэнергетике как особая форма энергии; в биологии и математической статистике как передаваемые от организма к организму признаки и мера их разнообразия; в информатике как сведения (сигналы) в форме двоичной единицы (бита), которыми обмениваются между собой живые и неживые системы и, что для нас особенно важно, в документалистике как сообщения, сведения, передаваемые людьми друг другу в устной, письменной или иной материальной форме [1]. В настоящее время понятие «информация» проникло в терминологию почти всех современных наук, и по этой причине признается общенаучной категорией.

Рассмотрим коммуникативные акты свойственные специалисту-документоведу. С этой целью сначала определим собственно акт (действие) коммуникации. В словарях коммуникация — (от лат *communico* — делаю общим, связываю, общаюсь) определяется: как смысловой аспект социального взаимодействия. Поскольку всякое индивидуальное действие осуществляется в условиях прямых или косвенных отношений с другими людьми, оно включает (наряду с физическим) коммуникативный аспект; как понятие, близкое к понятию общения, но расширенное. То есть, коммуникация — это связь, в ходе которой происходит обмен информацией между системами в живой и неживой природе [2, с. 223]; это путь сообщения, связь одного места с другим; общение, передача информации от человека к человеку, осуществляющаяся главным образом при помощи языка [1, с. 716].

Существует несколько точек зрения и на структуру коммуникации. Рассмотрим две из них, имеющие отношение к заявленной нами проблеме.

В психологии в структуре коммуникации выделяют: замысел — то, что намерен сообщить один человек другому; кодирование — воплощение замысла в некоторые знаковые средства (слова, предложения, стиль и пр.) в виде текста, которое может быть не всегда удачным; передача — выбор «каналов связи» (речь, письмо, жесты, интонации и др.), их эффективное использование; раскодирование, расшифровка — понимание значения текста, всего сообщения; обратная связь — сообщение о том, как было понято сообщение. Такая трактовка коммуникации достаточно признана. Например, в словаре Ю.Г. Головина структура коммуникации содержит следующие компоненты: адресант — субъект коммуникации; адресат — кому направлено сообщение; сообщение — передаваемое содержание; код — средства передачи сообщения; канал связи; результат — то, что достигнуто в итоге коммуникации [3, с. 224].

Элементарная схема коммуникации по информационным наукам с точки зрения А.В. Соколова предполагает наличие не менее трех участников: передающий субъект (коммуникант) — передаваемый объект (сообщение) — принимающий субъект (реципиент) [4, с. 15]. В соответствии с этим коммуникация выступает как равнозначность взаимодействия между субъектами, опосредованного некоторым объектом. Предложенная А.В. Соколовым структура точнее определяет роль коммуникации в профессиональной деятельности специалиста-документоведа.

Таким образом, информация выступает как содержание, а коммуникация как форма взаимодействия людей в общении, это позволяет выделить в информационно-коммуникативной компетентности специалистов-документоведов особенности субъектов коммуникации, или личностный аспект.

Понимание информации как сообщения требует рассмотрения каналов коммуникации, так как коммуникационный канал предоставляет коммуниканту и реципиенту средства для создания и восприятия сообщения, т.е. знаки, языки, коды, материальные носители сообщений, технические устройства. Другими словами коммуникационные каналы выступают как материальная сторона социальной коммуникации.

Особенности информационно-коммуникативной компетентности специалиста-документоведа выражаются в виде иконического и символического каналов. В то же время специалист-документовед использует и естественные коммуникационные каналы, а это невербальный (несловесный) и вербальный (словесный) каналы коммуникации.

Тем самым мы имеем устную коммуникацию (вербальный и невербальный каналы) и документную коммуникацию (иконический и символический каналы). В деятельности специалиста-документоведа устная и документная коммуникация переплетаются, поэтому можно говорить об их синтезе.

Все два рода коммуникации взаимодействуют друг с другом, образуя гибридные коммуникационные каналы, которые появляются благодаря использованию различных технических средств в устной и документной коммуникации.

Основными документными каналами, согласно типизации документов по А.В. Соколову [4], являются:

- каналы опубликованных документов, предназначенных для широкого общественного пользования и размноженных с этой целью полиграфическими средствами;
- каналы неопубликованных (в том числе — непубликуемых) документов, представляющих собой рукописи, машинописи, графику, живопись).

Обобщая данные положения, мы утверждаем, что оба канала априори включают в себя информацию, ради ее сохранения они и создаются. Поэтому, задачами документоведа являются: анализ, переработка информации; преобразование рукописи в документ; свертывание и развертывание документов в зависимости от потребностей потребителя (преобразования первичных документов во вторичные); формирование и долговременное хранение документов (база данных); распространение первичных и вторичных документов в режимах постоянного оповещения или справочного обслуживания.

Выделенные положения позволяют определить как инвариант в информационно-коммуникативной компетентности следующие компоненты: личностный, включающий направленность личности, качества и опыт личности, психические процессы, свойства, состояния, динамические проявления, социальные явления и информационно-коммуникативный, включающий работы с первичной и вторичной информацией, документной (на традиционных и электронных носителях) и устной коммуникацией.

Исходя из изложенного, информационно-коммуникативную компетентность мы рассматриваем, как сложное интегративное образование, сочетающее в себе информационно-коммуникативные знания и умения, а также личностные свойства и качества, необходимые для полноценного выполнения функций, связанных с профессиональной деятельностью будущего специалиста-документоведа.

Дальнейшую конкретизацию информационно-коммуникативной компетентности можно осуществить,

используя должностные обязанности, основные виды выполняемой деятельности, особенности работы специалистов-документоведов. Для этого мы предлагаем использовать «портфельный метод» (иногда его называют теорией черт), автором которого является А.Н. Занковский [5].

Опираясь на положения А.Н. Занковского, в состав информационно-коммуникативной компетентности специалиста-документоведа мы включаем:

- информационно-коммуникационные операции, составляющие значительный удельный (как прием посетителей, телефонные переговоры, служебные командировки, доведение решений до исполнителей, поэтому отсутствие их отражения в должностных инструкциях, с нашей точки зрения, неправомерно).
- межличностная коммуникация, то есть совокупность процессов обмена информацией между партнерами по общению: ее перемещение, преобразование и использование. Межличностное взаимодействие документоведа с посетителями обеспечивает согласование целей общения (деятельности), используемых средств достижения целей, координацию используемых каждым из них стратегий. В процессе взаимодействия происходит ситуативная ориентация характеристик общения на интересы участников с позиции согласования, сотрудничества или борьбы.

Таким образом, реальная деятельность специалистов-документоведов значительно шире, чем заявленная в требованиях ГОС ВПО по специальности 032001 «Документоведение и документационное обеспечение управления». Используя понимание структуры информационно-коммуникативной компетентности, можно выстроить основные блоки умений документоведа.

- Личностный компонент:

Общие:

- социальная направленность личности;
- качества личности (коммуникабельность: умение устанавливать контакты с разными людьми; умение не терять самообладания в неожиданных ситуациях; внешний вид: элегантность, чувство стиля; рациональность; доброжелательность: умение быть вежливым и любезным; умение создавать комфорт в работе офиса; любознательность, новаторство: умение и желание повышать профессиональную квалификацию, умение использовать новую информацию; способность выбирать приоритеты);
- психические процессы, свойства, состояния: стремление к сотрудничеству, способность преодолевать стрессовые ситуации, энергичность;

Специальные (деловые):

- организаторские качества: умение организовать свою работу и работу коллектива, умение выполнять одновременно несколько заданий, умение рационально вести делопроизводство, умения организовать приемы, презентации, поездки руководителя, умение составлять графики рабочего дня, недели для руководителя, выявлять закономерности изменения объема документооборота и проектировать его рациональную организацию, умение анализировать состояние документационного обеспечения конкретной организации, умение составлять техническое задание на проектирование систем информационно-документационного обеспечения деятельности конкретной организации, умение разрабатывать проектные решения по совершенствованию документационного обеспечения управления в целом (или ее отдельных составных частей), умение разрабатывать и внедрять новейшие информационные технологии в организации, умение организовать контроль за исполнением,

умение провести экспертизу ценности документов, подготовить их к архивному хранению или уничтожению, умение руководить службой документационного обеспечения управления и совершенствовать организацию ее работы, умение владеть методами анализа и проектирования систем документации, управления ими, подготавливать управленческое решение, умение организовать работу с обращениями граждан;

- ответственность и надежность: умение нести ответственность за поручения, данные руководителем;
- инициативность, творчество: умение принимать самостоятельные решения в рамках своих полномочий;
- пунктуальность исполнительность: умение работать точно и вовремя;
- преданность организации: умение хранить конфиденциальную информацию, умение подчинять свои интересы интересам организации, умение проявлять такт и осторожность, умение хранить конфиденциальность информации;
- социальные явления конкретизируются в документной, устной коммуникации через умение работать в конкретной организации, выполняя определенные ролевые функции, умение осуществлять индивидуальный подход (к посетителю, руководителю и др.).
- Информационно-коммуникативный компонент:
- умения работы с первичной и вторичной информацией: умение просматривать и анализировать почту, отбирать необходимую информацию, умение составлять рефераты, обзоры, подготавливать информацию для руководителя, подготовка отчетов и статей для руководителя;
- умения документной коммуникации: умение разрабатывать организационные и нормативно-методические документы по документационному обеспечению управления, умение вести документацию (составлять и оформлять любые виды документов), умение проектировать унифицированные формы документов; умение отправлять, получать и распределять корреспонденцию (составление ответов, написание писем и др.), умение разрабатывать бланки документов и обеспечивать их изготовление, умение готовить материалы для совещаний, переговоров, презентаций и др., умение переводить информацию на другой язык, умение отвечать на стандартные вопросы, умение осуществлять представительские полномочия в рамках компетенции, умение выявлять закономерности изменения объема документооборота и проектировать его рациональную организацию, умение установления порядка хождения документов, предварительное рассмотрение документов, контроль за исполнением документов, обеспечение хранения документов и передачи их в архив;
- умения устной коммуникации: умение принимать и отвечать на звонки, вести разговор по телефону, факсу, электронной почте, умения координировать действия руководителей и подчиненных, умение осуществлять контроль и оценку действий подчиненных, умения согласования и удостоверения документов;
- умения технической (прежде всего электронной) коммуникации (электронная и офисная техника): умение работать с телефоном (прием, соединение с нужным абонентом, обзванивание, ответ на звонки), факсом (принимать и отправлять сообщения), ксерксом, мини-АТС, электронной почтой, умение работать на компьютере, умения скоростной и грамотной машинописи, умения работы с другим офисным оборудованием и техникой (уничтожение

документов и др.), умение проектировать унифицированные системы документации, осуществлять их внедрение и ведение в условиях автоматизированных технологий, умение изготовления, стенографирования, копирования и тиражирования документов, умения разработки и внедрения информационно-поисковых систем, информационно-справочной работы; подготовка пленок для кодоскопа и других наглядных материалов.

Библиографический список

1. Большой Российский энциклопедический словарь. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2003.
2. Краткий психологический словарь / сост. Л.А. Карпенко / под общ.ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. — М.: Политиздат, 1985.
3. Словарь практического психолога / сост. Ю.Г. Головин. — Минск—М.: Харвест, АСТ, 2001.
4. Соколов, А.В. Социальные коммуникации: учеб.-методич. пособие / А.В. Соколов. — М.: ИПО Профиздат, 2001.
5. Занковский, А.Н. Организационная психология: учеб. пособие для вузов по спец. «Организационная психология» / А.Н. Занковский. — М.: Флинта, МПСИ, 2002.

Статья поступила в редакцию 17.07.08.

УДК 37.01:001.8

Р.В. Опарин, канд. пед. наук, доцент ГАГУ, г. Горно-Алтайск

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ АНТРОПОЭКОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В работе рассматриваются принципы построения антропоэкологической модели экологического образования, приводятся основные методологические задачи, система основополагающих понятий. Рассматриваются условия, детерминирующие содержание фундаментальных основ антропоэкологической модели экологического образования, раскрывается его структура и уровни.

Ключевые слова: экология, антропоэкологическая модель экологического образования, методологические задачи экологического образования, основополагающие понятия экологического образования

Методологический фундамент существующей сегодня теории экологического образования включает ряд базовых категорий: экологическая культура, экологическое мировоззрение, экологическое сознание, экологическое мышление, экологическое образование, непрерывное экологическое образование, организационно-педагогическое обеспечение экологического образования. Существующая модель экологического образования нацелена на формирование у учащихся основ экологической культуры, как способа, меры и результата духовного и материального освоения природы и поддержания ее целостности [1, с. 37]. Важнейшим условием ее формирования исследователи данной проблемы [2, 3] видят интеграцию естественнонаучного и гуманитарного знания в содержании образования. При этом, показателями сформированности экологической культуры являются целостное представление о социоприродной среде, обобщенная картина мира, понимание системности и процессуальности мира; экологическое сознание, мышление и деятельность.

Выступая в роли универсальной цели, экологическая культура, а значит и экологическое сознание, мышление и деятельность должны формироваться путем использования комплекса педагогических средств, среди которых важное место занимает содержательный и технологический аспекты. При этом, проблема современного развития экологического образования не может быть решена только за счет реформ его технологии и содержания. В связи с этим все настойчивее встает вопрос о необходимости новой концепции экологического образования, базирующейся на взаимосвязи теории воспитания и теории взаимодействия общества с природой, так как первая не рассматривает экологический, а вторая — воспитательный аспекты.

Полученная в результате использования «портфельного метода» структура информационно-коммуникативной достаточно полно отражает и ее состав. В то же время многомерность содержания информационно-коммуникативных умений специалиста-документоведа требует дальнейшей разработки комплекса педагогических условий и успешности их осуществления.

Предлагаемая нами методология антропоэкологической модели экологического образования, основана на понимании того факта, что дальнейшее развитие человечества может состояться только совместно с дальнейшим развитием природы, ее многообразия и богатства. В такой формулировке антропоэкологический подход практически эквивалентен утверждениям классической педагогики и восходит к Монтеню, Руссо, Песталоцци, утверждавшим, что цель воспитания — гармонизация своих отношений с природой — внутренней (собственной биологической) и внешней (окружающей природной средой), а посредством этого — обретение свободы от пагубного влияния цивилизации [4].

При этом, по нашему мнению, фундаментальные основы антропоэкологической модели экологического образования нуждаются в использовании методологических функций философии, проявляющихся в анализе основополагающих понятий экологической педагогики, без которых невозможно построение теоретической системы любой специальной науки. Общей и конечной целью экологического образования, как мы считаем, является *формирование экологической культуры личности на философском уровне*. Такая культура есть одна из существенных характеристик человека, ибо она принадлежит к его духовному миру. *Культура личности на философском уровне — это мера и характер владения экологическими знаниями на уровне философского их осмысления действительности, степень владения стилем философского мышления*. Экологическая культура личности должна находить свой выражение прежде всего в характере мировоззренческой и методологической ориентации личности. Поэтому экологическая образованность на философском уровне должна предполагать: 1) интерпретацию экологических проблем на уровне философии; 2) умение ориентироваться в основ-

ных направлениях философии и типах философствования; 3) умение диалектически мыслить; 4) способность к анализу экологических проблем. Отсюда вытекают и основные методологические задачи экологического образования: 1) формирование научно-философского взгляда на мир и место в нем человека; 2) приобщение к мировой философской культуре как общечеловеческой ценности; 3) формирование способности к самостоятельному и творческому решению философско-методологических проблем, касающихся экологии.

Условия, детерминирующие содержание фундаментальных основ антропоэкологической модели экологического образования, на наш взгляд, могут быть рассмотрены на трех тесно взаимосвязанных уровнях:

1. Цивилизационно-глобальном.
2. Национально-государственном.
3. Предметном.

Современное состояние мира характеризуется наличием новых социальных реалий, новой социально-политической обстановки, новых глобальных проблем. Фактически перед человечеством стоит задача научиться мыслить и действовать по-новому или погибнуть. В связи с этим происходит переосмысление многих представлений о человеке, обществе и культуре. Необходимость осмысления и решения глобальных проблем современности повышает роль экологического образования в деятельности человека. Экологическая культура каждого специалиста становится существенным элементом в осознании и решении проблем сохранения цивилизации. Методологической основой новой парадигмы экологического образования на философском уровне по существу выступает (хотя часто и неявно) концепция нового политического мышления. Её достоинство в том, что она исходит из наличия новых реалий (особенно социальных) и требований адекватности мышления изменяющейся объективной реальности. Рассмотрим принципы антропоэкологической концепции экологического образования в системе трех уровней детерминации его содержания.

1. Цивилизационно-глобальный уровень определяет следующие методологические принципы формирования содержания экологического образования: 1.1. Гуманизации (ориентации на человека и гуманистические ценности). 1.2. Фундаментализации (учета универсального, космополитического знания). 1.3. Приоритета общечеловеческих ценностей над групповыми (ориентации на общечеловеческие идеалы, цели и общекультурные ценности). 1.4. Плюрализма (учета многообразия теоретических точек зрения).

1.1. *Принцип гуманизации* исходя из деятельной природы человека ориентирует концепцию экологического образования рассмотрение проблем цивилизации в контексте человеческой деятельности.

1.2. *Принцип фундаментализации* ориентирует содержание экологического образования в экстенциональном плане на лучшие образцы мировой и отечественной мысли в решении экологических проблем. В интенциональном плане данный принцип ориентирует на основные проблемы и концепции экологического образования.

1.3. *Принципы приоритета общечеловеческих ценностей* и плюрализма направлены против излишней идеологизации и абсолютизации какой-либо одной позиции в решении экологических проблем. И это должно найти отражение в содержании экологического образования. Оно должно представлять мировую и отечественную систему решения экологических проблем с учетом развития и взаимодействия различных направлений, учитывая все лучшее в них и не впадая в их догматизацию.

2. Национально-государственный уровень диктует следующие методологические принципы формирования содержания экологического образования: 2.1. Прагматизма (ориентации образования на требования общества

и определенную личность). 2.1. Преемственности и своеобразия в развитии отечественной системы экологического образования (учета национальных традиций ценности, норм и идеалов современного российского общества).

Однако в нашем обществе до сих пор нет общепринятой системы общенациональных ценностей, иначе говоря, национальной идеологии. И это отрицательно сказывается на развитии образования вообще и экологического образования в частности. На роль национальной идеологии некоторыми авторами предлагается так называемая «русская идея». Но при многих своих достоинствах (антропоцентризм, учет русского менталитета, творческой активности личности, философский диалогизм) этой «идеи», которая может быть использована при формировании содержания экологического образования, она опирается исключительно на русскую религиозную философию и православную традицию. Последнее является ее существенной ограниченностью. Образование в светском государстве (а Российская Федерация является таковым) не может базироваться на религиозной концепции.

2.1. *Принцип прагматизма* при формировании содержания экологического образования требует учета не только интересов государства, но и интересов личности. Формирование духовного облика личности не должно отрываться от реальной жизни. Экологическое образование призвано вооружить человека стратегией жизни и способностью к приобретению нового опыта.

2.2. *Принцип преемственности* и своеобразия в развитии отечественного экологического образования определяется целостностью и особенностями русской национальной культуры, а также целостностью и спецификой историко-экологического воспитания в нашей стране.

3. Предметный уровень детерминации содержания экологического образования — самый глубокий уровень. Методологическую основу формирования содержания экологического образования на этом уровне составляют: 3.1. Принцип соответствия содержания экологического образования специфике предмета экологии. 3.2. Принцип системности и целостности и доступности. 3.3. Принцип гибкости. 3.4. Принцип деятельной направленности.

3.1. *Принцип соответствия* содержания экологического образования специфике предмета экологии требует сопоставленности содержания изучаемого курса (в данном случае — экологии) с уровнем развития этой науки в данный исторический период. Научность учебного материала обязывает включать в его содержание строго проверенные и установленные научной факты.

3.2. *Принцип системности и доступности* предполагает использование предметно-цикловой структуры, на основе которой строится содержание экологического образования как логической системы формируемых знаний, умений и навыков. Доступность в отборе и построении учебного материала требует, чтобы изучаемый материал по своему содержанию, объему и методам преподавания соответствовал возрасту, уровню подготовленности и познавательным возможностям обучаемых.

3.3. *Принцип гибкости* должен обеспечивать реальную возможность оптимального учета специфики региона, природных ресурсов, отличительных особенностей конкретного учебного заведения, возможность изменения содержания экологического образования в зависимости от изменяющихся условий.

3.4. *Принцип деятельной направленности* экологического образования, в силу концептуальности, обеспечивает связь требований к знаниям и умениям обучаемых с содержанием их деятельности, пониманием важности формирования не только экологических знаний, но и способностей к активной деятельности в сложно-прогнозируемых и изменяющихся условиях окружающей среды.

Итак, представленный нами взгляд на различные методологические аспекты антропоэкологической концепции экологического образования, в силу его концептуального характера, позволяет учитывать доминирующую роль того или иного принципа, а значит дает возможность «видеть» в целом исследуемую нами проблему. Недаром Ю.К. Бабанский, анализируя роль принципов в познавательном процессе, заметил, что «Если исследователь учтет при разработке экспериментальной системы всю совокупность описанных принципов и даст их в определенной логической последовательности, то он обеспечит относительную целостность предлагаемой системы» [5, с. 45]. Такой целостный подход к проблеме позволил нам теоретически обоснованно построить модель антропоэкологического образования, в которой используется семантическая матрица научной проблемы Л.М. Босовой [6], представляющая собой систему анализа (семантического, логико-гносеологического, методологического, педагогического и др.) существующих семантических полей основополагающих (ключевых) понятий в контексте системы принципов, сформулированных для определенной научной сферы. Лежащие в основе семантической матрицы основополагающие понятия распределены нами, в соответствии с классификацией В.Е. Шукунова и В.Ф. Взятыхшева [7, с. 45-48] по четырем сферам: 1. Науки о взаимодействии природы и общества. 2. Философия экологического образования. 3. Педагогическая экология. 4. Теория практики экологического образования.

Рис. 1. Графическая структура фундаментальных направлений развития антропоэкологической модели экологического образования

На рис. 1 представлены структурные элементы, определяющие функциональные направления развития антропоэкологической модели экологического образования.

Соблюдение указанных принципов делает проектирование и внедрение педагогической технологии экологического образования в рамках антропоэкологической модели методологически подготовленным и обоснованным.

Библиографический список

- Игнатова, В.А. Формирование экологической культуры учащихся: теория и практика / В.А.Игнатова. — Тюмень: ТГУ, 1998.
- Мамедов, Н.М. Теоретические основы экологического образования / Н.М. Мамедов // Экологическое образование и устойчивое развитие. — М., 1995.
- Игнатова, В.А. Экологическая культура учащихся и методика ее формирования / В.А. Игнатова. — Тюмень: ТГУ, 1999.
- Моисеев, Н.Н. Историческое развитие и экологическое образование / Н.Н. Моисеев. — М.: МНЭПУ, 1995.
- Бабанский, Ю.К. Проблемы повышения эффективности педагогических исследований. — М.: Педагогика, 1982.
- Босова, Л.М. Соотношение семантических и смысловых полей качественных прилагательных в системе психолингвистического анализа / Л.М. Босова. — Барнаул, 1998.
- Шукунов, В.Е. К вопросу о новой методологии современной концепции эстетсвования / В.Е. Шукунов, В.Ф. Взятыхшев. // Вопросы философии, 2002. — №2.

Статья поступила в редакцию 13.06.08.

УДК 378.02: 372.08

Т.А. Толмачева, ст. преподаватель ГАГУ, г. Горно-Алтайск

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ИНОЯЗЫЧНОГО РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Рассматриваются проблемы разработки методической типологии коммуникативных стратегий иноязычного речевого поведения, которые рассматриваются в качестве основания для создания методики обучения иностранному языку студентов I курса языкового вуза.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, речеповеденческая тактика, речевой акт, языковая личность, вторичная языковая личность, иноязычная коммуникативная компетенция, содержание обучения.

Современная тенденция высшего лингвистического профессионального образования направлена на языковую подготовку выпускников, способных к эффективному построению процесса межкультурного общения и продик-

тована повышенной потребностью современного общества в знаниях о закономерностях человеческого общения.

Изучение немногочисленных научных трудов по когнитивной лингвистике (Т.А. ван Дейк, У. Кинч), прагма-

лингвистике (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Р. Райтмар, Т. Ройтер, О.С. Иссерс, А.А. Пушкин, Н.И. Формановская, К.Ф. Седов, С.А. Сухих, В.В. Зеленская, Л.А. Азнабаева, Л.М. Салмина, О.Е. Сальникова), теории межкультурной коммуникации (В.П. Фурманова, В.В. Сафонова, Г.В. Елизарова, Ю.Б. Кузьменкова, О.А. Леонтович), методике обучения иностранному языку в вузе (Т.Н. Астафурова, Н.В. Иличева, Л.Ф. Роптанова), свидетельствуют о недостаточной теоретической разработке проблемы использования коммуникативных стратегий в процессе изучения иностранного языка в рамках высшего лингвистического образования.

Вместе с тем, стратегическая направленность построения процесса межкультурной коммуникации, наряду с реально существующей необходимостью и практической значимостью формирования у обучаемых комплекса прагматических и межкультурных знаний и умений, обусловили проблему создания рациональной методики обучения иноязычному говорению студентов I курсов лингвистических вузов, нацеленной на интенциональное использование ими коммуникативных стратегий иноязычного речевого поведения в процессе учебного межкультурного общения.

Анализ научной литературы по психолингвистике, прагматическому когнитивной теории понимания дискурса, теории моделирования искусственного интеллекта, теории межкультурной коммуникации, методике преподавания иностранного языка позволил нам, вслед за Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым, ввести понятия коммуникативной стратегии (далее — КС) и речеведческой тактики (далее — РПТ) в категориальный аппарат методики обучения иностранным языкам и разработать методическую типологию основных групп КС и сопутствующих им групп метакогнитивных, компенсаторных и общеучебных стратегий и тактик.

Взаимосвязь языка и культуры, репрезентируясь в языковом и коммуникативном сознании «вторичной языковой личности», ее коммуникативной деятельности, позволяет рассматривать КС и РПТ в качестве «логоэпистемических единиц», т.е. единиц ментально-лингвального комплекса, «одновременно принадлежащих языку и культуре», которые содержат «знания о фрагментах национальной духовной культуры, прецедентных феноменах, об особенностях общенациональной, групповой, личностной поведенческой норм» [1, с. 7-11].

В своем определении КС, мы основываемся на классических положениях теории речевых актов, согласно которой, речевой акт рассматривается как целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами поведения, принятыми в обществе; единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации [2, 3]. Речевой акт характеризуется намеренностью, целеустремленностью и конвенциональностью [4, с. 412]. В структуре речевого акта выделяют три взаимосвязанные фазы: локутивный акт — акт произнесения, показывающий отношение между содержанием высказывания и картиной мира; иллюкутивный акт, демонстрирующий, каково именно коммуникативное намерение говорящего при произнесении данного высказывания и перлокутивный акт — результат речевого воздействия на чувства, мысли и действия реципиента. В соответствии с классификацией Дж. Серля, выделяются пять базисных типов иллюкутивных актов: репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы и декларативы [3, с. 170-194].

В связи с теорией речевых актов, под КС понимается реализация «вторичной языковой личностью» генеральной коммуникативной интенции в рамках процесса межкультурного общения, посредством интенционального использования совокупности речевых действий (РПТ), на-

правленных на достижение многообразных целей в ходе социальной интеракции и решение коммуникативных задач инициатором коммуникативного взаимодействия. Под РПТ понимается коммуникативное решение одной из задач в рамках избранной стратегической линии.

Методическая типология КС основывается на следующих группах РА, объединенных сходными коммуникативными функциями: обмен информацией, оценка и комментарий, выражение эмоций, побуждение — регулирование отношений, социально-конвенциональные речевые акты (установка, поддержание, развитие и окончание контакта); организация речевого высказывания и поддержка понимания [5, с. 57-62].

I Информативная КС — совокупность речевых действий, нацеленных на сообщение / получение необходимой информации и оказывающих прямое или скрытое воздействие на вербальное/невербальное поведение собеседника, направленных на осмысление говорящим ситуации общения, предоставляя ему определенную свободу в выборе РПТ: сообщение информации, выражение согласия/несогласия, запрос информации, выражение скрытого волеизъявления.

II Оценочно-воздействующая КС — комплекс речевых действий, направленных на оказание аксиологического воздействия на собеседника, вербальное выражение эмоциональной оценки, состояния, мнения, создание желательных для говорящего ассоциаций и сравнений, стремление создать необходимую коммуникативную атмосферу, апелляцию к ценностям, установкам собеседника, вербализацию ценностных суждений и сопровождающих их эмоций.

III Эмоционально-воздействующая КС — совокупность речевых действий, выражающих эмоциональное состояние собеседника: одобрение, похвала, оценочное суждение-мнение, симпатия, радость, удовольствие, счастье и др. Реализуя данный тип КС, говорящий пытается изменить акциональное состояние собеседника, т.е. побудить к выполнению какого-либо действия или привести в определенное психо-эмоциональное состояние.

IV Регулятивно-побудительная КС — тип или линия поведения одного из коммуникантов в конкретной ситуации общения, которая соотносится с планом достижения глобальных (локальных) коммуникативных целей в рамках всего сценария функционально-семантической репрезентации интерактивного типа, связана с интенцией «продюцента персуазивного сообщения» [6, с. 19], направлена на управление поведением партнера и выражает непосредственное побуждение к совершению действия (совет, просьба, жалоба, требование, приказ, аргументация и др.).

V Конвенциональная КС представлена двумя группами: социально-конвенциональная КС (установление, развитие, поддержание, размыкание контакта) и КС организации речевого высказывания и поддержки понимания (правила этикета, извинение, выражение благодарности, запрос дополнительной информации, вежливый коммуникативный «перебив», предотвращение коммуникативного «перебива», вовлечение собеседника в процесс общения, уклонение от обсуждения неприятных для собеседника тем и др.).

Сопутствующая группа стратегий обеспечивает необходимый баланс между когнитивными процессами, фоновыми иноязычными и инокультурными знаниями, ситуацией межкультурного общения и корпусом КС.

I Метакогнитивные стратегии — «метапроцедуры» (в терминах Д.А. Поспелова, «стратегии смыслоформирования и смыслоформулирования» (в терминах А.А. Залевской) — универсальные речемыслительные процессы, которые обуславливают возможность «когнитивного развития» вторичной языковой личности и способствуют активизации ее интеллектуальных и психо-

эмоциональных резервов для обеспечения быстроты протекания когнитивных процессов, речемыслительной деятельности, включающей тактики планирования, вероятностного прогнозирования, принятия решений, смыслового программирования речемыслительного действия, анализ, синтез, оценку и контроль вербальной реализации избранной КС.

II Компенсаторные стратегии — способы выхода из ситуации коммуникативного затруднения при помощи тактик: переспрос, просьба о помощи, объяснении, оперирование описанием, перефразирование, аппроксимация, перенос, буквальный перевод, редуцирование первоначального плана высказывания, использование догадки, «хезитация», использование средств невербальной коммуникации.

III Общеучебные стратегии — комбинации гибких интеллектуальных приемов и усилий, предназначенных для приобретения, сохранения и оперирования учебной информацией в целях рационального использования КС и оптимизации процесса межкультурного общения при помощи тактик: усвоение совокупности языковых, социо- и межкультурных знаний, овладение умениями вербализации КС; группировка и тематическая организация слов; оперативное извлечение необходимой информации из памяти, быстрое коммуникативное реагирование, интенциональное и вариативное использование репертуара КС, самоконтроль и саморефлексия.

Процесс обучения студентов I курса языкового вуза использованию КС иноязычного речевого поведения в ситуациях межкультурного общения основан на концепциях языковой личности Ю.Н. Караулова и лингводидактической концепции «вторичной языковой личности» И.И. Халеевой.

Центральным системообразующим звеном коммуникативного процесса является языковая личность, выраженная в языке (в текстах) и через язык, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств [7, с. 38]. Структура языковой личности представлена тремя уровнями: вербально-семантическим, тезаурным и мотивационным. В процессе порождения любого речевого акта всегда проявляется взаимодействие всех трех уровней организации языковой личности — семантического (ассоциативно-вербальная сеть), лингвокогнитивного (тезаурус) и прагматического [7, с. 189]. Ю.Н. Караулов соотносит коммуникативные потребности языковой личности с ее трехуровневым устройством, полагая, что «контактоустанавливающая потребность удовлетворяется вербально-семантическим уровнем, реализуется в бытовом употреблении языка, информационная — покрывается тезаурусом личности, а воздействующей потребности отвечает прагматикон» [7, с. 215].

И.И. Халеева определяет понятие «вторичной языковой личности» как совокупность способностей человека к иноязычному общению на межкультурном уровне, что предполагает адекватное взаимодействие с представителями других культур [8]. Вторичная языковая личность актуализируется в рамках сфер общения, коммуникативных ситуаций межкультурного общения посредством текстовой деятельности — «совокупной идеационно-речевой, осознанной «социально-регламентируемой активности», направленной на программирование, интерпретацию коммуникативного намерения субъектов общения и «сотворение» текстов как целостных единиц коммуникации, т.е. на конструирование сложного вербального сигнала в соответствии с коммуникативной интенцией отправителя или на «дешифровку» этого сигнала ...» [9, с. 14].

Формирование у обучаемых черт «вторичной языковой личности» — «медиатора культур» (в терминах Г.В. Елизаровой) детерминируется целью обучения студентов I курса языкового вуза коммуникативным стра-

тегиям иноязычного речевого поведения в ситуациях межкультурного общения.

Цель обучения КС иноязычного речевого поведения студентов I курса лингвистического вуза — способствовать формированию и совершенствованию иноязычной коммуникативной компетенции в совокупности ее составляющих: лингвистической, прагматической, дискурсивной, стратегической, социокультурной, социолингвистической и межкультурной, что подразумевает овладение «вторичной языковой личностью» базисными когнитивными и языковыми структурами, моделями иноязычного и инокультурного речевого поведения, а также способность осознанного выбора КС и ее вербальной реализации в процессе межкультурного общения.

Содержание обучения иностранному языку при межкультурном подходе определяется структурой иноязычной коммуникативной компетенции, которая включает определенную совокупность знаний, умений, навыков и отношение к деятельности.

Реализация КС в учебном процессе представляет собой комплексную ментальную, речемыслительную, коммуникативную и учебную деятельность «вторичной языковой личности» по решению коммуникативных задач в ходе учебного межкультурного общения, эффективность которого обеспечивается совокупностью лингвистических, социокультурных и межкультурных знаний, а также метакогнитивных, стратегических, компенсаторных и общеучебных умений и навыков.

Компонент знаний характеризуется по способу оперирования ими или по их роли в процессе мышления — «декларативные» [10, с. 22] и «процедурные» [11, с. 31].

Декларативные знания в процессе обучения КС включают:

- лингвистические знания о системе изучаемого иностранного языка, правилах его функционирования и оперирования им в процессах межкультурного взаимодействия;
- представления о когнитивной организации знаний, способах их хранения, доступности, активации, оперирования и др.;
- фоновые знания, связанные с культурой страны изучаемого языка и релевантных для потенциального акта межкультурной коммуникации;
- концептуальные знания, связанные с особенностями мышления, восприятия, категоризации окружающей действительности носителями иностранного языка и проявляющихся в национально-культурном своеобразии их речевого поведения.

Процедурные знания в процессе обучения КС включают:

1. знания о функциях коммуникации, типах коммуникативных интенций;
2. знания о типах КС и способах их вербальной реализации;
3. знания о механизмах использования и алгоритмах развертывания КС в межкультурном дискурсе;
4. знания о «фрейм-структурах» и «сценариях» ситуаций межкультурного общения и возможных способах, «планах» реализации КС и последовательности РПТ в них;
5. знания-«прескрипции», т.е. знания-«инструкции», предписывающие то, как правильно выстраивать собственную линию речевого поведения в процессе межкультурного общения.

Базируясь на рассмотрении комплексной сущности феномена КС, их методической типологии и учитывая амбивалентный характер процесса межкультурной коммуникации, представляется возможным выделить пять основных групп умений и навыков для обучения КС в ситуациях межкультурного общения:

- I Метакогнитивные умения и навыки;
- II Стратегические умения и навыки;

- III Компенсаторные умения навыки;
 IV Общеучебные умения навыки;
 V Умения и навыки межкультурного общения.

Взаимосвязанное обучение основным группам КС, наряду с сопутствующими группами стратегий и тактик, обладает огромным прагматическим, образовательным и развивающим потенциалом для формирования у обучаемых черт «вторичной языковой личности».

Мы полагаем, что методика обучения КС иноязычного речевого поведения будет эффективна только при взаимосвязанном формировании у обучаемых указанных умений и навыков в процессе обучения иностранному языку как средству межкультурного общения и будет способствовать построению прагматически правильной линии речевого поведения «вторичной языковой личности» в ситуациях межкультурного взаимодействия.

Библиографический список

1. Верещагин, Е.М. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. — М., 1999.
2. Остин, Дж. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. XVII. Теория речевых актов. — М., 1986.
3. Серль, Дж. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. XVII. Теория речевых актов. — М., 1986.
4. Арутюнова, Н.Д. Речевой акт / Н.Д. Арутюнова // ЛЭС. — М., 1990.
5. Baldegger, M. Kontaktschweller. Deutsch als Fremdsprache / M. Baldegger, M. Müller, G. Schneider. — Straßburg, 1993.
6. Романов, А.А. Коммуникативные стратегии лидера в диалогическом общении / А.А. Романов // Этнопсихоллингвистические аспекты речевого общения: Тезисы докладов совещания-семинара. — Самарканд, 1990.
7. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — М., 2004.
8. Халеева, И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи / И. И. Халеева. — М., 1989.
9. Халеева, И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков): автореф. дис. ... докт. пед. наук / И.И. Халеева. М., 1990.
10. Баранов, А.Н. Когнитивные механизмы онтологизации знания в зеркале языка (к лингвистическому изучению аргументации) / А.Н. Баранов, В.М. Сергеев // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. — Вып. 793. Психологические проблемы познания действительности. Труды по искусственному интеллекту. — Тарту, 1998.
11. Залевская, А.А. Психоллингвистические проблемы учебного двуязычия / А. А. Залевская, И.Л. Медведева. — Тверь, 2002.

Статья поступила в редакцию 29. 05.08.

УДК 378.02: 372.8

Л.В. Панова, аспирант ГАГУ, г. Горно-Алтайск

К ВОПРОСУ О СПЕЦИАЛЬНЫХ УМЕНИЯХ ВИДЕОАУДИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕСТОВ ТЕЛЕНОВОСТЕЙ

Передача информации в теленовостных текстах происходит одновременно по аудитивному и визуальному каналам. Успешность понимания данных текстов зависит от уровня сформированности у студентов умений, связанных с восприятием информации, одновременно поступающей по разным каналам, т.е. специальных умений видеоаудирования. В статье рассматриваются данные умения, а также упражнения, направленные на их формирование.

Ключевые слова: иноязычные тексты теленовостей, экранный контекст, видеоаудирование.

В настоящее время средства массовой коммуникации стали неотъемлемой частью повседневной культуры общения. Технические возможности университетов позволяют сегодня использовать аутентичные средства массовой информации в обучении иностранным языкам. Особую роль аутентичных СМИ в обучении иностранным языкам на языковом факультете мы видим в том, что, являясь неотъемлемой частью предметного мира, окружающего человека, органичным элементом практического опыта, они максимально приближают обучаемых к реальным информационным источникам, искусственно создавая при этом «языковую среду» и напрямую связывая процесс обучения иностранным языкам с реально существующим информационно-коммуникативным пространством страны изучаемого языка. Свойственные СМИ естественность и аутентичность повышают уровень мотивации и вызывают большую познавательную активность студентов. В таком процессе обучения создаются условия для усвоения иностранного языка, подобные тем, что имеются в естественной среде его использования. СМК иллюстрируют функционирование языка в форме, принятой его носителями, и естественном социальном контексте.

Одним из наиболее популярных СМИ является телевидение. Массовая информация на телевидении отра-

жает различные общественные процессы — политические, экономические, социальные, культурные и т.д. Социальная и личностная мотивированность аудитории определяется жанром телепередач, их функциональной направленностью. Самая высокая степень актуальности связана с текущими событиями, поэтому, неудивительно, что наиболее популярным жанром телепередач является жанр «новости». Как показывает практика, студенты испытывают значительные трудности при восприятии и понимании телевизионных новостных текстов на немецком языке, тогда как они являются частью повседневной культуры общения в немецкоязычных странах. В настоящее время в связи с распространением спутникового телевидения мы имеем возможность использовать в процессе обучения «свежие» новостные программы немецких телекомпаний.

Сложность восприятия и понимания иноязычных новостных телетекстов обуславливается особенностями воспринимаемого текста. Основным признаком, отличающим телетекст от других текстов, является аудиовизуальность, когда передача информации происходит одновременно по двум каналам: аудитивному и визуальному, т.е. используются две знаковые системы: язык и изображение. Изображение — конкретно, слово —

абстрактно. Изображение всегда показывает конкретные личности, конкретные события реальной жизни и воспринимается быстрее и легче. Эмоциональное воздействие изображения сильнее воздействия слова. Аутентичность и актуальность изображения придают теленовостям особую достоверность, документальность. Слово же может не только описывать, но и аргументировать, оценивать, предполагать. Телевидение дает возможность слышать и видеть экранного собеседника, которым в нашем случае является диктор новостей или репортер. Важную роль играет тот факт, что телезритель видит мимику говорящего, его жесты, эмоции, позволяющие понять отношение диктора или репортера к высказыванию или то, как он должен воспринимать данное высказывание: как иронию, утверждение, вопрос и т.д. Выразительный взгляд, мимика, звучащий голос усиливают эмоциональное воздействие произнесенного слова.

Проблема соотношения изображения и текста возникает, когда вербальный текст передается за кадром, т.е. когда говорящего нет в кадре. В этом случае реципиент воспринимает информацию по двум каналам и пытается при этом соединить текст и изображение в единое целое. Некоторые лингвисты [2; 3] в своих исследованиях показали, что в одних случаях большую роль в передаче информации несет слово, в другом — изображение, т.е. может доминировать как вербальный, так и визуальный каналы. Визуальный материал представляет собой кадры событий, ставшие поводом для создания текста. Если изображение сопровождает текст и иллюстрирует его основные положения, наглядно представляя освещенные в нем события или образы людей, то в этом случае оно выступает в качестве зрительной опоры и облегчает понимание телетекста. Зрительная опора разгружает память, способствует сегментированию речевого потока, улучшает точность и полноту понимания, поскольку «пропускная способность» слухового анализатора во много раз меньше зрительного. Иногда же высокая динамика изображения не помогает, а напротив, мешает полноценному восприятию информации. В таких случаях телезритель, отвлекшись на детали изображения, может не уловить основного содержания сообщения или его деталей, что мешает правильному пониманию информации.

В телетекстах помимо слова и изображения используется и звуковое сопровождение: голос, музыка, шумы. Дополняя изображение, музыка, шумы создают смысловые акценты при описании определенной обстановки. Музыкальное сопровождение текста служит для создания особой эмоциональности, особой атмосферы. Шумы, как и изображение, придают сообщению аутентичность и отображают реальность. Однако восприятие речевого ряда в условиях звуковых помех значительно затрудняется, особенно тогда, когда у реципиента не сформирован механизм слуховой адаптации.

В процессе коммуникации зрительный, звуковой и речевой ряды выступают как единое целое, образуя «экранный контекст» [1, с. 49]. Именно поэтому восприятие и понимание теленовостей представляет собой особый синтезированный рецептивный вид речевой деятельности, сочетающий в себе слуховое и зрительное восприятие и который может быть обозначен как аудиовизуальная речевая деятельность или видеоаудирование (*Hör-Sehverstehen*) [4]. Компоненты экранного контекста условно могут быть обозначены как визуальная ситуация (изображение), аудиоситуация (звуковое сопровождение — музыка, шумы и др.) и речевая ситуация (вербальный текст). Данные элементы могут выступать в различных комбинациях и иметь разные соотношения, например:

1. *Вербальный текст+изображение*. Изображение зависит от вербального комментария, который определяет его интерпретацию. Без комментария смысл изоб-

ражения неясен. Вербальный комментарий в данном случае доминирует, т.е. выполняет первичную, основную функцию. При этом основная часть информации поступает через слуховой канал, ведущей деятельностью является аудирование. Иногда происходит так, что высокая динамика изображения не помогает, а напротив, мешает полноценному восприятию информации.

2. *Изображение+вербальный текст*. Изображение понятно без слов и может существовать самостоятельно. Вербальный комментарий описывает изображение, показанную ситуацию. В этом случае зрительное восприятие изображения на экране может рассматриваться как фактор снятия трудностей при аудировании. Зритель может считать и понимать информацию с учетом последовательности кадров, передвижения и поведения персонажей, их мимики и жестов. Часто текст содержит однозначные указания на изображение.

3. *Изображение, вербальный текст+звук*. Вербальный текст или изображение (либо в сочетании) сопровождается звуком (музыкой, шумом). Звук может доминировать. Данная комбинация не так часто встречается на телевидении (является прерогативой радио) и характерна в основном для музыкально-развлекательных программ.

Соотношение элементов экранного контекста в новостных сообщениях может быть разным, однако же в большинстве программ речевой ряд (вербальный текст) доминирует над другими. В процессе обучения важно научить студентов соотносить элементы экранного контекста, воспринимать одновременно аудио-, видео- и речевую ситуации, используя разные компоненты ситуации как опоры при восприятии и понимании теленовостей. Для этого необходимо сформировать у студентов умения, связанные с восприятием информации, одновременно поступающей по аудитивному и визуальным каналам, которые мы называем специальными умениями видеоаудирования. К числу данных умений мы относим:

- умение создать направленность мысли по изображению на экране с опорой на аудиоситуацию;
- умение правильно соотносить изображение и вербальный комментарий;
- умение понимать информацию, поступающую одновременно по слуховому и зрительному каналу, не переключаясь только на зрительное или только на слуховое восприятие;
- умение компенсировать непонимание вербального комментария изображением на экране, звуковым рядом;
- умение интерпретировать отношение между зрительным и звуковым рядом;
- умение правильно интерпретировать содержание изображения.

Формирование данных умений возможно с помощью специально разработанных упражнений. Рассмотрим некоторые из них:

- Посмотрите без звука видеосюжет, опишите увиденное; предположите, о каком событии идет речь; опишите действующих лиц, предположите, о чем они разговаривают;
- Прослушайте новостное сообщение без видеоряда; предположите, что может быть изображено на экране и кто; посмотрите видеоряд, сравните; скажите, что доминирует — изображение или звук?;
- Прослушайте звуковое сопровождение новостного сообщения; с какой страной, местом, городом ассоциируется у Вас эта музыка? Почему?;
- Посмотрите на экран в режиме «стоп-кадр»; назовите имена политиков, что Вам о них известно; как Вы думаете, что они обсуждают, какие у них взаимоотношения;

- Посмотрите на экран в режиме «стоп-кадр»; опишите, что Вы видите; как Вы думаете, где произошло это событие, что Вам о нем известно;
- Посмотрите на экран, скажите с какой страной/городом ассоциируется у Вас это здание/этот собор/этот флаг/эта улица и т.д.;
- Посмотрите видеосюжет; скажите, помогает Вам или мешает видеоизображение понять вербальный текст;
- Представьте, что Вы режиссер новостей; объясните идею несовпадения видеоряда с аудиорядом; объясните, с какой целью Вы использовали музыку в этом видеосюжете;
- Представьте, что Вы комментатор (диктор) теленовостей; озвучьте видеофрагмент сначала в «стоп-кадре», затем в динамике изображения;
- Посмотрите краткие новостные сообщения. Определите тип корреляции между изображением и словом.

Видеоматериалы в записи предоставляют возможности использования различных режимов работы, например, работы со стоп-кадром, работы с видеодорожкой (при выключенной аудиодорожке), работы с аудиодорожкой и т.д. Это позволяет преподавателю применять на занятиях такие методические приемы как «немой просмотр», «озвучивание», «стоп-кадр» и др.

«Немой просмотр» позволяет сознательно сосредоточиться на том, что мы обычно воспринимаем подсознательно, помогает понять звуковое содержание. Во время «немого просмотра» зрители имеют возможность сконцентрировать свое внимание на участниках события, деталях окружающей обстановки, на визуальной ситуации в целом, что имеет важное значение для коммуникативного процесса. Перед просмотром преподаватель предупреждает студентов о том, что им предстоит просмотреть видеосюжет без звукового сопровождения, ориентирует, на что они должны обратить внимание и предлагает после этого ответить на вопросы, например

Библиографический список

1. Светана, С.В. Телевизионная речь. Функции и структура / С.В. Светана. — М., 1976.
2. Burger, H. Sprache der Massenmedien/ H. Burger. — Berlin, New York, 1990.
3. Muckenaupt, M. Text und Bild: Grundlagen der Beschreibung von Text-Bild-Kommunikationen aus sprachwissenschaftlicher Sicht / M. Muckenaupt. — Tübingen, 1986.
4. Schwerdtfeger, I.C. Übungen zum Hör-Sehverstehen / I. C.Schwerdtfeger // K.R. Bausch, H. Christ, H-J. Krumm (Hg) // Handbuch Fremdsprachenunterricht. — Tübingen, 2003.

Статья поступила в редакцию 16.06.08.

УДК 159.9:37.015.3

Л.А. Колмогорова, аспирант БГПУ, г. Барнаул, Алтайский край

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ УЧЕНИЯ И АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ С РАЗЛИЧНЫМИ ТИПАМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

В статье раскрывается проблема профессионального самоопределения и мотивации учения первокурсников в процессе их адаптации к учёбе в вузе. Представлены результаты психологического исследования данной проблемы, проведённого в 2007-2008 г., а также основные теоретические и практические выводы.

Ключевые слова: мотивация учения, адаптация, профессиональное самоопределение, мотивация достижения успеха.

Юношеский период, как утверждают многие исследователи (И.С. Кон, Е.А. Климов, Н.С. Пряжников, Д.Б. Эльконин и др.) — это период самоопределения личности. С момента поступления в вуз начинается новый этап профессионального самоопределения, который, в отличие от первичного профессионального самоопределения подростка или старшеклассника, характеризу-

ется реальным выбором профессионального образования в соответствии с будущей профессией. Часто предполагается или подразумевается, что абитуриент при поступлении в тот или иной вуз уже сделал свой профессиональный выбор. Однако практика работы со студентами первых курсов показывает, что далеко не всегда студенты осуществляют свой выбор обоснованно, с учётом своих

«Что изображено на экране и кто?», «О чем можно понять из просмотренного отрывка?», а также описать то, что студенты увидели.

«Озвучивание». Для этого задания следует подобрать такие видеоматериалы, в которых визуальное изображение играет первичную, основную роль. Задача состоит в том, чтобы студенты синхронно озвучили изображение на экране при выключенном звуке. Студенты выступают в этом случае в роли комментатора или диктора новостей.

Другой вариант этого приема предполагает групповую работу студентов и проходит в форме игры. Преподаватель делит студентов на две группы. Одна группа рассказывает спиной к экрану, вторая — лицом, при этом студенты сидят друг напротив друга. Преподаватель предлагает студентам, сидящим лицом к экрану, описать все, что они видят как можно подробнее. Новости просматриваются без звукового сопровождения. Затем преподаватель просит тех, кто не видел экрана, пересказать содержание сообщения, описать происходящее, место действия и действующих лиц. После этого видеосюжет просматривается всеми студентами со звуком, сравнивается и обсуждается.

«Сток-кадр» — нажатие кнопки «пауза». Этот прием дает возможность подробно и детально описать кадр, в данный момент находящийся на экране: действующие лица, окружающая обстановка, данные статистики, таблицы, графики, цифровые данные и т.д.

Итак, успешность восприятия и понимания иноязычных текстов теленовостей зависит от уровня сформированности у студентов умений соотносить компоненты экранного контекста, воспринимая их одновременно и используя каждый их них как опору при выявлении смысла текста, т.е. специальных умений видеоаудирования. Данные умения достаточно сложны и для их формирования требуется целенаправленное обучение путем выполнения соответствующих упражнений.

индивидуальных особенностей и желаний. Значительная часть студентов сомневается в сделанном выборе, либо недовольна выбором (ориентирована на другие профессии), т.к. поступление связано с определёнными обстоятельствами (материальная обеспеченность, высокий конкурс на ряд факультетов и т.д.), либо испытывает затруднения с выбором будущей профессии вообще. Очевидно, что неустойчивость, неуверенность в выборе с самого начала обучения в вузе отражается и на мотивации учебно-профессиональной деятельности, и на процессе адаптации студентов к вузу. В этом плане важно исследовать, как адекватность профессионального самоопределения, удовлетворённость сделанным выбором связана с мотивацией учения и процессом адаптации к обучению в вузе.

Исследование процесса профессионального самоопределения осуществлялось Е.А. Климовым [5], Н.С. Пряжниковым [10] и др., однако в них не отражены проблемы, связанные с начальным этапом обучения в вузе и мотивацией учебно-профессиональной деятельности.

Проблеме мотивационной готовности первокурсников к учению в вузе посвящены работы Л.Ф. Алимской, Л.М. Беляевой, Г.А. Бокаревой, Е.Е. Волковой, А.К. Громцевой, М.С. Капелевич, В.А. Раутен, Е.В. Щельковой и др. В работах психологов Е.В. Вальтеран, Н.А. Зенковой, И.Ф. Нестеровой, М.А. Силковой раскрывается психологическая готовность студентов к учебной и профессиональной деятельности, даётся характеристика её компонентов в комплексе. Несмотря на значительный интерес к проблеме мотивации учебно-профессиональной деятельности студентов в течение нескольких десятилетий (А.Г. Бугрименко, В.А. Петросов, Л.М. Разорина, Ф.М. Рахматуллина, Е.В. Сокольская и др.), она не утратила свою актуальность в современный период. Более того, современные исследования в области становления личностной зрелости (А.Л. Журавлёв), мотивационной зрелости (А.К. Маркова, Т.А. Матис, А.Б. Орлов), профессиональной зрелости (Е. Гинцберг, Д. Сьюпер, А.П. Чернявская), внутренней мотивации (Э.Л. Дисси, Р. Раян, В.И. Чирков) и мотивации достижения успеха (Т.О. Гордеева) позволили в новом ракурсе рассмотреть данную проблему. Проблема развития внутренней мотивации, мотивации достижения как длительного процесса самодетерминации личностью своего жизненного и профессионального пути особенно актуальна для начального этапа учения в вузе.

Адаптации первокурсников к условиям вуза, а также особенностям учебной деятельности в этот период посвящён ряд исследований современных психологов (А.А. Реан, А.Р. Кудашев, А.А. Баранов и др.). Эффективность вхождения в вузовскую жизнь определяется, с одной стороны, общей подготовкой (знаниями, умениями и т.д.) и уровнем психического развития (интеллект, способности и т.д.), а с другой — мотивацией (желанием получить высшее образование, профессиональными намерениями, познавательными и профессиональными интересами и т.д.). В процессе адаптации к условиям учения в вузе происходит перестройка мотивационной сферы студента. Вместе с тем, детально не исследована связь характеристик мотивационной сферы первокурсников с успешностью их адаптации в период вхождения в вузовскую жизнь. При этом необходимо также исследовать и учитывать, как связаны процессы самодетерминации, самоопределения и адаптации.

В нашем исследовании была поставлена цель проанализировать в контексте профессионального самоопределения мотивацию учения студентов-первокурсников и успешность их адаптации.

В ходе исследования проанализированы мотивы учения студентов-первокурсников с точки зрения успешности процесса самоопределения и удовлетворённости сделанным профессиональным выбором. Для исследова-

ния профессионального самоопределения и характеристик мотивационной сферы нами были использованы следующие методики: «Неоконченные предложения» — модификация «Методики мотивационной индукции» Ж. Нюттена, «Мотивы учения» — модифицированная «Методика определения осознаваемых мотивов учения школьников» А.Е. Богоявленской, «Методика диагностики мотивации достижения успеха» Т. Элерса, «Шкала потребности в достижении» Ю.М. Орлова. Исследование проводилось в 2007-2008 гг., в нём приняли участие студенты-первокурсники факультета математики и информатики, филологического факультета, факультета начальных классов Барнаульского государственного педагогического университета в количестве 104 человек.

На основе результатов тестирования было установлено, что на начальный период обучения в вузе самоопределившимися в будущей профессии являются 60,6% студентов. У них на вопросы, касающиеся выбора профессии даны определённые положительные, утвердительные ответы, они не сомневаются в сделанном выборе и довольны им. Например, при завершении предложения «Мой выбор профессии...» они отвечают следующим образом: «осуществление моей детской мечты», «осознан», «окончателен», «правильный», «обусловлен тем, что я люблю детей», «важен для меня и общества» и т.д.

Значительную часть выборки (21,1%) составляют студенты, которые либо не хотят в дальнейшем работать по приобретаемой специальности (педагогической), либо хотели бы перейти на другой факультет в том же вузе. Они уже осознают, что их учёба не соответствует профессиональным намерениям. Некоторые испытуемые указывают, что их выбор был «вынужденным», «является неверным шагом в жизни» и т.д. В предложении «Я мечтаю стать...» они пишут: «юристом», «менеджером», «врачом», «дизайнером», «психологом», «переводчиком» и т.д. Также в предложении «Если бы была возможность перейти на другой факультет (в другой вуз), я бы...» практически все студенты выразили желание перейти, причём называли конкретный вуз, факультет. Возникает вопрос: «Что побуждает студентов этой группы к учению в данный период?». Со студентами этой группы были проведены индивидуальные беседы, которые подтвердили результаты тестирования. В беседах выяснилось, что одни из них учатся с мыслью о том, что позже реализуют свои профессиональные намерения (сейчас главное — получить любое высшее образование, диплом), другие учатся из чувства долга перед родителями, часть студентов хотят перейти после первого курса в другой вуз (на другой факультет).

Третью группу (18,3%) составили испытуемые, которые не уверены в сделанном профессиональном выборе и выражают своё сомнение в его правильности. Предложение «Мой выбор профессии...» они закончили фразами: «не уверена, что сделала правильно», «не совпал с моими желаниями», «до конца не определён», «случайный» и т.д. Для предложения «В будущем я мечтаю стать...» типичны следующие завершения: «хорошим профессионалом», «матерью», «хорошим работником», «специалистом», «обеспеченным человеком». При этом, как правило, не упоминается та профессия, которую студенты приобретают в вузе. Часть студентов пропустила, не дополнила эти предложения. В этой группе чаще, чем в других, указывается, что на профессиональный выбор повлияли родители, учителя, родственники.

Как видно из процентного соотношения испытуемых, около 40% студентов первого курса не имеют выраженного интереса к получаемой профессии, не собираются в дальнейшем работать по специальности или неуверены в сделанном выборе.

Таким образом, нами было выделено три группы студентов с различными типами профессионального са-

моопределения, которые мы условно обозначили: «адекватно самоопределившиеся» (АС), у которых выбранный вуз соответствует предполагаемой будущей профессии, «неадекватно самоопределившиеся» (НС), у которых профессиональные интересы не совпадают с получаемым образованием, и «сомневающиеся в выборе» (СВ), испытывающие трудности с профессиональным самоопределением. Нами были выявлены особенности мотивации учения в каждой из групп испытуемых.

Табл. 1

Выраженность видов мотивов учения у студентов-первокурсников с различными типами профессионального самоопределения

Группа	Виды мотивов				
	Профессиональные, профессионального и личностного роста	Внутренние мотивы учения	Внешние мотивы учения	Сумма мотивов учения	Мотивация достижения успеха
1. АС	7,4	12,2	5,8	21,9	18,1
2. НС	7	11,2	5,5	20,8	16,7
3. СВ	6,3	10,4	5,1	19,1	15,8

В таблице 1 представлены средние значения по различным видам мотивов и мотивации учения в целом для каждого типа профессионального самоопределения. На основе однофакторного дисперсионного анализа не было выявлено достоверных различий по внешним мотивам учения. В то же время, получены статистически достоверные различия между исследуемыми группами по средним показателям профессиональных мотивов, мотивов профессионального и личностного роста ($F=6,4$; $p \leq 0,002$), внутренних мотивов учения ($F=5,8$; $p \leq 0,004$), мотивации достижения успеха ($F=3,2$; $p \leq 0,04$), мотивации учения в целом ($F=5,6$; $p \leq 0,005$). Различия между группами выражаются в устойчивой тенденции к уменьшению всех названных видов мотивов от группы студентов с адекватным профессиональным самоопределением — к группе студентов, не определившихся в профессиональном выборе; для группы с неадекватным профессиональным самоопределением характерны средние показатели мотивации учения.

Результаты исследования показали, что первая группа студентов (АС) обладает наибольшей количественной выраженностью разнообразных видов мотивов учения в целом, для неё характерна высокая внутренняя мотивация учения, мотивация достижения успеха и более развитые мотивы профессионального и личностного роста. Для второй группы (НС) характерна средняя выраженность изучаемых мотивов. Наиболее проблемной, с точки зрения мотивации учения, является третья группа (СВ). Студенты, испытывающие трудности в профессиональном самоопределении, обладают низкой мотивацией учения по отдельным её видам и в целом, а также низкой мотивацией достижения успеха.

В ходе данного исследования также выдвинуто предположение, что процесс профессионального самоопределения студента-первокурсника связан с успешностью прохождения адаптационного периода в вузе. Для исследования адаптации первокурсников использовалась ме-

тодика «Опросник социально-психологической адаптации» К. Роджерса-Р. Даймонда. Полученное по критерию Колмогорова-Смирнова нормальное распределение позволило утверждать, что выборка является репрезентативной.

Корреляционный анализ методом К. Пирсона показал статистически достоверную связь ($p \leq 0,05$) между адаптацией и следующими характеристиками мотивационной сферы личности:

- потребностью в достижениях ($r = 0,33$);
- мотивами личностного и профессионального роста ($r = 0,26$);
- внутренними мотивами ($r = 0,29$).

Рассмотрим эти связи более детально. У студентов с успешной адаптацией выражены мотивационные тенденции достижения успехов, личностного и профессионального роста, интерес к процессу и результату учения. Выраженная мотивация достижения успехов способствует более «плавному» вхождению в вузовскую жизнь и создаёт меньше проблем в учении. Эти данные свидетельствуют об устойчивой связи между мотивацией учения и успешностью адаптации к условиям обучения в вузе.

Методом однофакторного дисперсионного анализа были выявлены статистически значимые различия ($F=3,8$; $p \leq 0,02$) между типами профессионального самоопределения студентов по интегральному показателю адаптации. Для первой группы (АС) среднее значение составляет 66,3 балла, во второй (НС) и третьей (СВ) группах — 65,1 и 59,2 баллов соответственно. Обнаружилась убедительная тенденция снижения показателей адаптации от первой группы студентов — к третьей. Для профессионально самоопределившихся студентов (АС и НС) характерна более успешная адаптация в вузе, чем для неопределившихся или сомневающихся в своём выборе, причём наиболее значительные различия отмечаются между второй и третьей группами. Поскольку сложности процесса адаптации связаны, в том числе, с особенностями профессионального самоопределения, работа со студентами должна быть, в первую очередь, направлена на помощь в самоопределении. Мы полагаем, что со студентами второй и особенно третьей групп необходимо проводить специально организованные мероприятия профориентационного плана, направленные на самопознание и профессиональное самоопределение, а также определение и осознание мотивов учебной деятельности, которые могут быть как индивидуальными, так и групповыми. Эта работа должна осуществляться как на факультетах, так и в рамках деятельности психологической службы вуза.

Таким образом, исследование показало, что мотивы учения у студентов значительно отличаются в зависимости от успешности процесса самоопределения и удовлетворённости сделанным выбором. Исследование также показало, что успешной адаптации в начальный период учёбы в вузе способствует выраженная мотивация достижения успехов, внутренняя мотивация учения и мотивация профессионального и личностного роста. Данные свидетельствуют о том, что успешно самоопределившиеся студенты более адаптированы к новым условиям учения, чем студенты, неуверенные в сделанном профессиональном выборе или неудовлетворённые им.

Библиографический список

1. Бургименко, А.Г. Внутренняя и внешняя учебная мотивация у студентов педагогического вуза // Психологическая наука и образование. — 2006. — №4.
2. Гордеева, Т.О. Психология мотивации достижения / Т.О. Гордеева. — М., 2006.
3. Журавлев, А.Л. «Социально-психологическая зрелость»: обоснование понятия // Психологический журнал. — 2007. — Т. 28. №2.
4. Зенкова, Н.А. Психологическая модель готовности студентов первого курса к обучению в вузе: дис. ... канд. психол. наук. — Тамбов, 2003.

5. Климов, Е.А. Психология профессионального самоопределения / Е.А. Климов. — 2-е изд., испр. — М., 2005.
6. Кон, И.С. Психология юношеского возраста / И.С. Кон. — М., 1979.
7. Маркова, А.К. Формирование мотивации учения / А.К. Маркова, Т.А. Матис, А.Б. Орлов. — М., 1990.
8. Нестерова, И.Ф., Вальтеран, Е.В., Силкова, М.А. Диагностика психологической готовности абитуриентов и студентов педагогического факультета к профессиональной деятельности на основе компьютерного тестирования http://university.tversu.ru/teachers_conference.Phtml
9. Петросов, В.А. Психологические условия формирования профессиональной мотивации у студентов — будущих менеджеров: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — М., 2006.
10. Пряжников, Н.С. Психология труда и человеческого достоинства / Н.С. Пряжников. — М., 2005.
11. Разорина, Л.М. Соотношение мотивации и представлений у студентов университета о будущей профессиональной деятельности: на примере деятельности учителя: дис. ... канд. психол. наук. — М., 2000.
12. Рахматуллина, Ф.М. Мотивационная основа учебной деятельности и познавательная активность личности // Психологическая служба в вузе. — Казань, 1981.
13. Реан, А.А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика / А.А. Реан, А.Р. Кудашев, А.А. Баранов. — СПб., 2006.
14. Чернявская, А.П. Психологическое консультирование по профессиональной ориентации. — М., 2003.
15. Чирков, В.И. Самодетерминация и внутренняя мотивация поведения человека // Вопросы психологии. — 1996. — № 3.
16. Эльконин, Д.Б. Психология обучения младшего школьника / Д.Б. Эльконин. — М., 1974.
17. Crites J. Vocational Psychology. The Study of Vocational Behavior and Development. — N. Y., 1969.
18. Deci E.L. The psychology of self-determination. Toronto: Lexington Books, 1980.
19. Deci E.L., Ryan, R.M. The «What» and «Why» of Goal Pursuits: Human Needs and the Self-Determination of Behavior // Psychological Inquiry. 2000. V. 11. № 4. P. 227-268.

Статья поступила в редакцию 12.08.08.

УДК 378

С.А. Владимирцева, канд. пед. наук, доцент ЧГПУ, г. Челябинск

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ В ШКОЛЕ

Теория формирования математических понятий считается наиболее разработанной в методике обучения математике. Тем не менее, основные понятия этой теории до сих пор используются без необходимого объяснения, либо их значение противоречит сущности и структуре математического понятия.

Ключевые слова: понятие; формирование понятия; модель понятия.

Построение любой теории в конкретной научной дисциплине происходит в рамках определённой парадигмы — того методологического каркаса, который задаёт главное направление развития теории. Теория формирования математических понятий в методике обучения математике уже больше столетия строится в соответствии с представлениями о категории понятия, заимствованными в классической логике. Существует более тридцати трактовок сущности понятия, предложенных логиками. Анализ основных характеристик понятия — его содержания и объёма позволил нам выделить две логические модели категории понятия, которые превалируют в логике на современном этапе. Мы их назвали **объектная и логико-информативная**.

Как показал анализ научной и учебной литературы, формирование математических понятий в школе осуществляется на основе объектной модели. Объектная модель категории понятия характеризуется следующими положениями:

1. термин понятие применяется для обозначения мысленного класса объектов реальной действительности и нашего сознания;
2. понятие образуется на основе выделения существенных свойств объектов некоторого класса и отвлечения от несущественных свойств этих объектов;
3. содержание понятия составляют существенные свойства объектов, объём понятия — сами объекты.

Анализ научной литературы, посвящённой изучению категории понятия, показал, что существует ряд противоречий между объектными представлениями о данной категории в логике и научными данными об «устрой-

стве» и образовании понятий в психологии и теории познания.

Процесс *формирования* математических понятий в современной методике обучения математике и практике обучения в школе осуществляется в рамках объектной парадигмы, основу которой составляет объектная трактовка математического понятия. Это приводит к ряду проблем, которые негативно отражаются на методической подготовке будущих учителей и, как следствие, приводят к отрицательным результатам в практике работы школы. В соответствии с объектной парадигмой, вводя новое понятие, учитель, как правило, представляет ученикам ряд объектов из объёма данного понятия. Ученикам предлагается назвать общие свойства этих объектов. Естественно, так как понятие для учащихся новое, то они называют как нужные, так и несущественные для формируемого понятия свойства. В результате либо учащиеся «угадывают» определение, либо диалог учителя и учащихся затягивается. В учебном пособии [2] приведён пример классического введения понятия *смежные углы*, в котором последовательно реализуются основные положения объектной парадигмы (с. 17).

Сразу заметим, что описанный способ образования понятия с точки зрения *теории познания* характерен для естественнонаучных понятий, например, физических, биологических, которые образуются в результате наблюдений реальных объектов (В.С. Швырёв, В.А. Лекторский и др.). Наука математика имеет дело с самого основания не с реальными объектами, а с *изучением* идеализированных объектов. В теории познания идеализированным объектам отводится одна из главных ролей в развитии теоретического знания. Идеализирован-

ный объект в математике — это мысленная конструкция, которая выступает как основа образования математического понятия. С точки зрения теории познания *идеализированный объект и понятие*, которое образуется на его основе, два различных термина, имеющих своё определённое значение. В дальнейшем мы, говоря об идеализированном объекте в математике, будем называть его *математическим объектом*. Новые понятия в науке математике, содержание которых составляют соответствующие математические теории, зарождаются в процессе изучения *известных*, а не новых объектов

В статье [3] обосновано, что структура и сущность математического понятия не укладывается в рамки объектной модели. Логическую модель, которая в большей мере, чем объектная, отражает логическую структуру математического понятия, мы назвали логико-информативной.

С точки зрения логико-информативной модели:

- понятие — это и слово, и смысл, и знак и представленная в свёрнутом виде вся та информация, которая накапливается в науке в процессе изучения соответствующего математического объекта;
- информация составляет содержание понятия, содержание понятия потенциально бесконечно;
- объём понятия состоит из понятий, которые уже данного;
- понятие объективно и однозначно, оно мыслится одинаково всеми, кто им владеет.

Большое значение в образовании понятия имеет знаковый образ — мысленное образование, которое служит базой для функционирования понятия в умственной деятельности. Понятие тесно связано со словом, с речью. Процесс образования научных понятий — длительный процесс, он может продолжаться всю жизнь. Если в объектной парадигме формирование понятия связывается в первую очередь с изучением его определения, то исходя из логико-информативных представлений о структуре математического понятия, акцент в изучении понятия переносится с его определения на изучение всей системы суждений о новом математическом объекте. Понятие отражает не только свойства, представленные в определении, но и является носителем всей информации, известной об изучаемом объекте на данный момент времени. Полученная в процессе изучения объекта информация логически упорядочивается, систематизируется, оформляется в теорию. Например, в результате изучения прямоугольного треугольника возникает следующая система суждений, которая с логической точки зрения и представляет собою содержание понятия «прямоугольный треугольник».

Пример 1. В треугольнике:

- а) один из углов прямой;
- б) сумма двух острых углов равна 90° ;
- в) квадрат одной из сторон равен сумме квадратов двух других сторон;
- г) высота, проведённая к большей стороне, разбивает его на два треугольника, подобных между собой, а также подобных исходному треугольнику;
- д) медиана, проведённая к большей стороне, равна её половине;
- е) площадь равна половине произведения двух его сторон;
- ж) синус одного из углов равен 1.

Логические связи между суждениями о математическом объекте и самим объектом (понятием) выражаются терминами свойство, признак, критерий понятия. В рамках теории формирования математических понятий эти термины также как и категория понятия являются неопределимыми. Их точные значения можно определить, используя аппарат математической логики.

Пусть x — некоторый математический объект. $P(x)$ означает « x есть P », где P — термин (название) данного понятия.

Определение 1. Суждение A , высказанное относительно объекта x , называется *признаком понятия P* , если истинно высказывание: $A(x) \in P(x)$.

Другими словами: суждение является признаком понятия в том случае, когда вследствие его выполнения для объекта x , данный объект можно назвать термином P , то есть, из истинности $A(x)$ следует, что $P(x)$ истинно.

Так в примере 1 все суждения, высказанные относительно треугольника, являются признаками прямоугольного треугольника.

Пример 2. Пусть x — четырёхугольник. Высказывание «Если диагонали четырёхугольника x точкой пересечения делятся пополам, то данный четырёхугольник x есть параллелограмм», которое высказано о произвольном четырёхугольнике x , является истинным. Следовательно, суждение «диагонали четырёхугольника точкой пересечения делятся пополам» является признаком параллелограмма.

Необходимо заметить, что в современной методической литературе термин «признак» зачастую используется не в том смысле, в котором он применяется в математике. Так к признакам биссектрисы относят: а) луч, б) выходит из вершины угла; в) делит угол пополам. Каждый из них является свойством биссектрисы, так как удовлетворяет следующему далее определению 2. Некоторые методисты считают, что признак — это теорема. Это неверный подход к пониманию значения термина «признак», поскольку в теореме всегда связаны два суждения, одно из которых и будет признаком понятия, о котором говорится в другом суждении. Например, имеет место теорема «Если диагонали параллелограмма перпендикулярны, то параллелограмм является ромбом». Признаком ромба будет не теорема, а перпендикулярность диагоналей параллелограмма. По этому признаку можно «опознать» ромб среди параллелограммов. Правильнее будет назвать эту теорему *теоремой о признаке ромба*.

Определение 2. Суждение A , высказанное относительно объекта x , называется *свойством понятия P* , если истинно высказывание: $A(x) \ni P(x)$.

Другими словами: суждение A называется свойством понятия P тогда и только тогда, когда без $A(x)$ нет и $P(x)$.

Так в примере 1 свойствами прямоугольного треугольника являются все суждения.

Пример 3. Высказывание «Если четырёхугольник является параллелограммом, то его две противоположные стороны равны» является истинным. Тогда, по определению, суждение «две противоположные стороны четырёхугольника равны» есть свойство параллелограмма. В самом деле, если у четырёхугольника найдётся пара противоположных сторон, которые не равны, то он не является параллелограммом.

Определение 3. Если суждение одновременно является свойством понятия и его признаком, то оно называется *критерием понятия*.

Так деление диагоналей четырёхугольника точкой пересечения пополам является критерием параллелограмма.

Термины признак, свойство, критерий используются относительно понятия. Если же речь идёт об отношении логического следования между суждениями, то используются термины: необходимое условие, достаточное условие, необходимое и достаточное условие.

Рассмотренные выше категории характеризуют, прежде всего, сущность понятия, его структуру. В описании же процесса изучения понятия используются термины «образование понятия», «усвоение понятия»,

«формирование понятия». Часто в научной и учебной литературе значение данных терминов не раскрывается. Нередко термины *усвоение и образование* понятия; *усвоение и формирование* понятия используются как синонимы, их значения отождествляются. Анализ процесса изучения понятий в школе, рассмотрение различных подходов к изложению его теоретических основ в учебных пособиях для студентов привели нас к выводу, что для характеристики данного процесса необходимы все три термина. Попытаемся раскрыть их значение.

Термином *усвоение понятия* характеризуется превращение той объективной информации, которая известна на данный момент о математическом объекте, в субъективное знание, знание конкретного ученика. Сущность категории «знание» в современной теории познания выражена формулой: знание — это информация + деятельность [5]. Здесь деятельность составляют действия индивида по присвоению данной информации и её применению. Знание — личное достояние человека. Информация доступна всем, но возможности превратить её в знания у каждого свои, опирающиеся на личный опыт и способности. В связи с таким подходом к трактовке категории «знание» будем понимать под *усвоением понятия* включение в ментальный опыт ребёнка существующей вне его, то есть объективно, научной информации об изучаемом объекте.

На основе знаний и «самодетельности» ребёнка происходит образование соответствующих психических структур, которые служат интеллектуальной основой образования понятия. Образование понятия есть результат его усвоения. Решение вопроса об образовании математических понятий - предмет психологической науки. В методике обучения математике (в учебном курсе для педвузов) данный вопрос может быть затронут лишь только на этапе описания методологических основ формирования математических понятий. Вслед за М.А. Холодной [6] будем понимать *образование понятия* как процесс превращения знания о некотором математическом объекте в субъективные ментальные структуры, существующие уже «внутри» опыта человека в качестве психических новообразований, составляющих базу для понятийного мышления. Этапы образования понятия: спонтанное понятие (образ-представление), предпонятие (общее представление), собственно научное понятие. Так как образование понятий — длительный процесс, который может продолжаться всю жизнь, то вряд ли возможно на уровне школьного учителя отследить появление *психических структур*, свидетельствующих об образовании понятия.

Процесс создания условий для усвоения учащимися понятия по своему смыслу не совпадает с усвоением понятия. Для характеристики данного процесса необходимо ещё один термин — *формирование понятия*.

Определяя значение данного термина, необходимо было учесть, во-первых, что содержание математического понятия представляет собою логически упорядоченную, систематизированную информацию. Во-вторых, необходимо было отразить, что информация усваивается в процессе деятельности учащегося по её изучению и применению. Деятельность учащихся способствует свёртыванию информации, превращению её в знания. Очевидно, способы деятельности не входят в структуру понятия, но овладение ими является необходимым условием образования научного понятия. Этот факт подтверждается экспериментальными исследованиями психологов методистов. А.А. Вербицкий писал: «Переход от информации к её применению опосредуется мыслью, что и делает эту информацию осмысленным знанием. Таким образом, чтобы получить статус знания, осознанного отражения действительности, информация с самого начала должна «примериваться» к действию, усваиваться в

его контексте» [1, с. 8]. Так как понятие — это не только слово, знак, но имеющая статус теоретического знания, информация, то высказывание А.А. Вербицкого в полной мере можно отнести и к понятиям. В-третьих, термином *формирование понятия* должно быть закреплено обоснованное психологами положение о том, что образование научного понятия успешнее протекает под руководством взрослых, а именно, под руководством учителя. Учитывая всё вышесказанное, под *формированием понятия* мы понимаем совместную деятельность учителя и учащихся, направленную на усвоение школьниками информации, составляющей содержание понятия, а также на усвоение способов деятельности с ней. В итоге результатом формирования математического понятия является его усвоение, а результатом усвоения является формирование математического понятия.

Процесс формирования понятия разворачивается постепенно и, как показывают исследования ряда учёных, проходит определённую последовательность этапов. Поскольку формирование понятия — это деятельность, то методику изучения математических понятий мы рассматриваем как ориентировочную основу этой деятельности.

Логико-информативная парадигма формирования математических понятий характеризуется тремя группами положений. Эти положения регламентируют функционирование основных объектов теории, задают их структуру. Первую группу составляют положения, описывающие логическую структуру понятия, способы его образования с точки зрения логико-информативной модели понятия. Во вторую группу входят положения, разработанные в психологии, о сущности, образовании понятия, его роли в развитии интеллекта. Третью группу представляют положения, в которых отражены особенности образования и структуры *математических* понятий. Приведём некоторые из них:

1. Понятие представляет для учащихся *объективную реальность*, которая находится *вне* познающего субъекта.

2. Содержание понятия есть некоторая *информация*, представленная либо в виде теории, либо в виде системы фактов (суждений), имеющая свою логическую структуру. При этом содержание понятия и его теория — разные категории.

3. Образование понятия происходит в процессе изучения некоторого идеализированного объекта.

4. Деятельность учащихся, способствующая образованию понятий, должна включать среди прочих следующие компоненты: кодировка информации, связанной с изучением понятия (образное, словесно-речевое, символическое представление информации); овладение содержанием понятия на том уровне, который задан программой учебного предмета с учётом индивидуальных особенностей ребёнка; применение понятия в конкретных ситуациях.

5. Роль и функции понятий в построении теоретического знания в школьной математике различны. Для функционирования одного понятия достаточен уровень образа-представления, другие же понятия вводятся посредством их определения, но дальнейшего развития не получают, третьи формируются на протяжении всех лет обучения математике, но теория понятия не имеет логического завершения (например, понятие числа), четвёртые представлены как относительно законченные математические теории (например, теории некоторых геометрических фигур).

6. Образованию математического понятия у школьников способствует усвоение способов деятельности с данным понятием.

7. Математическое понятие является теоретическим понятием, потому что создание правильного «нагляд-

ного» (знакового) образа математического понятия — одна из важнейших задач его формирования.

Разрабатывая логико-информативную теорию формирования математических понятий, мы ставили перед собою задачу создать такую схему изучения математических понятий, которая в полной мере отражала бы процесс их формирования с учётом логической структуры понятия, и в то же время была бы краткой, удобной для запоминания. С учётом выше сформулированных положений, мы предлагаем следующую схему формирования математического понятия.

Основные этапы формирования математического понятия:

- Подготовительный этап.
- Введение нового математического объекта (заканчивается его определением).
- Изучение определения.
- Изучение содержания понятия.
- Обучение применению понятия.

На первый взгляд данная схема мало отличается от тех, которые приводятся в учебных пособиях по методике обучения математике для студентов вузов. Традиционно главным в формировании математических понятий считается этап работы, направленный на усвоение учащимися определения понятия, поскольку именно в определении сконцентрировано содержание понятия (с объектной точки зрения). В связи с логико-информативной моделью математического понятия в предложенной схеме основным является этап изучения содержания понятия. Кратко охарактеризуем каждый этап.

Основная задача подготовительного этапа — создать условия для успешной дальнейшей деятельности школьников по изучению нового понятия. Усвоение определения по нашей схеме осуществляется в два этапа: *введение понятия и изучение определения*. Этап введения посвящается рассмотрению такого объекта, изучение которого и приводит к образованию понятия. Введение нового понятия традиционно осуществляется конкретно-индуктивным (от частного к общему) и абстрактно-дедуктивным способом (от общего к частному). Согласно логико-информативной парадигме введение нового объекта можно осуществить и другими способами. Их характеристика предложена в статье [4]. Традиционный этап *усвоения определения* по своему *результату* совпадает с выделенным в нашей схеме этапом введения понятия, который заканчивается определением нового объекта или его истолкованием. Этап *изучения определения* по своим целям и содержанию не вполне совпадает с тем этапом, который выделяет большинство учёных. Мы использовали в названии этапа слово «*изучение*» неслучайно. Данный термин в большей мере соответствует той деятельности, которая осуществляется на данном этапе. В объектной парадигме определение понятия понимается как логическая операция, которой надо *обучать*. При этом в практике обучения распространено мнение, что учащиеся могут «открыть» определение. Однако каждый математик знает, что определение не может быть «открыто». Оно выбирается автором теории среди других суждений об изучаемом объекте, которые эквивалентны между собою и отражают сущность понятия. Исходя из той роли, которую играет определение в структуре понятия, мы его рассматриваем как некоторое предложение определённой структуры. В нём вводится термин понятия и раскрывается его значение, то есть в определении представлена некоторая информация, которую надо *изучать*.

Один из этапов мы назвали *обучение* применять понятие, считая, что основные способы деятельности с новым понятием учащимся должен показать учитель.

В схеме не выделен этап, традиционно предлагаемый другими учёными, — этап систематизации поня-

тий. Это сделано по причине того, что обучение подобной деятельности осуществляется постоянно, на каждом этапе формирования понятия в процессе систематизации информации, составляющей содержание понятия.

В психологии и педагогике преодоление ребёнком определённого этапа фиксируется термином *уровень усвоения*. В научной литературе можно встретить различные иерархии уровней усвоения. Чаще всего они отражают движение ученика к поставленной цели с точки зрения тех интеллектуальных операций, которые преобладают на каждом этапе. В отсутствие единого мнения по поводу значения термина *уровень усвоения* каждый из авторов учебных пособий по методике обучения математике предлагает свою иерархию уровней усвоения понятия. Общим в решении данного вопроса является лишь то, что усвоение понятия ограничивается усвоением его определения. По нашему мнению, уровень усвоения любого материала, в частности, понятий, должен характеризоваться набором таких интеллектуальных действий, которые поддаются объективному *наблюдению и измерению*. В связи с тем, что математические понятия образуются вследствие усвоения информации о соответствующих математических объектах, целесообразно связать уровни их усвоения с объёмом и качеством усваиваемой учеником информации. В логико-информативной теории содержание понятия потенциально бесконечно, оно может пополняться всё новой информацией в процессе изучения соответствующего объекта. Исходя из этого, будем понимать под *уровнем усвоения математического понятия* определённый результат изучения содержания понятия учеником в рамках некоторой учебной темы, учебного предмета. Уровень усвоения понятия характеризуется той порцией информации и деятельностью с нею, которую сумел включить в свой ментальный опыт ученик в процессе изучения соответствующего математического объекта. Как следует из приведённой ниже таблицы, при изучении понятий акцент с усвоения «*существенных свойств*» понятия, входящих в состав его определения, смещён на усвоение той информации о нём, которая порождается в результате изучения теорем, других понятий, в процессе решения задач. В таблице приведена иерархия уровней усвоения понятия с точки зрения логико-информативной модели.

Уровни усвоения математического понятия

Уровни усвоения понятия	Деятельность ученика
Уровень конкретного примера	Умеет привести пример изучаемого объекта, узнаёт новый объект среди других
Уровень определения	Формулирует определение, понимает смысл всех его слов; умеет привести пример и контрпример, обосновывает свой выбор; умеет переформулировать определение, т.е. перекодировать информацию, сохранив её смысл; использует в рассуждениях тривиальные следствия из определения.
Уровень фактов	Формулирует теоремы, в которых речь идёт о свойствах или признаках понятия; применяет их исключительно по образцу. Это тот случай, когда ученик говорит: «Все теоремы знаю, а задачи решать не умею».
Уровень систематизации информации	Умеет выделить свойство или признак математического объекта в содержании теоремы или задачи; по-

	нимает смысл этих терминов; знает условия их применения в рассуждениях; правильно использует их в познавательной деятельности; умеет установить связь между суждениями и между понятием и суждением; умеет составить логическую схему понятия.
Творческий уровень	Умеет применять усвоенную информацию для получения новых знаний; умеет исследовать изучаемые объекты, а именно, выявлять их свойства, высказывать гипотезы относительно признаков, проверять их путём доказательства; учитывает роль определения в структуре математической теории; самостоятельно проводит систематизацию информации и понятий; умеет применять усвоенную информацию в нестандартных ситуациях.

та — выделения учащимися из формулировки теоремы (задачи) суждения об изучаемом понятии (например, что именно *наличие равных и одновременно параллельных сторон в четырёхугольнике* позволяет назвать его параллелограммом), очень непросто.

В заключение подчеркнём основные мысли, развиваемые в данной статье.

Методика формирования математических понятий в современной школе функционирует на основе объектной модели структуры понятия. Так как сам процесс формирования математических понятий осуществляется по типу естественнонаучных, то учащиеся изначально лишены возможности получить ясную картину «мира математики». Для них остаются закрытыми те законы, которыми необходимо руководствоваться в самостоятельной познавательной деятельности. Понятие в сознании студентов и школьников отличается бедностью содержания, отсутствием механизмов его использования в конкретных ситуациях. Образование многих понятий остаётся на уровне предпонятия. Знания о математических понятиях, которые учащиеся приобретают в процессе всей последующей деятельности, без специального их рассмотрения в связи с образованием понятия, в сознании обучающихся остаются «мёртвым грузом», неспособным выполнять свои когнитивные функции. При таком положении дел вряд ли можно говорить о том, что в процессе формирования понятий обогащается ментальный опыт учеников, происходит развитие их мышления. Объектная парадигма, в рамках которой осуществляется развитие теории, а вслед за ним и организация изучения понятий в школе, не соответствует современным взглядам учёных-психологов и философов на образование понятий и их структуру. Объектные представления о сущности понятия не только не помогают определиться методике формирования понятий в русле новых представлений о процессе обучения в школе, но и приводят к ряду проблем, как в теории, так и в практике обучения математике в школе. Развитие методики формирования математических понятий, становление её в качестве научной теории в рамках объектной парадигмы не представляется возможным.

Возникновение новых представлений о сущности и структуре понятия в теории познания послужило одной из предпосылок обновления теории формирования математических понятий в школе. На современном этапе можно говорить о логико-информативной парадигме развития теории формирования понятий в школе. Переход к новой парадигме в разработке методической концепции формирования математических понятий существенным образом может повлиять на организацию процесса обучения не только понятиям, но и другим компонентам содержания школьной математики.

Наши исследования показывают, что значительное число учащихся основной школы усваивают математические понятия только на уровне фактов, то есть они не достигают уровней усвоения содержания понятия. Такое положение означает, что *зона поиска* у таких учащихся при решении задач и проведении доказательств ограничена одним-тремя суждениями. Для того, чтобы усвоение информации о новом понятии соответствовало выделенным нами уровням систематизации информации и творческому уровню, необходимо вести целенаправленную работу по формированию умений устанавливать логические связи, как между суждениями, так и между суждением и понятием.

Анализ структуры математического понятия, наблюдения учебного процесса в школе привёл нас к выводу, что основными действиями по логическому упорядочению суждений являются: 1) вычленение суждений о понятии из содержания теорем и формулировок задач; 2) определение «статуса» суждения в структуре математического понятия. Эти действия необходимы для логического упорядочения и систематизации изучаемой информации, что в свою очередь способствует образованию соответствующего понятия. В современной методике этим действиям не уделяется должного внимания. Обучение школьников выделенным действиям требует отдельного рассмотрения. Но нельзя не отметить, что добиться такого, на первый взгляд, простого результа-

Библиографический список

1. Вербицкий, А. А. Контекстное обучение: теория и технология // Новые методы и средства обучения, № 2 (16). Педагогические технологии контекстного обучения / Под ред. А. А. Вербицкого. — М.: Знание, 1994.
2. Виноградова, Л. В. Методика преподавания математики в средней школе: учеб. пособие / Л.В. Виноградова. — Ростов н / Д: Феникс, 2005.
3. Владимирцева, С.А. Логико-информативная модель математического понятия как методологическая модель процесса формирования математических понятий в школе // Наука и школа. — 2007. — № 6.
4. Владимирцева, С.А. О разных подходах к введению математических понятий // Математика в школе, 2005. — №7.
5. Микешина, Л.А. Философия науки. — М.: Прогресс Традиция: МПСИ: Флинта, 2005.
6. Холодная, М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. Второе дополненное и переработанное изд. — СПб.: «Питер», 2002.

Статья поступила в редакцию 15.08.08.

УДК 373.7

О.И. Статирова, аспирант ЧГАКИ, г. Челябинск

УПРАВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ САМООБРАЗОВАНИЕМ ПЕДАГОГОВ В СИСТЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

Рассматривается профессиональное самообразование педагогических работников в системе повышения квалификации и возможности использования информационно - коммуникационных технологий для управления самообразовательной деятельностью педагогов.

Ключевые слова: активизация, самообразование, информатизация, педагог, повышение квалификации.

Новая экономика, основанная на знаниях, требует новых профессиональных кадров и четко формулирует задачи, стоящие перед образованием. В условиях реформирования образовательной системы, направленного на повышение качества, доступности и эффективности образования, изменяются требования, предъявляемые к педагогу. Решение стоящих перед ним задач невозможно без осознания своей общественной значимости, высокой личной ответственности и познавательной активности в любом возрасте — только готовность к постоянному профессиональному самообразованию позволит ему адаптироваться в новых условиях. Изменение парадигмы образования, важнейшей составляющей которой является идея непрерывного образования, ставит перед системой повышения квалификации педагогических работников необходимость поиска и внедрения в практику новых технологий обучения взрослых, стимулирующих образовательную активность личности.

Вместе с тем, одним из важнейших механизмов модернизации российского образования является его информатизация. Под информатизацией образования понимается целый комплекс социально-педагогических преобразований, связанных с насыщением общей и профессиональной школы информационной продукцией, средствами и технологиями. Современные информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) открывают новые возможности вхождения человека в информационное общество и предъявляют особые требования к процессу обучения и самообразования, заставляют искать новые решения в развитии информационно-инструментальной базы и методического обеспечения системы непрерывного образования и самообразования.

Актуальность вопросов, связанных с эффективным управлением профессиональным самообразованием педагогов в системе повышения квалификации в условиях информатизации образования, становится очевидной.

Для экспериментальной отработки моделей информатизации системы образования на уровне образовательных учреждений, муниципалитетов и регионов в целом в марте 2005 года в семи пилотных регионах России, в том числе в Челябинской области, началась реализация проекта Национального фонда подготовки кадров «Информатизация системы образования». Проект «ИСО» решает вопросы информатизации учебных заведений в тесной связи с повышением качества образовательного процесса, изменением парадигмы образования, способов педагогической деятельности. Информатизация здесь понимается как трансформация содержания, методов и организационных форм учебной работы с целью подготовки выпускников образовательных учреждений к жизни в условиях информационного общества.

Проект ИСО является целостным и системным, охватывая три ключевые составляющие образовательной практики: содержание образования, методы обучения и педагогические кадры и, соответственно, реализуется по трем направлениям [1]:

Учебные материалы нового поколения (разработка, проверка в экспериментальных образовательных учреждениях, доработка с учетом поступивших замечаний, широкая апробация в условиях реального учебного процесса).

Профессиональное развитие педагогов в области применения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для целей образования (формирование базовой ИКТ-компетентности работников образования различных категорий, включая преподавателей всех предметов, работников управления, библиотекарей и т.п.). При этом предусматривается достижение следующих целей:

- формирование у слушателей представлений о современных ИКТ, сферах их использования в информационной деятельности человека и возможности их использования в образовании;
- формирование у слушателей устойчивых навыков использования ИКТ в их профессиональной деятельности;
- формирование у слушателей способности понимать организацию и устройство ИКТ-среды своего образовательного учреждения и эффективно использовать возможности этой среды в своей повседневной работе, в том числе во взаимодействии с учащимися, их родителями и общественностью, с методическими структурами и иными образовательными учреждениями, включая управление образованием, а также с отдельными сотрудниками этих учреждений;
- формирование у слушателей навыков проектной деятельности в условиях ИКТ-среды своего образовательного учреждения, а также проектирование отдельных направлений и мероприятий по ее использованию.

Создание системы межшкольных методических центров для обеспечения постоянной методической и технической поддержки информатизации, информационного обеспечения этого процесса, организации повышения квалификации педагогических и руководящих кадров всех учреждений общего и начального профессионального образования.

Челябинский институт развития профессионального образования (ЧИРПО) стал участником проекта «ИСО», специально для этого создав структурное подразделение — «межшкольный методический центр» (ММЦ), вся деятельность которого происходила в соответствии с направлениями реализации проекта и касалась непосредственно 46 образовательных учреждений (начального профессионального образования и дополнительного образования детей) города Челябинска. Одновременно с этим, ЧИРПО осуществлял управление содержанием методической работы в системе начального профессионального образования (НПО) всего региона в целом, в том числе научно-методическое сопровождение управленческой и образовательной деятельности учреждений НПО, СПО.

Таким образом, институт имел возможность не только набирать свой собственный опыт по информати-

зации прикрепленных в рамках проекта учреждений, но исследовать и направлять происходящие процессы информатизации в учреждениях НПО всей Челябинской области. Специфика участия ЧИРПО в проекте обуславливается, прежде всего, двумя обстоятельствами:

Из всех семи пилотных регионов только в Челябинской области в проект «ИСО» вошли учреждения начального профессионального образования, их отличие от общеобразовательных школ очевидно, именно ММЦ ЧИРПО, опираясь на основную деятельность института, имел возможность квалифицированно учесть эти особенности и в вопросах информатизации.

ММЦ ЧИРПО стал единственным межшкольным методическим центром, созданным на базе учреждения дополнительного профессионального образования, то есть учреждения, изначально имеющего одним из основных направлений деятельности учебную работу в рамках системы повышения квалификации руководящих и педагогических работников и строящего эту работу на научной основе, учитывая специфику образования взрослых, идею непрерывности образования и необходимости самообразовательной деятельности педагогов для достижения уровня профессиональной компетенции, отвечающего требованиям модернизации образования.

Имея в виду весь накопленный сотрудниками института опыт работы, ЧИРПО в течение последних трех лет осуществлял активную деятельность по всем направлениям информатизации системы НПО Челябинской области, в том числе и с целью развития ИКТ-компетентности педагогов, изначально понимая, что это должно стать пропедевтическим этапом, предшествующим эффективному использованию ИКТ в профессиональной педагогической деятельности. Базовый уровень компьютерной грамотности не есть профессиональная педагогическая ИКТ-компетентность, а достаточный уровень этой компетентности может быть достигнут основной массой педагогов как результат последующего самообразования с опорой на реальную практику самостоятельного использования ИКТ в своей профессиональной деятельности.

Регулярные эмпирические исследования состояния информатизации образовательных учреждений и эффективности применения ИКТ в них позволяли вносить необходимые корректировки в осуществляемые в этом направлении мероприятия и судить о достигнутых результатах.

Проводя исследование, мы исходили из положения о том, что педагогическое освоение средств ИКТ вызывает трансформацию всего образовательного процесса, а результаты информатизации проявляются, в том числе и в виде новых образовательных практик, использующих ИКТ [2]. По устойчивости этих практик можно судить об эффективности информатизации на уровне каждого образовательного учреждения и системы в целом. При этом аспекты проявления информатизации крайне многообразны, но не все из них могут быть зафиксированы и оценены в условиях конкретного образовательного учреждения. В своих исследованиях мы использовали три группы показателей, которые доступны для оценки и, на наш взгляд, достаточно полно отражают процесс информатизации:

1) **Технологические.** Известно, что технологические ресурсы, которые поставляются в образовательные учреждения, сами по себе не приводят к изменениям в образовательном процессе, но в условиях России различия в техническом оснащении образовательных учреждений слишком велики, чтобы не обращать на них внимание. Поэтому мы считаем, что данные о техническом оснащении должны присутствовать в явном виде среди показателей информатизации.

2) **Организационные,** отражающие целенаправленную организационную работу внутри учреждения по

обеспечению доступности средств ИКТ для различных категорий сотрудников, учащихся и их родителей. Индикаторы создания организационных условий позволяют судить о создании целостного информационного пространства образовательного учреждения, новых регламентах работы, формировании команды заинтересованных педагогов, продвигающих ИКТ в учебный процесс и др.

3) **Кадровые** — ИКТ-компетентность руководящих и педагогических работников, которую можно определить как готовность и способность работников учреждения работать, используя доступные им средства ИКТ для решения своих профессиональных задач.

При отборе соответствующих индикаторов, кроме собственно показателей по количеству обученных компьютерной грамотности педагогических работников и реально владеющих ИКТ, необходимо учитывать различные варианты использования педагогами ИКТ в учебном процессе, отношение их к цифровым образовательным ресурсам (ЦОР), использование средств ИКТ в управленческом и воспитательном процессах образовательного учреждения, поэтому мы в своем исследовании учитывали следующее:

- 1) общее количество инженерно-педагогических работников (ИПР) образовательных учреждений, владеющих ИКТ;
- 2) количество ИПР, прошедших обучение базовым ИКТ в межшкольных методических центрах в рамках проекта «Информатизация системы образования» Челябинской области;
- 3) количество педагогов, уверенно и регулярно использующих ИКТ в своей профессиональной деятельности;
- 4) количество педагогов, использующих ИКТ только для подготовки к занятиям;
- 5) количество педагогов, использующих ИКТ для подготовки к занятиям и для проведения занятий во фронтальном режиме (с использованием компьютера, проектора и экрана);
- 6) количество педагогов, использующих ИКТ для подготовки к занятиям и для проведения занятий не только во фронтальном режиме, но и в аудитории, в которой все рабочие места учащихся также оснащены компьютерами;
- 7) количество педагогов, использующих только готовые цифровые образовательные ресурсы (из коллекций ЦОР, электронных учебников и др.);
- 8) количество педагогов, использующих не только готовые ЦОР, но и создающие собственные;
- 9) количество педагогов, использующих цифровые инструменты и технологии для организации учебного процесса;
- 10) количество педагогов, использующих ИКТ во внеклассной работе;
- 11) количество руководителей, активно использующих ИКТ в своей деятельности.

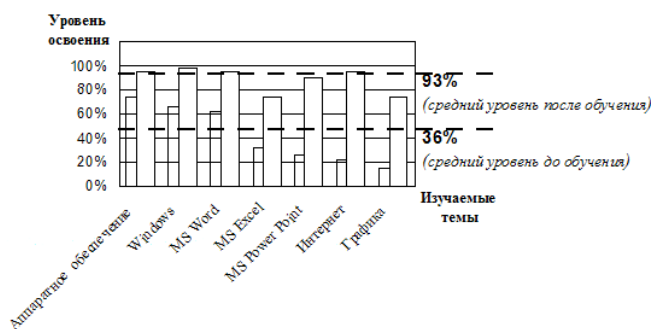

Рис. 1. Итоги обучения педагогов базовой компьютерной грамотности

Проведенные измерения показали, что в настоящий момент (на начало 2008 года) 69% всех руководящих и педагогических сотрудников учреждений начального профессионального образования (УНПО) владеют ИКТ-компетенциями, при этом 49% от общего числа прошли базовый курс компьютерной грамотности в межшкольных методических центрах в рамках проекта «Информатизация системы образования». Результатом обучения стало овладение слушателями комплексом основополагающих знаний по компьютерным технологиям. Представленная диаграмма (рис. 1) отражает итоги обучения в сравнении с исходным состоянием по отдельным темам курса и средний уровень, выраженный в процентах («до обучения» — 36%; «после обучения» — 93%).

По результатам исследования, в учреждениях НПО Челябинской области 42% педагогов активно используют ИКТ только для подготовки к занятиям, практически такое же количество не только готовятся, но проводят учебные занятия во фронтальном режиме, и лишь 21% педагогов области реализуют свои ИКТ — компетенции в том числе при проведении занятий в аудиториях, в которых рабочие места учащихся оснащены компьютерами, что, несомненно, требует более высокого уровня ИКТ-подготовленности.

По отношению педагогов к цифровым образовательным ресурсам (ЦОР) также можно судить об эффективности использования ИКТ. Не смотря на то, что в целом примерно половина сотрудников УНПО области используют не только готовые ЦОР, но и создают свои собственные, эта ситуация не однородна в целом по области — в некоторых районах отношение «используют готовые» к «создают собственные» составляет 25% к 75%, в то время, как в Челябинске это отношение — 69% к 31% (рис.2).

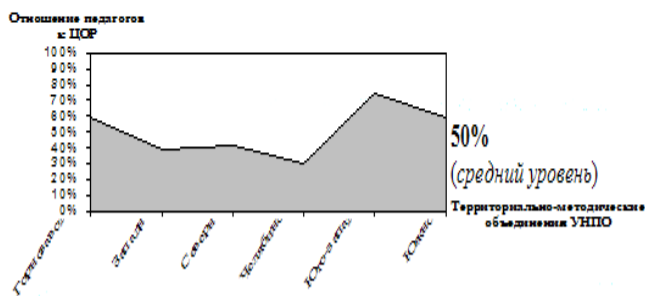

Рис. 2. Использование педагогами цифровых образовательных ресурсов

Кроме того, 43% педагогов используют цифровые инструменты и технологии для организации учебного процесса (базы данных, тестовые оболочки, электронные таблицы и т.д.), 42% применяют ИКТ во внеклассной работе, а 74% руководителей образовательных учреждений используют возможности ИКТ в своей профессиональной деятельности.

Совокупный показатель ИКТ-компетентности педагогических кадров, включающий все приведенные выше данные, имеет нормальное распределение частотности значений по их интервалам и позволяет для дальнейших исследований использовать параметрические статистические методы, которые в свою очередь приводят к следующим результатам:

Проведенный корреляционный анализ свидетельствует о существовании согласованного изменения (при уровне значимости $p < 0,05$):

1. между уровнем технологического оснащения образовательных учреждений и уровнем ИКТ-компетентности его сотрудников ($r=0,39$ — умеренная интенсивность связи);
2. между уровнем технологического оснащения образовательных учреждений и уровнем доступности средств ИКТ ($r=0,11$ — слабая интенсивность);

3. между уровнем ИКТ-компетентности сотрудников образовательного учреждения и уровнем обеспечения организационных условий использования средств ИКТ в нем ($r=0,50$ — заметная интенсивность).

Расчет многочисленных двухвыборочных t -тестов с разными дисперсиями (t -критерий Стьюдента) позволил проанализировать выявленные причинно-следственные отношения:

- в тех случаях, когда локальная сеть образовательного учреждения охватывает не только кабинет информатики, но и другие учебные и (или) административные помещения, реальный уровень ИКТ-компетентности руководящих и педагогических работников повышается (различия достоверны, т.к. $t_{\text{стат}}=1,76 > t_{\text{крит}}=1,67$);
- если в образовательном учреждении обеспечен выход в Интернет даже для учащихся, то это положительно сказывается на уровне ИКТ-компетентности руководящих и педагогических работников (различия достоверны, т.к. $t_{\text{стат}}=2,93 > t_{\text{крит}}=2,10$);
- общий уровень технологической оснащенности образовательного учреждения существенно зависит от наличия четко определенных правил использования технических средств ИКТ (принтеров, проекторов, компьютеров), находящихся в общем доступе (различия достоверны, т.к. $t_{\text{стат}}=2,80 > t_{\text{крит}}=2,03$);
- в тех образовательных учреждениях, где организована методическая (а не техническая!) поддержка использования ИКТ педагогами, кадровый потенциал образовательного учреждения становится существенно выше (различия достоверны, т.к. $t_{\text{стат}}=2,85 > t_{\text{крит}}=2,18$). Причем, наилучший результат оказывается там, где такую поддержку осуществляет заместитель директора по научно-методической работе, который не рассматривает информатизацию как самоцель, а ИКТ связывает с педагогическими инновациями вообще, и видит в них возможность модернизации образовательной деятельности учреждения.

Проведенное исследование показало, что не все педагоги, владеющие ИКТ (имеющие навыки использования), уверено и регулярно применяют их в своей профессиональной деятельности. Данные, приведенные на диаграмме (рис.3), свидетельствуют о том, что если среднее по Челябинской области количество педагогических работников «владеющих ИКТ», составляет 69%, то «уверенно использующих» лишь 45% от общего числа сотрудников УНПО, причем разброс значений по области весьма существенен, и имеет наименьшее значение в Челябинске. Кроме того, можно утверждать о существовании заметной интенсивности корреляционной связи (статистическая значимость $p \leq 0,05$) между обучением педагогов на базе ММЦ и последующим использованием ими ИКТ в своей деятельности (коэффициент корреляции $r=0,599$).

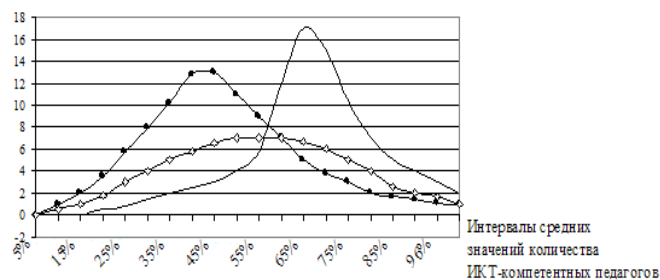

Рис. 3. Частотное распределение ИКТ-компетентных педагогов

- 1 - владеющие ИКТ педагоги (среднее значение по области 69%)
- 2 - педагоги, уверенно использующие ИКТ (среднее значение по области 45%)
- ◇— 3 - педагоги, освоившие ИКТ на базе ММЦ (среднее значение по области 49%)

Такая связь объясняется изначально профессионально-направленным обучением в ММЦ (не просто компьютерная грамотность, а педагогическая) и возможностью постепенного закрепления полученных знаний на практике параллельно (одновременно) с обучением, ведь проектом «ИСО» сразу был оговорен режим проведения занятий один раз в неделю. Первенство ММЦ Челябинского ИРПО в вопросе эффективности обучения педагогов было обеспечено системным подходом к вопросам повышения квалификации руководящих и педагогических сотрудников с учетом акмеологии, андрологии, принципа непрерывности профессионального образования и необходимости активизации самообразовательной деятельности слушателей для достижения наилучшего результата.

Решение поставленной задачи институтом рассматривалось комплексно и осуществлялось в несколько этапов.

1. Пропедевтический этап — собственно получение педагогами базовых знаний по компьютерным технологиям, к которым относят основные понятия об аппаратном и программном обеспечении, интерфейс операционной системы Windows, основах работы с программным пакетом Microsoft Office (Word, Excel, PowerPoint), а также принцип работы в глобальной сети Интернет.

2. Адаптация базовых знаний для возможности решения различных образовательных задач, в том числе методические основы подготовки дидактических материалов средствами MS Office, использование Интернета и электронных образовательных ресурсов в педагогической деятельности и др.

3. Организация самостоятельной работы слушателей по применению полученных знаний для создания практико-ориентированных (учетом содержания предмета, профессии) выпускных работ. При этом саму процедуру защиты созданных работ мы считали одной из форм повышения квалификации педагогов, организуя их квалифицированную экспертизу и подробное обсуждение результатов.

Первые три этапа осуществлялись в рамках предусмотренной Проектом «ИСО» курсовой подготовки и были дополнены одновременным решением вопросов, связанных с активизацией самообразования слушателей. Под активизацией самообразования педагога в системе повышения квалификации (СПК) — мы понимаем «побуждение педагога к активному включению в работу над индивидуальной методической темой в период курсовой подготовки, обеспечивающееся высоким уровнем мотивации на постоянное самообразование, сформированной потребностью личности в самостоятельном поиске и усвоении необходимых знаний и совершенствовании профессиональных умений, способствующее развитию инициативности и готовности педагога к удовлетворению познавательных потребностей и достижению качества педагогического труда» [3, с. 28].

Мероприятия по активизации самообразовательной деятельности включали мотивационно-диагностический, плано-прогностический и содержательно-методический этапы, используемыми при этом методами были диагностика, проектная деятельность, самоконтроль и самооценка результатов и рефлексивные методы; а используемыми средствами — фонды и электронные каталоги библиотеки-медиаотеки института, глобальная сеть Интернет, интерактивная доска, различный диагностический инструментарий (по изучению профессиональных затруднений и уровня самообразования педагога).

Следом за курсовой подготовкой институтом был развернут целый комплекс мероприятий по управлению профессиональным самообразованием педагогов. Считая, что несмотря на гибкость и большую индивидуализацию самообразования его нельзя рассматривать как стихийный процесс [4], методисты и преподаватели

ЧИРПО осуществляли целенаправленное педагогическое сопровождение (консультации, проблемные семинары, мастер-классы и др.) педагогов в их профессиональном самообразовании.

На всех вышеперечисленных этапах информационные и коммуникационные технологии выступали и в качестве средства самообразования и в качестве инструмента управления этим процессом.

ИКТ обладают уникальными возможностями, использование которых создает предпосылки для интенсификации самообразовательной деятельности, а также создания методик, ориентированных на развитие личности обучаемого и его профессиональных компетенций. К таким возможностям относятся [5]:

5. незамедлительная обратная связь между пользователем и программно-аппаратными средствами;

6. компьютерная визуализация учебной информации об объектах или закономерностях процессов, явлений, как реально протекающих, так и «виртуальных»;

7. архивное хранение больших объемов информации с возможностью ее передачи, а также легкого доступа и обращения пользователя к базам данных;

8. автоматизация процессов вычислительной и информационно-поисковой деятельности, в том числе для обработки результатов учебного эксперимента;

9. автоматизация процессов информационно-методического обеспечения и организационного управления учебной деятельностью и контроль результатов обучения.

Сформулированные выше возможности ИКТ позволяют использовать их в системе повышения квалификации сразу в нескольких направлениях:

- как средство получения знаний, совершенствующее процесс самообразования, повышающее его эффективность и качество;
- как инструмент познания окружающей действительности и самопознания;
- как средство развития личности обучающегося;
- как объект изучения (например, в рамках совершенствования навыков работы с информационными технологиями);
- как средство информационно-методического обеспечения и управления процессом самообразования;
- как средство коммуникаций (например, в целях распространения и изучения передового педагогического опыта). ИКТ это не только инструмент получения, обмена и обработки колоссального объема информации, но и особая среда общения людей, не имеющая ни государственных, ни политических, ни экономических границ. Развитие телекоммуникационных сетей дает импульс развитию системы дистанционного обучения, позволяющего обеспечить постоянную научно-методическую поддержку профессиональной деятельности педагогов со стороны учреждений дополнительного профессионального образования и способствующего интеграции образования России в единую мировую систему;
- как средство самоконтроля, самокоррекции результатов самообразовательной деятельности и компьютерного тестирования;
- как средство автоматизации процессов обработки результатов эксперимента (лабораторного, демонстрационного);
- как средство организации интеллектуального досуга.

Применение современных информационных и коммуникационных технологий в учреждении дополнительно профессионального образования вызывает изменение способов деятельности, перестройку методов и организационных форм обучения; активизирует построение единой информационной среды образовательного учреждения, в рамках которой осуществляется эффективное сотрудничество участников учебного процесса;

интегрирует все виды деятельности учебного заведения в рамках единой методологии, основанной на применении информационных и коммуникационных технологий; обеспечивает постоянное обогащение и обновление содержания учебного материала и поддержку различных форм самообразования (в том числе, дистанционное обучение), а также обеспечивает непрерывную подготовку специалистов в области использования средств ИКТ.

Таким образом, применение ИКТ в самообразовании ускоряет темпы обучения, повышает его эффективность и качество; активизирует индивидуальную (самостоятельную) работу слушателей, интенсифицирует процесс обучения; повышает у обучающихся познавательный интерес. При этом активное включение педагога в лично-значимую деятельность, управляемую уч-

реждением дополнительного профессионального образования, способствует развитию таких профессионально-личностных качеств специалиста, как активность, инициативность, самостоятельность, самоорганизованность, готовность к самообразованию, и обеспечивает ему достижение высоких результатов в педагогической деятельности и общественной активности.

В свою очередь, управление профессиональным самообразованием педагогов в системе повышения квалификации обеспечивает непрерывность профессионального образования, необходимого для удовлетворения повышенных требований к профессиональной компетенции педагога в условиях современной парадигмы российского образования.

Библиографический список

1. Информатизация системы образования [Текст]: сб. информ.-метод. мат. о проекте. — М: Локус-Пресс, 2005.
2. Водопьян, Г.М. О построении модели процесса информатизации школы [Текст]/ Г.М.Водопьян, А.Ю.Уваров. — М.: РФРДПО, 2006.
3. Айзенберг, А.Я. Самообразование: история, теория и современные проблемы [Текст]: учеб. пособие для вузов / А.Я. Айзенберг. — М.: Высш. шк., 1986.
4. Вертилецкая, И.Г. Активизация самообразования учителя в системе повышения квалификации [Текст]: автореф. дис. к.п.н. / И.В. Вертилецкая. — Новокузнецк, 2007.
5. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студ. педагогических вузов и системы повышения квалификации педагогических кадров [Текст] / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.Б. Моисеева, А.Е. Петров; Под ред. Е.С. Полат. — М.: Академия, 2001.

Статья поступила в редакцию 12.07.08.

УДК 81'23

Г.Н. Кудрук, преподаватель ЮУрГУ, г. Челябинск

МЕСТО И РОЛЬ КОМПОНЕНТА «ОБРАЗОВАНИЕ» КАК ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ В СОДЕРЖАНИИ ОБРАЗА ЗАПАДНОГО И ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРОФЕССИОНАЛА

Статья посвящена выявлению места и роли образования в процессе становления западного и отечественного профессионала на материале данных психолингвистических экспериментов по методикам свободных дефиниций и свободного ассоциативного эксперимента с носителями американской и русской культур.

Ключевые слова: профессионал, образование, образ, концепт, языковое сознание, ассоциация, дефиниция

В контексте современного общества роль образования трактуется неоднозначно. Согласно подавляющему большинству мнений, образование является необходимым условием профессионального становления личности, при этом подразумевается, что качество профессионала напрямую зависит от качества его подготовки, получаемой в рамках образовательной системы. Однако вопреки вышеупомянутому традиционному видению роли образования существует ряд мнений, суть которых сводится к тому, что образование сегодня имеет весьма опосредованное отношение к процессу формирования профессиональной личности, и в большом количестве случаев не оно определяет качество профессионала, будучи по своей природе скорее «описательным» институтом, но является скорее формальным подтверждением статуса профессионала, своего рода государственно и институционально заверенным пропуском в современное профессиональное сообщество, в то время как отличительными характеристиками в определении образа профессионала служат такие компоненты образа профессионала как наличие успешного опыта совершения профессиональной деятельности, согласование деятельности профессионала с нормами профессионально-этического кодекса, учет изменений в контексте деятельности и смежных отраслей и результативность деятельности.

С целью получения актуальных данных, способных сформировать почву для выяснения и оценки состояния сформулированной выше проблемы на современном этапе развития общества, были проанализированы работы ряда зарубежных и отечественных ученых, занимающихся вопросами совершенствования образовательных систем, становления и самоопределения профессионала, роли профессионально-этического кодекса в формировании профессиональной личности и деятельности профессионала. Кроме этого был проведен ряд психолингвистических экспериментов с носителями американской и русской культур по методикам свободных дефиниций и свободного ассоциативного эксперимента.

Лейтмотивом работ американских ученых [1, 2] выступает мысль о том, что системы среднего и высшего образования на сегодняшний день не готовы в рамках государственных образовательных программ обеспечить обучающимся достижение уровня подготовки, соответствующего актуальным мультипрофильным требованиям современного работодателя с одной стороны, и способного сформировать активную всесторонне подготовленную деятельностьную профессиональную личность, владеющую достаточным и адекватным инструментарием для успешной реализации собственного потенциала в системе современных деловых и общественных отношений с другой стороны.

Одним из основных аргументов в пользу недостаточной эффективности современной образовательной системы является, в частности, нацеленность образовательных программ только на предоставление некоего информационного ядра, соответствующего профилю будущего профессионала, без учета контекста деятельности будущего профессионала. Более того, в случаях с программами, предусматривающими возможности соприкосновения обучаемых с актуальным контекстом деятельности, редко принимается во внимание факт его постоянной трансформации, т.е. не происходит обучения принципам изменения внешних условий деятельности будущего профессионала.

Другим не менее весомым аргументом в пользу формальности современных образовательных систем является, по умолчанию, приоритет общественных интересов личным, когда в основе образовательных программ лежит, прежде всего, принцип соответствия будущего специалиста государственным нуждам, а не собственно соответствия интересам развития будущей профессиональной личности, что не может быть эффективным в условиях глобализации, повышения темпа жизни общества и непредсказуемости рынка и порождает ситуацию отрыва образования от реальных нужд общества, что в конечном итоге может быть описано как «образование ради образования». Сегодня в большинстве случаев вузы готовы ответить студентам на вопрос о том, как что-либо *должно функционировать*, но не готовы ответить на вопрос как это *функционирует в реальных условиях* и как просчитать вероятность того, как это будет функционировать в зависимости от реальных условий, прогнозировать которые в данный момент невозможно.

Будучи «лабораторным», образование лишь в частных случаях способно привести человека к успеху, ограничиваясь в большинстве случаев лишь предоставлением рекомендаций о возможных путях достижения успеха, вместо предоставления сопоставимых возможностей собственно для вовлечения обучаемых в актуальную профессиональную деятельность и предоставления возможности добиться успеха уже на этапе учебной деятельности. В результате, в процессе обучения у студентов недостаточно воспитывается личная, общественная и профессиональная деятельностная позиция, являющаяся залогом успеха современного человека, обеспечивающая такие сверхважные сегодня способности как быстрая адаптация, мультипрофильность и осознанная способность к самообразованию. В частности, современные авторы указывают на недостаточность у выпускников «финансовой грамотности», и, как следствие, отсутствие готовности к планированию и осуществлению личной и профессиональной жизни [3, с. 13]. Фактом, отражающим вышеупомянутое, является стремление самих обучаемых как напрямую, так и через руководителей факультетов оказывать все большее влияние на формирование государственных образовательных программ в США [4, р. 236].

Достаточным спросом в западном обществе, в отличие от российского, пользуется система получения образования именно через практическую деятельность под руководством признанного профессионала, известная как система подготовки подмастеров (*apprentice training*), деятельность в рамках которой носит в меньшей степени описательный, и в большей степени вовлекающий, субъектный, деятельностный характер, более четко отражающий специфику реальных условий, в которых придется функционировать будущему профессионалу.

Все вышеперечисленные факты можно применить и в отношении отечественной системы образования. Обучение как этап становления профессионала носит описательно-информационный, но не деятельностный характер. Профессиональное становление рассматривается

как последовательный «процесс, следующий от выбора профессии, через профессиональное обучение к практической работе» [5]. Существующие государственные стандарты применительно к наполнению учебных программ вузов подтверждают этот факт, достаточно проанализировать соотношение часов, выделяемых для теоретических курсов и производственных практик. При этом немногие часы, выделяемые «контекстному» обучению отводятся, как правило, для «лабораторных», ознакомительных манипуляций в узкоспециальном направлении и редко или в недостаточном объеме предполагают и создают условия для включения обучаемого в макроструктуру деловых отношений, связанных с местом профессии во внутрикультурном и межкультурном сообществе, позволяющих просчитывать и учиться контролировать внешние воздействия, в том числе воздействие соприкасающихся сфер деятельности.

При этом в отечественной научной литературе присутствует ценная мысль о том, что образование для обучаемого должно являться не «ожиданием» и «подготовкой» к профессии, а «предчувствием» и «проникновением» в профессию. В процессе профессионального становления у человека развиваются не только профессионально важные качества, формируются необходимые компетентности, он приобретает знания, умения и навыки, но, что более важно, у него «постепенно складывается образ будущей профессии» [6]. Создать такой образ без предоставления широких возможностей для вовлечения обучаемых в профессиональную деятельность не представляется осуществимым.

Переходя к описанию результатов проведенных психолингвистических экспериментов, направленных на выяснение актуальной собирательной картины, позволяющей выявить место и роль компонента «образование» как процесса формирования профессиональных качеств в содержании образа западного и отечественного профессионала, сложившегося в языковом сознании носителей американской и русской культур, отметим, что исследование проведено с использованием рекомендаций А.А. Залевской по организации комплексного исследования межэтнических контактов [7] и элементов методики описания концепта, предложенной И.А. Стерниным [8].

Уже на семантическом уровне важность компонента значения «образование» в семантической идентификации лексем *professional* и *профессионал* не вызывает сомнения и отчетливо прослеживается в словарных дефинициях, закрепленных в американских и русских толковых словарях: *professional* — someone who has the expertise that comes from specialist training [9]; *профессионал* — тот, кто сделал какое-либо занятие своей профессией (профессия — род трудовой деятельности, занятий, требующих специальной подготовки) [10].

В результате проведения психолингвистического эксперимента по методике свободных дефиниций выяснилось, что из 100% дефиниций, предоставленных носителями американской культуры, 19% связаны с определением профессионала через компонент «образование», в то время как в сознании русских респондентов данный компонент менее жестко закреплен (7% из 100% от общего числа дефиниций).

По мнению американских респондентов, профессионал является выпускником специальной образовательной программы (*a graduate of a specialized program*), успешно сдавшим квалификационный экзамен (*fundamentals of specialized area exam*) другому профессионалу, что считается одним из залогов становления профессионала — это подтверждает широкоизвестное в США устойчивое выражение «Профессионала признает только равный ему» (*A professional is someone who is only qualified by his peers*). Большое значение имеет фактор стоимости образовательных услуг, существу-

ет прямая зависимость между ценой образовательных услуг (*high costs of professional education*) и «качеством» профессионала. Неформальным компонентом формирования профессиональных качеств является приобретение навыков профессиональной деятельности (*collection of skills necessary for a specific activity*) в результате практической учебной деятельности.

Важным компонентом в восприятии работника как профессионала обывателем является то, в каком возрасте произошло овладение профессиональными качествами; считается, что чем раньше это произошло (особенно если в детском возрасте — *at an earlier age*), тем более высокий стандарт профессионализма демонстрирует работник, особенно спортсмен. Примечательно, что образ спортсмена-профессионала сопряжен с представлением о начале спортивной карьеры «на заднем дворе» (*Most professional athlete careers start in the backyard*).

Кроме специальной подготовки, процесс становления профессионала предполагает наличие опыта работы от 2 до 6 лет под руководством другого профессионала (*2-6 years experience working under another pro*) в сфере специализации (*in the area of specialization*), однако респондентом не указывается, происходит ли этот процесс в рамках образовательной деятельности.

Русские респонденты представили дефиниции, указывающие на наличие у профессионала **образования**: «человек с образованием в определенной области» (2), «человек с опытом в том деле, на которое учился» (2), «наличие высшего специального образования», «человек, разбирающийся в каком-либо деле и имеющий специальное образование», «человек, имеющий образование в какой-либо области и занимающийся деятельностью в этой области», «прохождение трех важнейших этапов: специального профессионально-психологического отбора; обучения и воспитания в специальной сфере; совершение профессиональной деятельности в специальной сфере»; овладение профессионалом **нормами профессиональной деятельности**: «человек, овладевший нормами профессиональной деятельности», «человек, сделавший какое-либо занятие своей профессией»; **практическое овладение профессиональными навыками**: «человек, имеющий отличные специальные навыки», «человек, обладающий большими профессиональными навыками», «человек, обладающий высокими профессиональными качествами».

В процессе формирования профессиональных качеств следующим этапом является **получение опыта**: «опытный человек» (3), «человек, имеющий большой опыт работы в определенной сфере деятельности», «опытный работник», «человек с образованием и большим опытом работы в определенной области», «человек, который имеет опыт работы в определенной сфере деятельности», «человек, обладающий опытом и теоретическими знаниями», «наличие опыта, как фиксированного срока совершения профессиональной деятельности».

Отметим тот факт, что большинство респондентов отмечают, что формула профессионализма — это образование и опыт, однако нет ни одной дефиниции, указыва-

ющей, насколько образование включает возможность получения опыта и, соответственно, какова доля образования в процессе становления профессионала, однако в большинстве дефиниций подразумевается, что получение образования и опыта являются не параллельными, а последовательными процессами.

Проведенный ассоциативный эксперимент показал, что ассоциация *educated/образование* на синонимические ряды лексем *professional* и *профессионал* в обеих культурах является ядром содержания концептов *professional* (ассоциация *educated* на лексемы *professional*: 12,1% от общего числа ассоциаций и *мастер*: 15,1%) и *профессионал* (ассоциация *образование* на лексемы *профессионал*: 1,9%, *профи*: 1,9%, *специалист*: 3,8%, *знаток*: 0,9%).

При этом в обеих культурах (на ядерном ассоциативном уровне в сознании русских респондентов и ближней периферии в сознании американских респондентов) закреплена ассоциативная связь *educated/образование* — *know/знать* (ассоциация *know* на лексемы *expert*: 18,1% и *connoisseur*: 15,1%; ассоциация *знать/умный* на лексемы *профессионал*: 4,2%, *профи*: 1,9%, *дока*: 2,8%, *знаток*: 17,1%, *эксперт*: 2,8%). При этом русские респонденты дали значительно большее количество ассоциаций *знать/умный*, чем ассоциаций *образование* на лексему-стимул *профессионал*. С другой стороны, количество ассоциаций *знать/умный* на лексему-стимул *профессионал* превышает количество ассоциаций *know*, данных американскими респондентами на лексему-стимул *professional*.

Данные, представленные американскими респондентами свидетельствуют о жесткой ассоциативной связи лексем *professional* и *master* посредством ассоциата *educated*, в то время как в сознании русских респондентов сильнее остальных закреплена связь лексем-стимулов *профессионал* и *специалист* посредством ассоциата *образованный*.

Дальнейшее сопоставление элементов содержания исследуемых концептов показало, что закрепившимися в обеих культурах когнитивными признаками исследуемых концептов являются:

- наличие спецподготовки и опыта;
- участие в какой-либо деятельности/занятость в качестве сотрудника;
- указание на конкретную профессию;
- обладание личными и профессиональными качествами.

Результаты проведенных психолингвистических экспериментов подтверждают, что на современном этапе в сознании носителей американской и русской культуры образование представляет одну из ядерных категорий, сопряженную с идентификацией профессионала, что подтверждает важность образования в становлении современного профессионала. Если так, усовершенствование мировых образовательных систем по линии вышеупомянутой «контекстной» деятельности в процессе обучения будет способствовать более успешному процессу становления современной профессиональной личности.

Библиографический список

1. Immerwehr, J. Squeeze play: How Parents and the Public Look at Higher Education Today [Электронный ресурс] / J. Immerwehr, J. Johnson // http://www.highereducation.org/reports/squeeze_play/squeeze_play.pdf, 2007
2. Scalia, C. Trends and Catalysts in Higher Education Today [Электронный ресурс] / C. Scalia // http://www.170systems.com/learn_more/press_room/170_Systems_CPM_12-02-2002.pdf, 2002
3. Кийосаки, Р.Т. Богатый папа, бедный папа [Текст] / Р.Т. Кийосаки, Ш.Л. Лектер. — Мн.: Попурри, 2006.
4. O'Donnel, E.J. The Professional Volunteer versus the Volunteer Professional [Текст] / E.J. O'Donnel // *Community Mental Health Journal* 6. — Washington D.C., 1970. — P. 236–245.
5. Орел, С.С. Мониторинг изменений в образе профессионала у студентов педагогических специальностей [Электронный ресурс] / С.С. Орел // <http://www.nekrasovspb.ru/publication/cgi-bin/publ.cgi?event=3&id=46>, 2005.
6. Климов, Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях [Текст] / Е.А. Климов. — М.: Изд-во ИГУ, 1995.
7. Залевская, А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст [Текст] : Избранные труды / А.А. Залевская. — М.: Гнозис, 2005.

8. Стернин, И.А. Семантико-когнитивный анализ языка [Текст] / И.А. Стернин, З.Д. Попова. — Воронеж: Истоки, 2006.
 9. The AND Concise Dictionary Online [Электронный ресурс] // allwords.com, 2007.
 10. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. [Текст] / Т.Ф. Ефремова. — М.: «Русский язык», 2000.

Статья поступила в редакцию 12.07.08.

УДК 378

И.В. Степанова, аспирант ЧГАКИ, г. Челябинск

РЕТРОСПЕКТИВНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ РЕЖИССЕРОВ

В статье рассматриваются основные этапы становления и развития профессиональной подготовки режиссеров в России как в культурно-просветительной сфере, так и в сфере театра и кино. Анализируется значительный вклад педагогической деятельности В.Э. Мейерхольда в системе профессиональной подготовки режиссеров.

Ключевые слова: режиссер, профессиональная подготовка, культура, учебное заведение.

Рассмотрение исторического материала дает возможность выявить обобщенную генетическую и историческую схему эволюции образования в сфере культуры и искусств, которое заложило основу формирования системы подготовки режиссеров в области праздничной культуры, а также определить основные этапы, в которых отражается эволюция системы образования в дореволюционный, советский и постсоветский периоды развития общества, связанная с развитием учебных заведений культуры и искусств по профессиональной подготовке режиссеров и по подготовке в области праздничной культуры.

Первый (допрофессиональный — XI в.—1918 гг.) этап связан со становлением режиссерского искусства и режиссуры как профессии. Это время расцвета театрального искусства и актерского творчества, возникновения профессиональных театров, открытия актерских школ. Роль режиссера в театре сводилась к тому, что он был «разводящим» и необходимость в подготовке таких «разводящих» отсутствовала. Начиная со второй половины XIX века и, особенно к его концу, профессия «режиссер» как на Западе, так и в России, начинает занимать ведущее место в театре, а затем в кинематографе.

Следовательно, с появлением профессии режиссера возникает необходимость в подготовке специалистов данного профиля.

Следующий этап (профессиональный — 1918-1990 гг.) включает в себя длительный период становления и развития профессиональной подготовки режиссеров как в культурно-просветительной сфере, так и в сфере театра и кино.

Обучение первых поколений режиссеров строилось по принципу обучения мастеров Средневековья. «Цеховому ремесленнику обычно помогала в работе его семья, один или два подмастерья и несколько учеников... Предварительное прохождение двух низших ступеней было обязательно для всякого... Первоначально каждый ученик со временем мог стать подмастерьем, а под мастерье — мастером.» [9] И даже «Этика» К.С. Станиславского [7] (главная мысль которой — «люби искусство в себе, а не себя в искусстве») переключается с моральными устоями мастеров Средневековья. «Средневековый ремесленник в противовес пролетарию нового времени воспроизводил себя в процессе своего труда во всей своей целостности. А раз по словам Аквината, «познание происходит через уподобление познающего познаваемой вещи», — то ремесленник в процессе познания — творения уподобляется создаваемому им предмету, а значит, и предмет как бы уподобляется ремесленнику. При этом в изделиях отпечатывается личность мастера во всей его целостности, со всеми его жизненными качествами. Так что плохой человек просто не может сделать

хорошую вещь. Отмеченные выше высокие моральные требования, предъявляемые к мастеру, оказываются необходимыми не только в частной жизни, но и в производственной деятельности.» [4, с. 57] И только в 1918 году, по инициативе В.Э. Мейерхольда, В.Н. Соловьева и А.Л. Гринича, при театральном Отделе Наркомпроса было организовано первое в России (а по существу, и во всем мире), специальное учебное заведение, готовящее режиссеров-постановщиков под названием «Курсы Мастерства сценических постановок», в помещении бывшего дворца великого князя Владимира Александровича (сейчас там находится Дом Ученых на Дворцовой набережной). Курсы просуществовали три года и осуществили два выпуска режиссеров. Основными педагогами были (после отъезда В.Э. Мейерхольда из Петрограда на юг) С.Э. Радлов и В.Н. Соловьев.

Это был первый опыт построения систематического теоретического курса, охватывающего процесс работы режиссера над спектаклем (если не считать теоретических бесед, которые постоянно вел В.Э. Мейерхольд на своих занятиях с курсантами). Естественно, что этот первый опыт был еще очень далек от той целостности и завершенности, который данный курс приобрел в последующие годы.

Цикл лекций был прочитан В.Э. Мейерхольдом летом 1918 г. на Инструкторских курсах по обучению режиссуры сценических постановок и повторен в 1918/19 г. в Курмасцеpe — на Курсах мастерства сценических постановок, выросших из краткосрочных Инструкторских курсов.

Московским продолжением петроградского Курмасцепа осенью 1921 года стали высшие режиссерские мастерские, первоначально сокращенно назывались «ГВЫРМ». Потом, когда режиссерские мастерские были переименованы в «театральные», возникло новое, не менее уродливое слово «ГВЫТМ». Наконец, решено было преобразовать мастерские в институт, и появилось новое, более благозвучное сокращение — «ГИТИС». Эта смена названий совершилась за два-три года и по существу она ничего не обозначала. ГВЫРМ, ГВЫТМ, театр ГИТИС — только разные вывески. Под прикрытием всех этих названий Мейерхольд работал с одной довольно монолитной группой своих учеников и приверженцев. Среди них были молодые артисты Театра РСФСР-первого И. Ильинский, В. Зайчиков, М. Бабанова, затем — М. Жаров, Д. Орлов, М. Лишин, Н. Мологин, А. Тимерин и студенты С. Эйзенштейн, Э. Гарин, З. Райх, Н. Экк, С. Юткевич, В. Федоров, В. Люце, М. Коренев, Х. Локшина, Н. Лойтер, М. Суханова. Многие из них составили впоследствии основное ядро театра Мейерхольда и прошли с Мастером (этот неофициальный «ти-

тул» Мейерхольд получил именно в качестве руководителя Мастерской в 1921 году и сохранил до конца своих дней) почти весь его жизненный путь.

К. Рудницкий в своей книге о Мейерхольде вспоминал: «Театральная гвардия Мейерхольда состояла из совсем еще зеленой молодежи. Иным ученикам его было 17-18 лет. Двадцатилетние юноши и девушки, окружившие Мастера, были полны энтузиазма, готовности заново — сверху донизу — перестроить театр. Мейерхольд, по словам И. Ильинского, выглядел «моложе молодых». Его боевой дух, задор, безграничная смелость импонировали юным ученикам. Они шли за Мастером беззаветно и безоглядно» [6, с.254-255]. Это говорит о том, что педагог — Мейерхольд в подготовке молодых режиссеров опирался на метод личного примера в обучении.

Б. Зингерман отмечает, что «лекции Мейерхольда о режиссуре, прочитанные в 1918-1919 годах, производят впечатление чрезвычайной широты и отчётливости мысли. В них подведены итоги театрального развития десятих годов и предугадана эстетика двадцатых, которой только предстояло проявить себя. Это скрупулёзная программа обучения профессии и художественный манифест, рассчитанный на долгие годы. Вечные проблемы театра осмыслены здесь так же определённо, как и актуальная художественная ситуация. Во многом загадочный, неуловимый и резкий переход от искусства десятих к искусству двадцатых годов в лекциях Мейерхольда зафиксирован с поразительной наглядностью. Перед нами линия перехода от утончённого перенасыщенного серебряного века к искусству двадцатых годов, упрощённому и площадному. Расставаясь с театральными исканиями предшествующего периода, Мейерхольд подводит им итоги и делает далеко идущие выводы. Притягательность лекций 1918-1919 годов помимо прочего в том, что ясная мысль режиссёра ещё не затемнена и не утрирована здесь социологическими схемами или политической демагогией. Между тем дух революционных перемен веет в лекциях Мастера с молодой энергией. По лекциям видно, как одна художественная эпоха перетекает в другую, преодолевая самоё себя. Мейерхольд выступает перед своими молодыми слушателями в двойной роли — уверенного мастера, оснащённого обширными знаниями, и в роли новатора, готового двинуться к новым неведомым берегам» [5].

В лекциях Мейерхольда уже обозначена сущность ленинградской театроведческой школы, которую впоследствии возглавит А.Гвоздев — филолог, изгоняющий из театроведческих трудов следы литературоведения.

Вообще же, из лекций Мейерхольда выросла вся будущая программа обучения режиссёров, актёров и театроведов. Читая свой лекционный курс, Мейерхольд исходил из двух фундаментальных положений:

1. В театре, в принципе, все должны уметь делать всё — из-за универсальности этого вида искусства.
2. История театра должна строиться, исходя из балагана, а не литературы; пьеса — часть театрального представления, а не раздел словесности.

В лекциях Мейерхольда современная театральная система осознаётся как нечто, принципиально отличное от эпох старинного театра; чтобы поставить классическую пьесу, режиссёр должен изучить и освоить всю театральную систему старинного театра определённой эпохи. Самопознание современной театральной системы проводит, таким образом, через освоение театральной культуры старинных эпох. Итак, как свидетельствует Б. Зингерман: «Идеальным постановщиком оказывается, как ни парадоксально, театровед, знаток истории театра — при условии, что он обладает богатой фантазией и имеет за плечами актёрское прошлое. Он должен понимать, — всё на сцене делается ради царящего на ней,

порхающего по ней актёра. Согласно этому, режиссёр, по Мейерхольду должен на собственной шкуре испытать прелести актёрской профессии и обладать крылатым воображением» [5].

Наряду с этим, в 1922 году в Ленинграде на основе нескольких театральных студий был основан Институт сценических искусств, где стала осуществляться подготовка театральных режиссеров. В последующие годы был реорганизован в техникум сценических искусств, затем в Центральное театральное училище, с 1939 года существовал под наименованием Ленинградский Театральный институт им. А.Н. Островского (потом стал имени Н.К. Черкасова), а ныне Санкт-Петербургская Театральная академия. А в 1957 году в Ленинградском библиотечном институте им. Н.К. Крупской открылся новый факультет — «Культурно-просветительная работа», на одной из кафедр которой, а именно «Режиссура драмы», стали готовить режиссеров — руководителей самодеятельного театра.

Кроме того, режиссерский факультет был открыт в 1959 году Б.Е. Захавой при театральном институте имени Бориса Щукина (ранее — театральная школа — 1923 г.).

В то время в стране широко была поставлена работа народных и самодеятельных театральных коллективов. Лучшие любительские коллективы (особенно в небольших городах) часто конкурировали с профессиональными театрами. Необходимость профессионально помочь этим коллективам была явной. Именно в это время и было создано заочное режиссёрское отделение. Выпускники, по окончании учебного заведения, получали разную оценку своей учёбы. Наименее успевающим в дипломе ставилась специализация — «руководитель самодеятельного коллектива», наиболее успевающим — «режиссёр народного театра». Но со временем многие из выпускников не только успешно стали работать в профессиональных театрах, но и возглавили их. Постепенно две эти специализации исчезли из дипломов. Сейчас в институте одна специализация — «режиссёр драмы».

Почти одновременно, вместе с курсами В.Э. Мейерхольда, была открыта в Москве в 1919 г. первая в России и в мире государственная киношкола, ставшая впоследствии институтом кинематографии. Как писали тогда в газетах, школа должна была «создать авангард актёров, режиссеров, декораторов, операторов, лаборантов и механиков - мастеров экрана». Здесь должны были формироваться творческие кадры для нового вида искусства - кинематографа. Первым руководителем киношколы стал Владимир Гардин, известный еще в дореволюционном кино. С приходом в киношколу в 1920 г. режиссера-новатора Льва Кулешова определяются направление и формы ее развития. В 20-х годах школа неоднократно реорганизовывалась, постепенно обогащаясь новыми факультетами. Школа, мастерские, техникум, институт... и с 1923 года опять техникум — Государственный техникум кинематографии (ГТК) повышенного типа. В условиях приема на 1923/24 учебный год объявляется набор на факультеты: натурщиков (актеров), режиссеров, инженеров (операторы и лаборанты) и отделения: декораторов, сценаристов. В мае 1927 года состоялось первое официальное оформление нескольких ранних выпусков: дипломы получили 71 актер, 15 режиссеров, 19 операторов, 8 лаборантов. Впервые режиссерская мастерская создается в институте в 1924 году, которая впоследствии становится базой будущего режиссерского факультета. Прочно связана с институтом деятельность выдающегося кинорежиссера С. Эйзенштейна, возглавившего кафедру кинорежиссуры. Еще в 1928 году он руководил экспериментальной мастерской, в которой учились создатели «Чапаева» бр. Васильевы, режиссер И. Пырьев, актер М. Штраух и другие. В 1932-35 годах С. Эйзенштейн создает систематический курс и первую в мире программу по основам кинорежиссуры.

До появления вузов культуры и искусств и до образования специальных кафедр, готовящих режиссерские кадры в области праздничной культуры в новой советской республике подготовка специалистов культурно-просветительной работы осуществлялась следующим образом. В тот период они еще не назывались режиссерами праздничных действий, а инструкторами, клубниками, организаторами, методистами, массовиками-затейниками культурно-просветительной сферы и художественно-массовой работы. Октябрьская революция повлекла за собой радикальные перемены в постановке образования в сфере культуры и искусств. Массовая работа с людьми требовала специально подготовленных кадров, способных организовать и проводить культурно-просветительную работу [2].

Анализируя становления системы подготовки кадров для сферы культуры и искусств, заметим, что сеть учебных заведений можно подразделить на звенья начальной, средней и высшей подготовки. Широкая сеть средних профессиональных учебных заведений начала создаваться лишь в послевоенные годы. В 1947 году в подчинении Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР находилось 43385 клубов [8]. В то же время в них практически не было работников, имеющих специальное образование. В связи с этим остро встал вопрос подготовки кадров. В 1947 году Совет Министров РСФСР принимает решение о создании культурно-просветительных школ в ряде областей. Главной их задачей была подготовка квалифицированных культпросветработников со средним специальным образованием для работы в качестве заведующего сельским клубом. Первый учебный план предусматривал трехлетнюю подготовку будущего специалиста с присвоением квалификации «Организатор и методист клубной работы» [10].

В 1959-1960-х годах культпросветшколы получают новый статус - культурно-просветительные училища. В 1988 году по предложению Министерства культуры РСФСР было признано целесообразным, при наличии высококвалифицированных педагогических кадров и соответствующей материальной базы, создание училищ культуры и искусств на базе культурно-просветительных училищ.

Наряду с развитием и становлением среднего образования в сфере культуры, богатую историю имеет высшая школа, которая прошла довольно сложный путь эволюции.

В начале 20-х годов была предпринята попытка готовить специалистов высшей квалификации для работы в учреждениях культуры. Первым и долгое время единственным высшим учебным заведением, в котором осуществлялась подготовка соответствующих кадров, был Петроградский институт внешкольного образования. Поскольку подготовка кадров такого рода была связана с чрезвычайно большими финансовыми затратами со стороны государства, то уже с января 1920 года театральные и музыкальные подотделы были преобразованы в инструкторский, где обучение по специализации велось факультативно. В 50-е годы в стране на базе библиотечных вузов стали создаваться культурно-просветительные факультеты, на которых начала осуществляться подготовка организаторов и методистов клубного дела. Так, в Московском библиотечном институте такой факультет был организован в 1949 году, затем в 1951 году открывается кафедра культурно-просветительной работы. В 1964 году Московский государственный библиотечный институт преобразован в Московский государственный институт культуры [1].

Конец 60-х - начало 70-х годов характеризуются активизацией дискуссии по проблемам эффективности культурно-просветительной работы и в связи с этим повышения качества подготовки кадров в учебных заведениях культуры. Этот период отличается повышенным

интересом к празднику: значительно расширяется сеть высших учебных заведений. Открываются институты культуры в Челябинске, Краснодаре, Хабаровске, Кемерово, Барнауле, Перми, филиалы в Тамбове и Орле. В структуре вузов - открытие кафедр методики и организации клубно-массовых мероприятий, в частности одними из первых стали осуществлять профессиональную подготовку студентов режиссеров по праздничной культуре - Ленинградский государственный институт культуры во главе с Д.М. Генкиным (1971), Московский государственный институт культуры (1972), Челябинский государственный институт культуры (1972). В тоже время проводятся семинары режиссеров всех уровней, активизируется работа Совета при Всесоюзном театральном обществе (*затем Союз театральных дел РФ*), расширяется научное осмысление феномена «праздник», выпускается много специальной литературы. Обучение режиссуры изначально становится ориентировано не на «объект» (*Культпросвет работа, клуб, Центральный Комитет*), а на «предмет», на творческий вид деятельности и носит не прикладной, а универсальный характер: художественное осмысление социально значимых событий через систему изобразительных, выразительных и инскапозительных средств режиссуры. Стержнем образовательного процесса стали режиссура и сценарное мастерство. Сверх того, усилилась организаторская функция режиссера, и в министерских кругах решили ее переименовать в «Организатора массовых праздников», вычеркнув из специализации ее суть — творчество. Тем не менее, это название не оказалось престижным и не прижилось в творческой практике.

На третьем («профессиональный — реформа высшей школы» — девяностые годы — настоящее время) этапе происходящие изменения в обществе оказали большое влияние на деятельность вузов культуры, потребовали новых подходов к подготовке специалистов в области праздничной культуры. В девяностые годы, происходящие изменения в обществе оказали большое влияние на деятельность вузов культуры, потребовали новых подходов к подготовке специалистов в области праздничной культуры. Этот период, как и все в стране, отмечен угасанием интереса к празднику как социально-художественному явлению. Упал интерес к научному исследованию праздника, сократился конкурс в ВУЗы, ослабло государственное регулирование учебными заведениями и праздниками как таковыми. Вместе с тем стабильным оставалось содержание учебного процесса.

Праздничная культура — часть культуры, область культуры, один из ее институтов социализации человека, его духовной и нравственной ориентации. Она не существует без системы ценностей, а опирается на них и посредством своей природы декларирует эти ценности, утверждает в атмосфере публичного сопричастия. Следовательно, как отмечает педагог-практик в области праздничной культуры Л.Н. Лазарева: «В периоды эпохальных преобразований спектр общенациональных ценностей сужается, ревизируется какая-то часть ценностей уничтожается, отрицается, другая часть видоизменяется, обслуживая новые запросы. Поэтому в целом праздничный календарь реагирует на все социально-политические и экономические изменения. Ревизия ценностей ведет к ревизии праздничного календаря» [3, с.180-181]. Реформы политической, социальной и экономической сферы оказали огромное влияние на праздничную культуру. Произошла перенастройка общественного сознания с коллективного на индивидуальный лад. Часть праздников исчезла, стали появляться абсолютно новые праздничные формы. В свою очередь, требования общества к качеству профессиональной подготовки режиссеров праздников кардинально изменилось. И это потребовало новых реформ в образовательном процессе.

В России, как и во многих странах мира, в 90-е годы происходит интенси́вный поиск новой парадигмы образования, в основу которой положены фундаментальность, целостность, направленность на удовлетворение интересов личности.

Только в 90-ые годы кафедрам клубно-массовых мероприятий в вузах культуры и искусств присваивается новое название — кафедры режиссуры театрализованных представлений и празднеств (РТПП). Позднее, благодаря кафедрам Московского университета (*зав. кафедрой В.А. Триадский*), Санкт-Петербургского университета (*зав. кафедрой Б.Н. Петров*) и Председателю Методического объединения О. Л. Орлову утвердилось точное название и появилась специальность и специализация «Режиссура театрализованных представлений и праздников».

В 1997 году Комитет по высшей школе Министерства науки России утвердил первый Государственный образовательный стандарт высшего профессионального

образования по специальности 050200 — Режиссура/театрализованные представления и празднества/.

Впервые, выпускники кафедр РТПП стали получать квалификацию — Режиссер театрализованных представлений и празднеств, преподаватель. А в 2000 году специальность — Режиссура театрализованных представлений и праздников в государственном стандарте получила самостоятельный шифр — 053300, а теперь уже — 070209.

В настоящее время более 25 вузов ведут подготовку режиссеров театрализованных представлений и праздников, среди них 19 вузов культуры и искусств.

Итак, социально-педагогический анализ становления и развития профессиональной подготовки режиссеров театрализованных представлений и праздников позволил выявить исторические корни, этапы и тенденции её развития, их изменение под воздействием различных групп факторов. Как показало исследование, это сложный и многообразный процесс, опосредованный историческими особенностями каждого периода.

Библиографический список

1. Бордей, Г.Н., Мокеева, Т.А. Хроника основных событий Московского государственного института культуры за 60 лет / Г.Н. Бордей, Т.А. Мокеева // Проблемы подготовки специалистов в вузах культуры: сб. науч. трудов. — М., 1990.
2. Декрет Совета Народных комиссаров о передаче всех учебных заведений в ведение Народного комиссариата просвещения от 5 июля 1918.
3. Лазарева, Л.Н. История и теория праздников: программа-комментарий / Л.Н. Лазарева. ЧГАКИ. — Челябинск, 2003.
4. Марков, В. П. Профессиональная подготовка режиссера любительского театра к социально-культурной деятельности [Электронный ресурс]: Методика погружения в специальность: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.05
5. Мейерхольд, В.Э. Лекции: 1918-1919 / сост. О.М.Фельдман. М.: ОГИ, 2000.
6. Рудницкий, К.Л. Режиссер Мейерхольд / К.Л. Рудницкий. М.: Изд-во Наука, 1969.
7. Станиславский, К.С. Этика / К.С. Станиславский. — М.: Изд-во Музея МХАТ им. М. Горького, 1947.
8. Финдейзен, Н.Ф. Очерк деятельности Санкт-Петербургского отделения Императорского Русского музыкального общества (1859-1909) / Н.Ф. Финдейзен. — СПб., 1909.
9. Харитонович, Д.Е. Средневековый мастер и его представление о вещи / Д.Е. Харитонович // Художественный язык Средневековья. — М.: Наука, 1982.
10. Центральный государственный архив РФ, ф.534, оп.1, ед. хр. 99.

Статья поступила в редакцию 12.07.08

Алфавитный указатель

А	Александрович, Наталья Владимировна 45 Алексанова, Светлана Арамовна 70 Андреева, И.В. 9	Л	Лаврентьева, Е.А. 73 Лецинская, О.Г. 50
Б	Балыкин, С.Н. 16 Баштанар, И.М. 90 Беликова, Е.В. 67 Будкеев, Сергей Михайлович 58	М	Мадалиева, Э.Б. 4 Махмудов, И.Э. 7 Меркотун, Елена Алексеевна 54
В	Винокуров, Ю.И. 4 Владимирцева, Светлана Александровна 103 Воробьева, Наталья Юрьевна 37	О	Опарин, Роман Владимирович 93
Д	Двойнишникова, Мария Павловна 52 Детков, А.П. 84	П	Панова, Лариса Васильевна 98
Е	Егорочкин, М.В. 78 Емченко, Дмитрий Геннадьевич 82	Р	Ротанова, И.Н. 9, 20
З	Земцова, Валентина Ивановна 88 Золотов, Д.В. 9	С	Самохина, Евгения Васильевна 39 Себелева, Анастасия Валериевна 34 Сейтказиев, А.С. 4 Семькина, Роза Сан-Иковна 76 Сковородников, Александр Петрович 30 Статирова, Ольга Ивановна 108 Степанова, Инна Владимировна 115 Суразакова, С.П. 24
К	Ковалевская, Мария Сергеевна 65 Колмогорова, Лилия Александровна 100 Копнина, Галина Анатольевна 30 Красноярова, Б.А. 24 Крылова, Е.Н. 18 Кряклина, Т.Ф. 84 Кудрук, Г.Н. 112	Т	Тарасенко, Валентина Васильевна 62 Ткачева, Ирмна Александровна 88 Толмачева, Татьяна Анатольевна 95 Третьяков, Артем Вячеславович 43
		Ц	Цимбалей, Ю.М. 13
		Ч	Черных, Д.В. 16
		Я	Яныгина, Л.В. 18

SUMMARIES OF THE ARTICLES IN THE ENGLISH

P. 4. *Vinokurov Yu.I., Seytkaziev A.S., Madaliev A.E.B.* METHODS OF THE REGULATION WATER AND SALINE MODE ON ZASOLENNYH GROUND. In given work is offered method of the calculation to velocities, and degree of the desalination of ground on base of the analysis of the moving the particles to salts. The Givenned method allows to motivate and define technology of the pulsing washing salted ground.

Key word: **desalination, technology of the pulsing, salted ground.**

P. 5. *Makhmudov I.E.* NUMERICAL EXPERIMENTS ON DYNAMICS ASCERTAINMENT OF BACTERIUM CONCENTRATION IN THE WATER SUPPLY SYSTEM. The numerical experiment results of modification bacterium concentration in water structure in case of modification water supply system's operating mode stated in the given article.

Key words: **water quality, water supply, numerical experiment**

P. 7. *Makhmudov I.E.* DIFFUSION WATER INTERFUSION IN WATER SUPPLY SYSTEM. In water supply system because of frequent work stoppages in pressure conduits is making the condition for increasing the bacterium concentration of different types in water structure. After renewal of water supply the bacterium concentration in water structure decreasing. In the given article considered matter of diffusion water interfusion with different bacterium concentration in pressure conduits of water supply system. Formula for determination of value of bacterium concentration in water structure has been found.

Key words: **water quality, water supply, numerical modelling**

P. 9. *Andreeva I.V., Zolotov D.V., Rotanova I.N.* RESULTS OF THE ECOLOGICAL INVESTIGATION OF COMPLEX NATURAL RESERVES IN ALTAI KRAI. The paper analyzes the current ecological and socio-economic state of some natural reserves in Altai Krai. The actual cost of the resources of special protected natural territories was estimated in the region for the first time. The results obtained formed a basis for the optimization of the territories' use and protection.

Key words: **special protected natural territories, natural reserves, ecosystems, natural resources, alternative cost.**

P. 13. *Tsimbalei Yu.M.* LANDSCAPE-BASIN APPROACH FOR WATER RESOURCES ASSESSMENT. The paper considers the issues of water resources structurization for their assessment under the development of regional nature management systems. The relationships in the basin-landscape system are analyzed. The reasonability to consider water resources on the basin, landscape and administrative levels is shown.

Key words: **water resources, regional landscapes, superficial and groundwater basins**

P. 16. *Balykin S.N., Chernykh D.V.* RADIOACTIVE NUCLIDES IN SOILS OF GEOCHEMICAL LANDSCAPES OF NOUTH-EAST ALTAI. The regularities of the profile and spatial distribution of natural radioactive nuclides and Cs-137 in soils of geochemical landscapes in the upper part of Pravy Samysh river basin are studied.

Key words: **radioactive nuclides, soils, geochemical landscapes**

P. 18. *Yanygina L.V., Krylova E.N.* ZOOBENTHOS OF HIGHMOUNTAIN LAKES OF TELETSKOYE LAKE BASIN. Changes in the composition, structure and spatial distribution of zoobenthos in the highmountain lakes of Teletskoye lake basin are analyzed. The low taxonomic diversity of bottom fauna is marked. Index Woodiwis is recommended for the estimation of lake water quality.

Key words: **zoobenthos, highmountain lakes, water quality.**

P. 20. *Rotanova I.N.* ECOLOGICAL MAPPING: MODERN CARTOGRAPHIC KNOWLEDGE OF REALITY. Geographical thematic maps called ecological ones that specify factors of human impacts on natural-territorial complexes, the environment issues, comfort living of population have gained great importance in modern research on environmental problems. The report presents the analysis of Russian literature and cartographic sources published in 1990-2005 that give the information on scientific basis, major trends, methods, ecological mapping approaches.

Key words: **geographical thematic maps, ecological mapping, cartographic research method.**

P. 24. *Krasnoyarova B.A., Surazakova S.P.* SPATIAL IMAGE OF REPUBLIC OF ALTAI: RESOURCES AND LINES OF DEVELOPMENT. The results of the spatial analysis of municipal units in Republic of Altai by natural-climatic and social-economic conditions of development are presented. The most perspective lines of development for each municipal unit, i.e. administrative rural region, are specified depending on its location in the region's spatial-temporal structure and high ecological status of the Republic as a whole and its territories in particular-as the object of the World Natural Heritage «Altai-Golden Mountains».

Key words: **natural conditions and resources, social-economic situation, lines of development**

P. 30. *Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A.* ON THE FORMATION OF SPEECH CULTURE OF A STUDENT OF HIGHER INSTITUTION (IN THE ASPECT OF COMPETENCE APPROACH). The article is

devoted to the substantiation of an integral model of forming a cultural-speech competence of a student of a higher educational establishment on the basis of systematization of a number of concepts of the theory of speech culture, linguopragmatic and rhetoric, considering the concept of modernization of Russian educational system.

P. 34. *Sebeleva A.V.* SALOV'S ART AND FOLK LITERATURE TRADITIONS. The article is devised as a creative dialogue between I.A. Salov and folk writers. The focal point here is similarity of topics and problems raised. Nevertheless, precepts and literary devices used to portray a protagonist in I.A. Salov's writings are different from the folk art. The main focus is on a personality and not on a faceless crowd, on feelings and not on political ideas, therefore I.A. Salov synthesized all the XIX century's achievements and transformed them into his own manner of writing.

Key words: **province, provincial plots, Russian theater, Russian dramatic art XIX century**

P. 37. *Vorobeova N.Y.* NOVEL - CYCLE AS A SPECIFIC GENRE OF THE LITERATURE OF THE FIRST HALF XX CENTURY (ON THE MATERIAL OF NOVELS A. MARIENGOFA «CYNICS» AND G.BROHA «INNOCENT»). The article is about roman - cycle as a literary phenomenon of XX century: it is qualitatively new stage of development of a genre of the novel, completely reflecting public, historical, cultural, literary process in specific, characteristic forms and categories.

P. 39. *Samochina E.V.* FREQUENCY AND MEANINGNESS OF DERIVATING WORD AS FACTORS OF LEXICO-DERIVATIVE LACUNES ARISING (ORIGIN) (ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN LANGUAGE). The article deals with the different aspects of the reasons and factors of the intrasystem lexico-word-building lacunes arising in the language. On the basis of the practical analysis the author makes a conclusion that such system factors as semantic and meaningness of derivating word and its usage frequency (in its first meaning) determine formation or non-formation (lacunes) of the word derivative forms.

P. 43. *Tretiyakov A.V.* THE NOVEL OF E.I. ZAMYATIN «DJACHOK» (1915): DIALOGUE WITH GENRE OF THE BIBLICAL VISION. Within this article we are analysed variants and mechanisms for actualization of sacred genre biblical literature. The unity of parody-anecdotal and a-parody to actualizations of the biblical vision defines atoparody poetics of the novel «Diyachok» and approaches him with genre absurdistic parables.

P. 45. *Aleksandrovich N.V.* THE EXISTENTIAL CONCEPTS LIFE/ЖИЗНЬ AND DEATH/СМЕРТЬ IN THE ORIGINAL AND TRANSLATED LITERARY TEXT. The article contains the comparative linguistic analysis of two basic cultural concepts LIFE and DEATH in the novel «The Great Gatsby» by F.S. Fitzgerald and its Russian translations. Such analysis may give the data which allow to approach to the adequate understanding and interpretation of the author's intentions and then to find out correct resources for their rendering.

P. 50. *Lechinskaya O.G.* SEMANTIC DERIVATION OF THE VISUAL PERCEPTION WORD'S MEANINGS IN THE URBAN LANGUAGE. The article is devoted to the linguistics views on the problem of the basic subsystems (modules) of perception. The author try to characterize how module of defines lexico-semantic units used to characteristic of human visual representative system in the urban language and what is the mechanism of semantic derivation in these sphere.

Key word: **Perception modalities, Semantic derivation, Word-building derivation, Visual representative system, Visual vocabulary, The urban language.**

P. 52. *Dvoynishnikova M.P.* THE MYTH AND THE CARNIVAL IN THE POETICS OF ABSURDITY (ON THE MATERIAL OF THE LYRICAL BOOK «THE MOSCOW MYTHS» BY H. SAPGIR). Within the limits of the poetics of absurdity on the example of the lyrical book by H. Sapgir are analyzed the traditions of the national humorous culture (the receptions and the forms of the carnival) and the folklore (the myths), which are staticized in the XX century, because there is a new type of the consciousness.

P. 54. *Merhotun E.A.* «THERE AND BACK»: ABOUT POETICS AND SEMANTICS OF THE TIME'S IMAGE IN L.PETRUSHEVSKAYA'S ONE-ACT PLAYS. The article deals with the time models in one-act plays of L.Petrushevskaya, such as «Chinzano», «Dom i derevo», «Lestnichnaya kletka» and the others. Analyzing different types of time organization the author summarizes that the development of the interaction between «the line time» and its «reverse» motion, the dialogue between «the present time» of routine being and «the inside subjective chronology» make the short dramatic action deeper and more intensive and overcome the destructive power of time chaos.

Key word: **drama, model of time, chronotope, one-act play, L.Petrushevskaya**

P. 58. *Budkeev S.M.* ORGAN MUSIC-MAKING IN THE XIX CENTURY IN RUSSIA AND ITS ANALYSIS IN THE CONTEMPORARIES' CRITICISM. This article analyses the circumstances under which organ art developed mainly within the

circle of enlightened amateurs (not organ players educated in Europe). V.V. Stasov in his critiques had described the peculiarities of perception of organ in Russia: organ as an orchestra, its concert and mainly secular usage.

Key words: Russia, romantic organ, music-making at home, piano-orchestra.

P. 62. *Tarasenko V.V.* **THE PHRASEOLOGICAL REPRESENTATIONS OF THE CONCEPTS «LIFE» AND «DEATH» IN THE ENGLISH LANGUAGE SYSTEM AND THEIR PERCEPTION BY ENGLISH SPEAKING PEOPLE.** In this article the author gives the classification of phraseological units of the English language that represent the concepts «life» and «death» and describes the experiment which was conducted to verify the relevance of the proposed groups.

Key words: concept, phraseological unit, semantic classification

P. 65. *Kovalevskaya M.S.* **THE GENRE OF LITERARY PORTRAIT IN V.G. KOROLENKO'S WORKS IN THE CONTEXT OF CROSS-CULTURAL DIALOG.** The article discusses the methodological basics of revealing the genre originality of V.G. Korolenko's literary and critical heritage. The author chooses the phenomenological approach, which employs the cross-cultural dialog ideology, as the possible one for describing the genre system of the writer's literary critique.

P. 67. *Belikova E.W.* **IMAGE OF CITIZENS OF ALTAY REGION IN LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF STUDENTS.** Within the limits of the researches, a concerning image of Altay region, in given article image of citizens of Altay region is considered. Compositions of students of III rate of faculty of the journalism, devoted to 70-years anniversary of Altay region, with the purpose to reveal base characteristics of citizens of Altay region are analyzed.

P. 70. *Alexanova S.A.* **Prepositional-case adverbial determinants in structure of the complicated offer.** In article designs with prepositional-case adverbial determinants within the limits of the system description of the complicated offer are considered. Results of the analysis of the designated designs allow to draw a conclusion that they are the formal on level formal and semantic structures and fill up a class of the complicated offers in Russian.

Keywords: the complicated offer, adverbial determinants.

P. 73. *Lavrentjeva E.A.* **ANTROPOCENTRIC BASIS OF COMMUNICATIVE PARADIGMA OF A MODERN ENGLISH SCIENTIFIC TEXT.** Language has an anthropocentric nature in global sense of a human context because of the anthropocentricity of creation processes of a scientific text. The main communicative notions are the relationships in a system the "addresser – addressee" linked by a subject of a scientific research.

P. 76. *Semykina R. S.I.* **METAPHYSICS OF CHILDHOOD IN Y.V. MAMLEEV'S WORKS/** The article is devoted to one of the most important motives in Y.V. Mamleev's works – to the motif of childhood. Childhood is understood and reflected through the Christian culture, in which there was a conception of the childhood a priori spiritual talent.

Key words: childhood, motif, metaphysical realism, transcendental, God, existence, eternity.

P. 78. *Egorochkin M.V.* **NARRATIVE ISOTOPES OF HEROIC OF SOUTH SIBERIAN TURKS.** Because of the concept of isotopes worked out by A.-J. Gramas it is established in the article a bi-isotopic structure of heroic epics of South Siberian Turks. The establishment is carried out by means of cultural research of corporal features of the hero and antagonist and consideration of epic goods features.

Key words: bi-isotopic structure of heroic epics, epics of South Siberian Turks, narrative isotopes of heroic epics.

P. 82. *Jemchenko D.G.* **MARGINAL PERSONAL AS TRANS-BORDER REGION CULTURE PHENOMENON.** The article describes marginal man as key person in the context of cultural communication within trans-border region. The author analyses system of modification for cultural national borders, where marginal person represents as subject living in "two worlds".

Key words: Key words: marginal personality, national state, marginal civilization, transboundary region.

P. 84. *Krjaklina T.F., Djtkov A.P.* **MODERN PROBLEMS OF RESEARCH AND FORMING OF ALL-RUSSIAN NATIONALISM.** It is analyzed in the article the phenomenon of nationalism in ethnoculturological, philosophical and political aspects. It is proved that nationalism is a natural case of culture (social, political, artistic and so on) which ensures the processes of identification and self-identification of ethnic communities.

Key words: nationalism, ethnic culture, identification, self-identification of ethnic communities.

P. 88. *Zemcova V.I., Tkacheva I.A.* **TECHNOLOGY OF THE DECISION EDUCATIONAL-PROFESSIONAL EXPLORATORY PROBLEMS WITH STUDENT OF THE TECHNICAL PROFESSIONS.** In the article is revealed practicability of the using to educational technology for development of exploratory activity of the future engineer. It is given determination of educational -professional exploratory problem, stages of its decision, is offered scenario of the practical occupation with use given to technologies, is illustrated efficiency of its using.

P. 90. *Bashtanar I.M.* **COMPONENT COMPOSITION OF INFORMATION AND COMMUNICATION COMPETENCE FOR DOCUMENT SPECIALIST DEVELOPMENT.** The article deals with the composition of information and communication competence of document specialists based on the normative documents and portfolio method.

Key words: competence, information, communication, information-communicative competence, portfolio method, personality component, information-communication component, document specialist.

P. 93. *Oparin R.V.* **THE FUNDAMENTAL BASIS OF ANTROPOECOLOGICAL MODEL OF ENVIRONMENTAL EDUCATION.** In this work we discuss the principles of construction antropoecological model of environmental education are, the key methodological tasks and the system of fundamental concepts. The conditions which determine the contents of the fundamentals of antropoecological model of environmental education with its structure and levels are exposed.

Key words: ecologic antropoecological model of environmental education, methodological tasks of environmental education, fundamental concepts of environmental education.

P. 95. *Tolmacheva T.A.* **METHODOLOGICAL POTENTIAL FOR USING COMMUNICATIVE STRATEGIES OF FOREIGN VERBAL BEHAVIOUR IN THE PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING IN THE LINGUISTIC INSTITUTE OF HIGHER EDUCATION.** The article focuses on the problem of working out the methodological typology of communicative strategies of foreign verbal behaviour which is the basis for founding English language methodology of teaching first-year university students.

Key words: communicative strategy, communicative and behavioural tactic, speech act, linguistic personality, secondary linguistic personality, communicative competence, syllabus.

P. 98. *Panova L.V.* **ABOUT THE SPECIAL SKILLS OF LISTENING AND VIEWING OF FOREIGN LANGUAGE TEXTS OF TV-NEWS.** The delivering of information in TV-news texts is conducted simultaneously by means of audio and video channels. The successful understanding of this type of text depends on the level of formed abilities of students to perceive information by different channels. The article observes both these abilities and exercises that help to form them.

Key words: foreign language TV-news texts, screen context, listening and viewing.

P. 100. *Kolmogorova L.A.* **PECULIARITIES OF MOTIVATION OF LEARNING AND ADAPTATION OF FIRST YEAR STUDENTS HAVING DIFFERENT TYPES OF THE PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION.** The article discloses the problem of the professional self-determination and motivation of learning of first year students during their adaptation to the process of studying at high school. The author presents the results of the psychological research concerning abovementioned problem carried out in 2007-2008 and the main theoretical and practical conclusions.

Key words: motivation of learning, adaptation, professional self-determination, achievement motivation.

P. 103. *Vladimirtseva S.A.* **THE MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF MATHEMATICAL CONCEPT FORMATION THEORY IN EDUCATION.** The theory of mathematical concept formation is considered to be the most developed one in the field of mathematics teaching methods. However, the basic terms of this theory are still used without any necessary explanations, or their meaning contradicts the essence and the structure of the mathematical concept.

Key words: concepts, concept formation, concept model.

P. 108. *Statirova O.I.* **MANAGEMENT OF PROFESSIONAL SELF-EDUCATION OF TEACHERS IN SYSTEM OF IMPROVEMENT OF PROFESSIONAL SKILL.** This article about professional self-education of pedagogical workers in system of improvement of professional skill, an opportunity of use of computer technologies in management of self-educational activity of teachers.

Key words: activation, self-education, informatization, teacher, improvement of professional skill.

P. 112. *Kudruk G.N.* **PLACE AND ROLE OF THE COMPONENT "EDUCATION" AS A PROCESS OF PROFESSIONAL QUALITIES FORMATION IN THE CONTENT OF THE AMERICAN AND RUSSIAN PROFESSIONAL CONCEPT.** The subject of the article is identification of place and role of education in the process of Western and Russian professional formation. The research is based upon the data obtained from American and Russian respondents and collected by such methods of psycholinguistics as free definition and free association.

Keywords: professional, education, image, concept, linguistic nature of consciousness, association, definition

P. 115. *Stepanova I.V.* **RETROSPECTIVE-PEDAGOGICAL ANALYSIS OF PROBLEM FOR PROFESSIONAL STAGE-DIRECTOR TRAINING.** The article describes main stages of formation and development for professional stage-director training in Russia both in cultural sphere and in theateric and cinematic sphere. It analyses significant endowments of V.E. Meyerhold pedagogical activity in the system of professional stage-director training.

Key words: the stage-director, professional training, culture, educational institution.